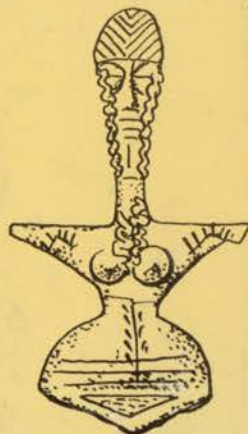
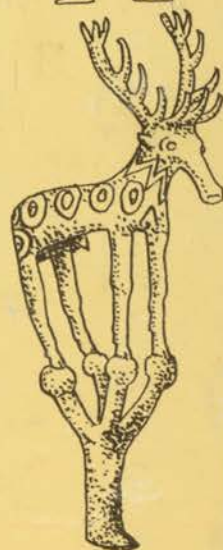
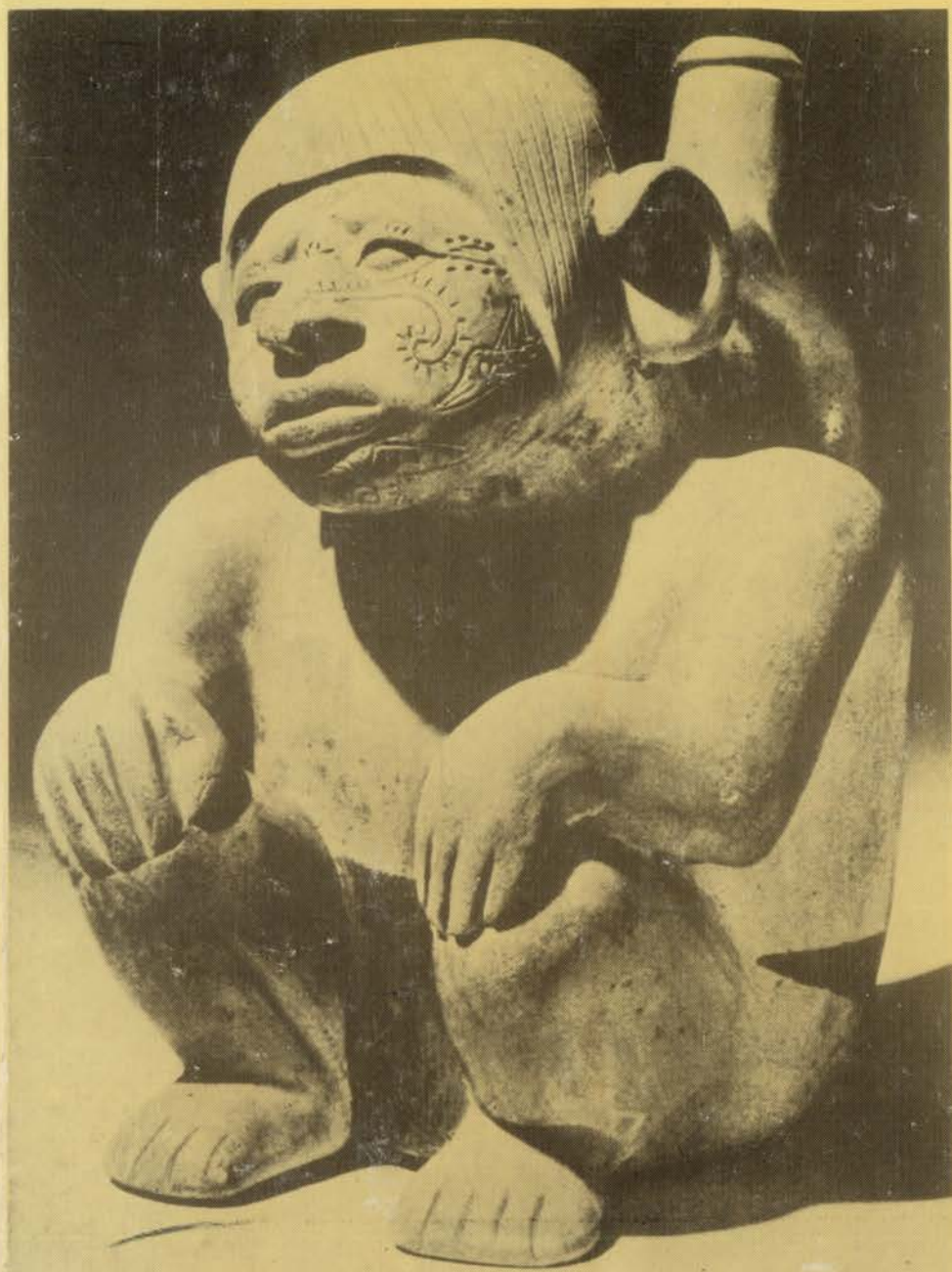

В. М. Массон

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
Ленинградское отделение

В. М. Массон

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Книга посвящена древнейшим цивилизациям Старого и Нового Света и основана на результатах новых археологических исследований на Ближнем Востоке, в Средней Азии, Индии и Китае. Сложение первых цивилизаций рассматривается как качественный рубеж в культурном развитии человечества, связанный с эпохой формирования классового общества и государства. Особое внимание уделено исходному пласту раннеземледельческих культур, на основе которого происходило развитие социокультурных комплексов цивилизаций. Наряду с характеристикой общих закономерностей исторического развития отдельные древние цивилизации рассматриваются как конкретные явления с присущими им чертами локальной специфики.
Издание рассчитано на археологов и историков.

Ответственный редактор

И. Н. ХЛОПИН

Рецензенты:

В. И. КУЗИЦИН, К. Х. КУШНАРЕВА

М $\frac{0504000000-538}{042(02)-89}$ 54-88-IV

© Издательство «Наука», 1989 г.

ISBN 5-02-027243-4

ВВЕДЕНИЕ

Два обстоятельства все настойчивее возвращают историческую науку к истокам общественного прогресса, прежде всего к качественным рубежам в истории общества. Первое — это все новые и новые археологические открытия в условиях, когда романтические нож и лопата все более подкрепляются разнообразными методами технических и естественных наук. В результате раскрываются новые грани творения человеческого гения в наследии минувших поколений, обнаруживаются неведомые ранее культуры и целые цивилизации. Второе — это поиски общих закономерностей в истории общества как наиболее сложной формы движения материи. При этом, естественно, при нащупывании генеральных тенденций исключительно важное значение приобретает точка отсчета, будь это первые проявления урбанизма, в корне меняющие материальную и психологическую ориентацию человеческих коллективов, или первые экологические стрессы антропогенного характера.

Одним из таких важных рубежей социально-экономического, культурного и интеллектуального прогресса является эпоха первых цивилизаций, закономерным образом связанная с первыми государственными образованиями и обществами сложной социальной структуры. При всей неповторимости индивидуального здесь прослеживается ряд общих тенденций, позволяющих говорить об особом феномене — типе первых цивилизаций как диахронном явлении, стоящем у истоков антагонистических общественно-экономических формаций. Это положение и определило тематику настоящей книги.

К числу трудностей, стоящих на пути исследования, в первую очередь относится специфический характер археологических материалов, характеризующих эти отдаленные времена. Вопросы исторических реконструкций на основании данных археологии неизменно волнуют научный мир второй половины XX в. Работы в этом плане ведутся в разных направлениях. Археологи США в последние два десятилетия уделяют главное внимание формулировке общих социокультурных концепций, скорее накладываемых на материал, чем прямо вытекающих из него, что лишь в незначительной мере камуфлируется использованием, иногда несколько поспешным, счетно-вычислительной техники.¹ Во французской школе надежды возлагаются на уточненную разработку понятийной сетки, упорядочение взаимоотношений между основными категориями понятийного аппарата (Гарден, 1983; Galley, 1986), хотя, как показывают практические опыты применения подобного подхода, мы здесь также еще находимся в самом начале пути. Тем временем практика археологической науки ведет к появлению работ, широко решающих вопросы исторических реконструкций в различных аспектах и с уче-

¹ См., например, доклады многих американских ученых на II советско-американском симпозиуме в Самарканде в 1983 г. (ДЦВ). При обмене мнениями с американскими коллегами за круглым столом в Ленинграде В. С. Бочкарев отметил, что «американские ученые уделяют большое внимание выдвижению идеи как таковой. В советской археологической науке огромное значение придается аргументации выдвинутых идей» (Алехин, Буряков, 1986, с. 222).

том в той или иной степени предложений, вырабатываемых разными направлениями теоретической археологии. Достаточно результативными являются приобретенные заметное практическое распространение разного рода социологические реконструкции, включая палеоэкономические и палеодемографические разработки с использованием как традиционных систем анализа, так и гипотезо-дедуктивного подхода (Массон, 1976б; Renfrew, 1984). В СССР в последнее время получило развитие культурологическое направление интерпретации археологических данных, исходящее из специфики самого характера археологических материалов, представляющих выборку некогда существовавших древних культурных комплексов (Массон, 1981а, 1985, 1987). Теоретические штудии советских и зарубежных культурологов здесь могут быть широко использованы как методологический аналог.

С этих позиций во многом написана и настоящая работа, в которой общие очерки конкретных археологических материалов строятся исходя из их культурологической интерпретации, начиная с характеристики самих археологических комплексов как устойчивых сочетаний культурных компонентов, выраженных в типах объектов, до анализа судеб социокультурных комплексов ушедших эпох. При этом именно археологические материалы позволяют реально воспроизвести в определенном приближении многообразие конкретно-исторического процесса. Повторяющийся стереотип упреков, адресованных советской исторической науке, включая и археологию, обычно содержит обвинения в детерминистическом фатализме или прямолинейном эволюционизме.² Этот устаревший арсенал едва ли можно оправдать языковым барьером, который не может быть серьезным научным аргументом. Конкретно-исторический подход, развиваемый советской исторической наукой на современном этапе, подразумевает органическое изучение диалектического единства общего и особенного, генеральных законов-тенденций и разнообразия их конкретных формопроявлений, сложность реальных судеб отдельных народов и цивилизаций с попятными движениями, упадком и дезинтеграцией при восхождении по спирали мирового прогресса. На конкретных материалах автор стремился продемонстрировать эти явления и в настоящей книге. При значительной концентрации материала по выбранной теме эта работа отнюдь не является компендиумом-справочником по всем цивилизациям Старого и Нового Света. Остался в стороне своеобразный путь развития древнеегипетской цивилизации, где, правда, формативная эпоха слабо изучена на уровне современных разработок, в частности, в силу определенной бедности конкретных материалов, особенно из поселений. Не затронута и крито-микенская цивилизация, своеобразие которой позволяет ставить вопрос о наличии особого, специфического пути развития в рамках общих закономерностей, присущих эпохе первых цивилизаций (Массон, 1974; 1981а, с. 127—128). Для основной территории Европы при значительных успехах земледельческо-скотоводческих обществ поры палеометалла, достигавших в отдельных случаях значительной концентрации власти и создания престижных сооружений от Стоунхенджа до мальтийских храмов, цивилизация как устойчивый многокомпонентный социокультурный комплекс формируется практически в пору железного века с широким использованием культурных стандартов греко-римского мира как эталонов тогдашней эпохи. Разумеется, привлечение этих и других данных позволит расширить пределы конкретного своеобразия исторического процесса, общие закономерности которого, как представляется, достаточно рельефно выступают уже на использованном материале.

² Так, в одной из американских сводок по теории и методике археологии именно упрек в приверженности к однолинейной эволюции содержит две единственные фразы, посвященные советской археологической науке (Sharer, Ashmore, 1980, p. 509—510).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Глава 1

ПОНЯТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ». ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Понятие «цивилизация», находящее в последнее время все более широкое употребление, связано в одном из своих аспектов с обозначением качественного рубежа в истории человечества. К осознанию наличия подобного рубежа, не говоря уже об его обозначении, само человечество также подошло постепенно. Для мифологического мышления, особенно в период, лежащий на перепутье различных социально-экономических систем, когда рушились милые сердцу общинника правопорядки первобытного демократизма, характерно стремление представить развитие человечества как своего рода нисхождение от лучшего к худшему. Наиболее ярко в этом отношении построение Гесиода, согласно которому вся история человечества разделяется на пять веков — наиболее древний, золотой, сменившийся затем последовательно веками серебряным, медным, героическим и железным. По представлению Гесиода, это была своего рода эволюция с обратным знаком, когда люди постепенно морально разлагались, развращались и становились все хуже и хуже. С развитием сциентистского мышления Эллады эта пессимистическая ретроспекция сменяется системами, построенными по принципу прямой эволюции. Подобный взгляд на естественное развитие человечества изложен уже у Эсхила в «Прикованном Прометее», хотя его концепции там придана опозитизированная и в определенной степени мифологическая форма. В данном случае традиционная концепция историко-культурного развития насыщена философским содержанием, и при этом творцом решающих перемен является культурный герой, божественный по своему происхождению. Здесь прослежен путь развития от первобытного примитивизма к ремеслам и наукам, которым Прометей обучил род человеческий (Виц, 1979, с. 112—113). Тот же причинный комплекс эволюции человечества представлен и у Платона

в изложении сочинения Протагора, носившего название «О начальном состоянии человеческого общества». Здесь все блага человечества рассматриваются как дар богов и героев (Виц, 1979, с. 116).

Но наряду с традицией, выводящей движущие силы общественного прогресса за рамки самого человеческого общества, развиваются и прямо противоположные воззрения.

Так, уже Ксенофан, живший во второй половине VI—начале V в. до н. э., утверждал, что «не от начала все боги открыли смертным, но постепенно, ища, люди находят лучшее» (Лосев, 1975, с. 25). Эта идея получила последовательное развитие у великого материалиста древнего мира, создателя концепции атомизма Демокрита (Виц, 1979, с. 116 и след.; Лосев, 1977, с. 164 и след.). При мыслительной конкретизации концепции атомов Демокрит обратился и к человеческой истории в ее развивающемся, материально-вещественном виде. Основная движущая сила развития общества, по Демокриту, это нужда, необходимость. В его не дошедшем до нас труде «Малый диакосмос» («Устройство мира в малых масштабах») с этих позиций излагалась общая космическая и человеческая история. Взгляды Демокрита на эволюцию человека от стадии животного образа жизни до уровня тогдашней культуры Эллады были изложены историком Диодором, а затем в опозитивированной форме нашли блестящее воплощение в поэме Лукреция Кира «О природе вещей». В последней после зоогонии и антропогонии подробно характеризовались жизнь первобытного человека (V, 925—1027), а затем происхождение языка (V, 1028—1090), права (V, 1143—1160) и религии (V, 1161—1240) как важные проявления человеческой культуры. Таким образом, в исторических концепциях последовательно проводилась идея культурного прогресса, но в этом эволюционном ряду еще не было четкого обозначения для того рубежа в истории человечества, который наступил с формированием цивилизации. Не знал античный мир и такого термина, хотя его исходный корень латинского происхождения — *civis* — «гражданин, городское население, граждане, община» (Vaniček, 1877, vol. 1, s. 156; Дворецкий, 1976, с. 191). Уже в античную эпоху производные от этого корня стали приобретать значение, распространяющееся и на культурные явления: *civilis* — «достойный гражданина, подобающий гражданину, учтивый, приветливый, вежливый» (Vaniček, 1877, vol. 1, s. 156; Дворецкий, 1976, с. 191).

Введение понятия «цивилизация» — достижение европейской науки и литературы XVIII в. Считается, что понятие «цивилизация» впервые было употреблено во французской литературе в 1757 г., а в английской в 1772 г. (Benveniste, 1966, p. 340). Тогда этот термин в соответствии с этимологией означал общий уровень культурного развития. Недаром в начале XIX в., когда отечественные пуристы боролись за очищение русского языка от иностранных заимствований, понятие «цивилизованный народ» предлагалось заменить термином «вычищенный народ» (История лексики. . ., 1981, с. 175). Поэтому первоначально в понятие цивилизации включались в значительной мере нормы поведения, воспитанности, вежливости, что частично сохранилось и в наши дни в словоупотреблении «цивилизованный человек». Однако сравнительно быстро понятие «цивилизация» из бытового словоупотребления перешло в основное в область теории, где лексема «цивилизация» семантически сблизилась с понятием «культура» (Давидович, Жданов, 1979, с. 48). К 20—30 гг. XIX в. «цивилизация» все чаще прилагается как понятие к большим эпохам, к целым народам как синтетическое обозначение всего, что создано человеком (Будагов, 1971, с. 124). Большую роль в распространении и утверждении этого понятия сыграли сочинения французского историка Ф. Гизо, посвященные истории цивилизации в Европе и отдельно во Франции (Guizot, 1828, 1830), а также двухтомный труд английского историка Г. Бокля «История цивилизации в Англии» (Buckle, 1857, 1861). В России

термин «цивилизация» получил широкое распространение в 60—70-х гг. и вошел уже в первое издание словаря Даля (Будагов, 1971, с. 130). В целом в XIX в. понятие «цивилизация» использовалось для обозначения человеческой общности, смыкаясь во многом с термином «культура». Вся человеческая общемировая культура воспринималась как единая цивилизация. Но с успехами исторической науки становилось все более ясно, что цивилизация сформировалась лишь на определенном этапе развития человечества, представляя собой качественный рубеж на эволюционном пути, реконструированном в общих чертах еще мыслителями античной эпохи. Особенно большую роль сыграло изучение многочисленных племен Америки, Австралии и Африки, сохранивших архаические культурные комплексы. В результате термин «цивилизация» был использован для членения культурно-исторического процесса, и в схеме Л. Моргана цивилизация замыкает длинную цепь этапов развития первобытного общества (Morgan, 1877; Морган, 1935). Глубинные социально-экономические предпосылки формирования цивилизации вскрыл Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где он подчеркивает, что «цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле слова и искусства» (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 33). Отмечен Ф. Энгельсом и такой важный признак цивилизации, как письменность. Одновременно в ходе анализа самого процесса возникновения цивилизации Ф. Энгельс вскрывает его тесную связь с развитием антагонистических классов, образованием государства, появлением городов и купечества. Эти идеи творческого марксизма оказали глубокое воздействие на историческую науку, хотя многие западные исследователи, испытывавшие прямо или косвенно их благотворное влияние, зачастую не задумываются об истоке этого теоретического импульса. Советские ученые уделили значительное внимание анализу понятия «цивилизация» (Халипов, 1972; Мchedлов, 1978; Маркарян, 1962). При этом цивилизация понимается как определенная ступень общественной истории, длительный период в развитии отдельных народов и мира в целом (Давидович, Жданов, 1979, с. 53). В советской науке в основном преобладает точка зрения, согласно которой под цивилизацией следует понимать социально-культурный комплекс или социально-культурные общности, формирующиеся на определенной стадии развития общества и принимающие специфические формы в разные исторические эпохи. Последнее обстоятельство имеет принципиально важное значение для правильного понимания общих закономерностей развития всемирной истории, проходящей ряд последовательных формационных ступеней. Классики марксизма-ленинизма употребляли понятия «древняя цивилизация», «буржуазная цивилизация», ряд работ советских авторов посвящен проблеме коммунистической цивилизации (Мchedлов, 1976). Такой исторический подход, выделение эпохальных типов цивилизаций (рабовладельческий тип цивилизаций и т. п.) является принципиальной позицией советских исследователей и кардинально отличен от релятивистских построений многих западных ученых. Крайнее проявление таких построений представляют воззрения А. Тойнби, рассматривающего цивилизации как особый, надэпохальный феномен, развивающийся по своим внутренним закономерностям и гносеологически опирающийся в данном случае на гипертрофию реальных явлений и отрицание общих закономерностей (Мыльников, 1979, с. 65). В результате всемирная история характеризуется как мозаичное панно, составленное многолинейным развитием суверенных культур, рядом расположенных и сосуществующих, а не воспринимаемых как членение мирового социокультурного континуума (Давидович, Жданов, 1979, с. 168).

Вместе с тем для современного состояния исторической науки весьма показательны наличие тенденции к объективной оценке нуклеарной сущности

цивилизаций применительно к эпохе их возникновения. Так, Р. Адамс в своих работах последовательно связывает цивилизацию с классовым обществом, с системой политической и социальной иерархии, дополняемой администрацией и территориальным разделением, с организацией государства, а также с разделением труда, ведущим к выделению ремесел (Adams, 1966). В книге, посвященной эгейской цивилизации, К. Ренфрю при характеристике самого понятия «цивилизация» также придает особое значение социальной стратификации и разделению труда (Renfrew, 1972, p. 7). Еще более определенно высказывается на этот счет К. Фланнери, по формулировке которого цивилизация — комплекс культурных феноменов, связанный с такой формой социально-политической организации, как государство (Flannery, 1972, p. 400). Правда, одновременно налицо и тенденция употребления понятия «цивилизация» для целого ряда разнообразных и разноплановых явлений. В результате в литературе появляются «цивилизации пастухов», исследователи древней Африки пишут о «цивилизации лука», о «цивилизации леса», о «цивилизации копья» и наряду с этим о «цивилизации городов» (Make, 1974). Как справедливо отметил Д. А. Ольдерогге, в данном случае понятие «цивилизация» практически однозначно понятию «культурно-хозяйственный тип», употребляемому советской этнографией (Ольдерогге, 1974, с. 152). Нередко расхожее словоупотребление оказывается и данью моде, представляя собой скорее журналистское, чем научное стремление использовать яркий и броский термин.

В настоящей работе цивилизация будет рассмотрена на самом первом этапе своего развития, когда ее компоненты рождались в архаической среде и, постепенно кристаллизуясь, придавали качественно новый характер всей системе в целом. Изучаемый, особенно на формативной стадии, в значительной мере по материалам археологии внешний облик цивилизаций ярко характеризуется предметным миром культуры. По существу основные параметры цивилизации как социально-экономической системы охарактеризованы в упомянутом исследовании Ф. Энгельса. Как отмечал Ю. В. Качановский, из описания Ф. Энгельса видно, что для древних цивилизаций речь может идти о целом ряде показателей (Качановский, 1971, с. 249). В области экономики — это усовершенствование производства продуктов питания, развитие промышленности, усиление общественного разделения труда вплоть до противоположности города и деревни, появление купцов-профессионалов и денег. В социально-политической сфере речь идет о наличии антагонистических классов, государства, наследовании собственности на землю и, наконец, в сфере культуры — о письменности и искусстве. По существу эти признаки были развиты и дополнены Г. Чайлдом, широко использовавшим новые археологические открытия, неизвестные основоположникам марксизма-ленинизма. Список этот хорошо известен и неоднократно повторяется в работах многих исследователей (Childe, 1950; Васильев, 1976, с. 3). В десять признаков цивилизации, предложенных Г. Чайлдом, включены города, монументальные общественные строения, налоги или дань, интенсивная экономика, в том числе торговля, выделение ремесленников-специалистов, письменность и зачатки науки, развитое искусство, привилегированные классы и государство. Легко можно видеть, что в этом перечне первичные признаки социально-экономического характера прямым образом восходят к энгельсовской концепции. Вместе с тем Г. Чайлд на основании археологических открытий правильно подметил, что неизменными спутниками первых цивилизаций были монументальные сооружения — культовые, светские или погребальные. В ходе происходившей в Чикаго в 1958 г. дискуссии по древним городам один из выступавших — К. Клакхолм предложил сократить список Г. Чайлда до трех признаков — монументальная архитектура, города и письменность (City invisible, 1960, p. 397; Daniel, 1968, p. 25). Эти три признака, соединен-

ные целой системой причинно-следственных связей с социальными и политическими процессами, протекавшими в обществе, образуют видимую вершину огромного айсберга культуры первых цивилизаций. Указанная триада выразительно характеризует цивилизацию в первую очередь именно как культурный комплекс, тогда как социально-экономическую сущность данного явления составляют появление классового общества и государства.

Остановимся кратко на общей характеристике триады. Памятники монументальной архитектуры не только весьма впечатляют внешне, но и весьма показательны с точки зрения производственного потенциала создавших их обществ. В них как бы реализован прибавочный продукт, полученный данной экономической системой, отражен организованный уровень общества, умело использующего простую кооперацию. Именно объем вложенного труда отделяет первые храмы от рядовых общинных святилищ, для сооружения которых было достаточно усилий нескольких, а то и одной малой семьи. Исследователями произведены ориентировочные оценки труда, затраченного на сооружение монументальных строений первых цивилизаций. Так, олмекский храмовый центр Ла Вента в Мезоамерике расположен на острове, территория которого могла прокормить при существовавшей тогда системе подсечно-огневого земледелия лишь 30 семей. Однако трудовые затраты на возведение всего комплекса оценены американскими исследователями в 18 000 человеко-дней. Совершенно ясно, что Ла Вента — это культовый центр целого союза общин, располагавшегося на окружающей, довольно значительной территории (Drucker, Heizer, 1960, p. 36—45). При этом следует иметь в виду, что олмекская культура это еще ранний, формативный период мезоамериканской цивилизации (см. ниже, с. 247). Затем трудовые затраты на монументальные сооружения возрастают многократно. Для возведения Белого храма в шумерском Уруке, по одному из подсчетов, был необходим непрерывный труд 1500 человек в течение пяти лет (Чайлд, 1956, с. 206). По оценке китайских исследователей, для сооружения мощной крепостной стены в Чжэнчжоу требовался труд не менее 10 000 человек в течение 18 лет (Chang Kwang-Chin, 1971, p. 205). А Чжэнчжоу, как и олмекские комплексы, — всего лишь формативный период цивилизации, в данном случае древнекитайской (см. ниже, с. 217). Таковы были огромные производственные возможности первых цивилизаций, и неудивительно, что именно монументальные сооружения являются одним из ярких, маркирующих признаков самого их существования.

Исключительно важное значение имело появление письменности. Ее создание отнюдь не было результатом отвлеченных умозрительных комбинаций, а насущной потребностью общества, вступающего в новую фазу своего развития. Для охотничьей или даже раннеземледельческой общины количество информации, подлежащей передаче для сохранения стабильности хозяйства и культуры, было сравнительно невелико. Эта сумма знаний могла быть сообщена жрецами или шаманами устным путем при ознакомлении с духовным наследием своих предков или при обучении молодежи в ходе инициаций. Сложная социальная и экономическая система, которую представляли собой первые цивилизации, вела к скачкообразному увеличению самой разнообразной информации. Уже учет продукции и организация планомерных земледельческих работ требовали четкой регламентации. Создание подобия единой системы религиозных воззрений, заменяющей и включающей в себя локальные культы различных племенных центров, также нуждалось в кодификации и твердой фиксации. Эти факторы прямым образом отражены уже в содержании первых письменных документов. Древнейшие протошумерские таблички из Урука — это детализированные учетные карточки, где фиксируется буквально все: размеры земельных наделов, выданный инструментарий, состав стад и многое другое. Близки по содер-

жанию таблички кносского и пилосского дворцов, где из года в год велись счетные бухгалтерские записи о количестве людей в рабочих отрядах, об объеме продукции, выполненной ремесленниками. Иньские гадательные надписи отражают момент культовых действий, но в конечном счете зачастую нацелены на реальные хозяйственные, политические и общественные мероприятия. Так, в одной из надписей мы читаем: «Три тысячи человек привлечь к полевым работам?», в другой: «Община (такая-то) соберет ли урожай в достаточном количестве?» (История древнего мира, 1982, с. 158). Следует иметь в виду, что обрядовые действия, в том числе запросы к небожителям, в полном соответствии с традициями, идущими из глубин первобытной эпохи, рассматривались как составная и необходимая часть самого трудового процесса. Недаром среди тех же древнекитайских текстов мы находим и такой: «Ван повелел многим цянам (общинникам) совершать обряд плодородия на полях» (История древнего мира, 1982, с. 159). Наконец, стелы майя с календарными надписями наряду с культовым и престижным имели большое значение в планировании циклов аграрных работ.

В социальном плане введение письменности было важным явлением, выходящим на другую специфическую особенность первых цивилизаций эпохи — отделение умственного труда от физического. Это было логическим завершением производственной специализации, возрастанием которой отмечены завершающие этапы первобытной эпохи. Именно такое разделение позволило обществу, взятому как единое целое, сосредоточить усилия отдельных групп на развитии искусства и разных форм положительных знаний. Еще Аристотель отмечал, что математические знания развились прежде всего в области Египта, ибо там классу жрецов было предоставлено время для досуга.

Появление письменности, бывшей в первых своих проявлениях весьма сложной системой, привело к возникновению новой профессии — писцов, обучение которых в специальных школах давало также и зачатки положительных знаний. В ходе их воспитания формировались мировоззрение и социальная психология данной группы, в частности путем всяческого восхваления выбираемой профессии. Так, в одном из шумерских текстов к нерадивому ученику обращено следующее поучение:

Труд писцов, братьев моих, тебе не по нраву!
А ведь они по девять гуров зерна приносят!
Молодые люди! Любой из них десять гуров зерна отцу приносит,
Зерно, шерсть, масло, овец ему приносит!
Как уважаем такой человек!
Рядом с ним ты — не человек!

Поэзия и проза... 1973, с. 140.

В данном случае и форма, и аргументация весьма показательны для прагматичной психологии шумерской цивилизации — упор делается на меркантильную сторону дела, даже на прямые материальные выгоды. С иных позиций утверждается значимость профессии писца в древнем Египте:

Построены были двери и дома, но они разрушены,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.
Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочнее стены.

Поэзия и проза... 1973, с. 103.

Здесь для обоснования значимости профессии писца предлагается эτικο-философский императив, убеждение идет с позиций духовных ценностей.

И монументальная архитектура, и письменность существовали не в безвоздушном пространстве. Храмы и дворцы обычно украшали городские центры, в городах были сосредоточены и образованные кадры первых цивилизаций. Почти все огромное количество памятников иньской письменности, например, происходит из столичного Аньяна, тогда как на других, рядовых поселениях подобные находки единичны. Здесь мы выходим на третий важный признак первых цивилизаций — развитие поселений городского типа. Недаром, как мы видели, сама этимология понятия «цивилизация» восходит к гражданской, городской общине. Именно в городах особенно интенсивно протекает процесс накопления богатств и социальной дифференциации, здесь располагаются центры хозяйственного и идеологического руководства, в городах концентрируются специализированные ремесленные производства, увеличивается роль обмена и торговли, тогда как небольшие поселки сельских общин, как правило, остаются замкнутыми на системе самообеспечения силами своих членов, сложившейся в недрах первобытной эпохи. В последнее время изучению древних городов, процессов урбанизации в древних обществах уделяется большое внимание (Adams, Nissen, 1972; MSU; Дьяконов, 1973; Древние города, 1977; Гуляев, 1979). Неоднократно приходилось обращаться к этому вопросу и автору этих строк (Массон, 1979в, 1981а; Masson, 1981b).

Город был институтом, зарождавшимся в недрах первобытного общества и символизирующим наступление новой эпохи. Именно это обстоятельство подчеркивал Ф. Энгельс, когда писал: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» (Маркс, Энгельс, т.21, с. 164). Города представляли собой крупные населенные центры, выполнявшие специфические функции в общественной системе. Вопрос о количественных параметрах поселений городского типа тесно связан с демографическими показателями, сложившимися в различных хозяйственных системах. В условиях поливного земледелия Древнего Востока концентрация населения была весьма высока, и здесь вполне применим критерий, предложенный Г. Чайлдом, согласно которому поселения с числом жителей более 5000 человек можно считать городами. В других регионах эти параметры выглядят иными. В определенной мере это касается такой особенности городских центров, как плотность застройки. В частности, в Новом Свете наряду с городскими центрами со сплошной застройкой встречаются рассредоточенные поселения (Гуляев, 1979, с. 108 и след.). Значимость древних городов определялась их функциями. В первую очередь они выполняли функции центра сельскохозяйственной округи, центра ремесел и торговли, а также роль своего рода идеологического лидера. Именно в городах располагались главные храмы страны, и нередко наличие культурного центра было одним из важных стимулов формирования в данном месте поселения городского типа. С этой функцией связана и другая черта внешнего облика древних городов — наличие высотной застройки. Монументальные храмовые комплексы определяли архитектурный силуэт древних городов Месопотамии. Функционально аналогичны древневосточным городам и дворцовые центры крито-микенского общества. Рассредоточенная застройка многих древних центров Мезоамерики не может скрыть их чисто городских функций.

Культурный комплекс первых цивилизаций представлял собой сложный организм, в котором активно взаимодействовали все основные элементы, в том числе и идеологические. Значение идеологии и социальной психологии древних обществ зачастую недооценивается как в общих разработках, так и при конкретном анализе, порой выходящем вольно или невольно в первую очередь на социально-экономический детерминизм. Изучению реальной роли

и значения такой могучей силы, как идеология, уделяется неоправданно мало внимания. Между тем идеология, формируясь под воздействием экономических и социальных факторов, обладает известной самостоятельностью по отношению к создавшему ее базису. Как отмечал Ф. Энгельс, «...мы видим, что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой» (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 315). Переход к цивилизации был связан и с существенными изменениями в области идеологии, когда формировались новые идеологические каноны, облеченные, как правило, в религиозные формы. Именно в пору первых цивилизаций идеологическая сфера, систематизированная и централизованная, стала поистине огромной силой. Средства идеологического воздействия были направлены на обоснование и поддержание новых порядков, устанавливаемых на земле. Так, пышные погребальные обряды, грандиозные царские захоронения объективно были способом идеологического воздействия на рядовых общинников, утверждали в умах и чувствах идею величия власти правителя, возвышающегося над своими подданными. Соответственные изменения происходят и в традиционных мифологических схемах. В повествованиях о сотворении мира настойчиво подчеркивается, что люди, обязанные своим существованием богам-созидателям, должны прилежно трудиться во имя этих богов, наведших в мире порядок.

Значение древних цивилизаций как культурных систем, важным признаком которых является упомянутая выше триада, заставляет специально обратиться к вопросам изучения процесса культурогенеза по материалам археологии, образующим основной массив источников для изучения данной эпохи.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ

Изучение отдельных компонентов цивилизаций как социально-культурных систем и генезиса структур этого типа как целостных организмов предусматривает привлечение разного рода источников, в том числе и данных археологии. Связь предмета археологической науки с миром культуры на первый взгляд лежит на поверхности явлений, что, в частности, нашло отражение в появлении в 30—40-е гг. в СССР термина «история материальной культуры», заменившего слово «археология» в наименовании головного археологического института страны. Однако дальнейшая разработка этого круга вопросов показала, что подобная связь является многомерной, а порой и весьма опосредствованной, особенно в свете усиливающегося внимания к теоретическим проблемам культурологии.

Как известно, многие фундаментальные понятия науки носят сложный полифункциональный характер. Коллизии, возникающие в археологической науке особенно на интерпретационном уровне в связи с широко применяемым понятием «археологическая культура», связаны со смещением акцентов, когда на термин, однозначный только на уровне омонимов, подсознательно переносится нагрузка разных уровней исследования, да по существу и разных наук, в которых этот термин имеет различное значение и передает явления, различные по объему и содержанию. Термин «культура» используется в ряде наук на разнообразных процедурных уровнях — и в аспекте узко служебного употребления, и как базовое, методологическое понятие, важнейшая философская категория.

Разработки советских культурологов существенно продвинули проблему определения понятия культуры, хотя и наблюдается тенденция к ее безгранично расширенному толкованию, как бы подменяющему понятие «общество». Феномен культуры рассматривается в первую очередь как система регулятивов человеческой деятельности, существующих в формах внешней (объективной) и внутренней (субъективной) предметности. В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов справедливо подчеркивают, что именно через категорию человеческой предметной деятельности понятие «культура» как социально-философская категория может быть введено в общий строй категорий марксистско-ленинской философии (Давидович, Жданов, 1979, с. 28). Эти авторы в своей монографии считают возможным выделить три морфологических среза или слоя культуры: материальную культуру, в которой на первом плане находится преобразовательная, практически-предметная деятельность; духовную культуру с ее механизмами действия и получаемыми результатами и как особый морфологический слой художественную культуру (Давидович, Жданов, 1979, с. 194—206). Н. С. Злобин предпочитает говорить о материальных и духовных формах предметного бытия культуры (Злобин, 1980, с. 45—56; Вавилин, Фофанов, 1983, с. 145). Много внимания уделяет различным аспектам культуры как глобального явления всемирной истории один из активных советских культурологов Э. С. Маркарян (Маркарян, 1969, 1973, 1983). По его мнению, понятие «общество» выражает строение, а «культура» — способ деятельности коллективного субъекта действия — социальной системы (Маркарян, 1969, с. 64). Возможно, это излишнее увлечение уровнем положением культуры, поскольку социальная система и есть общество, для которого при таком подходе культура — способ деятельности. В одной из последних работ Э. С. Маркарян справедливо подчеркивает, что именно благодаря культуре человеческая деятельность обладает универсальными

по своим потенциям преобразовательными возможностями. При этом отмечается, что в ходе адаптации человека к окружающей среде приспособительный эффект достигается средствами «социокультурной перестройки человеческих индивидов путем универсального преобразования внешней и внутренней сред их обитания» (Маркарян, 1981а, с. 146). На этой важнейшей стороне культуры, выводящей нас на системы жизнеобеспечения, мы еще остановимся в дальнейшем. Наряду с этим исследователи отмечают, что культура обладает относительной самостоятельностью и ее этапы отнюдь не повторяют дословно этапы социально-экономического развития (Давидович, Жданов, 1979, с. 235). Наиболее наглядно это выступает при тенденции к сохранению жесткой системы ценностей, регулируемой обычаями и традициями.

Не вдаваясь в детали осуществляемых разработок, нельзя не признать, что понятие культуры является важнейшей категорией исторического материализма (Межуев, 1977, с. 13). Для изучения всемирно-исторического процесса важно наличие эпохальных срезов или типов культуры — культуры первобытной эпохи, эпохи рабовладельческих обществ и т. д. Вместе с тем многообразии конкретного исторического процесса находит отражение и выражение в локальных культурных способах адаптации исторических общностей людей к тем или иным средам обитания (Маркарян, 1981а, с. 151). Это особенно ярко проявляется в первобытную эпоху с ее возможностями, ограниченными производственным потенциалом и соответственно культурно-хозяйственными типами.

В целом следует вычленять различные типы культур в зависимости от ранга изучаемых явлений (Маркарян, 1985; Арутюнов, 1985). Так, эпохальный тип культуры отражает закономерности наиболее широкого плана, зачастую конвергентного характера, связанного с определенной степенью социально-экономического, технологического и культурного прогресса (рис. 1). Второй тип культуры — это региональный, ограниченный пространственно-временными рамками, в пределах которых формопроявления носят специфический и зачастую неповторимый характер. Следует иметь в виду, что в отличие от географического региона культурный регион является более динамичным понятием, его границы и содержание подвержены значительным временным изменениям, хотя многие черты стабильности в конечном итоге восходят к тем же явлениям географического и, шире, экологического характера. Для археологии такой уровень анализа, как региональный тип культуры, особенно важен. На одном из заседаний методологического семинара в ЛОИА В. С. Бочкарев справедливо подчеркнул, что обычно археологические культуры в качестве устойчивых культурных общностей возникают не как единичные феномены, а целыми блоками. Такие блоки включают культуры, близкие по ряду формопроявлений, что хорошо видно на культурах степной зоны Евразии. В древнеямном, срубном, катакомбном, андроновском и других комплексах отчетливо проявляется как некая общая подоснова региональный тип культур, реализуемый, в частности, в устойчивом наборе специфических артефактов. Другим примером являются раннеземледельческие культуры Ближнего Востока от Иерихона и Джармо до Джейтуна. Наконец, третий уровень, или третий тип культуры, — это локальный. В данном случае локальная культура является конкретной единицей, соответствующей в материалах археологии древнему обществу как устойчивой социально-культурной системе. Взаимодействие и разный удельный вес элементов эпохального, регионального и локального характеризуют одну из сторон конкретного исторического процесса.

В аспекте подобных исследований археологические материалы занимают совершенно определенное место. Они представляют собой выборку некогда реально существовавшей культуры (в культурологическом понимании этого

I. Эпохальный тип культуры

*Спланированные
города*

*Монетная
система*

II. Региональный тип культуры

Эллинистическое наследие в художественной традиции

IIа. Ирано-Парфянский

субрегион

IIб. Индо-Бактрийский

субрегион

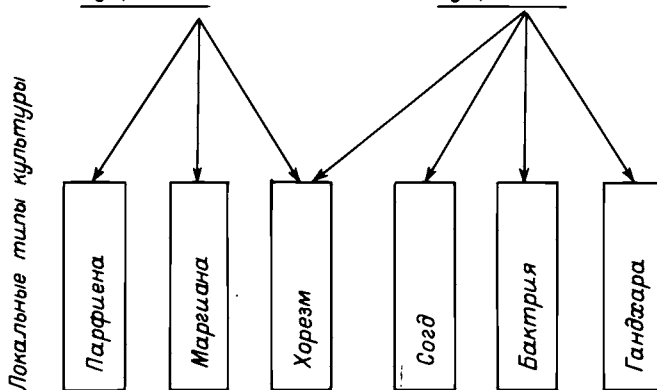

Рис. 1. Типы культур древней эпохи в Средней Азии и на Среднем Востоке.

термина) общества первобытной или докапиталистических эпох в ее предметно-продуктивном аспекте. Этот непреложный факт заставляет обратить особое внимание на культурологические разработки, поскольку именно они позволяют в значительной мере определить информационные возможности данных археологии, особенно при исторических и социологических реконструкциях.

До перехода к вопросам культурологической интерпретации в археологии необходимо кратко остановиться на процедуре исследования археологических объектов. Здесь имеется довольно много вариантов, и нередко они носят чрезмерно усложненный характер, вступающий в явное противоречие с реально существующим материалом. При однолинейном построении уровней процедур предлагалось их значительное число, вплоть до семи, и теоретически это количество может быть увеличено до значительных пределов. Важным аспектом является введение системы прямых и обратных связей между уровнями, что было особенно подчеркнуто английским археологом Д. Кларком (Clarke, 1968). Его книга «Аналитическая археология» явилась весьма примечательной попыткой уточнения археологической методологии, хотя на исторических реконструктивных построениях отрицательно сказалась узость, свойственная структурному подходу. В целом нет сомнений в том, что процедура должна носить циклический и вместе с тем динамичный характер при тесной взаимосвязи и взаимодействии различных циклов, или ступеней, исследования (Бочкарев, 1975).

Следует дифференцировать различные виды объяснений данных археологии, требующие каждый особого подхода и соответственно методических

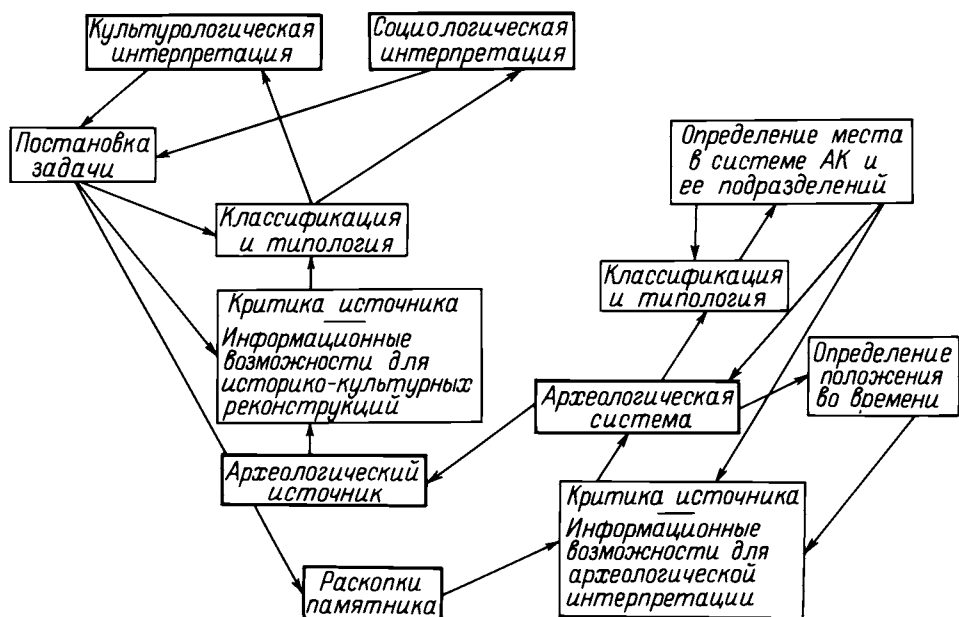

Рис. 2. Процедура научного анализа в археологии.

приемов обработки и анализа материалов. Это в самом общем изложении — археологическая, социологическая и культурологическая интерпретации. В зависимости от направленности объяснительной стратегии строится и вся совокупность соответствующих процедур. Рассмотрим последовательно разные виды этих объяснений (рис. 2).

Археологическая интерпретация как важное научно-исследовательское направление полностью находится в рамках археологической науки. Она связана в первую очередь с выяснением положения, выявленного на уровне эксперимента, раскопок, разведок нового объекта или группы объектов в ряду уже известных археологических комплексов. В целом это большой раздел археологической систематики, организующий массовый материал в блоки для последующего анализа. Основные задачи здесь две. Это выяснение положения вновь открытых объектов во времени и в ряду ранее известных комплексов и культур.

Определение положения во времени осуществляется при помощи ряда методов, начиная со стратиграфии. Основной для археологии типологический метод имеет здесь важнейшее значение, так же как при культурологической и социологической интерпретации. Но классификационная система и набор признаков в каждом случае будут различными в зависимости от поставленной задачи. Иными словами, описание ведется с учетом последующих объяснений. Другим важным предварительным этапом является критика источника, выяснение его познавательных возможностей. По существу частным случаем применения типологического подхода является метод сериации, когда сопоставляются устойчивые процентные соотношения различных типов изделий в том или ином комплексе. При этом имеется в виду, что общие закономерности культурогенеза ведут к повторяемости в одновременно существующих наборах этих соотношений.

Аналогичным образом решаются и вопросы положения исследуемых объектов в системе ранее известных комплексов. Здесь также используется типологический метод. При типологии и классификации в данном случае особое значение имеют морфологические признаки. Постановка задачи исследования может оказать влияние и на стадии раскопок (стадия опыта, эксперимента), поскольку главной целью при решении вопросов культурной принадлежности памятника является получение представительной выборки. Подобная источниковедческая обработка материалов представляет собой важнейшую составную часть исследования в археологии, захватывая все три этапа процедуры — опыт, описание и объяснение.

Археологическая интерпретация образует обязательный предварительный этап для последующей социологической или культурологической интерпретации. Только материалы, прошедшие обработку на уровне хронологической систематики, могут быть полноценно использованы в последующем анализе в этих типах объяснения. Это обязательное предварительное условие всех последующих операций. Двумя важнейшими элементами логической процедуры являются постановка задачи и внутренняя критика источника, определяющая объем и характер содержащейся в источнике информации. Формулировка задачи существенно воздействует и на раскопки памятника. Так, при постановке вопросов изучения общественных структур совершенно необходимы раскопки на поселении группы жилищ, одновременно существующих в течение определенного отрезка времени, а могильника — целиком или его существенной части. В зависимости от постановки задач социологической интерпретации — по изучению общественных структур древних обществ или функционировавших некогда хозяйственных систем — типология и классификация могут строиться на различных основаниях, когда придается особое значение совершенно определенным наборам признаков (функции орудий, размерам жилищ и т. п.). Учет специфики исследовательской процедуры в зависимости от поставленной задачи и оценка информативности имеющегося материала составляют основное условие при всех видах объяснения.

Культурологический подход имеет важное значение уже на уровне археологической систематики. Именно он позволяет утвердиться в заключении, что археологическая культура представляет собой не искусственное классификационное образование, а объективную реальность. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Культура является фундаментальным понятием археологической систематики, применяемым на источниковедческом уровне организации материала, предшествующем любым историческим интерпретациям. Поэтому определение археологической культуры должно исходить в первую очередь и прежде всего из материалов археологии (Захарук, 1964; Каменецкий, 1970; Грязнов, 1969; Федоров-Давыдов, 1970; Массон, 1971а). В общей форме под археологической культурой следует понимать реально существующую совокупность связанных между собой объектов (артефактов), определенным образом ограниченных во времени и пространстве. В таксономической системе и на процедурном уровне культура — понятие, следующее за типом и признаком. Признак, тип и культура образуют простейшую систему понятий вертикальной иерархии. Подобно тому как тип представляет собой устойчивое сочетание признаков, устойчивое сочетание типов даст культуру (Массон, 1972; Бочкарев, 1975). Наряду с вертикальной цепочкой признак—тип—культура разрабатывается и система понятий горизонтальной иерархии. Распространенной и удобной в обращении является трехчленная система: локальный вариант—культура—культурная общность, которую зачастую, смешивая уровни исследования, именуют этнокультурной. В пределах определенного региона эти подразделения, естественно, характеризуются количественным

нарастанием территориальных параметров, но не их следует считать главным в выделении соответствующих комплексов. Подобно тому как статистически устойчивое сочетание типов позволяет обосновывать выделение археологической культуры, выделение подразделений горизонтальной иерархии может быть определенным образом квантифицировано (Clarke, 1968, с. 287—317; Массон, 1976а, с. 3—7).

Вместе с тем все эти понятия не являются абстрактной комбинацией исследователей, а в конечном итоге отражают реальные процессы и явления, происходившие в истории общества, и в частности в сфере культуры. Это касается прежде всего такого кардинального понятия, как археологический тип, относительно объективной реальности которого было немало противоречивых рассуждений. Как известно, важнейшей особенностью культурного процесса является стереотипизация, благодаря которой происходит приобщение членов общества к достигнутым результатам (Маркарян, 1973; Абрамян, 1978; Типы в культуре, 1979). Под стереотипизацией понимается принятие новых технологий или моделей действия множеством людей в пределах соответствующих групп (Абрамян, 1978, с. 91). Поставлен вопрос и о развитии этого явления во времени с параллельным усложнением форм стереотипизации, начиная с простого механизма подражания. По мере производственного прогресса возникает такая форма стереотипизации, как стандартизация, обособляющаяся в особую сферу производства, выпускающего стандарты (Абрамян, 1978, с. 94). Ранние этапы соответствующих явлений мы видим еще в глубокой древности, как например в керамическом производстве с внедрением гончарного круга. Стандартные типы сосудов массового ремесленного изготовления широко используются археологами при различного рода исследовательских операциях. Сходные процессы происходят и в металлообработке на основе техники литья в типовых моделях в условиях повышенного спроса на определенные виды изделий, в частности на оружие. Следует заключить, что именно процесс стереотипизации археологи наблюдают в материальном воплощении артефактов. Более того, сама возможность археологической типологии заложена в стереотипичности культуры, ее «эталонном» характере. Это одно из проявлений реальной, объективной основы, на которой зиждется группировка и организация археологических материалов, объединяемых в комплексы, культуры и другие подразделения. Вместе с тем выделение этих общностей чисто археологическая операция самой археологической науки и здесь особенно опасно даже терминологическое смещение уровней. Особенно неудачно введение термина «этнос» в само определение археологической культуры, хотя именно этнические различия во многих случаях и будут в конечном итоге причиной существования устойчивых культурных различий, наблюдаемых археологами. На источниковедческом уровне организации материала необходимо говорить лишь о культурной общности, которую отнюдь не следует подменять понятием «этнокультурная». Выделенные на основании археологического анализа устойчивые общности, и в частности культуры, могут иметь разное историческое содержание, соответствовать и целым цивилизациям (Хараппа), и крупным историко-этнографическим общностям (Андрон, Кельтеминар), и небольшим племенным группам.

Археологические материалы содержат обширную информацию для изучения образа жизни древних обществ и культуры жизнеобеспечения, поддерживающих функционирование всей культурной и общественной системы как мегакомплекса. Г. Е. Марков характеризует образ жизни как совокупность типичных условий жизни, норм и форм жизнедеятельности, взаимоотношений людей, отношения общества к окружающей среде (Марков, 1978, с. 17). В более формализованном определении под образом жизни понимается устойчиво воспроизводимая объективация человеческой деятельности и жизнедея-

тельности, взятая в «фактах повседневности» (Марксистско-ленинская теория. . ., 1983, с. 191; Злобин, 1976). При этом имеется в виду повседневная жизнь, в целостности ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и участия в общественно-политической жизни и кончая бытом и досугом. Именно предметный аспект повседневной жизни древних людей ежедневно и ежечасно изучается археологами, раскапывающими древние жилища и поселения, где чаще и проще встретить рядовой, массовый материал, чем данные, отражающие экстраординарные процессы и ситуации. Систематизация этой информации, освещающей образ жизни и общие типологические черты древних коллективов, имеет весьма важное значение для анализа исторических процессов. Именно образ жизни позволяет изучать общие закономерности, в том числе социально-экономические, в их конкретном многообразии (Марксистско-ленинская теория. . ., 1983, с. 197).

Поскольку археология изучает древние культуры преимущественно в их предметно-продуктивном аспекте, она может особенно ярко осветить вещный мир культуры. Нельзя не признать, что в последнее время именно вещам уделяется мало внимания и, следуя своего рода моде на формализацию, находимые археологами объекты трактуются в первую очередь как артефакты без последующего анализа стоящей за ними социокультурной сферы. Вместе с тем философы особое значение придают предметной форме передачи социального опыта, стилю бытования в мире материальной культуры. При этом подчеркивается, что с вещами связан уклад жизни, они являются объектами социокультурных отношений, играют роль в воспитании и закреплении принятого в данной среде поведения и образа мышления (Культурный прогресс, 1984, с. 76). В этом отношении особенно интересно такое массовое явление, как расписная керамика поры ранних земледельцев, покрытая сложными узорами, представляющая собой, как правило, целый семантический комплекс (Рыбаков, 1965, № 1, 2). Помимо декоративной и эстетической функций многие сосуды подобного типа овеществляли художественную форму хранения и передачи информации и, находясь в повседневном употреблении, служили средством передачи аккумулированной идеологической традиции. Исчезновение росписи на посуде или ее резкое сокращение, наблюдаемое во многих цивилизациях Старого Света с наступлением периода ремесел (керамика Урука, Лушаня, Намазга V), помимо прочих факторов явно было связано с идеологическими сдвигами и изменениями в способах хранения и передачи информации, особенно с внедрением архаических систем письменности.

Необходимо подчеркнуть важное начинание группы этнографов и культурологов, обратившихся к вопросам культуры жизнеобеспечения (Культура жизнеобеспечения. . ., 1983). Она рассматривается как подсистема, включающая такие компоненты, как поселения, жилища, пища, одежда, и непосредственно направленная на поддержание жизнедеятельности людей. В основном культура жизнеобеспечения лежит в сфере материальной культуры, но ее соционормативный пласт отражает ряд аспектов духовной культуры — ритуально-культурный, престижный, эстетический и некоторые другие (Культура жизнеобеспечения. . ., 1983, с. 9). В целом культура жизнеобеспечения представляет собой часть культуры, непосредственно направленную на поддержание жизнедеятельности ее носителей, и функционирует преимущественно в сфере потребления. Грань между первичным производством материальных благ и завершающими этапами как раз проходит на уровне культуры жизнедеятельности, когда блага принимают форму, окончательно направленную на удовлетворение жизненных потребностей (Культура жизнеобеспечения. . ., 1983, с. 57). Нетрудно заметить, что археология по своим информативным потенциалам обладает большими возможностями для изучения систем жизнеобеспечения древних обществ, тесно связанных с типами обра-

зов жизни. Из других подсистем культуры при подобном рассмотрении можно отметить еще три: производственную, соционормативную и познавательную (Арутюнов, 1985). При этом для характеристики производственной подсистемы, связанной с производством и воспроизводством материальных благ, орудий и средств производства, в данных археологии можно почерпнуть наиболее обширную информацию. Соционормативная подсистема, включающая мораль, право, обычаи, ритуалы, значительную часть религиозных институтов, менее обеспечена археологическими материалами, во всяком случае при первом, поверхностном подходе. В действительности, возможности изучения, скажем, культов и обычаев при использовании этнографических и общетеоретических моделей здесь тоже немалые, если выйти за графическую характеристику любого непонятого артефакта как просто «культового» без последующего содержательного анализа. Наконец, выделяется познавательная подсистема, представляющая собой совокупность научных и эмпирических знаний и опыта, а также включающая область познания, связанную не с рациональными, а с эмоциональными аспектами, каким, например, является искусство. И в этой сфере археологические материалы потенциально содержат определенную информацию. В частности, данные технологического анализа и эксперимента позволяют осветить многие аспекты, связанные со стихийным накоплением положительных знаний, со своего рода преднаукой.

Культурология позволяет подойти к изучению самой динамики и внутреннего содержания процесса культуuroгенеза. Этот механизм во многом определяется взаимодействием старого и нового, традиций и инноваций (рис. 3). Этнографы и культурологи проделали большую работу по изучению культурных традиций и инноваций. В этом отношении плодотворным является проведенное в Ереване в 1978 г. совещание по методологическим проблемам изучения этнических культур (Методологические проблемы. . ., 1978; Суханов, 1979; Традиции. . ., 1978). Ю. В. Бромлей определяет традиции как компоненты или стороны культуры, характеризующиеся устойчивостью, преемственностью, повторяющиеся из поколения в поколение (Бромлей, 1973, с. 67—68). Одним из компонентов традиций являются обряды или ритуалы, выступающие в данном случае как средство социального регулирования. В результате мы видим стереотипные формы массового поведения, выражающиеся в повторении стандартизированных действий (Бромлей, 1973, с. 70, 71). В этом отношении сам термин «традиция» недалеко отошел от своего первоначального значения в латинском языке — передача, предание.

В более общем плане в традиции можно видеть механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации конкретной культуры как системы, когда традиции включают в себя процесс и результаты стереотипизации как концентрированное выражение социально-исторического опыта (Маркарян, 1978, с. 50; Абрамян, 1978, с. 91—96; Типы в культуре, 1979). Под инновацией понимается введение новой технологии и новых моделей деятельности, причем создание таких моделей происходит путем абстрагирования стереотипных объектов и функций и соединения их в нестандартной комбинации (Абрамян, 1978, с. 95).

В археологической науке, исследующей предметный мир культуры, инновации, связанные с утверждением в обществе новой технологии или новой модели деятельности, находят отражение в появлении и распространении новых типов артефактов, что может быть четко определено методом археологической типологии и подтверждено количественным анализом (Массон, 1981в, с. 38—42). Определение факта перерыва традиций и распространения инноваций на материалах, составляющих объект археологии, устанавливается на основе анализа различных категорий источников (керамики, кремневых орудий, металлических изделий, погребальных обрядов), изучаемых в их археологической выборке. Определение порога инновации, качественного

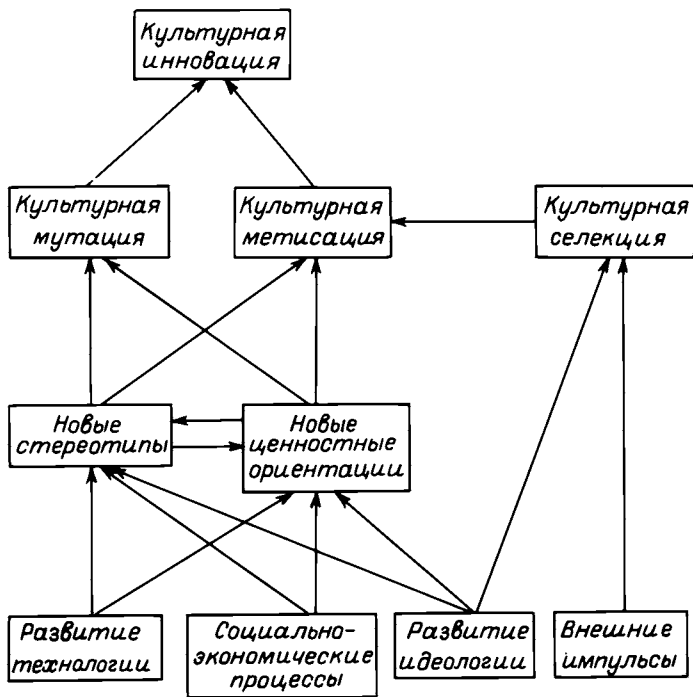

Рис. 3. Формирование инноваций в процессе культурогенеза.

и количественного соотношения нового и традиционного имеет принципиальное значение для организации самого археологического материала, выделения как археологических культур, так и отдельных этапов их развития.

Взаимодействие традиций и инноваций отражает сложный, диалектический характер культурогенеза. На археологических материалах можно наблюдать, как отдельные инновации, пройдя стереотипизацию, четко фиксируемую типами артефактов, превращаются в традиционные элементы культурного комплекса (рис. 4). Типологический метод позволяет проследить и постепенную изменчивость нововведений, отражающую своего рода адаптацию к культурной системе в целом. Преемственность культуры при таком механизме следует диалектическому закону снятия или отрицания, являющемуся условием и моментом развития и вместе с тем моментом связи нового со старым. При взаимодействии аспектов преодоления, сохранения и восхождения на новый, более высокий этап происходит отбор сохраняемых культурных форм и их удержание с органическим включением в новое целое (Давидович, Жданов, 1979, с. 241). Вообще надо сказать, что творческое использование материалистической диалектики еще мало распространено в археологии, где исследователи практически ограничиваются эволюционными моделями, подкрепляемыми методами графического анализа. Однако совершенно ясно, что, например, рассмотрение смены археологических культур, хорошо известное археологам на эмпирическом уровне, с позиций диалектического закона перехода количественных изменений в качественные и обратно позволит глубже и полнее исследовать прошлое древних племен и народов и оставленные ими культуры (Массон, 1986в). И этническая ассимиляция, и культурная адаптация представляли собой не упрощенные механические явления, а в первую очередь именно диалектический процесс.

Смена типов артефактов представляет собой по существу факторологический скелет процесса, где, как мы все время стремимся подчеркнуть,

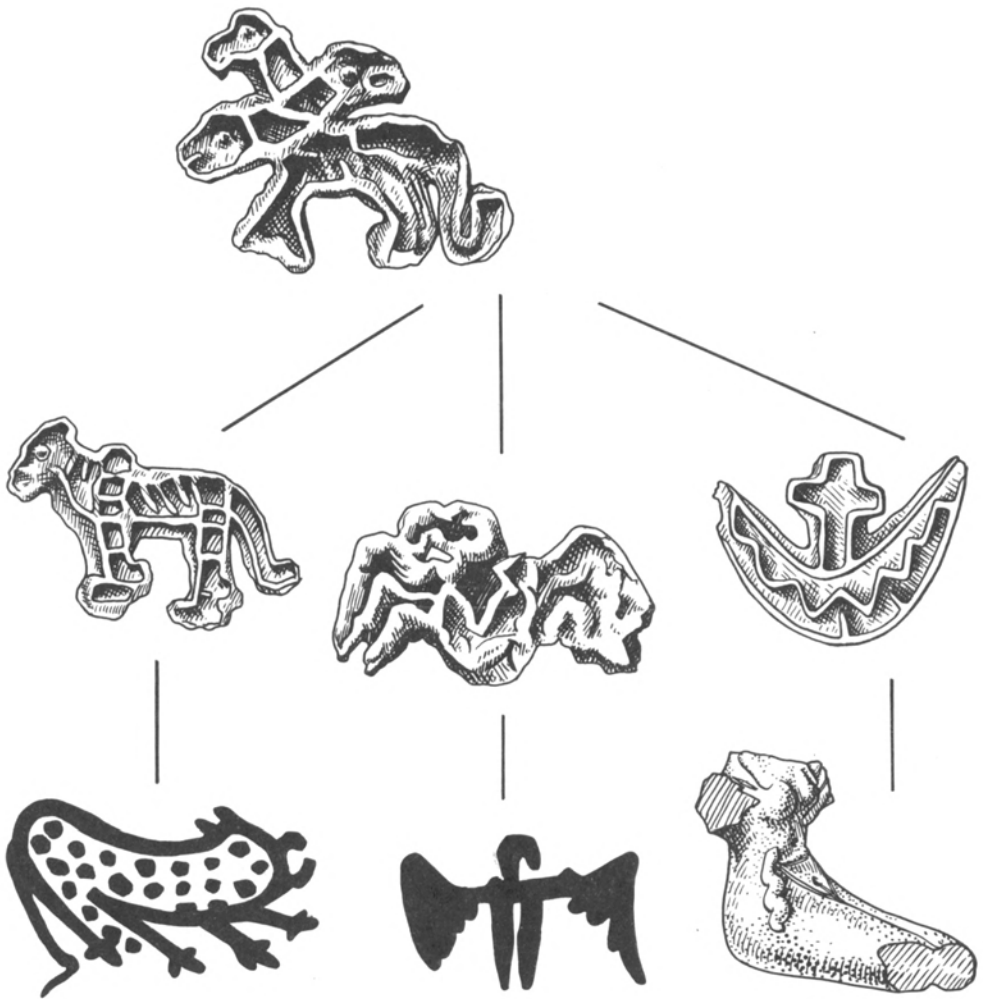

Рис. 4. Сложение нового типа из традиционных элементов в нетрадиционном сочетании. На примере материалов Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы.

весьма важно использование культурологических разработок и понятий. Это их значение возрастает на собственно культурологическом интерпретационном уровне анализа археологических материалов. Такая интерпретация должна производиться не сама по себе, в рафинированной среде абстрактных категорий, а в тесной связи с другими явлениями, с учетом всего археологического материала и всей суммы содержащейся в нем информации. Процессы преемственности и инноваций представляют собой не изолированный феномен, а одно из проявлений функционирования общества. Их необходимо анализировать с учетом производственного потенциала данного общества, его социальной структуры, возможностей культурно-хозяйственной системы в целом. Так, инновации стереотипизируются, а затем интегрируются в культурную систему только в том случае, если они воспринимаются социальной средой и не происходит процесса отторжения. При анализе преемственности важно различать общие и локальные традиции. Первые во многом связаны с технологическими достижениями, что хорошо видно на примере широчайшего распространения однотипных кремневых индустрий. Сфера традиций

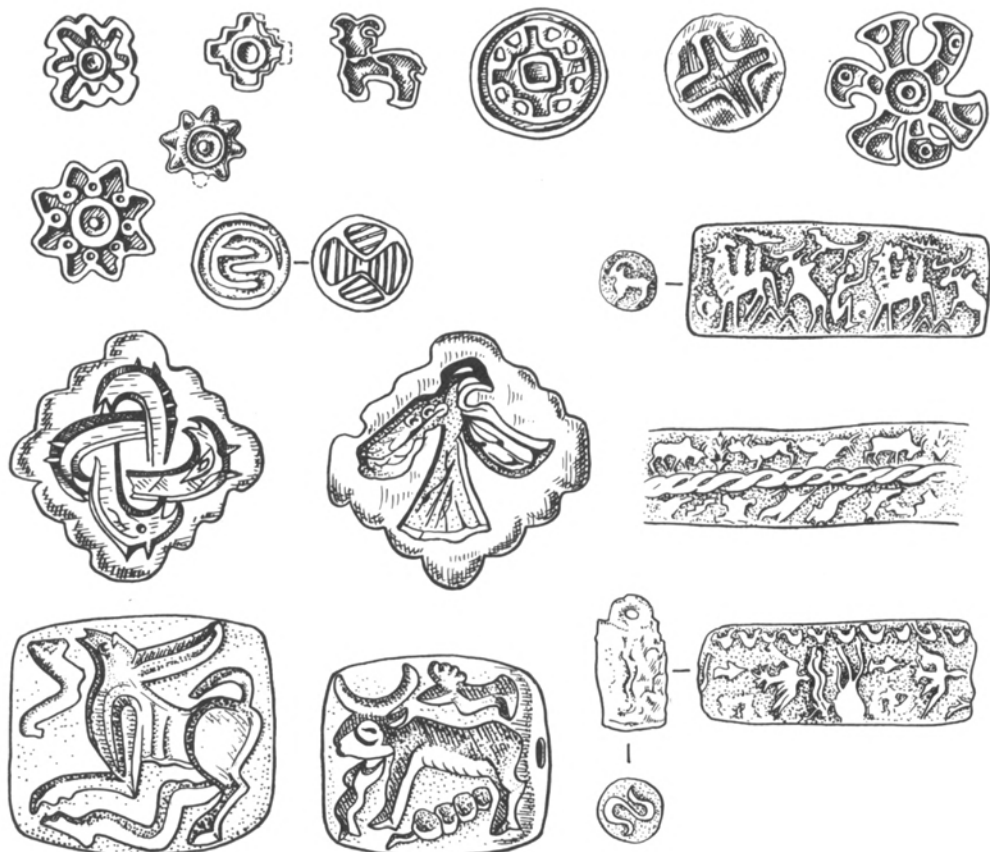

Рис. 5. Культурные традиции на примере печатей бронзового века Маргианы.

общего характера все более расширяется с развитием общества, особенно с распространением городского образа жизни. Локальные же традиции особенно важны при выделении археологических культур и таксономически близких им подразделений. При содержательном анализе причинно-следственного механизма инноваций необходимо учитывать основные области их проявления — технологию, обыденную культуру и идеологию. После подобной дифференцированной оценки возможна реальная постановка вопроса об источниках инноваций, которые могут быть связаны и с конвергентным развитием, и с диффузией, и с единством происхождения. В общем плане происходящие культурные изменения, или культурная трансформация, могут быть подразделены на три разновидности (Арутюнов, 1985). Первая — это спонтанная трансформация, когда инновации в основном складываются как культурные мутации, развитие идет за счет внутренних механизмов и стимулов. Вторая разновидность — это стимулированная трансформация, когда культурные изменения происходят под косвенным воздействием внешних импульсов, но без прямого заимствования (рис. 5). И, наконец, третья разновидность, хорошо известная археологии начиная с первых этапов ее развития как особой отрасли знания, — это прямое заимствование.

Остановимся на конкретном примере, взятом из материалов, характеризующих раннеземледельческие культуры юга Средней Азии (табл. 1).

Сопоставление отдельных составных элементов комплексов Анау IА и неолитической джейтунской культуры позволяет наметить как определен-

Таблица 1

Традиции и инновации в комплексе Анау IА

Категории объектов	Неолитические традиции	Инновации
Техника домостроительства	—	+
Подквадратные дома	+	—
Удлиненные дома	—	+
Окраска интерьера	+	—
Погребения:		
скорченное положение	+	—
ориентация	+	—
посыпка охрой	+	—
Керамическое производство:		
технология	Примесь самана	Примесь песка
типы форм	—	+
орнаментальные композиции	—	+
Керамические изделия:		
статуэтки людей	+	—
статуэтки животных	+	—
фишки для игр	+	—
пряслица	—	+
Кремневая индустрия:		
типы заготовок	—	+
типы вторичной обработки	—	+
типы изделий	—	+
Кремневые орудия:		
зернотерки	+	—
ступки	+	—
ядра для пращи	+	—
Медные изделия	—	+

ные местные традиции, так и инновации, столь заметные на археологических материалах. Прежде всего обращают на себя внимание явления, связанные с инновациями в области технологии: применение в домостроительстве сырцового кирпича, введение металлургии, использование в керамическом производстве в качестве отощителя песка вместо рубленой соломы, новые виды орудий труда, появление пряслиц и каменных мотыг. Поскольку в данном случае имеется в виду развитие технологии, можно было бы заключить, что перед нами результат естественной эволюции местного общества, могущего, правда, использовать и уже сложившиеся технологические приемы путем прямого заимствования. Однако заметные инновации наблюдаются и в сфере культуры. Так, весьма показательна полная смена по сравнению с джейтунским периодом кремневой индустрии, рассматриваемой как устойчивое сочетание типов изделий, заготовок и обработки. В комплексе Анау IА изменения наблюдаются по всем этим трем составляющим, что явно указывает уже на иную культурную традицию. О культурных инновациях свидетельствует и распространение новых композиций росписи и элементов орнамента. Только 25 % орнаментальных мотивов сохраняют неолитические традиции. Показатели культурной традиционности, которые могут быть возведены к джейтунскому культурному пласту, содержат общие для многих раннеземледельческих культур элементы (мелкая пластика, фишки для игры, ступки, терки, охра в погребениях) и признаки, более тесно увязанные с традициями джейтунской культуры как специфической археологической общности (типы домов, элементы орнаментации керамики). Первые по существу связаны с эпохальным типом культуры.

Естественно встает вопрос об анализе причин наблюдаемых нововведений. При этом немалое значение имеют данные погребений как источника, чутко реагирующего на этнические изменения и дающего материал для антропологической характеристики древнего населения. Погребальный ритуал джейтунских захоронений и погребений времени Анау IА в принципе одинаков: умершие помещались в скорченном положении на боку, тела их посыпались охрой, погребения совершались на территории поселка. Для обоих археологических комплексов показательна и неустойчивая ориентировка — преимущественно на север, северо-восток и северо-запад, но в отдельных случаях и на юго-запад. Антропологический состав поселения времени Анау IА — Монджуклы-депе, по материалам погребений, в известной мере напоминает картину, устанавливаемую по сочетанию в комплексе Анау IА местных традиций и сторонних инноваций. Наряду с типичными для раннеземледельческих культур Средней Азии и Ирана черепами, относимыми к вариантам восточносредиземноморского европеоидного населения (Гинзбург, Трофимова, 1959; Трофимова, 1961), здесь представлен череп, обнаруживающий дравидоидные черты, свойственные населению экваториального типа Южной Индии (Энеолит СССР, 1982, с. 20). Таким образом, данные антропологии говорят о возможном появлении нового населения. Это позволяет объяснить отмеченные выше культурные инновации переселением племенных групп, бывших, вероятно, и носителями новой технологии. Элементы, восходящие к местной неолитической традиции, в таком случае скорее всего отражают сложный характер процессов культурной и, видимо, этнической ассимиляции, когда местное население, частично инкорпорированное пришельцами в систему своих родовых общин, сохраняло ряд традиций, как например в расписной керамике. Вопрос об источнике инфильтрации — это уже проблема конкретной отрасли археологической науки, занимающейся данным кругом памятников. В этом случае, по мнению большинства исследователей инноваций, им были районы Центрального Ирана (Энеолит СССР, 1982, с. 20).

Различные формы культурной трансформации могут быть рассмотрены на примере Средней Азии античной эпохи (Массон, 1986а). На первом этапе культурные изменения здесь носят в ряде отношений скачкообразный характер, инновации связаны со стимулированной трансформацией (рис. 6). Имеют место и прямые заимствования. Культурные инновации наблюдаются в различных сферах материальной культуры и воплощены в новых типах артефактов. Генетически большинство инноваций связано с эллинистическими воздействиями. В результате даже массовая народная культура претерпевает значительные изменения. В керамическом комплексе распространяются открытые формы, некоторые типы сосудов прямым образом следуют эталонам Эллады. Таким образом, изменения затрагивают и подсистему жизнеобеспечения, поскольку функционально керамическая посуда обеспечивала приготовление и употребление пищи. Показателен расцвет корoplastики. Он идет как бы второй волной, поскольку традиция терракот бронзового века практически заглохла в пору раннего железа, возможно, не без связи с зороастрийским вероучением. Многие типы ранних терракот явно следуют эллинистическим образцам. Локальное начало стойко проявляется в сырцовый архитектуре. Однако трактовка декоробразующих элементов, часто следующих модифицированным образцам греческих ордеров, бесспорно отражает прямые заимствования. Таким образом, спонтанная трансформация исходного пласта сочетается, а порой и сосуществует с греческим началом, относительно которого прослеживаются две особенности. Во-первых, массивный поток инноваций вливается прежде всего в элитарную субкультуру. Во-вторых, эллинистические компоненты шире всего представлены в крупных центрах как обязательный элемент именно урбанистической культуры. Отмечено,

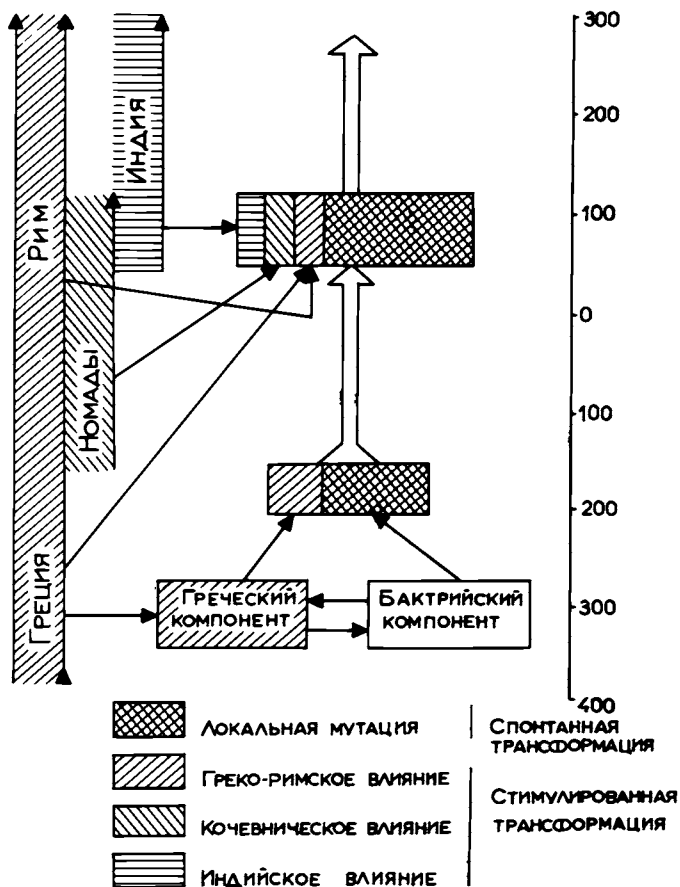

Рис. 6. Типы культурной трансформации в Средней Азии в античную эпоху.

что, например, в сельских поселениях Парфиены отсутствует активное воздействие эллинистической культуры.

На втором этапе, в кушанской эпохе, налицо прежде всего спонтанная трансформация ориентально-эллинистического пласта, который вступает в фазу органического синтеза. Дальнейшее воздействие греческих, а затем и римских эталонов в целом было не очень велико и органически вписывалось в местный постэллинистический комплекс. Здесь немаловажную роль играли коммерческие связи. Торговля ювелирными и художественными произведениями объективно играла роль культурного обмена. Другим источником стимулированной трансформации были культурные традиции Индии, проникающие, в частности, с распространением буддийских догматов. Сравнительно непродолжительным, но ощутимым было воздействие кочевого мира степной Азии. Таким образом, мощный очаг среднеазиатских урбанизированных культур античной эпохи, так же как и в древневосточную эпоху, формировался в условиях скрещения различных традиций и культурного синтеза.

Важным аспектом в изучении поступательного развития человеческого общества является исследование культурного прогресса. Этому вопросу уделяется особое внимание в философской литературе (Культурный прогресс, 1984), ему был посвящен симпозиум, проходивший в Ереване в 1982 г., на котором анализировались конкретные археологические материалы (Куль-

турный прогресс в эпоху. . . , 1982). Прогресс рассматривается как тип и направление развития от менее совершенного к более совершенному, но не всегда эти изменения ведут к структурному усложнению. Наблюдается как прогресс системы в целом, так и прогрессивное развитие отдельных ее компонентов. Диалектический характер развития определяет и то обстоятельство, что прогресс системы в целом включает в себя одновременно регресс отдельных ее элементов, связей и функций (Кон, 1967, с. 379—380). Соответственным образом регресс характеризуется как тип развития от высшего к низшему, как деградация, понижение уровня организации, возврат к пережившим себя формам и структурам. Сложный, противоречивый характер исторического и культурного процесса заставляет с вниманием отнестись к обеим категориям, характеризующим происходящие изменения. Как известно, В. И. Ленин специально подчеркивал, что рассматривать ход истории, игнорируя гигантские иногда скачки назад, «недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» (Ленин, т. 30, с. 6). При общем поступательном характере хода мировой истории нам известны яркие примеры упадка, дезинтеграции, возврата на более низкий уровень развития (Массон, 1983а). Таковы упадок хараппской цивилизации и крито-микенского общества Греции, когда от структур раннеклассового типа и государства произошел возврат к первобытной эпохе с утратой ряда существенных компонентов социокультурной системы, в частности письменности. Почти столь же резкое замедление темпов развития с утратой ряда высокоорганизованных элементов культурной системы происходит на Балканах, где поразительный расцвет раннеземледельческих культур поры энеолита, включающий социальную дифференциацию, нашедшую отражение в варненском некрополе и пиктографических табличках Тартарии, сменяется бедными комплексами эпохи бронзы (Массон, 1969, 1982; Черных, 1976). Видимо, ранние земледельческо-скотоводческие и скотоводческо-земледельческие общества Балкан и прилегающих областей, приблизившись в разной степени к порогу цивилизации, исчерпали в данной природной и исторической ситуации возможности конкретных культурно-хозяйственных систем, после чего наступает общественный катаклизм и наблюдается культурный регресс. М. Г. Гаджиев на археологических материалах убедительно поставил вопрос о культурном регрессе, имевшем место в Дагестане на одном из этапов поры палеометалла (Гаджиев, 1982, с. 9—12). Возможно, это явление распространялось на весь регион Северного Кавказа, характеризуя постмайкопский период.

Культурный прогресс при определенной специфичности его параметров не был замкнутым или изолированным, а обуславливался прогрессом в социальной сфере и в экономике. Оптимизация (для своей эпохи) производительных сил была важной его предпосылкой. Сама социальная структура образовывала творческий фон (в зависимости от ситуации как позитивный, так и негативный), на котором шло формирование художественных и культурных ценностей (Культурный прогресс, 1984, с. 17).

Показательна динамика культурного прогресса в разных зонах в эпоху палеометалла. В поясе земледельческо-скотоводческих культур аридной зоны масштабное введение металла в культуру не знаменовало кардинальных изменений, а скорее зафиксировало максимальный расцвет уже сложившейся культурной системы. В степной зоне Евразии и в ряде примыкающих к ней областей прогресс в эпоху палеометалла был особенно впечатляющ (Массон, 1982в). Прежде всего, что особенно важно, он осуществлялся в сфере производства материальных ценностей и вел к большей эффективности производственных процессов и повышению производительности труда. Немалую роль здесь сыграло использование такого внеличного источника энергии, как тяговая сила животных. Но решающее значение в прогрессе производства той эпохи приобрело развитие горного дела, металлургии и металлооб-

работки с ее дифференциацией на такие отрасли, как специализированная деятельность кузнецов, литейщиков, ювелиров, оружейных мастеров. Для огромной зоны вне рамок древневосточной ойкумены это было технологическое основание второго крупного общественного разделения труда. Новая технология, особенно литье, позволяла быстро получать стандартные серии орудий, легко поддающиеся тиражированию. В данном случае резкое повышение производительности изготовления орудий труда, а не производительность самих орудий, не всегда превосходящих в этом отношении изделия с наборным кремневым рабочим краем, было решающим и определяющим фактором прогресса.

Важной чертой культурного прогресса эпохи палеометалла было повышение уровня коммуникабельности и темпов распространения информации. Необходимость обмена и широких контактов была заложена в самом материальном производстве эпохи бронзы, употреблявшем различные металлы, залежи которых распространены значительно реже, чем выходы кремня или обсидиана. Усилению связей способствовало и распространение колесного транспорта. Значительное развитие получает знаковая форма коммуникаций, причем особое значение приобретают разного рода символы. Целый ряд символических, или, как обычно они характеризуются в археологической литературе, культовых, предметов способствовал накоплению, закреплению и передаче опыта, превращенного из индивидуального в социальный. Эта сторона культуры, широко представленная в археологических материалах, еще не исследована должным образом. Достаточно указать на так называемые штандарты и жезлы, известные и в Майкопе, и в Гисаре, и в Аладжа-Хьюке, и в палестинских комплексах. Поскольку связь символа с символизируемым явлением, как правило, мотивирована (Артановский, 1981, с. 34), сами символы становятся фокусом, видимым сосредоточением более или менее отвлеченных истин.

Нельзя не отметить, что исторический тип культур, сложившихся в результате прогресса в эпоху палеометалла в степной зоне Евразии, отличается повышенной степенью общности. Эта возросшая общность связана и с единством технологии, органической частью которой было развитие обмена, и с более оживленным общением, облегчаемым прогрессом транспортных средств. В результате технологические, культурные и идеологические инновации, определяющие в сумме направленность прогрессивного развития, сравнительно быстро распространяются на огромных территориях. Складывается особый региональный или даже эпохальный тип культур степной бронзы. Скорость распространения нововведений скачкообразно возрастает в связи с широким использованием коня как средства передвижения.

Культурологические аспекты имеют немаловажное значение и при анализе по материалам археологии процесса формирования первых цивилизаций. Коренные перемены в сфере социально-экономических отношений и социально-политических структур сопровождалась кардинальными изменениями в сфере культуры. Сложился качественно новый культурный комплекс, который собственно и есть цивилизация. Для культуры большей части первобытной эпохи был характерен традиционализм, когда наблюдается в основном повторение процесса в прежнем объеме и на прежнем техническом основании. Теперь многие компоненты культуры подвергаются трансформации в результате утверждения в обществе новой технологии и новых моделей действий. В предметном мире культуры, известном нам в его археологической выборке, это прослеживается в появлении и широком распространении новых типов артефактов (Массон, 1982e; 1984, с. 56—59).

При рассмотрении культуры эпохи формирования цивилизации можно видеть, что инновации охватывают в равной мере сферу технологии, обыденной культуры, в значительной мере связанной с образом жизни, и сферу

идеологии. В области технологии основные изменения происходят в ремеслах. Например, для Ближнего Востока наибольшую роль сыграли нововведения в металлургии, гончарном производстве и строительном деле. Успехи теплотехники, применение новых инструментов (гончарный круг и др.) привели к тому, что все большее распространение получает стандартизация. В строительном деле, широко осваивающем высотные и монументальные постройки, также наблюдается выработка канонов и модулей, происходит становление архитектуры в собственном смысле слова. В соответствии с новыми ценностными ориентациями, утвердившимися в обществе, новые технические возможности реализуются как дифференциация и специализация ремесел. Среди ремесел в особые производства выделяются оружейное дело, глиптика, ювелирное производство. Недаром в письменных документах уже для времени Урука IV упоминается не менее 80 различных должностей и профессий.

Большое значение имели новые потребности в уровне коммуникации и особенно — качественный скачок объема информации, подлежащей хранению и передаче для обеспечения функционирования общества как сложной социальной и хозяйственной системы. В результате складывается письменность, развиваются различные виды транспорта, и прежде всего — колесные экипажи. Последние обеспечивали новый объем хозяйственных, культурных и политических связей и взаимодействий: от транспортировки сырья до переброски воинов. Возрастает многообразие информационных каналов, в числе которых немаловажную роль приобретают регулярные ярмарки, храмовые празднества и другие массовые обрядовые действия.

На обыденной культуре помимо роста общего благосостояния и удовлетворения потребностей широкого спектра особенно резко отразилось выделение групп лиц или социальных страт, обладающих различной долей общественного богатства. Это видно по дифференциации образа жизни, отраженной в жилых комплексах, бытовом инвентаре и погребальных обрядах. Возрастающая специализация деятельности способствовала отделению умственного труда от физического. Об этом помимо появления школ писцов свидетельствует развитие неприкладного искусства, оставившего подлинные шедевры индивидуального художественного творчества. В условиях усиливающейся социальной дифференциации из утилитарных и престижно-знаковых функций инноваций все большее значение приобретают вторые. При этом престижность воспринимается в основном не как личный авторитет, а как принадлежность к определенному общественному слою, что закрепляется и в мире вещей. В сфере идеологии также идет выработка новых стереотипов в связи с институализацией власти и сакрализацией должности и функций правителя. При этом частично используются элементы привычных для общинных масс аграрных культов и мифологических схем мироздания.

Исходным пластом культурного комплекса цивилизации, в котором инновации представлены столь широким спектром, была культура первобытного общества, но этот исходный пласт претерпел кардинальную трансформацию. Формирование инноваций шло двумя путями: через изобретение, или культурную мутацию, т. е. путем спонтанной трансформации, и через заимствование, или метисацию, т. е. путем стимулированной трансформации. Первый путь имеет особое значение. Повторяемость отдельных компонентов культурного комплекса первых цивилизаций далеко не всегда может быть объяснена заимствованием в условиях действия так называемого феномена первоначального открытия, о котором много писал в нашей литературе Л. С. Васильев (Васильев, 1976). Например, как справедливо подчеркивает И. М. Дьяконов, путь выработки графических знаковых систем для передачи речи принадлежит к универсалиям человеческой культуры, и словесно-слоговая письменность изобреталась неоднократно и более или менее одинаковым путем (Дьяконов, 1976, с. 6). На вопрос об имманентном создании инноваций как куль-

турных мутаций обратил особое внимание в ряде работ Э. С. Маркарян. Он подчеркивает, что механизм творческих инноваций выполняет функции мутаций (Маркарян, 1978, с. 86). Вместе с тем в данном случае речь идет не об отождествлении принципиально разных явлений, изучаемых в биологии и обществоведении, а об установлении между ними структурного и функционального подобия (Маркарян, 1981б). Независимое создание инноваций, или культурная мутация, носит сложный диалектический характер и включает, как отмечалось выше, аспекты преодоления, сохранения и восхождения на новый, более высокий этап. Без глубокого изучения этого механизма невозможно понимание закономерного характера возникновения и развития первых цивилизаций, формирующихся в совершенно различной культурной среде и на гигантском территориальном удалении.

Разумеется, это отнюдь не умаляет значения такого фактора, как культурное заимствование, особенно широко представленное во вторичных цивилизациях, где оно наблюдается в сфере технологии, утилитарных объектов, а также в сфере престижно-знаковой. Однако такое заимствование, как правило, происходит на основе селекции, которая обеспечивает адаптацию заимствований и сводит к минимуму реакцию отторжения местной социокультурной средой. В результате наблюдается тот внутренне сложный процесс, который назван выше стимулированной трансформацией.

Для изучения археологических материалов обществ сложной социальной структуры весьма важное значение имеет подчеркнутое С. А. Арутюновым различие утилитарных и престижно-знаковых функций культурных инноваций (Арутюнов, 1978). Определенные явления и объекты, заимствуемые при престижном перепаде, могут и не иметь утилитарного значения, поскольку заимствование идет в среде элитарных слоев населения, для которых заимствованные инновации служат средством утверждения своего особого положения в данной социокультурной среде. Этим обстоятельством следует объяснять широкое распространение на определенном этапе престижно-знаковых символов, как например уже упоминавшихся жезлов, псевдобулавок и штандартов, а также других эталонов, связываемых с представлениями об особом, более высоком или, во всяком случае, более престижном образе жизни. Как отмечает С. А. Арутюнов, Япония, например, пережила два периода интенсивного заимствования культурных инноваций — первый раз на протяжении VI—VIII вв., когда шло освоение ряда корейско-китайских эталонов, и второй — в конце XIX—начале XX в. под влиянием европейских стандартов. Каждый раз массивный поток инноваций проникал прежде всего в быт господствующих классов и слоев (Арутюнов, 1978, с. 103—104). Показательно совпадение данных периодов с решающими рубежами социально-экономического развития — становлением классового общества и государства в первом случае, когда, кстати, этими же факторами было обусловлено распространение и насаждение буддизма как новой государственной религии, и формирование капиталистического общества — во втором. По материалам археологии подобное распространение культурных инноваций, в том числе и престижно-знаковых или сохраняющих лишь эту свою функцию, хорошо прослеживается на завершающих этапах первобытного строя, когда повсеместно происходит выделение военной аристократии и идеологических лидеров.

Здесь мы подходим к одной важнейшей особенности культуры поры первых цивилизаций — ее внутренней дифференцированности, связанной с выделением элитарной субкультуры. Хорошо известно ленинское положение о наличии в каждой национальной культуре наряду с господствующей буржуазной культурой элементов демократической и социалистической культуры (Ленин, т. 24, с. 120—121). Советские исследователи неоднократно обращались к этому положению, развивали его и конкретизировали. Так, Б. А. Ры-

баков указал на наличие в культуре Киевской Руси княжеско-дружинной культуры, которой было свойственно в первую очередь стремление к репрезентативности (Рыбаков, 1970). По сути дела, эпоха первых цивилизаций и была тем первым периодом, когда отчетливо произошло это расщепление единого культурного потока в условиях формирования общества социального неравенства и классовых противоречий. Типы объектов, входящие в состав элитарной субкультуры, по идее и принципу обычно взяты из массовой, народной культуры, но переработаны профессиональными мастерами согласно запросам социальной среды. Это был один из важнейших путей формирования культурных инноваций и создания качественно нового культурного комплекса в тот период. Зачастую подобные стереотипы с течением времени теряли элитарный, престижно-знаковый характер и, по образному выражению С. А. Арутюнова, спускаясь по социальной лестнице вниз (Арутюнов, 1979), вновь становились элементами всеобщей, народной культуры.

Выделение особой подсистемы элитарной субкультуры составляет специфическую черту культурного комплекса первых цивилизаций. Можно использовать для характеристики культуры этого периода и такой прием, как коэффициент актуализации. Он был предложен для характеристики художественной культуры (Бернштам, 1978), но может иметь и более широкое значение. Имеется в виду мера актуализации предшествующего опыта, и в тех случаях, когда актуальным признается все наследие и только наследие, создается «абсолютно консервативная культура» с коэффициентом актуализации, равным единице. Такое положение характерно для большинства этапов развития первобытного общества. Наоборот, когда ничего из созданного ранее не используется и признаются актуальными лишь вновь создаваемые ценности и эталоны, формируется, разумеется в виде теоретической модели, «абсолютно новаторская культура» с коэффициентом актуализации, равным нулю. При таком подходе коэффициент актуализации культурного комплекса первых цивилизаций, насыщенного инновациями во всех основных сферах (технология, обывденная культура, идеология), может быть определен как равный приблизительно 0.5. Это обстоятельство, так же как и формирование элитарной субкультуры, позволяет характеризовать культуру первых цивилизаций как качественно новое явление. Скорее всего, с точки зрения культурогенеза сложение цивилизации можно рассматривать как своего рода культурную революцию, находящуюся в теснейшей причинно-следственной связи со становлением классового общества и государства. Вместе с тем культурные инновации, определившие, каково бы ни было их происхождение, принципиально новый облик первых цивилизаций, пройдя стадию культурной интеграции, сами становятся традиционными элементами в цивилизациях Старого и Нового Света. Некогда динамичные и передовые, эти культурные комплексы, пройдя порог инноваций, становятся традиционными и, как мы знаем по Древнему Востоку, консервативными в большинстве форм своего проявления. Следует иметь в виду, что качественные культурные преобразования, происшедшие за относительно короткий срок в пору становления первых цивилизаций, принципиально отличались от культурной революции, происходящей в условиях строительства социализма. Ленинский план духовного обновления общества, план культурной революции предусматривал в первую очередь совместную, организованную, сознательную деятельность масс трудящихся прежде всего через приобщение к элементарной культуре (Злобин, 1980, с. 231—233; Ким, 1967). Бесспорное величие культурных достижений первых цивилизаций не должно заслонять того факта, что их фундаментом была глубокая социальная и культурная разобщенность общества, и оформление этой разобщенности в специфические культурные эталоны и модели с высоким коэффициентом престижности составляло сущность эпохи и происшедших перемен. Начинался долгий и трудный путь

развития культуры через полярные, хотя и нередко взаимопроникающие системы противостояния, которые ликвидирует лишь новая бесклассовая формация.

Советские философы специально подчеркивают, что «уровень культурного прогресса общества измеряется объемом создаваемых в обществе духовных ценностей, масштабом их распространения и глубиной их освоения человеком» (Культурный прогресс, 1984, с. 43). Культурные ценности, создававшиеся в эпоху первых цивилизаций, зачастую не выходили на широкую арену, оставались достоянием определенных слоев и профессиональных групп. Уже сама сложность систем древнейшей письменности резко ограничивала распространение грамотности. Узость социальной базы прогрессивных явлений в культуре обуславливала и внутреннюю слабость древнейших цивилизаций, порой исчезающих как культурный феномен с перерывом традиций в целом ряде сфер культурного прогресса.

**РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЭПОХА —
ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Археологические открытия, сделанные после второй мировой войны сначала в Старом Свете, а в последние десятилетия и в Америке, убедительно показали, что исходным пластом первых цивилизаций были раннеземледельческие культуры, само формирование которых ознаменовало начало кардинальных перемен в хозяйстве и культуре первобытной эпохи. Далеко не случайно то обстоятельство, что именно в зоне распространения древнейших оседлоземледельческих или земледельческо-скотоводческих культур мы находим и первые цивилизации. Переход к земледельческо-скотоводческой экономике, когда сокращается необходимое рабочее время и резко повышается общественное благосостояние, положил начало цепной реакции совершенствования домашних производств, которое в конечном итоге привело к отделению ремесла от земледелия, что коренным образом изменило структуру экономического базиса древних обществ. Во многих других сферах деятельности, от выработки культурных эталонов до идеологических инноваций, в раннеземледельческих комплексах могут быть прослежены прямые истоки цивилизации. Однако этот процесс отнюдь не был автоматическим. Далеко не повсеместно развитие раннеземледельческих обществ нашло завершение в быстром и самостоятельном формировании первых цивилизаций. Для более подробного рассмотрения этого процесса необходимо дать краткий обзор древнейших очагов раннеземледельческих культур, устанавливаемых археологией.

Предпосылки формирования данных типов обществ и их хозяйственной основы освещены достаточно полно в ряде специальных работ (Массон, 1971в, с. 133—140; Braidwood, 1973; Mellaart, 1975). Переход к экономике, основанной на производстве продуктов питания, был обусловлен как благоприятными природными условиями, сложившимися в ряде регионов, так и, что имело первостепенное значение, факторами, возникающими в среде самого человеческого общества. К числу факторов социальной группы относятся: достаточно высокий уровень техники; наличие высокоразвитой экономики, ориентированной на присвоение имеющихся в природе продуктов питания; зачатки положительного знания; значительная плотность населения, затруднявшая расширение территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались традиционными методами. Природные условия в данном случае можно рассматривать в двух аспектах: как благоприятствующие возникновению новых способов получения продуктов питания и как способствующие наибольшему развитию земледелия и скотоводства. Эти аспекты соответствуют двум различным этапам развития экономики нового типа: ее зарождению и окончательному торжеству. На первом этапе главную роль играло наличие исходных диких форм культивируемых растений и домашних животных. Затем на первый план выступает экологическая ситуация, благоприятствующая максимальному эффекту новых форм хозяйственной деятельности, когда вырабатываются их особые типы с разной производительностью.

При всех успехах археологии Нового Света и Дальнего Востока основной объем информации, позволяющей достаточно разносторонне характеризовать процесс формирования раннеземледельческих культур, по-прежнему нам доставляет Ближний Восток и некоторые примыкающие к нему области (Массон, 1982б; Masson, 1983а). Для Передней Азии можно говорить в настоящее время о трех основных центрах формирования и развития раннеземледельческих культур.

Особый центр, или культурную зону, образовывали на Ближнем Востоке иордано-палестинские комплексы, для которых общей чертой было их формирование на основе натуфийского мезолита. Наиболее известным и наиболее ярким памятником является докерамический Иерихон, хотя полученные на нем археологические материалы опубликованы в малой степени (Кепуон, 1959, 1960b; Массон, 1964б, с. 72—81). К северу от Мертвого моря, в долине р. Иордан расположен холм Телль-эс-Султан, представляющий собой руины упоминаемого в Библии города Иерихона. Однако Телль-эс-Султан содержит не только остатки поселения II тыс. до н. э., стены которого, по преданию, рухнули от звуков труб осаждавших его войск. Систематические раскопки открыли здесь целый ряд последовательных наслоений VIII—VII тыс. до н. э., объединяемых в два комплекса — докерамический неолит А и докерамический неолит Б. Их подстилают руины стоябища натуфийской общины, и материалы рисуют прямой генезис местной культуры на основе этих мезолитических традиций. Поселение поры докерамического неолита А (VIII тыс. до н. э.) занимало площадь около 4 га и было окружено обводной стеной, сложенной из камня. Неоднократно перестраиваемая эта стена имеет толщину 1.6 м и местами сохранилась на высоту 4 м. Около стены находилась и круглая башня диаметром 7 м и высотой 8 м. Сама башня была сложена из камня, наверх вела ступенчатая лестница. Однако, судя по всему, это не башня крепостной стены, а сооружение особого назначения, выполнявшее многие функции, в том числе наблюдение за окрестностями, отсюда можно было ожидать вражеского нападения. За стеной располагались дома, построенные из сырцового кирпича, еще не изготовлявшегося в специальных формах. Одна сторона кирпича была плоской, а другая овальной. Примечателен не только строительный материал, но и сами дома первого этапа иерихонской культуры. Они имеют в плане форму круга или овала, причем в ряде случаев представляют собой полуземлянки, поскольку от входа внутрь дома ведут понижающиеся ступени или просто наклонный спуск. Несомненно, эта архаическая форма глинобитных домов происходит от овальных полуземлянок и хижин мезолитического периода. Камень заменили кирпичи, сформованные из глины с примесью соломы, но план жилищ остался прежним. Усопших погребали в пределах поселения под полами жилищ. Отсутствие у некоторых погребенных черепов говорит о существовании обычая помещать их в особое место, что представлено в материалах докерамического неолита Б.

Кремневая индустрия Иерихона, генетически восходящая к натуфийскому мезолиту, характерна именно для охотничьего хозяйства. Здесь мы видим многочисленные наконечники стрел небольшой величины и с миниатюрным черешком. Вместе с тем показательно, что геометрические орудия отсутствуют. Довольно часто встречаются и разнообразные резцы, употреблявшиеся при обработке дерева и разделке шкур. Распространены также сверла и проколки, но практически отсутствуют скребки. Вероятно, роль скобящих орудий выполняли какие-либо некремневые изделия. С земледелием, по видимому, связаны грубые мотыги и многочисленные вкладыши от серпов, для которых употреблялись пластины, часто имевшие на поздней фазе зубчатую ретушь. Наряду с кремнем нередко используется обсидиан. Изучение отпечатков зерен в сырцовых строениях Иерихона А показало, что здесь представлены ячмень и пшеница-однозернянка (Norf, 1969). Исходные дикорастущие формы этих зерновых представлены в Палестине, и, скорее всего, именно они были одним из источников благосостояния натуфийских племен. Иерихон А с его прочной оседлостью и развитым строительным делом уже полностью раннеземледельческое поселение.

Дальнейший прогресс происходит в период докерамического неолита Б (VII тыс. до н. э.). Большинство западных исследователей вслед за К. Кенъон предполагают, что здесь имел место полный перерыв традиций и что насе-

ление поры Иерихона А, удалившееся неизвестно куда, заменили некие пришельцы с севера. О таком полном разрыве едва ли приходится говорить, особенно учитывая сохранение преемственности в погребальных обрядах. Правда, распространившаяся в пору Иерихона Б пшеница-однозернянка не имеет прототипов в местной флоре, но она могла попасть с севера как с пришельцами, так и в результате культурных контактов. Из новых черт прогрессивного развития примечательны успехи в области домостроительства.

Строения приобретают прямоугольный план, более соответствующий тем возможностям, которые предоставляла сырцовая архитектура. Основным типом жилого строения теперь является крупная прямоугольная комната размером 6,5×4 или 7×3 м. Около таких комнат теснятся небольшие клетишки, игравшие роль хозяйственных складов и закомов. Между домами располагались небольшие дворики, где происходило приготовление пищи, поскольку именно здесь встречены очаги и толстые слои золы. Пол жилых помещений покрыт известковой штукатуркой, часто окрашенной в красный или кремовый цвет. В одном случае на полу даже отмечены остатки несложной росписи в виде ветви растения. В разные цвета окрашивались стены: до метровой высоты, видимо, шла красная панель, а выше стены были кремового цвета. Под полами помещений в ряде случаев были найдены черепа, расположенные иногда в определенном порядке. На лицею часть некоторых черепов надета глиняная маска, воспроизводившая лепку мягких тканей. Вставленные в глазницы раковины каури дополняли впечатление человеческого лица, моделированного зачастую с большой тонкостью и изяществом. Некоторые из глиняных масок имеют следы росписи, подчеркивавшей волосы или усы. Скорее всего, в подобном обряде нашло отражение одно из проявлений культа предков.

Для кремневой индустрии показательно широкое распространение наконечников стрел, обработанных отжимной ретушью и имевших небольшой черешок. Довольно много сверл, вкладыши серпов обладают зубчатым краем, что существенно повышало производительность этого орудия. Камень служил для изготовления ступок, зернотерок и различных сосудов, большей частью в виде чуть вогнутых дисков. Миниатюрные топорики-гесла из зеленого полированного камня имеют незначительную величину. При помощи костяных орудий плелись циновки — их отпечатки обнаружены на полах помещений. Примечательно, что они имеют овальную форму, являясь, скорее всего, наследием того времени, когда существовали не прямоугольные, а овальные дома. Из глины лепились небольшие фигурки людей и животных. Существовали и более крупные скульптуры людей, выполненные почти в натуральную величину. Они изготовлялись из глины, покрывавшей каркас из связок тростника, и раскрашивались в красный цвет.

В пору Иерихона Б происходило развитие и в сфере получения продуктов питания. Размеры зерен ячменя чуть увеличиваются, что, видимо, было прямым следствием искусственного возделывания и во всяком случае увеличивало урожайность. Охота еще играла большую роль, на что указывает значительное число костей газели, находимых при раскопках. Встречены также кости овцы, козы, свиньи и осла, причем только относительно козы можно говорить, что это животное было уже домашним в пору докерамического неолита. Собака, ставшая спутником палестинских племен еще в пору натуфийского мезолита, сопровождала на охоту и жителей Иерихона. Видимо, третьим домашним животным был кот, появление которого следует прямым образом сопоставлять с созданием запасов зерна.

Культура иерихонского типа отмечена на целом ряде памятников Восточного Средиземноморья. Наиболее тщательные исследования были проведены на многослойном поселении Бейда, находящемся близ Петры, в 320 км к югу от Иерихона (Kirkbride, 1968). Нижняя часть домов здесь возведена из камен-

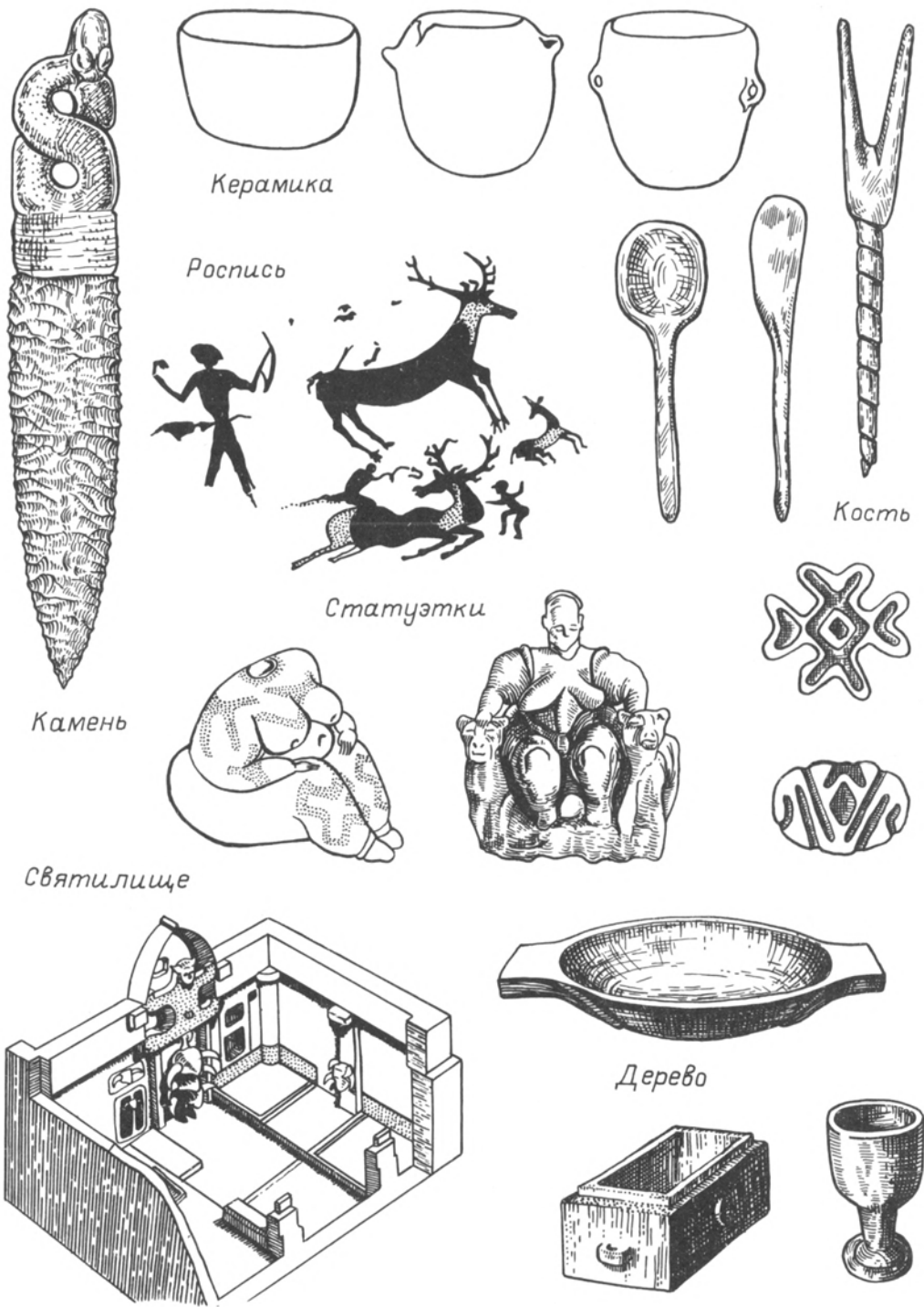
ных плит, пол и стены покрывала известковая обмазка. В центре комнат находились приподнятые над полом очаги, а вдоль стен были устроены каменные сиденья. В небольших строениях производились разного рода производственные работы — изготовление костяных орудий, бус из камня и морских раковин. Начинались первые шаги по использованию глины не только для небольших фигурок, но и для посуды — в Бейде найден обломок сосуда, вылепленного из глины, но еще не обожженного. Изобретение керамики, столь необходимой для ранних земледельцев с их разнообразными продуктами питания, было лишь делом времени.

Судя по всему, в особый центр раннеземледельческих культур следует выделить Малую Азию, хотя здесь и прослеживаются некоторые черты, общие с иерихонской традицией. К концу VIII—началу VII тыс. до н. э. относятся нижние напластования поселения Хаджилар на юго-западе Малой Азии с глинобитными домами, в которых полы тщательно обмазаны и залощены. Пол и стены покрывались красной краской, встречена и несложная геометрическая роспись, производившаяся красным по кремевому фону. Керамика отсутствует, но найдены обломки каменных сосудов. Костяные шилья, кремневые и обсидиановые вкладыши серпов и каменный полированный топор дополняют характеристику этой культуры. Двухрядный ячмень уже возделывался искусственно, но также практиковались сборы дикорастущей пшеницы-однозернянки. На полах некоторых домов обнаружены человеческие черепа, что в определенной мере перекликается с обрядами, практиковавшимися на поселениях иерихонской культуры (Mellaart, 1975, p. 95).

Важным памятником, рисующим постепенный прогресс земледельческо-скотоводческой культуры Малой Азии, является Чейюню-тепеси (Cambel, Braidwood, 1971; Braidwood a. o., 1974). Выявленные здесь пять фаз развития ориентировочно датируются 7250—6750 гг. до н. э. Уже со второй фазы появляются дома, основания стен которых выложены из камня. Полы домов покрыты ровным слоем известковой обмазки и окрашены в оранжево-розоватый цвет. На протяжении всех фаз глиняная посуда отсутствует, хотя имеются глиняные фигурки животных. Кремневые микролитовидные орудия безраздельно господствуют в производстве, но встречаются и отдельные изделия из ковanej меди.

Эволюция хозяйства на Чейюню-тепеси уже сейчас прослеживается достаточно определенно. В двух нижних фазах мы застаем комплексную охотничье-земледельческую экономику. При этом среди орудий труда около 10 % составляют вкладыши серпов с явственно видимой заполировкой от интенсивного использования. Основной добычей охотников был зубр, второе место занимал олень. Число костей зубра и оленя вдвое больше, чем число костей барана и козла. Домашняя собака была в это время единственным прирученным животным. В поздних фазах Чейюню-тепеси хозяйство приобретает более сложный характер: охоту вытесняет, хотя и не заменяет полностью разведение мелкого рогатого скота — коз и овец. Число костей этих животных в количественном отношении в 13 раз превышает число костей оленей и зубров. Земледельцы Чейюню-тепеси возделывали исключительно пшеницу, как двузернянку, так и однозернянку. Показательно отсутствие ячменя, этой излюбленной культуры Древнего Востока: среди нескольких тысяч зерен найдено лишь три зерна дикого ячменя.

Необычайный расцвет местной оседлоземледельческой культуры характеризует поселение Чатал-Хююк, расположенное в плодородной Конийской долине и датирующееся второй половиной VII—первой половиной VI тыс. до н. э. (Mellaart, 1967; 1975, p. 98—111). Здесь в это время существовало более 20 небольших оседлых поселений, но именно Чатал-Хююк, занимающий площадь в 13 га, был наиболее значительным из них и, скорее всего, играл роль центра для местных общин (рис. 7).

Керамика

Роспись

Кость

Статуэтки

Камень

Святилище

Дерево

Рис. 7. Комплекс Чатал-Хююк.

Поселение было тесно застроено небольшими домами, возведенными из крупного сырцового кирпича прямоугольного формата. Из глины в домах устраивались невысокие платформы и сидения типа скамьи. Некоторые такие дома с интерьером, оформленным сюжетными росписями и глиняными рельефами, безусловно являются святилищами. Останки усопших помещали под полами домов, причем мягкие ткани предварительно счищались и ингумации предавались кости, завернутые в одежды или циновки. Иногда могилы посыпали красной охрой. Широко распространен погребальный инвентарь. С женщинами клали ожерелья, разного рода браслеты, каменные мотыги, костяные шпатели и ложки. В мужских погребениях представлены каменные напершия булав, обсидиановые кинжалы, наконечники дротиков и стрел, костяные застёжки от поясов.

Основной орудийный набор Чатал-Хююка составляют каменные и костяные орудия. Главным сырьем для их изготовления служил обсидиан, обрабатываемый с помощью отжимной ретуши, доведенной до филигранного мастерства. Знакома былаковка самородного металла, имеются медные и свинцовые бусы, но это новшество никак еще не влияло на основной орудийный комплекс. Сравнительно малочисленна глиняная посуда, обычно темная или темно-желтого цвета. В верхних напластованиях памятника появляется и редкая керамика с орнаментом в виде красных полос. Многочисленные бусы изготовлялись из синего или зеленого апатита с тонкими отверстиями для продевания нити. Потребности в посуде, видимо, в значительной мере удовлетворялись деревянными изделиями. Они в большом числе были обнаружены в могилах, причем формы этих деревянных сосудов исключительно разнообразны. Здесь имеются и плоские блюда с фигурными выступами-ручками, и кубки на ножках, и коробочки разных форм с плотно прилегающими крышками. Плетеные и деревянные изделия повлияли на форму глиняных сосудов Чатал-Хююка.

Основу экономики этого важного центра раннеземледельческой культуры составляли земледелие и скотоводство. Культивировалось 14 видов растений; среди них главную роль играли пшеницы, однозернянка и двузернянка, а также голозерный ячмень и горох. Косточки миндаля и фисташки могут указывать на получение из них растительных масел. Обнаружено также много семян крапивного дерева, и существует предположение, что из него варили вино, которое позднее было известно в этих районах. К числу домашних животных принадлежал крупный и мелкий рогатый скот. Была также как наследие более ранней эпохи распространена охота на быка и благородного оленя, изображенная на ряде фресок в древних святилищах.

Примечательной особенностью чатал-хююкской культуры является высокий уровень благосостояния, отраженный как в богатом убранстве глинобитных построек, так и в наборе предметов, не связанных непосредственно со сферой производственной деятельности. Таковы самые разнообразные бусы и подвески, на изготовление которых обществом затрачивалось немало усилий. Забота о внешнем виде не ограничивалась украшениями — именно на Чатал-Хююке мы имеем бесспорные свидетельства применения древней косметики. Таковы корзиночки с румянами, косметические шпатели, обсидиановые зеркала, закреплявшиеся в рукоятке при помощи известковой массы. Для туалета широко использовалась охра. Часто в женских могилах она помещена в изящные средиземноморские раковины в смеси с какими-то жировыми веществами.

Богатый мир раннеземледельческой культуры и идеологических представлений раскрывают чатал-хююкские святилища. Роспись стен производилась натуральными красками, наносившимися кистью на белую обмазку. Наряду с этим существовали и рельефные фигуры, вылепленные на каркасе из тростника, как в Иерихоне, или из дерева. В переднюю часть скульптурных

изображений животных включали череп быка или барана. Ряды рогатых бычьих голов помещались на платформах, придавая интерьеру святилищ тревожную атмосферу. В стилистическом плане в росписи Чатал-Хююка сочетаются древние традиции поры верхнего палеолита и мезолита и новые приемы. Охотничьи фрески, на которых многочисленные фигурки охотников окружают попавшего в облаву быка или загоняют оленей, отличаются живой экспрессией и динамизмом. Однако большей частью изображения животных в Чатал-Хююке аппликационно условны и во многом схематичны. В этом отношении показательны изображения крупных птиц с распростертыми крыльями, видимо грифов, напоминающие графическую зарисовку анатома. Имеются и чисто орнаментальные панно с ритмичным повторением геометрических фигур, превосходящим роспись на глиняной посуде. Это были уже эстетические концепции новой эпохи, ярко воплощенные затем в прикладном искусстве ранних земледельцев.

Схематические изображения крупных рельефных женских фигур с раскинутыми в стороны руками и ногами свидетельствуют о том, что в древних культах едва ли не главенствующее положение занимало женское божество плодородия. Иногда рельефами подчеркивалось, что эта фигура дает жизнь бычьей или бараньей голове. Не исключено, что многочисленные изображения быка уже ассоциировались с мужским божеством, как это позднее было в целом ряде древневосточных религий.

Эту картину дополняют каменные и терракотовые статуэтки, среди которых первое место опять-таки занимают изображения обнаженных женщин, как молодых девушек, так и зрелых матрон. На каменном рельефе фигура женщины воспроизведена стоящей за леопардом, возможно считавшимся священным животным богини. В одном из святилищ имеется неоднократно подновлявшийся рельеф с изображением двух леопардов, обращенных головами друг к другу. Найдена статуэтка, изготовленная из мрамора, воспроизводящая сидящего мужчину с браслетами на предплечьях и в шапке из леопардовой шкуры.

Происхождение чатал-хююкской культуры как археологического комплекса остается не вполне ясным. Во всяком случае, по типам изделий его трудно возвести к Чейюню-тепеси, здесь налицо глубокие различия даже в строительном деле — при всем богатстве убранства чатал-хююкских домов алебастровые полы в них отсутствуют. Другая важная проблема связана с интерпретацией самого типа поселения, руины которого сейчас известны под названием Чатал-Хююка. Большинство западных исследователей именуется его неолитическим городом или агрогородом (агротаун). Однако, имея значительное число жителей (по разным системам исчисления от 2000 до 6000 человек), Чатал-Хююк еще не являлся центром торговли или ремесленного производства. Различные виды промыслов при всем совершенстве производимых изделий не выходили за рамки первобытного ремесла, не связанного с товарным производством. Получение различных видов сырья главным образом в ближайших окрестностях также вполне укладывается в рамки простого обмена или даже так называемых торговых экспедиций. Поэтому нет оснований преувеличивать и торговую функцию этого первобытного поселения. Вместе с тем своего рода центральное положение в системе более мелких поселков указывает на то, что Чатал-Хююк, видимо, осуществлял функцию центра сельскохозяйственной округи. Поселения этого типа стоят у истоков формирования древневосточных городов, которое происходит лишь в результате длительной социально-экономической и культурной эволюции. Недаром и в Малой Азии после запустения Чатал-Хююка столь значительные центры появляются лишь в IV—III тыс. до н. э.

Третьим вырисовывающимся сейчас центром раннеземледельческих культур Передней Азии была, безусловно, Северная Месопотамия с примыкаю-

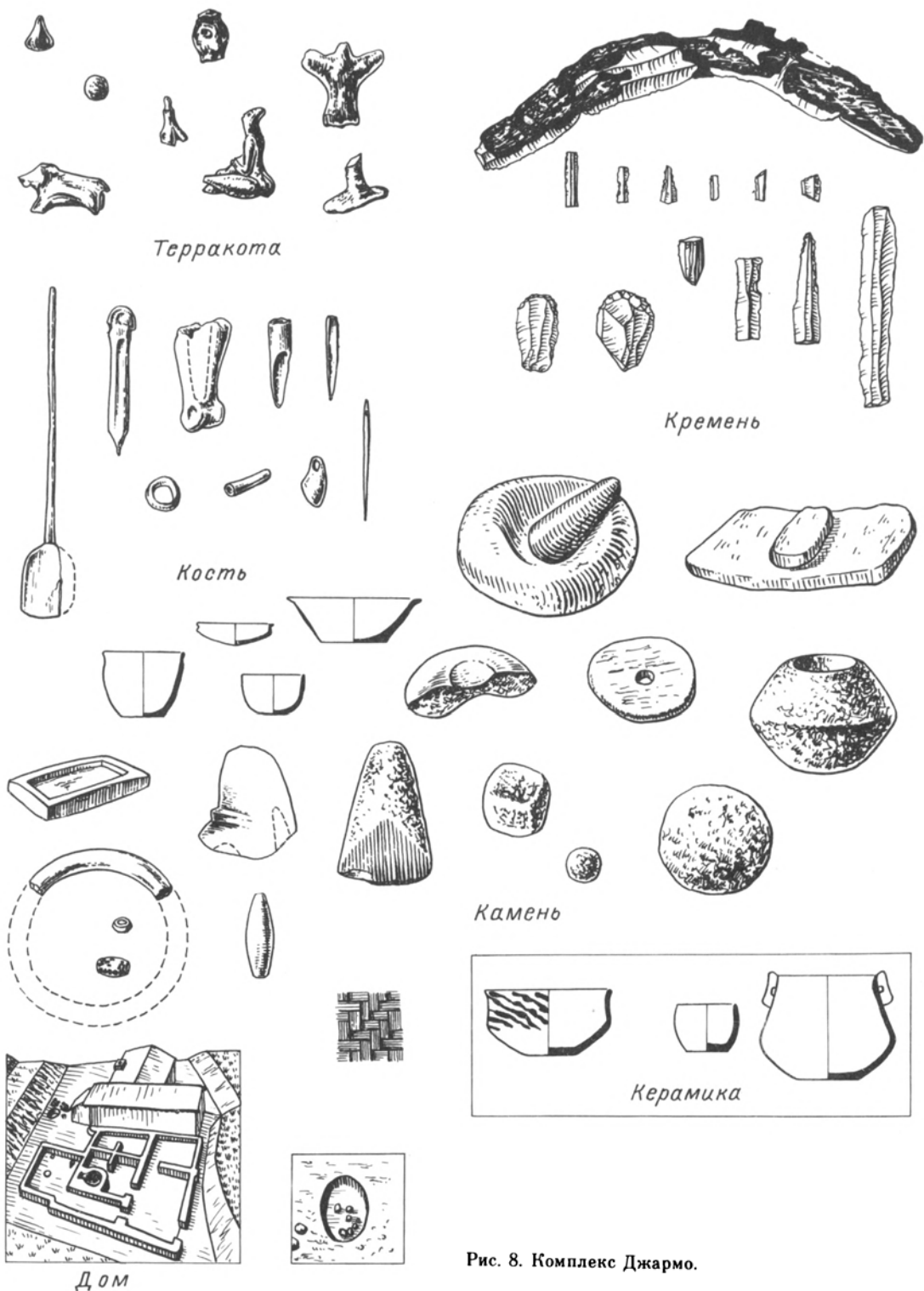

Рис. 8. Комплекс Джармо.

щими к ней горными областями Западного Ирана. Здесь в VII—VI тыс. до н. э. развивается культура типа Джармо (рис. 8), или, как ее называют некоторые исследователи, загросская культурная общность.

К числу памятников этой культуры относятся помимо самого Джармо также Телль-Шимшара в иракском Загросе и Тепе-Сораб и Тепе-Гуран в иранской его части. Само поселение Джармо расположено в зоне дубовых лесов на высоте 750 м (Braidwood, Howe, 1960, p. 26—27, 38—50, 63—66). Дома здесь глинобитные, иногда на каменном фундаменте. Общая мощность культурных напластований составляет 7 м, подразделяемых на 15 строительных горизонтов. В пяти верхних встречается керамика, тогда как ниже она отсутствует. Характерным признаком культуры Джармо является микролитическая пластинчатая кремневая индустрия с симметричными трапециями и сравнительно редкими сегментами. Наконечники стрел, столь обычные для Восточного Средиземноморья и Малой Азии, здесь отсутствуют. В Джармо имеются также сверла, разнообразные микроскрепки, служившие для обработки шкур, а в нижних слоях также геометрические микролиты в виде удлиненных треугольников.

Кремневые вкладыши закреплялись в деревянные рукоятки при помощи битума, и находка одного такого изделия показывает, что серп уже имел изогнутую форму в отличие от прямых жатвенных ножей поры мезолита. Состав орудий дополняется шлифованными каменными теслами и топорами. Среди костяных изделий, как и на Чатал-Хююке, имеются ложки, видимо необходимые при земледельческом меню. Характерным признаком материальной культуры являются всевозможные браслеты, выточенные из камня. Многочисленны разнообразные каменные сосуды, не исчезающие и с появлением керамики. Они составляют для Джармо такую же специфическую черту, как деревянные сосуды для Чатал-Хююка. Сама глиняная посуда верхних слоев довольно проста по набору форм и содержит в глине примесь мелко-рубленной соломы. Ряд сосудов расписан темно-коричневой краской по оранжевому фону косыми неровными линиями. Из глины изготавливались также конусы и другие фишки, скорее всего предназначавшиеся для игры, и разнообразные фигурки животных, нередко выполненные с незаурядной экспрессией, как например статуэтка кабана. Выразительны и сидящие статуэтки полных обнаженных женщин с массивными бедрами. Таким образом, налицо все составные элементы раннеземледельческого археологического комплекса.

Земледельческо-скотоводческий характер хозяйства обитателей Джармо не вызывает сомнений. Обнаружены обугленные зерна двух видов пшеницы и одного вида ячменя, а также дикорастущие ячмень, горох и чечевица. К числу домашних животных принадлежат овца и коза, а в верхних слоях найдены также кости домашней свиньи. Производство продуктов питания обеспечивало общине Джармо прочную оседлость, что и привело к образованию многометровой толщи культурных отложений.

Несколько иной облик носило хозяйство населения, оставившего Тепе-Сораб (Braidwood a. o., 1961). Тип кремневых орудий, расписной керамики и глиняных статуэток здесь тот же, что и на Джармо. Однако долговременные глинобитные постройки отсутствуют, так же как среди костных остатков нет свиньи. Сам памятник находится уже в зоне альпийских лугов, на высоте 1260 м. Скорее всего, это было сезонное поселение пастухов, занимавшихся выпасом коз. Значительно южнее Сораба, в Луристане находится другое поселение культуры Джармо — Тепе-Гуран (Mortensen, 1964, 1972). Здесь также налицо прочная оседлость — в 7-метровой толще культурных напластований выделено 19 слоев. Первоначально жилищами служили прямоугольные хижины, но затем их сменяют дома из сырцового кирпича. Известковые полы этих строений покрывались иногда красной краской. Среди кремневых

орудий много вкладышей серпов, встречаются скребки, но геометрические микролиты в виде трапеций и сегментов немногочисленны. Керамика в трех нижних горизонтах отсутствует. Из домашних животных обнаружена коза.

Разведки на севере Ирака позволяют предполагать, что памятники типа Джармо представлены и в подгорной полосе. Это нашло подтверждение в ходе работ советско-иракской экспедиции, которая в Синджарской степи открыла поселение Телль-Магзалия (Бадер, 1975). Культурные слои здесь имеют толщину 8 м. Глинобитные дома возводились на каменном фундаменте. В условиях равнинного рельефа задачи обороны приобретали особое значение — поселение подобно Иерихону обнесено стеной, сложенной из массивных камней, имело башню и специально оформленные ворота. Каменные орудия сделаны из обсидиана, причем пластины служили вкладышами серпов. Из камня изготовлялись помимо зернотерок разнообразные сосуды и антропоморфные статуэтки. По-видимому, перед нами локальные варианты раннего Джармо.

Вместе с тем на Синджарской равнине, расположенной на севере Ирака, скрещивались культурные традиции востока и запада. Это видно уже по материалам раннеземледельческого комплекса Умм-Дабагийя—Телль-Сотто, относящегося к концу VII—началу VI тыс. до н. э. (Kirkbride, 1972, 1973, 1974, 1975; Бадер, 1975). Для этого комплекса типичны глинобитные дома с алебастровыми полами, керамика, украшенная несложной росписью и налестками, нередко в виде фигур людей и животных. Эта своеобразная посуда отлична от керамики других раннеземледельческих культур как загросского, так и восточносредиземноморско-малоазийского ареала. Остатки злаков и кремневых вкладышей серпов указывают на развитие земледелия. Однако основную часть мясной пищи доставляла охота, главным образом на онагра. Кости домашних животных, в число которых входят мелкий и крупный рогатый скот, а также свиньи, составляли всего около 11%. Среди известных памятников это наиболее ранний случай наличия одомашненного крупного рогатого скота.

О том, что переход к новым формам хозяйства совершался в среде племенных групп с различными культурными традициями, отразившимися в наборе археологических объектов, свидетельствуют и памятники Западного Ирана, отличные от культуры Джармо. Таково, например, поселение Ганджи-Даре в 37 км от г. Керманшахр, относящееся ко второй половине VIII—началу VII тыс. до н. э. (Smith, 1968, 1972; Mellaart, 1975, p. 77—79). Общая толща наслоений здесь достигает 8 м, и в верхних слоях они образованы остатками домов, возводившихся из крупного прямоугольного кирпича. Среди кремневой индустрии отсутствуют геометрические микролиты. Довольно много зернотерок, обломков каменных сосудов, но в отличие от памятников типа Джармо нет каменных браслетов. Фигурки животных и людей, а также фишки для игры в виде конусов и других фигур изготовлялись из глины. Появляется и глиняная посуда — небольшие чаши черного или коричневого цвета с простым углубленным орнаментом и крупные сосуды для хранения с толстыми стенками. В пределах поселения располагались и захоронения, в которые погребенные помещались в скорченном или вытянутом положении. Судя по всему, производились регулярные сборы и обработка злаков, хотя неизвестно, были ли среди них уже окультуренные породы. Косвенные данные указывают на одомашнивание козы.

Иное направление культурного развития в VII—VI тыс. до н. э. установлено для Юго-Западного Ирана, где изучено многослойное поселение Али-Кош, расположенное уже в подгорной зоне, в долине Дех Луран (Hole a. o., 1969; Массон, 1971a). Дома в Али-Коше, начиная с самых нижних слоев, возводились из продолговатого сырцового кирпича, а затем их интерьер стал окрашиваться в красный цвет. В полном соответствии с обычаями ранних

Рис. 9. Комплекс Джейтун.

земледельцев находится практика совершения захоронений в скорченном положении на территории поселка. Микролитическая кремневая индустрия продолжает традиции иракского мезолита. Вскоре появляется и расписная керамика, но мотивы росписи отличны от традиций Джармо. Четко устанавливается процесс хозяйственной эволюции. Уже в нижних слоях практикуется наряду со сбором дикорастущих злаков возделывание пшеницы и ячменя, сочетавшееся с разведением коз. Постепенно земледелие вытесняет собирательство и становится поливным. На обработку полей и проведение небольших каналов указывают изменения флоры и появление массивных каменных наконечников мотыг.

Пока плохо изученными остаются раннеземледельческие памятники на большей части Иранского плато. В Северо-Восточном Иране была распространена неолитическая джейтунская культура VI тыс. до н. э., лучше

всего изученная в Южном Туркменистане, где находится и основной памятник — поселение Джейтун (Массон, 1971в). Прочные глинобитные дома с полами, покрытыми известковой обмазкой и окрашенными в красный и черный цвет, сближают джейтунские памятники с ближневосточной строительной традицией. Микролитическая индустрия с трапециями и сегментами в ряде отношений близка к кремневым изделиям Джармо, так же как и одна из групп расписной керамики (рис. 9). Джейтунские материалы обнаружены в нижних слоях ряда памятников Юго-Восточного Прикаспия, переживание джейтунских традиций можно проследить и в энеолитическом комплексе Сиалк I в Центральном Иране. Труднее судить о характере раннеземледельческих культур на юго-востоке Ирана. Однако открытие в Северном Пакистане раннеземледельческого комплекса Мергар VI тыс. до н. э. с сырцовой архитектурой и кремневыми орудиями, аналогичными в ряде отношений Джейтуну (Jarrige, Lechevallier, 1979), позволяет предполагать возможность существования типологически близких комплексов и на юго-востоке Ирана.

Детальное изучение взаимосвязей и генезиса различных культур этих трех основных центров и четвертого, намечающегося к востоку от них, — дело конкретной археологии. Как общую тенденцию можно отметить сложную, полицентрическую картину взаимодействия комплексов с различными культурными традициями. Эти комплексы в свою очередь вписываются в общую систему двух крупных культурных ареалов — восточного (Ирак, Иран, Средняя Азия) и западного (Восточное Средиземноморье, Малая Азия). Вместе с тем весьма существенно и другое обстоятельство — наряду с пестрой мозаикой археологических комплексов и культур наблюдается значительное разнообразие хозяйственной деятельности и ее высокая локальная вариабельность в рамках экономики производящего типа. Есть все основания считать, что разнообразие хозяйственных систем, закрепляемое культурной традицией, прямым образом отразилось и на многообразии, наблюдаемом в собственно культурной сфере.

Увеличение археологической информации значительно расширило и возможности исторических реконструкций. В настоящее время становление земледельческо-скотоводческих культур Передней Азии можно рассматривать уже как конкретно-исторический процесс, намечая реальное многообразие форм его проявления. В частности, оказалось, что различные способы получения продуктов питания и прежде всего земледелие и скотоводство выступают в определенных сочетаниях, отражая конкретную сложную картину хозяйственной деятельности древних племен. Г. Ф. Коробковой в 1972 г. был поставлен вопрос о различиях в хозяйстве ранних земледельческо-скотоводческих племен с выделением нескольких локальных вариантов и типов (Коробкова, 1972). Продолжающееся изучение массовых коллекций орудий труда из ранних земледельческо-скотоводческих памятников юга СССР позволило значительно дополнить и расширить эти первоначальные наблюдения (Коробкова, 1981б, с. 31—34; Лоллекова, 1979; Эсакия, 1984). Новые материалы свидетельствуют о том, что большая локальная изменчивость характеризует производящую экономику Передней Азии, начиная с ее истоков (Массон, 1982б). Как показывает типология этих вариантов, элементы производящей экономики зарождаются в недрах архаических хозяйственных систем, но там они бытуют еще в виде укладов, не изменяя кардинальным образом облик культуры и общества (табл. 2). В наиболее архаических комплексах отчетливо прослеживаются традиции того культурно-хозяйственного типа, на основе которого они формируются. Одним из таких исходных типов были степные охотники, практиковавшие избирательную охоту на определенный вид животного. В степях Передней Азии это обычно были зубр или онагр. Высокая степень рентабельности подобной охоты привела к сло-

Таблица 2

Хозяйственные типы на Древнем Востоке в X—VI тыс. до н. э.

Хозяйственный тип	Памятник	Ориентировочная датировка	Земледельческие культуры	Предмет собирательства	Предмет охоты	Виды скота
Присваивающая экономика						
Охотники-собиратели со скотоводческим укладом	Шанидар	10000	—	—	Баран, козел, олень	Овца
Охотники-собиратели	Мюрайбит	8000	?	Однозернянка, ячмень	Зубр (основа), джейран, лошадь	
Производящая экономика						
Скотоводы-охотники	Гуран (низ)	6500			Джейран	Коза
Земледельцы-охотники	Чейюню (низ)	7250	Двузернянка, однозернянка	Ячмень	Зубр (основа), олень	
Земледельцы-охотники со скотоводческим укладом	Дабагийя	6000	Двузернянка, однозернянка, ячмень	Ячмень	Онагр (основа), джейран	Овца, коза, свинья, крупный рогатый скот
Земледельцы-скотоводы с охотничьим и собирательским укладом	Али-Кош (низ)	7000	Двузернянка, ячмень	Бобовые и злаковые	Онагр, бык, джейран	Коза (основа), овца
	Чейюню (верх)	6750	Двузернянка, однозернянка, ячмень	Ячмень	Зубр, олень	Овца, коза
	Джармо (низ)	6500	Двузернянка, однозернянка, ячмень	Ячмень	Козел, бык, олень, джейран	Коза (основа), овца
	Гуран (верх)	5500	Ячмень	?	Джейран	Коза
	Джармо (верх)	5500	Двузернянка, однозернянка, ячмень	Ячмень	Козел, бык, олень, джейран	Коза (основа), овца, свинья

жению своеобразного хозяйственного типа земледельцев-охотников, ярко представленного нижними слоями Чейюню (Braidwood a. o., 1974) и частично Дабагийя (Kirkbride, 1972, 1973, 1974). Их типологическим (но не культурно-генетическим) предшественником следует считать охотников-собирателей Мюрайбита. Это интереснейшее поселение расположено на Евфрате в 80 км от Алеппо. В ходе раскопок здесь обнаружены овальные в плане жилища со стенами, выложенными из камня и обмазанными глиной. Датировка соответствующих слоев Мюрайбита — конец IX—начало VIII тыс. до н. э. (Cauvin, 1972; Mellaart, 1975, p. 42—48). Его обитатели охотились на степных копытных животных и в широких масштабах практиковали сборы дикорастущих пшениц и ячменя. Зерна этих растений в большом количестве были найдены на раскопках, хотя и без признаков искусственной культивации. Подлинный расцвет раннеземледельческих и земледельческо-скотоводческих культур, наступивший после стадии трансформации, связан уже с развитием экономики, почти полностью избавившейся от архаических пережитков. Но и здесь наблюдается заметное локальное разнообразие. При этом пестрота хозяйственных типов обуславливалась не только адаптацией к природной среде, но и культурной традицией, могущей быть в ряде случаев доминирующим фактором.

Новые данные свидетельствуют о том, что аналогичные местные особенности характерны и для культурно-хозяйственных комплексов, в которых

происходило становление и развитие производящей экономики в областях к востоку от Месопотамии (Masson, 1983). Так, хозяйство племен джейтунской культуры Южного Туркменистана отличается относительным единством. На ранних этапах отмечается повышенная роль охоты, но это можно рассматривать как эпохальное явление, характерное в целом для ранних этапов экономики производства пищи. В дальнейшем в одном из районов распространения джейтунской культуры намечается бóльшая роль скотоводства по сравнению с земледелием, что представляет собой локальное своеобразие (Лоллекова, 1979). Интересный путь хозяйственной эволюции для Северного Белуджистана устанавливается по материалам Мергара. Здесь в VI тыс. до н. э. существует привлекающая экономика земледельцев и охотников, частично дополняемая собирательством дикорастущих злаков (Jarrige, Lechevallier, 1979; Lechevallier, Quivron, 1981). Примечательно, что именно охота доставляла основную массу животного протеина. В числе добываемых животных были газель, баран, козел, водный буйвол, онагр и даже слон. Незначительная величина некоторых костей козы позволяет предполагать, что могли начаться первые шаги по приручению этого животного. К середине VI тыс. до н. э. в Мергаре устанавливается сбалансированная земледельческо-скотоводческая экономика. В наслоениях этого времени уже представлены основные домашние животные — коза, овца и бык зебувидной породы (Медоу, 1982). По-новому приходится рассматривать и историю племен, обитавших в VI—V тыс. до н. э. по среднему течению Ганга. Здесь в комплексах с микролитовидным инвентарем и грубой, примитивно орнаментированной керамикой установлено наличие культивации риса (Sharma, 1983). Обнаружены как сами зерна этого растения, так и их отпечатки в глиняных черепках (Вишну-Миттре, Шарма, 1984). Вместе с тем детальные палеоботанические исследования показали, что наряду с образцами культивируемого риса регулярно встречаются и зерна дикого. Это наблюдается как в наиболее ранних, так и в поздних комплексах. Поэтому авторы палеоботанических определений не без оснований полагают, что перед нами земледелие сравнительно низкой стадии развития. Скорее всего, в условиях специализированного собирательства при расположении поселений поблизости от затопляемых низменных участков с зарослями дикого риса начались и первые шаги по целенаправленному воздействию на эти естественные поля. Однако при низком уровне развития орудий труда и общественной организации сложное поливное земледелие, которое могло бы обеспечить масштабное возделывание риса, долго не получало здесь развития. Хозяйственный комплекс племен долины Ганга VI—V тыс. до н. э. можно рассматривать как охотническо-собирательский с земледельческим укладом. Видимо, в роли подобного хозяйственного уклада в рамках традиционной архаической экономики функционировало древнейшее земледелие и в Юго-Восточной Азии. Оно основывалось не на злаковых сортах, а на разведении растений так называемой полной вегетации (Harris, 1972, p. 249). При раскопках «пещеры духов» в Таиланде в слоях X—VII тыс. до н. э. наряду с каменными орудиями хоабинского типа обнаружено значительное количество остатков растений, многие из которых имеют явные признаки искусственного выращивания (Groman, 1971; Чеснов, 1973). Это слива, бобы, горох, бетель, а позднее фасоль, перец, огурцы и бутылочная тыква. Дикорастущие сорта преобладают, но не приходится отрицать и начала доместикиции. Видимо, с ранним развитием специализированного собирательства, в рамках которого началось и культивирование растений, связано и раннее, по крайней мере в VII тыс. до н. э., появление глиняной посуды, использовавшейся при варке растительной пищи. Однако возникновение зачатков земледелия в этом регионе, так же как и по среднему течению Ганга, отнюдь не вело к сложению цивилизации. Как отмечает Д. Харрис, крахмальная диета, базирующаяся на клубневых растениях, в отличие от пита-

ния, основанного на зерновых культурах, нуждается в обязательном подкреплении животным протеином. В Юго-Восточной Азии решающую роль в изменении структуры пищевого баланса и новом витке развития экономики производства пищи сыграло распространение риса как основной сельскохозяйственной культуры (Chang Kwang-Chin, 1970, p. 182—183).

Таким образом, отнюдь не все раннеземледельческие культуры и связанные с ними хозяйственные системы оказались в равной мере перспективными с точки зрения дальнейшего прогресса. Недаром зона их распространения значительно шире зоны первых цивилизаций. Развитие предпосылок формирования цивилизаций, а затем и самих цивилизаций как таковых идет лишь там, где создается соответствующий экономический, культурный и интеллектуальный потенциал. Для подобного прогресса в раннеземледельческую эпоху открывались огромные возможности, но не во всех случаях и ситуациях эти возможности были реализованы.

Одним из ярких показателей значительной эффективности самой системы производства продуктов питания в разных ее вариантах было резкое увеличение численности населения. Недаром сразу после перехода к новым формам экономики десятки и тысячи оседлых поселков заполняют обширные пространства Передней Азии и других регионов. По различным оценкам, коэффициент плотности населения в раннеземледельческую эпоху возрастает с показателя в 5—7 человек на 100 км², характерного для обществ присваивающей экономики, до 1000 человек на ту же единицу площади (Braidwood, Reed, 1957, p. 24—25; Массон, 19766, с. 102—103). По одной из оценок, после перехода к земледелию и скотоводству население земного шара возросло в 15 раз. Не следует забывать о том, что именно сам человек является важнейшей частью производительных сил и увеличение численности населения означало одновременно скачок производственного потенциала.

Огромные возможности и перспективы, заложенные в сфере материального производства раннеземледельческой эпохи, сыграли решающую роль в последующем развитии на пути к цивилизации. Отметим здесь три наиболее существенных момента. Первое — это эффективность систем производства продуктов питания и прежде всего земледелия, основанного на возделывании зерновых культур. Первоначальные посевы «под дождь», практиковавшиеся в зонах естественного произрастания злаковых растений, дают, как правило, сравнительно невысокие и нестабильные урожаи. Наряду с этим в зонах подгорных речек и ручьев, а также в районах паводковых разливов временных водотоков начало практиковаться полуполивное земледелие или земледелие одноразового орошения. Это положило начало ирригационному земледелию, которое произвело полный переворот в создании эффективной системы снабжения человека белковой пищей (Лисицына, 1979, с. 20). Дальнейшими шагами были освоение бассейнов крупных рек аридной зоны, сооружение разветвленной системы оросительных каналов, переход к многоразовому поливу. Селекционным путем выводятся сорта, специально приспособленные к новым условиям, причем, как отмечает Г. Хельбек, даже сами размеры зерен памятников древней Месопотамии различны в зависимости от агротехнических приемов. В зоне искусственного орошения зерна в несколько раз крупнее, чем зерна тех же самых сортов, происходящие из районов богарного или полуполивного земледелия (Helbaek, 1960). Созданное в раннеземледельческую эпоху поливное земледелие по существу стало основой первых цивилизаций Древнего Востока. Ориентировочные оценки показывают его высокую эффективность уже на ранних стадиях развития. Так, в пору существования раннеземледельческой джейтунской культуры в Южном Туркменистане, судя по всему комплексу имеющихся данных, практиковалось богарное земледелие, или земледелие одноразового орошения (Массон, 1971в, с. 102; Лисицына, 1978, с. 205—207). Само поселение Джейтун,

размеры посевных площадей которого определены несколькими способами (Лисицына, 1978, с. 206—207; Коробкова, 1980, с. 219—220), объединяло членов 30 малых семей, обитавших в небольших однокомнатных домах. Между тем для обеспечения этого населения продуктами питания по нормам, известным по шумерским источникам, каждой семье достаточно было затратить 80 трудовых дней. Таким образом, здесь уже существовала возможность разделения необходимого и прибавочного труда, открывавшая огромные перспективы вплоть до возникновения эксплуатации. В земледельческих системах многоразового полива и более совершенной селекции эти возможности возрастали в несколько раз (Массон, 1970, с. 52; 1976б, с. 52—54).

Второй важный аспект в развитии материального производства в раннеземледельческую эпоху связан с совершенствованием и специализацией производств, направленных на удовлетворение различных потребностей общества, благосостояние которого с переходом к новому способу получения продуктов питания резко возросло. Увеличилось само количество специализированных производств, ставших необходимой составной частью функционирования каждой хозяйственно-бытовой ячейки от мелкого поселка до крупного центра. В число таких производств входят и изготовление глиняной посуды, и строительное дело, и специализированное производство украшений, и многое другое. Активно идет процесс накопления положительных знаний о физических свойствах различных природных материалов и технологии их обработки. Особенно значительны успехи в сфере теплотехники, у истоков которой стоит необходимость предварительного прокаливания зерен дикорастущих злаков и морфологически им близких сортов, обладающих твердой мякиной. Недаром массивные очаги занимают значительную часть внутреннего пространства жилых строений в поселках первых земледельцев. Значительных технических навыков требовал и обжиг глиняной посуды. Как считают специалисты, именно успехи в сфере теплотехники были генеральной линией технического прогресса этой эпохи (Сайко, 1982, с. 138 и след.). Не случайно с эпохой внедрения земледелия связано и открытие плавки металлов. В малоазийских Чейюню и Чатал-Хююке металлические и свинцовые изделия появляются одновременно с керамикой, там же обнаружен и медный шлак (Braidwood а. о., 1974; Черных, 1972, с. 22—23). Весьма ранними оказались и древнейшие металлические изделия Месопотамии (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 307—315). Однако это важнейшее технологическое открытие на первых порах не получило широкого распространения и мало сказалось на ассортименте орудий труда. Производительность кремневых и костяных орудий, как показывают экспериментальные исследования, была весьма высокой (Семенов, Коробкова, 1983, с. 188; Коробкова, 1978) и, надо полагать, удовлетворяла раннеземледельческие общества. Первоначально металлургия развивалась в рамках технологических поисков, хотя и успешных, но не перераставших сразу же в массовое производство.

В целом специализация производств, требовавших профессиональной деятельности, происходившая в раннеземледельческих обществах, вела к появлению мастеров-профессионалов. Их социальный статус на первых порах был оформлен в рамках традиционных форм, в связи с чем появилось так называемое общинное ремесло. Ремесленники в данном случае распространяли продукцию в рамках своей общины не путем купли-продажи, а именно в силу своего членства в данной общине, участвуя соответственно в потреблении продукта, производимого в сельском хозяйстве (Массон, 1976б, с. 62—65). Но потенциально эта специализация, которая лишь усилилась с выделением в общине группы мастеров-профессионалов, вела к такому важнейшему социально-экономическому явлению, как крупное общественное разделение труда.

И, наконец, третий существенный аспект связан с общественной организацией производства. Мы имеем в виду простую кооперацию, позволявшую уже на стадии первобытнообщинного строя концентрировать значительные трудовые усилия на отдельных мероприятиях. На определенных этапах самого земледельческого труда кооперация была необходимым элементом, особенно в условиях поливного земледелия. Соответствующий опыт накапливается на разных уровнях организации общества, начиная с больше-семейной общины, которая все более выступает на первый план как исходная социально-производственная единица общества. Из нее складывались более значительные структуры, в частности крупные раннеземледельческие поселения — центры оазисов, где число жителей достигало нескольких тысяч человек. В этих центрах кооперирование было абсолютно необходимо в самых различных сферах, включая создание укреплений. В результате в раннеземледельческую эпоху активно происходило накопление опыта хозяйственной и социальной организации и управления.

Материальное производство рассматриваемого времени привело к существенному укреплению и расширению культуры жизнеобеспечения, непосредственно направленной на поддержание жизнедеятельности людей. Кардинальные перемены в этой области являются одним из значительных достижений эпохи ранних земледельцев. Они предвещали успехи первых цивилизаций, когда по существу все эти начинания были развиты и в условиях резкой социальной стратификации доведены до гипертрофированных размеров. Особых успехов достигает сфера жилищного строительства. Прочные благоустроенные дома, служащие нескольким поколениям, являются характерной чертой оседлоземледельческих культур. Вырабатываются стандартные приемы строительной техники и домостроительные каноны. В аридной зоне это глинобитные строения с массивными очагами, отсеками для хозяйственных нужд. Особое внимание на первых этапах развития оседлоземледельческих культур уделялось оформлению интерьера: полы тщательно штукатурились, часто покрывались известковой обмазкой и окрашивались, так же как и стены, в различные цвета. Подпяточные камни указывают, что весьма рано появляются и вращающиеся двери, заменяющие шкуры и кожи, которыми занавешивались с незапамятных времен проходы в охотничьи хижины. То же стремление к организации пространства наблюдается и на поселках в целом, что особенно заметно по устройству специальных укреплений, отмечающих их внешнюю границу.

В сфере приготовления пищи налицо богатый арсенал различных орудий и предметов, облегчающих обработку, приготовление и прием пищи, основанной на использовании растительных продуктов. Возникает специальная отрасль, направленная на обслуживание этой сферы, — керамическое производство. Его разнообразная продукция указывает на то, что наряду с удовлетворением утилитарных потребностей здесь преследовались цели эстетического характера. Все возрастающее разнообразие форм сосудов свидетельствует о наличии целой системы приготовления, хранения и потребления пищи. Появляются ложки, вытачивавшиеся из кости и, видимо, из дерева. В меньшей мере представлены в археологических материалах данные о характере одежды. Не подлежит сомнению лишь тот факт, что с развитием земледельческо-скотоводческой экономики широко используются разные ткани, на что указывает большое распространение пряслиц. Как и в сфере питания, здесь наблюдается отход от грубого утилитаризма: в раннеземледельческих поселках весьма многочисленны различного рода украшения, в том числе бусы, которые зачастую нашивались на одежду и образовывали нарядные узоры. На обеспечение этих потребностей были направлены специализированные производства. Таким образом, в культуре жизнеобеспечения раннеземледельческой эпохи отчетливо выражена тенденция к реализации благ, создавае-

мых в условиях экономики нового типа, к удовлетворению жизненных потребностей все более расширяющегося спектра.

Перемены, происшедшие в сфере материального производства, вели к значительным изменениям и в культуре в целом. Складывался новый исторический тип культур, известных археологам в многочисленных конкретных формопроявлениях. Именно в этом новом типе культур были заложены предпосылки для дальнейшего культурного прогресса, завершившегося сложением принципиально нового социокультурного комплекса — цивилизации. Таково прежде всего формирование нового образа жизни как совокупности типичных норм и форм жизнедеятельности. Само времяпрепровождение и вся среда обитания оседлого земледельца, живущего в прочном благоустроенном доме в окружении разнообразных и многочисленных бытовых предметов, существенно отличались от быта палеолитических охотников, ютившихся в шалашах, сооруженных на открытых пространствах или под сводами пещеры. Между этими двумя крайними полюсами, разумеется, лежал целый ряд переходных этапов, приходящихся в значительной мере на период, именуемый мезолитом, но определенная преемственность не заслоняет того факта, что перед нами принципиально новый образ жизни, ранее не представленный в человеческом обществе. На его формировании особенно сильно сказались два главных и в известной мере взаимосвязанных фактора: относительно стабильная обеспеченность продуктами питания и прочная оседлость. Необходимость наладить достойную организацию потребления новых видов питания породила целый ряд бытовых изменений. Этот новый образ жизни отражен в эмпирически хорошо известных устойчивых признаках археологических комплексов ранних земледельцев: прочные долговременные жилища, конструкция которых различна в разных экологических зонах; богато орнаментированная плоскодонная посуда весьма разнообразных форм; мелкая зооморфная и антропоморфная пластика. К числу новых впечатляющих культурных стереотипов принадлежит строительство, вызвавшие к жизни специализированное производство — строительное дело и положившие начало зарождению архитектуры. Выработывавшиеся эталоны становятся достоянием племен, обитающих на огромных территориях и объединяемых не столько этнокультурными связями, сколько образом жизни. Это хорошо видно на примере распространения на Ближнем Востоке уже на этапе архаической земледельческой культуры стойкой архитектурной традиции (Массон, 1981б). Для нее характерны использование в качестве строительного материала длинных глиняных блоков, плоско-выпуклых или овальных в сечении, известковая или алебастровая обмазка пола и окраска интерьера домов чаще всего в красный цвет при помощи охры (табл. 3). Имеющиеся данные показывают, что эта строительная традиция широко представлена именно на древнейших оседлых поселениях, тогда как позднее общий архитектурный фон распадается на локальные домостроительные школы.

Если говорить о древнейшей строительной традиции на Ближнем Востоке как о комплексе из трех названных элементов, то в наиболее раннем варианте она представлена в Юго-Восточной Турции в поселениях земледельцев-охотников (Чейюню) и охотников-собирателей с земледельческим укладом (докерамический неолит Хаджилара). Отсюда она могла распространиться на юг в Иерихон Б, где одновременно появляется пшеница-однозернянка, отсутствовавшая в слоях Иерихона А и не имевшая дикорастущего предшественника в Палестине. Распространение вышеупомянутых приемов на восток в зону Загроста отмечено лишь для поздних этапов комплексов типа Джармо. Наконец, эту традицию мы застаем на крайнем северо-востоке тогдашней раннеземледельческой ойкумены — в джейтунской культуре Южного Туркменистана. Правда, длинные глиняные «протокирпичи» (блоки), использу-

Таблица 3

Домостроительный канон на Древнем Востоке в VIII—VI тыс. до н. э.

Памятник	Датировка	Алебастровый или известковый пол	Окраска интерьера	Размеры кирпича, см
Ганджи-Даре	8000—7000	Нет	Нет	Плоско-выпуклый, длина 100
Чейюню	7250—6750	Есть	Оранжево-розовая	?
Хаджилар (низ)	7000—6500	»	Красная, кремовая	72×28×8
Чатал-Хююк (верх)	6100—5700	Нет	Фрески	96—67×33×8, 92×16×8—10
Иерихон Б	7000—6000	Есть	Красная, кремовая	
Дабагийя—Телль-Сотто	6000	»	Красная	?
Али-Кош	6000—5600	Нет	»	?
Гуран (верх)	6000—5500	Есть	»	
Джейтун	6000—5500	»	Красная, черная	Овальные блоки, 60—70×20—25

мые для постройки домов, были в употреблении еще в Иерихоне А (VIII тыс. до н. э.) и, видимо, в то же время в Ганджи-даре в Загросе. Они имели в обоих случаях характерную плоско-выпуклую форму. Если не считать этот факт конвергентным подражанием деревянным колодам, шедшим на постройку хижин (на возможное влияние деревянной архитектуры на сырцовые постройки Чатал-Хююка указывает Мелларт (Mellaart, 1967, p. 63—65)), то, вероятно, следует искать еще какой-то прототип данной традиции, в равной мере представленной в основных культурных центрах.

Неправильно было бы объяснять распространение строительной традиции как результат расселения племенных групп, несущих с собой земледельческий способ хозяйствования. Если такая инфильтрация и происходила, то она, как правило, осуществлялась в местной среде, где новый способ получения продуктов питания уже практиковался сравнительно давно. Речь, скорее, должна идти о распространении одной из характерных черт культурного комплекса раннеземледельческих культур Ближнего Востока, тесно связанной с оформлением утвердившегося образа жизни. Здесь проявились факторы стандартизации и стереотипизации, сопровождавшие культурные процессы раннеземледельческой эпохи. Новый культурный эталон сразу же получил повсеместное признание. Благоустроенные дома с обмазанными известью, а иногда и лощеными полами и с окрашенными стенами символизируют возросшее благосостояние. Развитию интеллектуального досуга отвечали игры с использованием фишек (Массон, 1971в). В последнее время высказано предположение, что имела система миниатюрных скульптурных символов, нанизывавшихся на шнурок и представлявших своего рода предписьменность (Schmandt-Besserat, 1978). Массовое производство мелкой пластики несло идеологическую нагрузку религиозно-культурного характера, выходящую, скорее всего, на культ плодородия. Подобно породам домашних животных и сортам культивируемых растений культурные эталоны, овеществленные в предметном мире культуры, изучаемом археологией, утверждались на огромной территории. Культурные инновации отвечали потребностям эпохи, новому образу жизни и поэтому легко воспринимались различными группами земледельческо-скотоводческих племен.

Особо следует остановиться на глиняной посуде. В археологических комплексах она разносторонне представляет вещный мир культуры, стиль бытования, связанный с определенным образом жизни. Сложные узоры, украшавшие глиняные сосуды, делали их предметом прикладного искусства.

Семантическая нагрузка, кстати различная в разных зонах, характеризует их и как объекты социокультурных отношений, играющих большую роль в воспитании и закреплении принятого в данной среде поведения и образа мышления. Через предметный мир вещей шло и эстетическое воспитание. В этих объектах находила убедительное воплощение неразрывность производственной и культурной деятельности мастера. Как отмечают историки культуры, хотя мастерство индивида в подобном случае развито до виртуозности, оно представляет собой не фактор развития культуры, а лишь момент ее функционирования (Злобин, 1980, с. 115). Происходит своего рода возвращение в рамках сложившейся традиции, но само ее возникновение было новаторским явлением раннеземледельческой эпохи. Археологи наблюдают смену стилей в сфере керамического производства, их деградацию и взаимовлияния, но это лишь изменения моды, определенная эволюция знаково-символических систем, а не принципиально новое явление, каким было само возникновение керамического производства как такового. Богатство вещного мира культуры, которое уже начинает тяготить психологию человека XX в., начало стремительную эскалацию именно в эпоху первых земледельцев. Легко можно представить, насколько загроможденным различными предметами представился бы дом оседлого земледельца палеолитическому охотнику, только что покинувшему свое пещерное обиталище.

Раннеземледельческая эпоха не просто привела к утверждению нового образа жизни, но и положила начало его дифференциации, которая происходила первоначально в рамках заданных эталонов и являлась следствием усложнения социальной иерархии внутри общества. Выдвижение лидера вело к его культовой, а затем и бытовой обособленности. Интенсивность этих социокультурных процессов прямым образом предопределяла формирование одной из специфических черт цивилизации.

Из анализа вещного мира раннеземледельческой эпохи становится совершенно ясно, что ее наступление было временем образования позитивного творческого фона, когда создавались художественные и культурные ценности, формировались новые идеи и образы. Все это интеллектуальное наследие вошло прочной составной частью в фундамент цивилизации.

Важной чертой интеллектуального прогресса раннеземледельческой эпохи было накопление и первичная систематизация пока в утилитарных целях различного рода положительных знаний о живой и неживой природе. Эти знания образовывали все более солидный задел для формирования своего рода преднауки. Отметим, что сама специфика земледельческого труда, в котором результат отделен от первичных усилий значительным временным промежутком, способствовала развитию абстрактного мышления, экономического и в известной мере научного предвидения. Комплекс соответствующих знаний складывался из формирующихся в отдельных областях информационных блоков, подлежащих хранению и передаче и, возможно, включавших элементы объяснительного характера. На этом преддисциплинарном уровне в истории науки интеграционные процессы происходят в сфере именно подсистем научно-технологического знания (Старостин, 1980, с. 165). Культовые комплексы, возникавшие в раннеземледельческую эпоху как своего рода предхрамовые организации, становились центрами, где проводились если и не научные исследования в прямом смысле слова, то, во всяком случае, регулярные наблюдения. Следует иметь в виду, что на ранних этапах развития научно-технического знания роль интегрирующей, информационной и методологической группы играли идеи о господстве в мире некоего принципа, определяющего естественный ход событий — разливы рек, движение светил, смены времен года. Как технический уровень развития, так и подобные общие концепции были сходными в раннеземледельческих обществах (Бернал, 1956, с. 665). Разработка и хранение таких представлений

в рамках жреческой корпорации повышали престижность знаний, были важным шагом на пути институализации собственно науки.

В тех раннеземледельческих обществах, в которых исторический прогресс стимулировался экологической и исторической ситуацией, происходят и социальные перемены, подготавливающие формирование общества сложной внутренней структуры. Анализ погребального инвентаря показывает, как ранговые привилегии постепенно перерастают в имущественные, что находит прямое отражение в погребальных обрядах (Алёшкин, 1986, с. 53). В данном случае рождались новые идеологические каноны, соответствующие изменившимся социально-политическим условиям. Монотонное однообразие раннеземледельческих погребений первоначально нарушают лишь могилы богатых женщин и девочек-подростков, отражающие их высокое общественное положение. Затем гробницы старейшин и служителей культа начинают снабжаться особыми категориями вещей, в частности символами военно-политической или духовной власти. Далее появляются могилы воинов, вождей-жрецов, происходит усложнение погребальных обрядов, когда древние гробницы буквально затопляет море вещей. Этот процесс идет по восходящей экспоненте, пока не достигает критической точки в царских могилах раннеклассовых обществ. Социальные предпосылки, складывавшиеся в среде раннеземледельческих обществ, были реализованы созданием структуры принципиально нового типа.

ЭПОХА ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Раннеземледельческие общества образовывали тот исходный пласт, на основе которого в определенной ситуации происходило формирование цивилизации. Рост населения и создание эффективных способов получения продуктов питания были важнейшими отправными моментами дальнейшего прогресса. Новый образ жизни, основывающийся в области материальной культуры на определенной системе жизнеобеспечения, расширяющийся и усложняющийся спектр личных и общественных потребностей стимулировали развитие специализированных производств. Параллельно и взаимосвязанно шли изменения в социальной структуре, складывались и развивались ранее неизвестные социальные институты. В результате происходящих изменений раннеземледельческая эпоха сменяется качественно новым периодом. Археологические открытия и успехи в дешифровке древних систем письменности ярко характеризуют как особое, эпохальное явление тип первых цивилизаций, выдвинутый историческим прогрессом на авансцену истории как в Старом, так и в Новом Свете в конце первобытной эпохи.

Есть основания считать, что в исторической последовательности различных типов цивилизаций первые цивилизации представляют собой эпохально специфическое и в известном смысле стадияльное явление. Источники информации, представляющие собой главным образом (а для формативного периода цивилизации исключительно) археологические данные, позволяют прежде всего охарактеризовать материальную культуру первых цивилизаций. Уже в этой сфере можно наблюдать явления, имеющие специфический качественный характер, отражающий временные особенности. Как справедливо отмечает Г. Н. Волков, в прогрессе предметного мира как опредмеченной силе знания отражается общий прогресс общества (Волков, 1976, с. 15).

Социально-экономической сущностью процессов формирования древних цивилизаций является сложение классового общества и становление государства. Признаки цивилизаций, известных в значительной мере по предметному миру культуры, изучаемому археологией, обычно объединяются в триаду — города, монументальная архитектура и письменность (Daniel, 1968, p. 25; Redman, 1978, p. 216—218). Возможно, первый из признаков, а именно города, может быть заменен высокоразвитым ремеслом, отделившимся от земледелия, составлявшим, к стати, одну из существенных сторон самого процесса градообразования и последующего функционирования городских структур. Центры, выполнявшие урбанистические функции (от руководства сельской округой до идеологического лидерства), в условиях различных систем расселения и специфических культурных традиций могли иметь различный морфологический облик. В Передней Азии, Индостане и древнем Китае это были города со скученной застройкой и высотной архитектурой, в крито-микенской Греции — дворцово-хозяйственные комплексы, в Новом Свете преобладал рассредоточенный тип застройки. Региональные и центральные функции этих структур, имеющих во всех древних цивилизациях, по содержанию аналогичны функциям городов, и лишь особенности морфологии ведут к известным оговоркам в употреблении термина «город» (Ленцман, 1963, с. 130; Гуляев, 1979).

Имеющиеся данные позволяют охарактеризовать некоторые существенные особенности экономического базиса первых цивилизаций, выйти на характеристику присущего им способа производства. Как известно, способ производства является фундаментальным понятием исторического материализма и рассматривается как исторически определенный способ добывания

Рис. 10. Южное Двуречье. Пиктографические надписи.

материальных благ, необходимых людям для производственного и личного потребления, как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений (Очерки по историческому материализму, 1981, с. 82—86; Куликов, 1980, с. 17—18). Вместе с тем советские исследователи указывают на различные аспекты этого фундаментального понятия. Так, если иметь в виду материально-вещественный образ производства, то он предстает как технологический способ производства (Куликов, 1980, с. 17), учитывая терминологию, употребляющуюся К. Марксом (Маркс, Энгельс, т. 49, с. 89—90). Г. Н. Волков характеризует технологический способ производства как исторически определенный способ соединения различных элементов производительных сил, прежде всего человека и техники (Волков, 1976, с. 42). Весьма важна развернутая характеристика производительных сил, даваемая этим исследователем, который отмечает, что постепенно в производительную деятельность втягивались все более широкие области жизнедеятельности человека. При этом имеется в виду и рост населения с соответствующим увеличением числа трудоспособных, и разделение труда, и его кооперация, и улучшение средств общения, и образование, получаемое трудящимися (Волков, 1976, с. 42). Советские историки отмечают также, что К. Маркс в своих работах употреблял термин «способ производства» в разном объеме — как всеобщую категорию и как конкретное понятие, имея в виду способ производства различных реальных обществ («национальный способ производства») (Павловская, 1965, с. 93; Качановский, 1971, с. 32).

После этих общих замечаний и соображений обратимся к конкретным материалам. Как уже неоднократно отмечалось исследователями, к числу очагов древнейших цивилизаций, возникающих независимо и самостоятельно, о чем свидетельствует их культурная специфика, включая системы письменности, относятся Шумер (рис. 10), Египет, Хараппа, иньский Китай, крито-микенская Греция, группа мезоамериканских цивилизаций и древние цивилизации Перу. В последнем случае, правда, иероглифическую письменность заменяли более примитивные способы хранения и передачи информации — система фасоллин с нанесенными на них знаками в культуре мочика (Березкин, 1983а, с. 47—98), а позднее известное инкское узелковое «письмо» — кипу. Но в других формопроявлениях процесс сложения древней цивилизации в южноамериканском центре представлен достаточно ярко. Уровень разнообразных производств во всех этих первичных очагах был весьма

высоким, хотя и основывался во многих случаях на технических достижениях неолитической эпохи. При упрощенном понимании производительных сил как некоего фетиша распространено представление о кардинальном, качественном значении внедрения медных изделий в производство и замены ими каменных орудий труда. С этим, в частности, связано стремление в общих трудах объяснить успехи первых цивилизаций переходом от неолита к энеолиту. При таком подходе за бортом оказывается весь комплекс ранних цивилизаций Мезоамерики, где металлические изделия вообще не были известны. Формативный период древнеперуанской цивилизации вплоть до комплексов мочика также обеспечивался в значительной мере неметаллическими орудиями. Как показало изучение эффективности древних орудий труда, орудия неолитического типа зачастую почти не уступают по производительности медным изделиям. Например, производительность серпа с кремневым наборным лезвием оказалась практически равной производительности серпа, изготовленного из меди (Коробкова, 1978; 1981а, с. 68—73). Недаром вкладышевые кремневые серпы были распространены в Египте в эпоху первых династий, как показывают находки из гробницы в Саккара. Речь должна идти не о большей эффективности медных орудий по сравнению с каменными, а в первую очередь об эффективности самого процесса их производства, особенно с внедрением литья, позволяющего массовое тиражирование объектов (Археология СССР, 1982, с. 6).

Рассмотрение производительных сил в широком аспекте, без одностороннего сведения их к материалам, используемым при изготовлении орудий труда, показывает тот существенный скачок, который характеризует технологический способ производства первых цивилизаций. Таково прежде всего резкое увеличение численности работоспособного населения, важнейшего компонента производительных сил, что было одним из существенных последствий неолитической революции. И не случайно очаги первых цивилизаций характеризуют высокая концентрация населения. Так, на Крите, по ориентировочным оценкам, число жителей на 4000 г. до н. э. определяется в 12 000 человек, на 3000 г. в 65 000 и на 2000 г. в 200 000 (Renfrew, 1970, p. 383—400). В Шумере, в области Урука, для середины IV тыс. до н. э. установлено существование 17 мелких поселений и трех крупных центров («городков»). К концу этого тысячелетия, ко времени появления пиктографических табличек храмового хозяйства, их число соответственно возрастает до 112 и 10, не считая роста самого Урука, превращающегося в своего рода суперцентр (Adams, Nissen, 1972, p. 18). Общая численность населения майя в низменных районах оценивается в 1 млн человек (Willey, 1980, p. 513—563; Weaver, 1981, p. 271). Эти значительные массы оседлого населения обеспечивали резкое увеличение объема продуктов производства прежде всего в сфере земледелия, которое становится высокоспециализированным. Как правило, в это время в широких масштабах используется кооперирование труда. Фактически рост прибавочного продукта в сфере земледелия и рост населения представляют два взаимосвязанных явления.

Хорошо известна высокая эффективность поливного земледелия древней Месопотамии, где применение искусственного орошения позволяло собирать два урожая в год. Даже масса зерен злаковых растений в зонах орошения Южного Двуречья вдвое превосходила массу зерен аналогичных сортов более северных районов. Вместе с тем работы по созданию системы каналов и ее поддержанию, по мелиоративным мероприятиям в условиях заболоченности нижнего течения Тигра и Евфрата требовали организованной и целенаправленной деятельности значительных коллективов. Это был решающий фактор прогресса при сохранении в земледелии архаических орудий труда. Как известно, для изучения древней истории большое значение имеет работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому про-

изводству». Опираясь на сравнительно поздние проявления азиатской древности, К. Маркс дал в ней теоретический анализ генетически весьма ранних структур. Он специально подчеркивал, что «общие для всех условия действительного присвоения посредством труда, *ирригационные каналы*», в древности представлялись «делом рук более высокого единого начала — деспотического правительства, витающего над мелкими общинами» (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I, с. 464). Высокопродуктивные земледельческие системы первых цивилизаций при всех естественных локальных различиях, как правило, требовали общего труда. При этом в Месопотамии и Перу он был нацелен на ирригацию и создание системы каналов, в Египте на мелиоративные работы, в Китае на гидротехнические мероприятия по борьбе с наводнениями, угрожающими посевам на плодородных участках в непосредственной близости от Хуанхэ. Как показали новые исследования, в зоне мезоамериканских цивилизаций подсечно-огневое земледелие при всей его эффективности в данной экологической ситуации не было единственным видом землепользования. В областях, занимаемых ранее местными цивилизациями, установлено наличие и террасированного земледелия на склонах, и использование участков, затопляемых во время паводков, и существование разветвленных систем каналов мелиоративного характера. Имеются в Мезоамерике и системы водосборных каналов и резервуаров для воды, предтечи современных водохранилищ (Гуляев, 1982, с. 88—97). Такое комплексное земледелие также могло функционировать лишь в условиях организованного общего труда. Иконография и мифология всех основных центров первых цивилизаций отразили принципиально важное значение организованного труда в земледелии, которое, как правило, символически возглавлялось на первых этапах представителем верховной власти, часто вооруженным орудиями, имевшими скорее церемониальный, чем рабочий характер.

Второй важнейшей составной частью технологического способа производства первых цивилизаций были специализированные ремесла. Наряду с техническим прогрессом здесь, как и в земледелии, налицо сохранение архаического набора орудий труда, эффективность которых возрастала лишь в условиях разделения труда, специализации и роста профессионализма. На Ближнем Востоке особенно заметны успехи в сфере теплотехники, будь то создание специализированных двухъярусных горнов для обжига керамики или изготовление сплавов различных металлов и изделий из них. Усложнение ремесленной деятельности, прочно отделившейся от сельскохозяйственного труда, требовало не только возрастающей специализации, но и как другой стороны этого процесса технологической и организационной кооперации, возникновения объединений ремесленников, древних мастеров, хорошо известных по раскопкам как в Старом, так и в Новом Свете (Массон, 1976б, с. 67—69; Гуляев, 1979, с. 63—68). Эффективность таких производственных объединений была весьма значительной, о чем свидетельствует их продукция, включающая, в частности, сотни и тысячи высокохудожественных образцов. Достаточно указать на достижения ювелиров Древнего Востока, на художественную бронзу иньского Китая и на изготовлявшуюся в формах керамику мочика, представляющую собой нередко первоклассные реалистические скульптуры. Именно поэтому наблюдается тенденция локализовать эти высокоэффективные производства в крупных царских или храмовых хозяйствах со строгим контролем со стороны администрации. Уже в первых документах Урука мы видим «большого (главного) кузнеца», видимо возглавлявшего соответствующее производство (Тюменев, 1956, с. 44, 55, 56, 60). В иньском Китае существовали ремесленники правителя — вана (вангуны) и храмовые ремесленники (История древнего мира, 1982, с. 153). По мнению некоторых исследователей, в центральных мастерских древнего Китая использовался труд рабов (Серкина, 1982, с. 114—116). Тщательно контролировалась

деятельность ремесленников в царских хозяйствах Пилоса и Кноса, где часть ремесленников прямо принадлежала к числу «людей двора» (История древнего мира, 1982, с. 291, 292). В мочикском Перу в ходе раскопок крупного центра городища Пампа-Гранде были открыты специализированные мастерские — меднолитейные, ткацкие, по производству извести. Нахождение их в одном квартале с культовым центром и отсутствие поблизости жилых строений приводят исследователей к заключению, что это были храмовые или государственные мастерские, обслуживавшиеся приходящими работниками (Березкин, 1983а, с. 125).

В эпоху первых цивилизаций налицо и кардинальное улучшение средств общения, что, естественно, также оказывало положительное воздействие на технологический прогресс. В Старом Свете колесные экипажи получают широкое распространение во всех основных центрах древних цивилизаций. Повсеместно развивается и кораблестроение, приобретающее в отдельных случаях, как это, видимо, имело место в Эгейском мире, специализированный характер. Но особенно большое значение имело применение систем письменности для хранения и передачи информации, необходимой для нормального функционирования общественных организмов. Объем такой информации в первых цивилизациях чрезвычайно возрос и фактически поставил традиционные формы передачи информации — устную и художественную — перед критической ситуацией. Потребности четкой фиксации агрономического календаря, хозяйственного учета, чему с увлечением отдались создатели шумерской цивилизации, тенденция к созданию единой канонической системы религиозных воззрений настоятельно требовали фиксации и надежного закрепления. Кроме того, для овладения сложными системами древнейшей письменности нужно было длительное время. Все это вызвало необходимость в специальном обучении определенных категорий лиц, в той или иной форме вовлекаемых в производственный процесс. По хеттским законам, затраты на подготовку подмастерья по специальностям ткача, гончара, кожевенника или валяльщика составляли стоимость одной коровы или шести овец (Массон, 1976б, с. 66). Специальные «школы» писцов или жрецов, известные по материалам Месопотамии (Дьяконов, 1982, с. 61 и след.) и городам-государствам Мезоамерики (Кнорозов, 1955, с. 49), при разной степени культовой окраски систем обучения преследовали в числе прочих задач и цель передачи положительных знаний в области астрономии, математики, ведения отчетной документации.

Интенсивное крупномасштабное земледелие и специализированные ремесла составляли основу технологического способа производства первых цивилизаций. Их функционирование, а также существование лиц, занимавшихся непосредственно производительным трудом, отмечается уже в рамках исходной молекулы общества — общины. Это было точно подмечено К. Марксом, который писал, что в условиях восточного деспотизма существует общинная собственность, «порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширенного воспроизводства» (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I, с. 464). Однако реализация этих предпосылок в рамках одной, отдельно взятой общины была ограничена ее производственным потенциалом, препятствующим углублению специализации и разделению труда в сфере ремесленной деятельности. Наоборот, в крупных центрах, превращавшихся в городские и становившихся символом технологического и культурного прогресса, расширенное воспроизводство могло быть реализовано и действительно реализовывалось в значительных масштабах, в частности, благодаря кооперации в рамках ремесленных мастерских, которые обладали неизмеримо большими возможностями по

сравнению с мастерами-одиночками, обслуживавшими свою общину или деревню. В крупных центрах были сосредоточены и зачатки положительных знаний, широко использовалась письменность, функционировало нечто вроде школ профессионального обучения. Именно в крупных хозяйственных системах, руководимых единым организационным началом, которым в целом ряде мест являлись храмовые центры, получался наиболее значительный прибавочный продукт. В этих хозяйствах и мастерских начиналась и эксплуатация лиц разного экономического и юридического положения, работников подневольного труда. Частично применялся и труд рабов, но следует иметь в виду, что положение рабов представляло собой идеальную модель эксплуатации, не всегда согласуемую с потребностями эффективности производства, что порождало целый ряд промежуточных состояний или социальных страт (Массон, 1979а, с. 7—10).

В историческом аспекте сосуществование и в определенной мере взаимодействие двух секторов, мелкообщинного и крупнохозяйственного, оказывало заметное воздействие на общий прогресс. При катаклизмах и дезинтеграции, которые были нередкими в истории первых цивилизаций, именно мелкие общины обладали особой устойчивостью и способностью к регенерации. В периоды упадка крупных центров, сопровождавшиеся культурным регрессом вплоть до исчезновения систем письменности, как это было в хараппской Индии и в крито-микенской Греции, именно общины составляли питательную среду для культурной и в рамках представляемого ими уклада социально-экономической преемственности.

Впечатляющей особенностью культуры первых цивилизаций, включая стадию их формирования, является создание и увеличение объема монументальных построек, по большей части бывших культовыми комплексами. Эти памятники не только весьма эффектно внешне, но и показательны с точки зрения производственного потенциала создавших их обществ. В них как бы реализован прибавочный продукт, получаемый в данной экономической системе, отражен организационный уровень общества, умело использующего приемы кооперации. В уже упоминавшемся исследовании К. Маркса специально подчеркнута и эта особенность изучавшегося им типа древних обществ. Он отмечал, что города могут возникнуть, в частности, в тех местах, «где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд» (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I, с. 464). Действующим лицом в подобном случае могло быть и руководство союза общин, не переросшего в деспотическую монархию, и теократическое руководство храмового организма, но политическая сущность явления остается неизменной. Подобная концентрация сил и средств была недоступна замкнутой автаркичной общине. Именно объем вложенного труда отличает первые храмы от рядовых общинных святилищ, для сооружения которых достаточно было усилий нескольких, а то и одной малой семьи.

В шумерском Эреду наглядно прослежено, как небольшое общинное святилище постепенно сменяется все более величественными сооружениями, вознесенными на платформы. Так, древнейшее святилище слоя Эреду XVIII, относящееся, скорее всего, еще к началу V тыс. до н. э., представляет собой по существу небольшой однокомнатный дом площадью около 9 м² с квадратным алтарем-очагом в центре. Постепенно планировка таких святилищ усложняется, их внешние стены декорируются контрфорсами, они превращаются в специализированные архитектурные сооружения. Храм слоя VI, относящийся к началу IV тыс. до н. э., имеет размеры 23,5×12,5 м и расположен на платформе, поднимающейся над окружающей равниной на 15 м (Lloyd, Safar, 1948). Предпринимались попытки и как-то охарактеризовать трудовые затраты на возведение этих величественных сооружений. Так, например, подсчитывался труд, затраченный на постройку Белого храма

в шумерском Уруке (рис. 11). Ольмекский храмовый центр в Ла Венте, т. е. постройка периода формирования основ мезоамериканской цивилизации, требовал для своего сооружения значительных коллективных усилий (см. с. 00). Неоднократно оценивались гигантские трудовые затраты на постройку египетских пирамид, которые в связи с этим один английский математик с позиций рационализированного мирозерцания современной эпохи назвал «монументальным абсурдом». Чавиноидные культовые комплексы Перу формативной стадии цивилизации хорошо иллюстрируют подобное раннее появление монументальной архитектуры. Относящийся к предчавинской поро, расположенный в горной зоне культовый комплекс Пако-пампа имеет размеры основания платформы 200×400 м при максимальной ее высоте 35 м (Березкин, 1982). Городище, считающееся центром цивилизации мочика, имело две крупные пирамиды — Уака-дель-Соль с размерами по основанию 159×342 м при высоте 40 м и Уака-дела-Луна с основанием 80×95 м при высоте 20 м. Для постройки этих пирамид потребовалось несколько миллионов сырцовых кирпичей. Еще более впечатляющим является культовый комплекс недавно подробно исследованной северной, и видимо более поздней, столицы мочика — городища Пампа-Гранде (рис. 12). Находящаяся здесь пирамида Уака-Форталес имеет в основании 200×300 м и высоту 55 м (Березкин, 1983а, с. 42, 43, 124, 125). Оценка трудовых затрат на сооружение крепостных оград на раннеиньском городище Чжэнчжоу также указывает на огромную концентрацию людских ресурсов, подразумевающую наличие относительно свободной от прочих занятий рабочей силы и масштабной организации кооперативного труда (см. с. 219).

Устанавливаемая в ряде первых цивилизаций эволюция культовой архитектуры, скорее всего, отражает также и этапы развития возглавляемого жреческой кастой храмового организма, осуществлявшего хозяйственно-организационные, а в какой-то мере, видимо, и политические функции.

Подобные древнейшие храмовые организации Шумера убедительно проанализированы И. М. Дьяконовым (История древнего мира, 1982, с. 35; История Древнего Востока, 1983, с. 140). Шумерские храмы имели свое земледельческое, скотоводческое и ремесленное хозяйства, к которым добавлялись добровольно-обязательные дары, являвшиеся завуалированной формой зарождавшегося налога. Вместе с тем лица высшей храмовой администрации получали особые надель, и поэтому сосредоточивавшиеся при храмах запасы представляли собой резервный и обменный фонд общины или группы общин и шли на жертвоприношения и на содержание рядового служебного

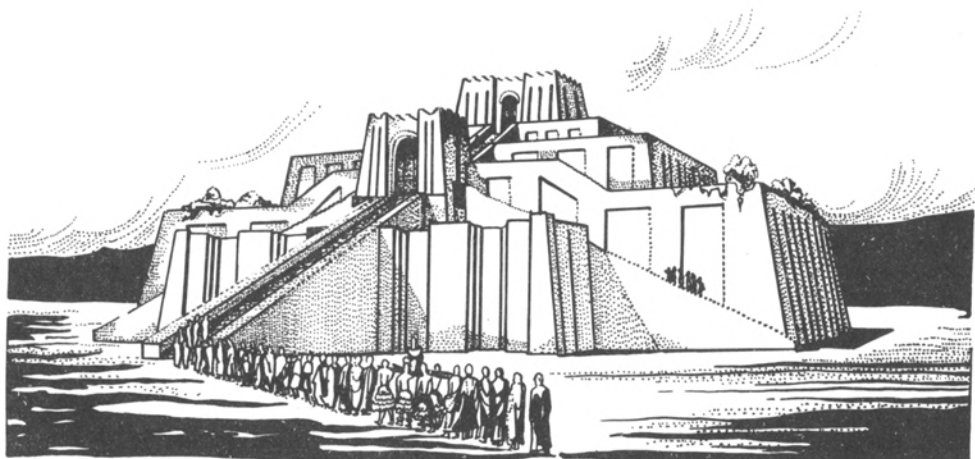

Рис. 11. Урук. Белый храм. Реконструкция.

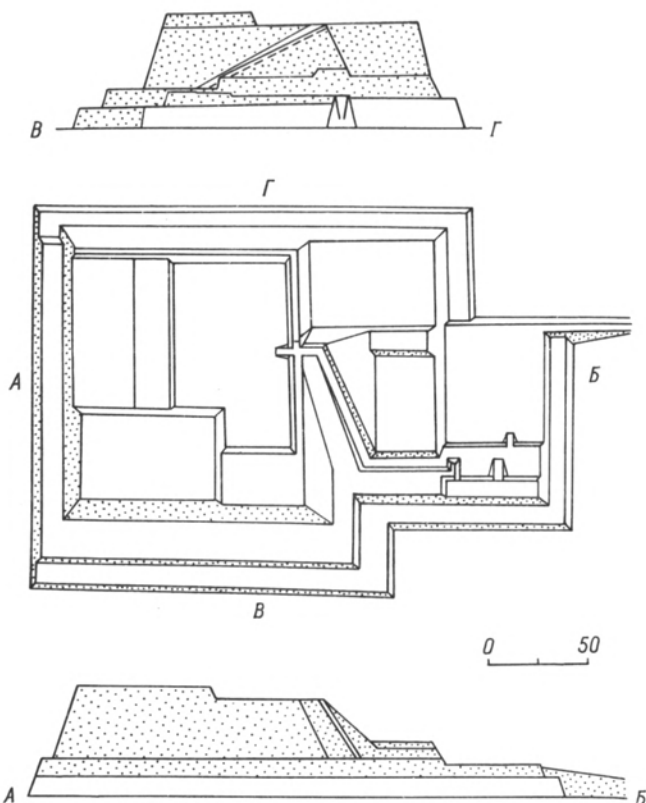

Рис. 12. Пампа-Гранде, Перу. Пирамида Уака-Форталес.

персонала и лиц, занятых в хозяйственных секторах. Как форма хозяйственно-политической организации общества храмовые объединения в ряде случаев предшествовали утверждению царской власти. На формативной стадии целого ряда цивилизаций именно в монументальных культовых комплексах воплощался прибавочный продукт, расходуемый на рабочую силу, и не без основания раннегородские или протогородские центры именуется «храмовыми городками» («temple-town») (Redman, 1978, p. 202; Массон, 1981а, с. 107—108).

При всей выразительности материальной культуры первых цивилизаций не следует забывать о том, что движущими силами процесса формирования классового общества и цивилизации были в первую очередь социально-экономические явления — наличие регулярно получаемого прибавочного продукта, что обеспечивалось способом хозяйственной деятельности, и возможность его перераспределения, что обеспечивалось развивающейся социальной системой. Разумеется, это общее положение не следует понимать прямолинейно и механически. Другие факторы, описывать которые так любят западные исследователи, от плотности населения до развития торговли и обмена, оказывали свое воздействие на сложение первых цивилизаций (Lamberg-Karlovsky, Sabloff, 1979, p. 114, 115, 330, 331; Массон, 1982д, с. 166—169). Но это были вторичные факторы, которые могли способствовать ускорению или замедлению соответствующих процессов общественного развития, приданию им более или менее четких и выразительных форм. Наиболее благоприятное взаимодействие основных движущих сил и вторичных факторов соответственно давало максимальный эффект.

В ходе трансформации первобытных отношений отчуждение прибавочного продукта длительное время сохраняло внешние формы, традиционные для общинно-родовых порядков (Аверкиева, 1974, с. 335). Постепенно под их покровом происходили качественные изменения, в частности непосредственный захват больших участков общинных земель. Подобная узурпация общинных земель выделившейся верхушкой отмечена у горных народов Индии и в целом ряде других обществ, переживавших стадию распада первобытнообщинных отношений (Маретина, 1980, с. 217). Неудивительно, что на заре истории письменности Шумера мы застаем огромные для своего времени наделы, принадлежавшие правящей верхушке общества. По пяти документам из Джемдет-Насра, в которых приводятся размеры полей, две трети из перечисленных площадей в 9000 га принадлежат главному жрецу-правителю. Земельный надел правителя пилосского царства также отличался значительными размерами (Вайман, 1966). Род вождя, или «царский род», образовывал вершину социальной иерархической пирамиды, но рядом с ним существовал целый ряд «благородных родов» со своими правами и обязанностями, со своим статусом. Регламентация этих прав и обязанностей идет в привычных формах первобытных правопорядков. Но по содержанию это явление, когда большие группы лиц различаются по месту в системе общественного производства и по способам получения и размерам получаемой доли общественного богатства, явно связано с процессами классовообразования. Распределение продукта в зависимости от места группы лиц на иерархической лестнице отражало лишь внешнюю социально-политическую ситуацию. За этим в конечном итоге скрывалось положение такой группы в системе общественного производства. Это был прообраз классовой структуры, новый по содержанию, но еще традиционный по формам. Ю. В. Бромлей справедливо полагает, что для подобной формативной стадии можно говорить о своего рода «предклассах» (Бромлей, 1981, с. 160).

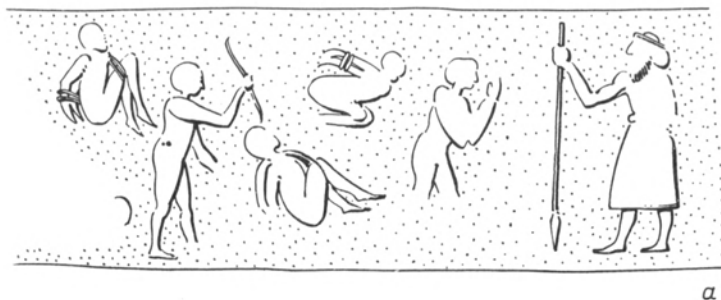
Постепенно приспособление традиционных обычаев к новой ситуации классового общества перерастало в прямую эксплуатацию. Среди начальных форм эксплуатации помимо внутриобщинных способов повсеместно представлены рабство и данничество (Першиц, 1979, с. 59—65). Началом собственно домашнего рабства была адаптация военнопленных на правах младших домочадцев, выполнявших главным образом тяжелые и неприятные работы. Захват военнопленных широко документируется как иконографией, так и письменными текстами первых цивилизаций. Воины и военнопленные представлены на стелах перуанского культового комплекса Серро-Сечин, который при всех разногласиях в датировке явно относится к домочикскому времени (Березкин, 1982, с. 50, 51). В протошумерской письменности раб обозначался как «человек (чужой) горной страны». Всего в древнейших документах Шумера, подвергнутых исследованию, учтено 30 рабов и 27 рабынь (Вайман, 1974а). Затем число их возрастает в несколько раз. Многообразие древнекитайской терминологии, связываемой исследователями с обозначением лиц подневольного труда (Серкина, 1982), может отражать реальное многообразие путей формирования этих категорий и способов их использования в производстве и обыденной жизни. Постепенно, по мере усложнения социально-экономических и производственных инфраструктур, развивается и долговое рабство, различные категории лиц рабского состояния образуют целый класс. Данничество, рассматриваемое как проявление формы зависимости одной этнической группы от другой, так же как и рабы-военнопленные, было тесно связано с увеличением межобщинных столкновений и противоборства. Постепенно архаические правовые нормы, в которых происходила первичная эксплуатация, сменяются новыми порядками, и оптимальным объектом эксплуатации становится раб, чье фактическое бесправное положение дополняется соответствующим юридическим статусом.

Таким образом, парадокс исторического прогресса состоял в том, что сложение цивилизации было тесно связано не только со специализацией деятельности, но и с развитием классового антагонизма, с резкой концентрацией общественного богатства в руках отдельных слоев или даже отдельных лиц, с распространением бесправия и угнетения.

Наряду с процессом классовообразования шел процесс институализации и все большего обособления власти. Уже на последних этапах первобытного строя аристократия, обладавшая более или менее фиксированными социальными и имущественными привилегиями, вершила общими делами и контролировала распределение продуктов. Зачастую внешние войны или процесс освоения новых земель стимулировали авторитарные тенденции верховной власти (Маретина, 1980, с. 217). Отметим также, что с монополизацией права редистрибуции власть вождя-лидера приобрела и экономические функции. В результате этих процессов вождь-лидер постепенно подчиняет себе аппарат общинного самоуправления и с его помощью возглавляет общественную организацию трудового процесса. Теперь члены этого аппарата уже в силу своего положения в тех или иных формах участвуют в присвоении значительного объема общественного продукта. Недаром в уже упоминавшихся древнейших документах Шумера 6000 га рассматриваются как надел правителя, а 3000 га разделены между пятью должностными лицами, среди которых жрец-прорицатель, главный судья, старшая жрица, старшина торговых агентов-тамкаров. Распоряжались особыми земельными наделами, естественно уступавшими по размерам наделу правителя-ванака, и высшие должностные лица пилосского «царства» (История древнего мира, 1982, с. 293). В иньском Китае члены аппарата управления, видимо, имели не наделы, а обеспечивались натуральными выдачами (История древнего мира, 1982, с. 158).

В различных модификациях распространена точка зрения, что древнейшие государства сложились в первую очередь как аппарат управления со все более усложняющимся общественным производством и что они отнюдь не связаны с тем социальным и имущественным расслоением, которое сопровождает процесс классовообразования (Васильев, 1980, с. 172—196). С нашей точки зрения, при таком подходе совершенно напрасно противопоставляются две стороны одного и того же процесса. Разумеется, такая функция государства, как организация общественных работ в условиях масштабных земледельческих систем, была весьма важна для общества в целом. Но государственный аппарат, являвшийся на первых порах трансформируемым общинным муниципалитетом, состоял отнюдь не из бескорыстных идеалистов. С самого начала этот орган практически находился в руках зажиточной верхушки, и участие в его деятельности, особенно на достаточно высоких постах, способствовало вхождению в ряды социальной и имущественной элиты и закреплению в ней. Естественно, укомплектованные таким образом органы государственного аппарата нацеливались на соблюдение интересов этой элиты. В числе движущих сил формирования государства возникающие в обществе классовые противоречия и совершенствование организационно-управленческой системы образовывали взаимозависимое единство. Общинная администрация была собранием авторитетных лидеров, государственная администрация была одновременно и властью принуждения, и властью авторитета. Затем сам факт возможности принуждения рождал насильственно утверждаемый авторитет.

Обостряющаяся в эпоху формирования первых государств военная ситуация создавала дополнительные стимулы для возвышения вождя-лидера над прочими общественными структурами. Содержание этого фактора было многообразно. Как отмечал К. Маркс, война «есть один из самых первобытных видов труда каждой из ... естественно сложившихся общин как для

а

б

Рис. 13. Военнопленные эпохи первых цивилизаций.

а — оттиск цилиндрической печати из Месопотамии (эпоха Урука); б — антропоморфный сосуд из Перу (эпоха мочика).

удержания собственности, так и для приобретения ее» (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I, с. 480). Таким образом, вооруженное насилие выполняло определенные экономические функции и само становилось непосредственным экономическим фактором (Злобин, 1980, с. 147). Вооруженные экспедиции приводили не только к насильственному перераспределению прибавочного продукта. Под прикрытием вооруженных отрядов осуществлялся доступ к ценным источникам сырья — залежам металлов, строительному лесу, поделочным и драгоценным камням. Особое значение придавалось захвату военнопленных, о чем прямо повествуют как изобразительные сцены (рис. 13), так и письменные документы. Военнопленные со связанными за спиной руками, картины триумфа на поле боя, сцены кровавых жертвоприношений — излюбленные сюжеты рельефов и росписей во всех первых цивилизациях. В походах иньских воинов захватывалось одновременно свыше полутора тысяч пленных (История древнего мира, 1982, с. 157). Войны, таким образом, превратились в регулярный промысел. Преданная вождю дружина способствовала его возвышению и вместе с тем потенциально являлась одной из составляющих формирующегося государственного аппарата подавления.

Довольно живуче представление о теократическом характере власти, существовавшей во многих ранних цивилизациях. Этот вопрос в советской литературе хорошо рассмотрен В. И. Гуляевым, который убедительно пока-

зал, что в обществах Мезоамерики царская власть приобрела первенствующее положение в первых веках нашей эры, т. е. по существу с завершением формативного периода цивилизации. В мезоамериканских материалах широко представлены и атрибуты власти светских правителей, и изображения царя на поле брани, и архитектурные комплексы, которые можно рассматривать как царские резиденции (Гуляев, 1972, с. 206—217; 1976, с. 191—248). Широкие военные полномочия имел иньский ван, и, судя по всему, он осуществлял функции военного вождя, верховного жреца и организатора производства (История древнего мира, 1982, с. 151). Социологический анализ сюжетов мочикской живописи показывает, что верховный правитель был в значительной мере военным предводителем: он неизменно фигурирует в сценах вооруженных столкновений, триумфа и человеческих жертвоприношений. Насильственное умерщвление людей в «царских» гробницах, представленное в большинстве первых цивилизаций, демонстрирует безжалостные формы идеологического закрепления авторитета военного и политического лидера. Потоки крови обгарили тернистый путь, ведущий к вершинам цивилизации.

Несомненно, военные функции в немалой степени способствовали победе светской власти над теократическими поползновениями жречества в тех случаях, когда существовало подобное противоборство. Для рассмотрения истоков этого явления весьма важны шумерские материалы. И. М. Дьяконов подчеркивает сложную внутреннюю связь различных аспектов деятельности общественного лидера. Поскольку организация оросительных работ входила в ведение жреца-правителя, тем более важными оказывались и жреческие функции вождя (История Древнего Востока, 1983, с. 140). Фигура вождя-жреца (эн), получавшего упоминавшийся выше максимальный земельный надел, видимо, предшествует утверждению примата светской власти. Вскоре «большие люди» — военачальники с титулом «лугаль» становятся выше верховных жрецов (Дьяконов, 1959, с. 121—126, 163; История древнего мира, 1982, с. 32—56). Такова, видимо, тенденция установления политических форм, наследующих «храмовым городкам», вырастающим из первобытнообщинных структур. В первых цивилизациях при всех локальных, вполне естественных особенностях наблюдается утверждение власти правителя, опирающегося на воинскую силу и узурпирующего с течением времени жреческие функции, если он не обладал ими изначально в качестве жреца-правителя. Новоявленный лидер также начинает претендовать на божественное происхождение и стремится наложить руку на реальные материальные блага — храмовые хозяйства — там, где они получали развитие.

Огромную роль в этих социально-политических процессах играли и идеологические факторы (Массон, 1980, с. 3—6). Вместе с утверждением в обществе роли вождя-лидера идет сакрализация его должности и функций. Личность вождя высокого ранга объявляется священной, он носит особую одежду, появляются специфические атрибуты его власти, формируется прижизненный и заупокойный культ. Изобразительные искусства художественными средствами закрепляют эту тенденцию. С использованием традиционного для общин мифологического мышления начинается идеологическое обоснование классового деления общества и власти вождя-царя. Соответственно вносятся изменения в мифологическую схему устройства мира, где на первое место выступает культ верховного божества. Шумерские города-государства и египетские номы в междоусобной борьбе стремятся закрепить военно-политические успехи утверждением в этой главенствующей функции именно своих локальных богов-покровителей. Происходит определенная трансформация популярных аграрных культов и связанных с ними церемоний — в священный брак с богиней плодородия теперь вступает земной

владыка. Особое развитие получает культ правителей, генетически связанный с древним и традиционным культом предков. Эти культы идеологически подкрепляли утверждавшееся в обществе социальное неравенство, а гигантские погребальные сооружения становились своего рода монументальной пропагандой.

Происходившие в обществе социально-экономические, политические и идеологические процессы представляли собой в целом динамичную систему прямых и обратных связей, воздействующих на весь культурно-общественный комплекс цивилизации. В числе движущих факторов немаловажное место занимали растущие потребности общества и отдельных индивидов. При этом помимо экономических потребностей, порожденных необходимостью в вещественных материальных благах, все большую роль играют духовные, а также социально-политические потребности, вытекающие из потребностей функционирования надстройки. Все это вместе взятое и обусловило качественно новое состояние общества, определяемое как цивилизация.

Таким образом, можно говорить о целой эпохе, или стадии, первых цивилизаций как начальной ступени классовой формации. Как мы знаем, определение сущности да и самого наименования наиболее ранней формации вызвало значительные дебаты, известные как дискуссия об азиатском способе производства. Получил права гражданства более осторожный термин — раннеклассовые общества, определяемые как общества переходного периода, по наиболее содержательному обзору этой проблематики, предложенному Л. В. Даниловой (Марксистско-ленинская теория. . ., 1983, с. 348—362). Как нам кажется, во всяком случае с позиций культурогенеза, формирование такой социально-культурной общности, как цивилизация, означает переход к качественно новому этапу исторического развития, подводящему, несмотря на сохранение многих архаических и пережиточных явлений, итоговую черту первобытной эпохе. Возможно, первые цивилизации следует рассматривать как проторабовладельческие общества ранней древности, имея в виду основную тенденцию их развития.

Это был важнейший этап всемирной истории, на котором ярко выступает повторяемость ряда явлений в различной этнокультурной среде. Типологически к первым цивилизациям помимо стран Древнего Востока безусловно следует относить и общества Мезоамерики и Перу, где формативная стадия цивилизации засвидетельствована по крайней мере с I тыс. до н. э. Судя по новым открытиям в Перу, истоки цивилизации могут уходить и вглубь II тыс. до н. э. Вместе с тем, как неоднократно подчеркивалось советскими исследователями, понятия «общественно-историческая формация» и «способ производства» представляют собой общие историко-типологические понятия, научную абстракцию в максимально чистом виде. В исторической реальности формация существует в отдельных обществах в качестве их внутренней сущности, их объективной основы (Семенов, 1978, с. 61—62; 1982, с. 66—96). С этих позиций можно рассматривать и сами первые цивилизации как конкретные социально-культурные общности, типологически единые, но различающиеся в ряде отношений способами производства (шумерский, египетский, микенский и т. п.). Различия эти охватывают разнообразные стороны: от практикуемых в том или ином обществе форм высокопродуктивного земледелия и характера общего труда в этой сфере хозяйственной деятельности до значения и судеб храмового сектора в экономическом базисе, не говоря уже о надстроечных явлениях, в которых эпохальные черты неразрывно переплетены с этнокультурной спецификой. Тип первых цивилизаций как синхростадиальное явление отражает единство всемирно-исторического процесса и генеральную тенденцию прогрессивного движения общества.

С возникновением первых цивилизаций усилилась неравномерность исторического развития, но сами эти цивилизации нередко были лишь неус-

тойчивыми образованиями в бескрайнем море первобытных племен, как это верно подметил В. Н. Никифоров (1975, с. 247). Особенно это касается этапа их формирования, когда налицо лишь отдельные стадиальные компоненты культурного комплекса, но не весь набор признаков. В отдельных случаях концентрация власти и соответственно прибавочного продукта позволяли уже на предгосударственном уровне создавать значительные культурные ценности, особенно впечатляющие в виде сооружений монументальной архитектуры, будь то погребальный курган или храмовый комплекс. Затем мог наступить регресс и своего рода перерыв постепенности, отбрасывающий общество на исходные рубежи. Эти явления, известные и в период сложившихся цивилизаций, пожалуй, еще более многочисленны для поры их формирования. В этом и проявляется сложный, противоречивый характер конкретно-исторического процесса (Массон, 1983а, с. 7—14), того диалектического единства общего и особенного, которое активно исследуется последние два десятилетия советской исторической наукой. Археологические материалы различных регионов позволяют рассмотреть именно конкретный характер различных путей развития от раннеземледельческих обществ до первых цивилизаций.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕСОПОТАМИИ

Древняя Месопотамия, на территории которой расположен современный Ирак, представляла собой в основном низменную страну. Две крупные водные артерии, вытянутые в меридиональном направлении — Тигр и Евфрат, не только служили важными транспортными магистралями, но дали имя самой стране, расположенной между реками, — Междуречье. С севера Месопотамию полукругом огибает пояс горных хребтов, от Тавра до Загроса расчлененных глубокими долинами и плоскогорьями, богатыми травостоем. Примыкающая к этой горной системе Северная, или Верхняя, Месопотамия — холмистая страна, расположенная в зоне сухих субтропиков. Однако влажные западные ветры, как правило, приносят сюда дожди, увлажняющие землю в пору ранних посевов. Таковы, в частности, предгорья небольшой возвышенности Синдjar. Несколько южнее ландшафт Верхней Месопотамии образуют сухие степи, и район Джебель-Синджара является уже границей субтропиков и собственно тропической зоны. Высокие среднегодовые температуры сопровождаются весьма незначительным количеством осадков. Особенно негостеприимной в этом отношении является так называемая гипсовая пустыня, протянувшаяся по обе стороны от Евфрата. От района Багдада начинается аллювиальная низменность Нижней Месопотамии, отличающаяся плодородными почвами и предельно ограниченным количеством осадков. В нижнем течении Тигра и Евфрата особенно часты были разливы, затоплявшие плоскую низменность на больших пространствах, оставлявшие после спада паводков болота и озера, которые зарастали камышом. Вдоль речных протоков каймой шли галерейные леса с зарослями тамариска, тополя и финиковой пальмы. В древности древесная растительность, судя по всему, была значительной. Во всяком случае, в VI тыс. до н. э. в районе Багдада в изобилии водились такие обитатели тугайных зарослей, как олени. Из восточных притоков Евфрата особое значение имела сравнительно крупная река Дияла.

Изучение месопотамских памятников началось с середины XIX в., но лишь в конце его стали появляться данные о памятниках каменного века, а в начале XX в. были обнаружены первые раннеземледельческие поселки с расписной керамикой (Халаф, Самарра, Убейд). Важное значение имели широкие раскопки в Уре в 1922—1934 гг. английского археолога Л. Вулли, когда, в частности, были открыты знаменитые «царские» гробницы этого центра шумерской цивилизации. В 1929 г. на конгрессе востоковедов в Багдаде для древнейшей Месопотамии были выделены три последовательных периода: Убейд, Урук и Джемдет-Наср. В 1943—1944 гг. при раскопках поселения Хассуна была открыта еще более древняя культура, названная хассунской. Важные стратиграфические данные по развитию древнейших культур юга Месопотамии были получены при раскопках в Эреду под руководством С. Ллойда и Ф. Сафара. В 60—70-е гг. раннеземледельческие поселения изучались английской экспедицией Дж. Оутс, на севере регулярные раскопки памятников хассунской и халафской культур проводила советско-иракская экспедиция под руководством Р. М. Мунчаева. Департамент древностей Ирака налаживает учет и охрану памятников, несколько раз переиздавалась археологическая карта Ирака, иракские археологи открыли интересный памятник раннеземледельческой культуры в районе Багдада — Телль-эс-Савван. Существует много сводных работ по древностям Месопотамии, наиболее древние комплексы систематизированы в книге А. Л. Перкинс, общая характеристика культурного процесса дана в книге Г. Чайлда (Чайлд, 1956).

Весьма многочисленны разного рода очерки по археологии и культуре древнейшей Месопотамии (Deshayes, 1969; Oates D. a. J., 1976; Ллойд, 1984).

Как мы видели, переход к земледелию и скотоводству произошел в целом ряде мест Передней Азии, преимущественно в горных районах и в предгорной полосе. Однако отнюдь не эти области стали основным центром последующего прогресса. Урожай в этих районах были и неустойчивы, и сравнительно невелики. Лишь выход земледельцев в плодородные долины великих субтропических рек Азии и Африки привел к бурному расцвету производительных сил и к переходу на следующую ступень развития общества, на стадию цивилизации. И дело было здесь не только в особом плодородии вновь освоенных земель. В новой природной среде при отсутствии достаточного количества осадков человеком была создана принципиально новая форма сельскохозяйственного производства — ирригационное земледелие. Искусственное орошение полей не только обеспечивало теперь устойчивые урожаи. В условиях ирригационного земледелия формируются новые, более продуктивные сорта злаковых культур (Лисицына, 1970). Неудивительно, что при переходе к цивилизации на первое место выдвигаются долины великих рек, и прежде всего Месопотамия. Археологические материалы достаточно определенно рисуют сложную картину освоения древними племенами этих областей и создания фундамента цивилизации.

В VII тыс. до н. э. земледельческо-скотоводческие племена Загроса начинают расселяться в поисках новых пространств для своих полей и новых пастбищ для скота. Возможно, при этом первыми были пастушеские племена, знакомые с земледелием, но занимавшиеся в основном выпасом стад (Массон, 1966). Именно их поселки появляются на окраинах Месопотамской низменности.

В этом отношении особенно интересны результаты раскопок поселения Али-Кош, расположенного также в подгорной полосе на восточной окраине Месопотамской низменности, но в современных политических границах не Ирака, а Ирана (Hole a. o., 1969; Массон, 1971г). Здесь были открыты наслоения мощностью в 7.5 м, лишенные керамики и разделенные исследователями на две фазы: Бас-Мордех (7500—6750 гг. до н. э.) и Али-Кош (6750—6000 гг.

до н. э.). Уже на ранней фазе возводились глинобитные дома из грубых кирпичей размером 25×15×10 см. Жители занимались скотоводством, причем разводили в основном коз и в незначительной мере безрогую овцу. Большую роль играла охота, в частности на газель. 9/10 найденных остатков растений составляют дикорастущие образцы, но вместе с тем есть сорта зерновых с признаками культивации: ячмень и пшеница — однозернянка или эммер. В общем плане совершенно справедливо заключение исследователей, что здесь находилось поселение спустившихся с Загроса на зимние пастбища пастухов-охотников, знакомых также с зачатками земледелия. Скорее всего, именно за счет продвижения таких более мобильных скотоводческо-земледельческих общин и происходило распространение производящей экономики. Менее ясны культурно-исторические связи Али-Коша. Кремневая индустрия как будто обнаруживает известные параллели в таком мезолитическом комплексе Загроса, как Карим-Шахир. Вместе с тем каменные браслеты, известные на фазе Али-Коша, использование обсидиана, доставленного из района озера Ван, преобладание в стаде коз являются специфическими чертами загросской культурной общности. Возможно, в среде горных племен Загроса был распространен ряд локальных культурных вариантов, один из которых и принадлежит племени, спустившемуся в долину Дех Лурана. Показательно, что расписная керамика, появляющаяся здесь на фазе Мухаммед-Джафар (6000—5600 гг. до н. э.), существенно отлична от керамических комплексов загросской культурной общности. Это и неудивительно, поскольку в Али-Коше мы имеем дело с группой населения, более тысячелетия развивавшейся в иной экологической среде, что не могло не сказаться на культурных особенностях. Однако генеральная линия развития культуры была связана отнюдь не с козьими пастухами. И в Северной Месопотамии мы находим такой археологический комплекс оседлой культуры земледельцев и скотоводов, который характеризует тип, лежащий по существу в основе всех последующих достижений цивилизации Двуречья.

По названию впервые исследованного памятника эта культура носит наименование хассунской (рис. 14). Ее признаками являются глинобитные постройки, деградация кремневых орудий, появление металлических изделий, глиняная посуда, украшенная геометрическими расписными или процарапанными орнаментами. Она распространена в подгорных районах и частично на плато эль-Джезира, где зимние осадки обеспечивали достаточное количество влаги для орошения полей с использованием паводковых разливов. Можно отметить два места концентрации хассунских памятников — район Мосула, где расположена сама Хассуна (Lloyd, Safar, 1945), и район Синджара, где находится Ярым-тепе I, раскапываемое советско-иракской экспедицией (Мунчаев, Мерперт, 1981). Здесь с Синджара стекают небольшие речки и ручьи, частично текущие постоянно, а частично заполняющиеся во время селей. Хассунские материалы обнаружены и в нижних наслоениях Ниневи. Сами поселения невелики по размерам — от 1 до 3 га.

На исследованных памятниках слои хассунского времени достигают толщины 6 м, в самой Хассуне выделено 8 строительных горизонтов (Хассуна Ia, b, c, II—VI), в Ярым-тепе I—12. При раскопках Хассуны в слое Ia не было обнаружено остатков глинобитных строений, хотя наличие крупных глиняных сосудов указывало на развитие оседлости. При раскопках Ярым-тепе I установлено, что глинобитные дома существуют с самых ранних слоев, синхронных Хассуне Ia. В Хассуне начиная со слоя III появляется керамика типа Самарры, что может служить индикатором поздних хассунских наслоений. Абсолютный возраст этой культуры ориентировочно определяется в пределах середины—второй половины VI тыс. до н. э.

Хассунская культура является типичным археологическим комплексом, отражающим образ жизни оседлых земледельцев и скотоводов. Состав возде-

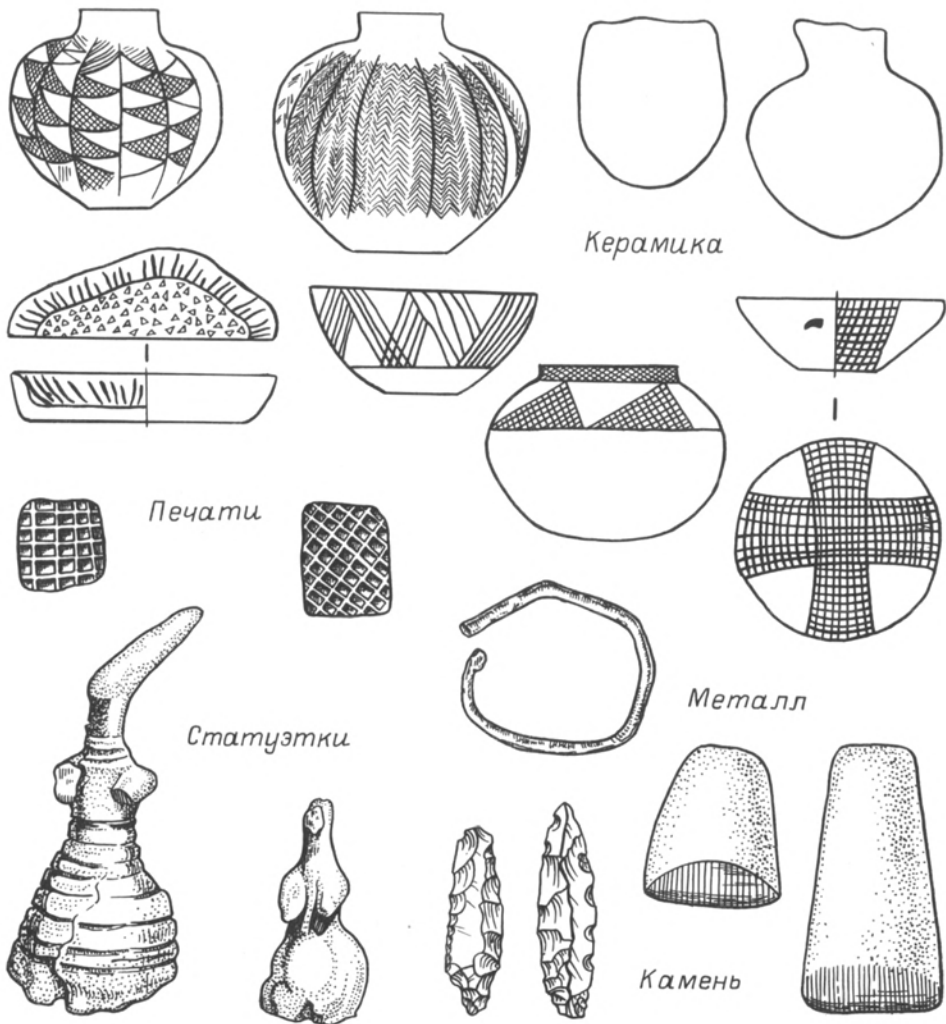

Рис. 14. Комплекс Хассуна.

Льваемых растений был уже весьма разнообразным, в их число входили твердая и мягкая пшеница и ячмень голозерных форм. Свыше 80 % костных остатков принадлежит домашним животным, которые представлены всеми основными породами — овцой, козой, свиньей и крупным рогатым скотом. Устойчивая система получения продуктов питания определила и прочный благоустроенный быт древних общинников.

Важным элементом материальной культуры, обеспечивавшим активную жизнедеятельность, были глинобитные дома. Их стены возводились из глиняных пластов-блоков с обильной примесью соломы. Сами строения были, как правило, прямоугольными, и лишь в Хассуне Ic известен овальный в плане дом. Жилые и хозяйственные помещения объединялись в многокомнатные дома с четкой планировкой. В Хассуне это отмечено начиная со слоя V. Интересен прием оформления стен небольшими прямоугольными контрфорсами, имевшими первоначально конструктивное значение. Позднее этот прием, сложившийся еще в среде раннеземледельческих племен, стал одним из ведущих в месопотамской архитектуре, приобретая в монументальных

строениях в основном декоративный характер. В слое VI Ярым-тепе I раскопан комплекс, состоящий из двух рядов небольших комнаток, не имеющих проходов и представляющих собой, скорее всего, хранилища. Судя по размерам постройки, это могло быть хранилище, обеспечивавшее нужды всего коллектива, проживавшего в поселке. Часто встречаются сооружения из параллельных отрезков стен, представляющие собой основания для зернохранилищ, сооружаемых из органических материалов. Крыши домов были плоскими, на полу нередко встречены отпечатки циновки из камыша. Обязательной принадлежностью домов являются печи, в том числе располагавшиеся во дворах овальные в плане тонуры для выпечки хлеба. Иногда печи представляли собой довольно массивные сооружения. Прямо под полами домов находились захоронения младенцев в скорченном положении на боку, иногда просто в ямах, иногда в крупных сосудах.

Помимо домов важным нововведением, сопутствующим оседлому быту, была глиняная посуда. В самых ранних слоях хассунских памятников еще много сосудов, выточенных из алебаstra, широко представленных в докерамических наслоениях Джармо. Но это была угасающая традиция, и тяжеловесные сосуды вскоре уступают место глиняным изделиям. Характерным признаком многих сосудов, особенно толстостенных, была примесь к глине в качестве отощителя рубленой соломы. Постепенно совершенствовался обжиг керамики: в Ярым-тепе открыты двухъярусные горны, где обжигаемая камера отделялась от топки подом с серией отверстий-продухов, по которым поступал горячий воздух. Создание подобной конструкции было важным достижением древних керамистов, успешно осваивающих возможности теплотехники. Глиняные сосуды отвечали не только хозяйственным потребностям земледельцев, в рационе которых вареная пища, в том числе разного рода каши, занимала заметное место. Очень скоро эти утилитарные предметы стали объектом художественного творчества и щедро украшались различными узорами. Нарядные сосуды оживляли быт древних земледельцев. Нередко воспроизводимые на них достаточно сложные сцены и символы, связанные с мифологическими сюжетами, играли роль хранителей информации, которая в дописьменную эпоху имела две формы передачи — устную и художественную. Техника украшения хассунской керамики была разнообразной: здесь сочетался резной орнамент и узоры, нанесенные темной краской, оттенки которой варьируют от черного до красного. Начиная со слоев Хассуна II и Ярым VI резной и расписной орнамент нередко наносился на один и тот же сосуд. В орнаментике решительно господствуют скупые геометрические мотивы, в частности крупные треугольники, иногда сплошь залитые краской, иногда заполненные косой штриховкой или сеткой. Антропоморфные или зооморфные мотивы отсутствуют. Это еще первые шаги прикладного искусства раннеземледельческой эпохи. Специфическим видом хассунских керамических изделий являются низкие плоские блюда с многочисленными насечками на дне, условно именуемые «подносами для шелухи». Типичными формами хассунской расписной керамики являются чаши и кувшины со сферическим туловом и невысоким горлом.

После первых раскопок самой Хассуны утвердилось мнение, что перед нами чисто неолитический комплекс (Чайлд, 1956, с. 173). Вместе с тем сам факт деградации кремневых изделий позволял усомниться в том, что это неолит, и в некоторых классификациях Хассуна была отнесена к энеолитической эпохе (Массон, 1964а, с. 84, примеч. 4). Сомнения окончательно рассеялись после обстоятельных раскопок на Ярым-тепе, проведенных советско-иракской экспедицией. В ходе этих работ было установлено, что куски меди встречаются практически во всех слоях хассунского времени. Кроме того, были найдены и сами медные изделия — бусы, небольшие подвески, медная пронизка. Каменные и кремневые орудия Хассуны представ-

ляют собой элементы уже уходящей традиции. На самой Хассуне немногочисленные кремневые орудия, как правило, изготовлены на отщепях. На Ярым-тепе обнаружены также и орудия на правильных пластинах. Среди них трасологическим анализом определены вкладыши серпов, боковые скребки и мясные ножи. Немногочисленными образцами представлены наконечники стрел, часто служившие сверлами. Среди шлифованных каменных орудий имеются топоры, тесла и булавы. Как обычно, на раннеземледельческих памятниках многочисленны зернотерки, песты, терочные камни. Редкость кремневых орудий, особенно заметная по сравнению с комплексами типа Джармо и Магзалии, является косвенным свидетельством того, что медь использовалась и для орудий труда, которые, однако, после поломки или износа не выбрасывались подобно вкладышам кремневых орудий, а шли в переплавку. Костяные орудия, такие как шилья и шпатели, являются обычным элементом хассунских комплексов.

Культуры неолитического периода характеризовались наличием разнообразных украшений, отражающих заботы ранних земледельцев о своем внешнем благообразии. Развитие специализированных производств позволяло удовлетворить эти потребности, возникающие в обществе относительного благосостояния. Начиная с самых ранних этапов единичные каменные браслеты сосуществуют с металлическими украшениями (в Ярым-тепе I в XII слое обнаружен браслет из свинца). Весьма разнообразны бусы — глиняные и каменные, в том числе из сердолика, халцедона и бирюзы, доставленной, по-видимому, из местонахождений на территории Ирана. Имеются на хассунских памятниках и каменные печати с ушком на тыльной стороне, с несложным геометрическим рисунком, чаще всего представляющим собой косую или прямую сетку. Существует мнение, что эти печати являются импортом из областей Северной Сирии и Юго-Восточной Малой Азии. Однако они представляют собой не единичные случайные находки, а являются составной частью хассунских комплексов, выявленных на ряде памятников. Поэтому даже если эти изделия и следуют инокультурным образцам, их, скорее всего, следует рассматривать как составной элемент самой хассунской культуры. Имеются в хассунских памятниках и терракотовые статуэтки, являющиеся наряду с прочными домами и орнаментированной керамикой составной частью культурной триады раннеземледельческой эпохи. В основном это фигурки сидящих женщин с вытянутыми вперед руками. На Ярым-тепе специфическим признаком таких фигурок являются удлиненные головные уборы или прически, наклонно уходящие назад.

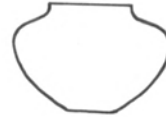
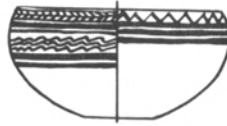
Проблема происхождения хассунской культуры пока может быть решена лишь в общем плане. Совершенно ясно, что ее предшественником должны быть комплексы культуры архаических земледельцев типа Джармо или Манзалии. Однако еще трудно восстановить полную цепочку культурной преемственности, отраженную в археологических материалах. Возможно, памятники типа Умм-Дабагийя—Тель-Сотто характеризуют исходный пласт культуры земледельцев, осваивающих подгорные низменности. Однако конкретные линии связи, как например форма «подносов для шелухи», имеющих в Умм-Дабагийя, здесь единичны. В целом керамика Умм-Дабагийя с ее рельефной орнаментацией, включающей антропоморфные и зооморфные налепы, отнюдь не выглядит предтечей глиняной посуды хассунской культуры. Ряд исследователей склонен подчеркивать в первую очередь западные связи Хассуны (Perkins, 1949, p. 15). Действительно, такие типы изделий, как кремневые наконечники стрел и каменные печати, имеют в первую очередь сирокиликийские параллели. Однако после раскопок Ярым-тепе стало ясно, что кремневая индустрия Хассуны это не только орудия на отщепях, но и орудия на пластинах, что свойственно кругу памятников типа Джармо. Те же загросские аналогии обнаруживают и каменные браслеты.

Скорее всего, в формировании хассунских комплексов сказались различные культурные воздействия, усвоенные племенами Северной Месопотамии, перешедшими к прочному оседлому образу жизни, связанному с сельскохозяйственно-скотоводческой экономикой. Хассунская культура как конкретное явление распространена на сравнительно ограниченной территории, но вместе с тем она представляет собой тип культуры, характерный для всей Месопотамии VI тыс. до н. э. Об этом свидетельствует, в частности, изучение самаррских памятников, долгое время рассматривавшихся как локальный вариант, своего рода дериват хассунской культуры (рис. 15).

Впервые материалы данного типа стали известны еще до первой мировой войны благодаря раскопкам архаического некрополя в районе аббасидской столицы Самарры, в котором была найдена яркая расписная керамика. Постепенно эти эффектные находки были введены в круг систематически изученных памятников первобытной Месопотамии. Особое значение имеют раскопки поселения Эс-Савван, расположенного неподалеку от Багдада и систематически изучаемого иракскими археологами (Waily, Abu al-Soof, 1965; Abu al-Soof, 1968). Здесь в нижних слоях, как в ранней Хассуне, сравнительно много разнообразных каменных сосудов и сравнительно малочисленна керамика, формы которой порой подражают каменным изделиям. Иногда на этой ранней глиняной посуде имеется резной орнамент. Со слоя Савван III появляется уже выразительная расписная посуда так называемого самаррского типа, что позволяет синхронизировать этот этап развития с поздней Хассуней и считать в целом комплексы Самарры (учитывая архаическую фазу) и Хассуны одновременными. Памятники самаррского типа распространены на среднем Тигре (Самарра, Савван) и к востоку от этого района в предгорьях Загроса (Матарра, Чога-Мами). Как археологический комплекс Самарра характеризуется домами из сырцового кирпича, расписной керамикой с усложненными геометрическими узорами, одиночными и групповыми изображениями зверей и насекомых, массивными каменными и терракотовыми фигурками женщин с подчеркнуто крупными глазами. С точки зрения хозяйственного и культурного прогресса характерными чертами Самарры являются внедрение искусственного орошения, развитие массовой художественной культуры и специализированных производств.

При раскопках Саввана было обнаружено большое количество зерен культурных растений, в том числе четырех видов ячменя, четырех видов пшеницы и одного вида льна. Ограниченное число осадков по среднему течению Тигра делало невозможным продуктивное развитие земледелия без применения искусственного орошения полей. Именно этим следует частично объяснить столь значительное сортовое разнообразие и, в частности, появление шестирядного ячменя. Этот сорт палеоботаники считают мутантом, сложившимся именно в условиях орошения (Halbaeck, 1960). На другом самаррском памятнике — Чога-Мами найдены даже остатки самих каналов (Oates, 1963). Как и в Хассуне, в самаррских комплексах представлены основные виды домашних животных — овца и коза в Савване, а в Чога-Мами также и крупный рогатый скот. Вместе с тем в первом памятнике, расположенном неподалеку от Тигра, большое развитие получила рыбная ловля, а также охота на степных (газель, онагр) и лесных (олень) животных. Наложенная система получения продуктов питания, устойчивость которой поддерживалась применением ирригации, способствовала значительному прогрессу материальной культуры.

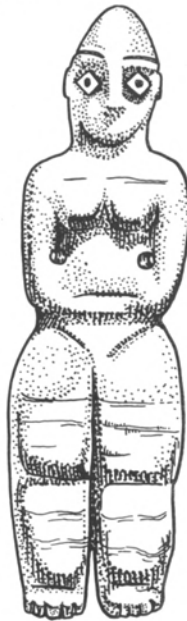
Уже самое раннее поселение Саввана имело общую прямоугольную планировку и было окружено рвом (рис. 16). Застройка осуществлялась многокомнатными домами, ниже уровня полов которых находились погребения. Все дома возведены из прямоугольного сырцового кирпича, и таким образом сделано важнейшее изобретение в области строительной техники, которое

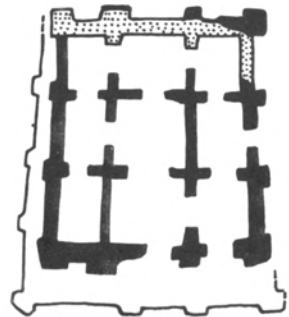
Камень

Керамика

Камень

Дом

Рис. 15. Комплекс Самарра.

Рис. 16. Телль-эс-Савван. План поселения.

сохраняет свое значение до наших дней. В нише одного из домов обнаружена статуэтка, выточенная из алебаstra. Погребения представлены главным образом захоронениями детей со стойким погребальным обрядом — в скорченном положении на боку. Тела усопших заворачивали в циновку и обильно посыпали охрой. Погребальный инвентарь, как правило, весьма разнообразен — каменные сосуды, выточенные из алебаstra статуэтки, различные украшения. Поселение Савван III окружено обводной стеной, которая перекрывает заплывший ров. Характерны дома т-образной планировки, состоящие из хозяйственных и жилых комнат. Во дворах расположены очаги и разного рода хозяйственные ямы. Четкая планировка многокомнатных массивов, стены которых снаружи снабжены регулярно расположенными пилястрами, заметно превосходит несколько хаотичную застройку хассунских поселков. Отдельно располагалась более крупная постройка, предположительно определяемая как святилище. Достаточно просторны и дома, раскопанные на Чога-Мами, площадью от 40 до 60 м², состоящие из 7—12

комнат. Устойчивый тип удобных жилищ — один из выразительных признаков культурного благосостояния.

Об этом же свидетельствуют и другие виды объектов. Так, в нижних наслоениях Саввана весьма многочисленны разнообразные сосуды, выточенные из камня и часто имеющие весьма сложные формы, в том числе сосуды на четырех ножках. Постепенно керамика вытесняет эти более трудоемкие изделия, а в ее декоре решительно утверждается роспись. Первые расписные черепки появляются уже в слое Савван II, и роспись, как и в хассунских памятниках, сосуществует с процарапанной орнаментацией. Но с третьего слоя основным видом художественной утвари становится тонкостенная, прекрасно обожженная расписная посуда самаррского стиля. Изысканные дробные геометрические рисунки покрывают наружную, а часто и внутреннюю поверхность чаш и кувшинов. Рисунок наносился коричневой или темно-серой краской на светлую поверхность. Эффектны большие плоские блюда, представленные в могильнике Самарра. На них изображены женщины с развевающимися волосами, водоплавающие птицы, клюющие рыбу, олени среди деревьев, козлы, крабы, скорпионы. Предпочтение отдается динамическим композициям, воспроизводящим как бы вихревое движение по кругу. Вихревое, центростремительное движение часто подчеркнуто не только односторонним направлением узоров, но и центральной фигурой — розеткой, квадратом или свастикой. Динамизм композиции подчеркивается развевающимися женскими прическами, последовательным расположением фигур козлов с подтреугольным туловищем, образующих как бы непрерывный круг. Последняя композиция особенно интересна, поскольку ее центром является заштрихованный ромб, на который опираются основаниями треугольные фигуры животных. Постепенная схематизация голов и рогов приводит к трансформации этой композиции в так называемый мальтийский крест, один из популярных мотивов расписной керамики многих комплексов Ближнего Востока. Таким образом, уже в самаррской глиняной посуде представлены такие характерные черты прикладного искусства раннеземледельческой эпохи, как декоративность и тенденция к абстракции и символическому. Совершенство этих изделий показывает, что их изготовление стало специализированным производством, делом рук мастеров, обслуживающих членов данной общины. Созданный на среднем Тигре тип изделий пользовался широкой популярностью в Месопотамии. Недаром самаррская керамика, как правило, встречается на поздних хассунских поселениях, являясь одним из древнейших образцов импорта. В росписи самой поздних хассунской посуды можно уловить воздействие керамического производства Самарры.

Раскопки погребений доставили великолепные образцы личных украшений самаррского времени. Это разнообразные ожерелья и браслеты, составленные из бус, выточенных из раковин и различных пород камня. При подборе ниток предпочтение отдавалось ярким, контрастным сочетаниям, например белых и черных бус с красными, сердоликовыми. Как и в Хассуне, имеется здесь иранская бирюза. Женские каменные статуэтки раннего Саввана несколько тяжеловесны, — видимо, мастера еще не овладели искусством передачи объемов в неподатливом материале. Для фигурок характерны крупные глаза и высокие головные уборы из черного битума, контрастирующего с желтовато-кремовым алебастром самих статуэток. Глиняные женские фигурки Саввана более грубы, хотя имеется глиняная статуэтка сидящего мужчины, выполненная в реалистической манере. Прекрасная коллекция женских терракот обнаружена при раскопках Чога-Мами. Здесь детали проработаны краской, особенно выразительны женские головки с подкрашенными удлиненными ресницами больших миндалевидных глаз.

Орудия самаррских комплексов слабо изучены. Кремневые изделия раннего Саввана грубы и характеризуют упадок неолитических традиций.

Имеются вкладыши серпов; наконечники стрел и геометрические микролиты отсутствуют. Кремневые вкладыши серпов крепились при помощи битума в изогнутую основу. Каменные песты, зернотерки, ступки являются обычными наборами раннеземледельческих комплексов. О развитии металлургии говорят находки медных бус и небольшого медного ножа. Известны в самаррских памятниках и каменные резные печати.

В целом самаррские комплексы наглядно демонстрируют высокий уровень развития многих сфер культуры, в том числе прикладного искусства. В экономическом плане особенно важно начало развития искусственного орошения, которое, видимо, ограничивалось задержкой паводковых вод при помощи плотин и запруд и проведением небольших каналов. Об успешных землекопных работах свидетельствует ров древнейшего Саввана и остатки каналов, обнаруженных на Чога-Мами. Традиционно считалось, что Самарра представляет собой развитие культуры группы хассунских племен, расселившихся вдоль Тигра в южном направлении и оказавшихся в благоприятной ситуации. Однако вполне возможно, что Самарра сложилась и на основе местных комплексов хассунского типа и что сама Хассуна — это лишь конкретная культура, распространенная на сравнительно небольшой территории. Популярность Хассуны в археологической литературе во многом обусловлена тем, что она стала известна много раньше других аналогичных комплексов.

Несомненно, что Самарра, или самаррская культура, создала устойчивый комплекс хозяйственных и культурных достижений, явившихся фундаментом, на котором строилось дальнейшее развитие месопотамской цивилизации.

Было положено прочное начало созданию эффективного способа производства продуктов питания — поливному земледелию, урожайность которого в условиях субтропиков была особенно высока. Устойчивая система жизнеобеспечения закрепила торжество нового образа жизни, жизни оседлого земледельца в благоустроенных домах, в условиях относительного изобилия, в окружении нарядных объектов прикладного искусства. Так постепенно формировался значительный потенциал, не только экономический, но также культурный и интеллектуальный. Весьма показательны наличие в Савване культового строения, вокруг которого концентрируются богатые детские захоронения. Их можно рассматривать как проявление особых представлений о ребенке — носителе магических сил или как свидетельство культа привилегированных детей (Алѣкшин, 1986, с. 124). Совершенно ясно, что перед нами материальное отражение процесса формирования особого общественного организма, предтечи позднейших храмов. Существует предположение, что в одной из богатых могил Саввана захоронен служитель культа (Алѣкшин, 1986, с. 61) как член социальной группы, приобретающей черты бытовой кастовости.

О самих создателях блестящей самаррской культуры пока трудно сказать что-либо конкретное. Составившее ее население антропологически принадлежит к длинноголовым европеоидам так называемой средиземноморской расы — основному массиву населения на всем Древнем Востоке. Однако были высказаны предположения о возможном отождествлении самаррских племен с носителями языка, который частично сохранился в шумерских заимствованиях и условно именуется «прототигридским» или «банановым» (Массон, 1971в). К этому дошумерскому языку-субстрату восходят такие термины, сохранившиеся в шумерском, как стена, медь, печать, кирпичная форма; обозначения таких профессий, как ткач, каменотес, строитель, медник, кузнец, земледelec, пастух. Все это характеризует носителей «прототигридского» языка как оседлых земледельцев и скотоводов, хорошо знакомых со строительным делом и металлургией (Salonen, 1968; Зарождение. . ., 1983, с. 92). По тем объектам материальной культуры, которые обнаружены на самаррских памятниках, самаррские племена вполне можно отождествлять

с носителями этого языка-субстрата, сохранившего понятия, отражающие реальную, повседневную жизнь оседлых общинников.

Археологически самаррское наследие достаточно четко прослеживается и в культуре непосредственных носителей шумерской цивилизации. Во всяком случае, именно с Самарры начинается цепочка археологических комплексов, выводящая нас прямо к культуре древнего Шумера. На крайнем юге Месопотамии, на берегу древней лагуны в нижних слоях города Эреду, который сами шумеры считали своим древнейшим центром, открыты комплексы, типологически близкие развитой Самарре. Это слои XIX—XV, где представлены строения из сырцового кирпича, керамика с густой темно-коричневой или красноватой росписью по кремовому фону. Длинный прямоугольный кирпич и ряд элементов геометрической орнаментации указывают на самаррские связи этого древнейшего комплекса Эреду. О восхождении к пласту хассунского типа свидетельствуют и «подносы для шелухи». Из сырцового кирпича были возведены святилища, размеры которых от слоя к слою увеличиваются, как бы отражая возрастание производственных возможностей общины.

Если святилище слоя XVIII — это по существу небольшая комнатка площадью в 9 м², то в слое XV мы находим уже целый архитектурный комплекс, занимающий площадь в 70 м², который с известными основаниями можно именовать небольшим храмом. Древние святилища Эреду имеют небольшой пристенный алтарь на пьедестале и квадратный в плане очаг-алтарь в центре. Все эти элементы сохраняются и в позднейших шумерских храмах, обозначая четкую линию типологической преемственности. Существуют различные предложения по поводу наименования этого древнейшего оседлоземледельческого комплекса Южной Месопотамии. В последнее время некоторые исследователи считали возможным говорить об особой «культуре Эреду»; ранее преобладало его обозначение как фазы Убейд 1, имелись в виду генетические связи с последующей культурой Убейда (Porada, 1965b, p. 149). Во всяком случае, перед нами весьма ранний комплекс конца VI—начала V тыс. до н. э., локальное проявление культуры хассунского круга.

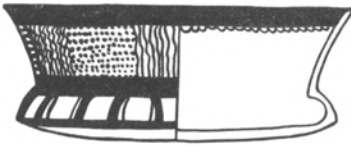
Если на юге устанавливается достаточно четкая преемственность в развитии раннеземледельческих комплексов, то на севере, на территории распространения самой хассунской культуры, наблюдается заметный разрыв культурных традиций. Хассунские слои перекрываются наслоениями с материалами культуры Халаф, которая по основным компонентам и прежде всего по расписной керамике имеет мало общего с хассунским наследием. Вместе с тем относительная хронология халафских комплексов достаточно определена. На трех памятниках халафские слои перекрывают наслоения с материалами Хассуны (сама Хассуна, Ниневия, Ярым-тепе II); неоднократно отмечено перекрывание халафских комплексов наслоениями типа Северного Убейда, о котором речь пойдет ниже. Мощностъ халафских слоев в 7—8 м указывает на длительность существования этой культуры, приходящейся на первую половину и середину V тыс. до н. э. Некоторые соответствия в орнаментации расписной керамики позволяют говорить о возможном сосуществовании раннего Халафа и поздней Самарры.

Сама халафская культура характеризуется глинобитными круглоплановыми домами, как жилыми, так и хозяйственными, керамикой с монохромной, а затем и полихромной росписью с дробной геометрической орнаментацией и отдельными изображениями фигур животных и их частей, главным образом бычьих голов (букрания); глиняными фигурками полных сидящих женщин, покрытых росписью поперечными полосами (рис. 17). Распространенные в Северной Месопотамии халафские памятники сосредоточены в две группы — восточную по обоим берегам Тигра в районе Мосула, т. е. в том же районе, где располагались хассунские поселения, и западную — по течению

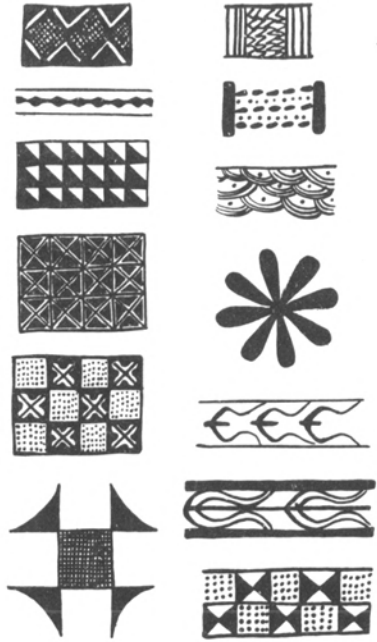
р. Хабур, левого притока Евфрата. Вместе с тем отмечается заметное воздействие Халафа на памятники Сиро-Киликии (Мерсин, Аму́к) и на районы по среднему течению Тигра (Чога-Ма́ми). К числу наиболее изученных памятников восточной группы относятся Арпачия и Ярым-тепе II, раскапывавшийся советско-иракской экспедицией, более ограниченные материалы получены из Ниневии (слой 2) и Тепе-Гавра (слой XX). Методически памятники западной группы изучены значительно хуже (Чагар-Базар, Телль-Брак), хотя там находится само поселение Телль-Халаф, давшее имя всей культуре (Oppenheim, 1943).

Строительная техника Халафа в принципе развивает обычные приемы эпохи ранних земледельцев — стены возводились из глиняных пластов-блоков, иногда на каменном фундаменте. Однако планировка самих строений в основном иная. Здесь преобладают дома круглые в плане, имеющие в Ярым-тепе II диаметр от 3,5 до 5 м. Внутри устраивались очаги, и, судя по всем признакам, эти строения использовались как жилые помещения. Несколько более крупные круглые дома раскопаны в Арпачии, где они нередко имеют своего рода прямоугольные вестибюли (Mallowan, Rose, 1935). Арпачия — первый памятник, на котором были обнаружены подобные круглоплановые постройки, и их необычность повлекла за собой рассуждения об их особом, культовом назначении. После широких работ на Ярым-тепе II нет сомнений в том, что типичные строения халафского зодчества, в том числе хозяйственные, имели круглый план и соответственно диаметр в 1,5—1 м. Существовали и прямоугольные постройки, в частности с рядами параллельных стен, игравших роль помостов для зернохранилищ (Мунчаев, Мерперт, 1981). Однако преобладание именно круглых строений является бесспорной специфической особенностью халафских памятников. Как и на хассунских поселениях, во дворах встречаются хозяйственные ямы и многочисленные очаги. Среди последних помимо овальных в плане тонуров для выпечки хлеба имеются и двухчастные очаги, у которых топка имеет сводчатое перекрытие, а спереди расположено углубление для золы и непрогоревших углей. По находкам в Арпачии выделяется «дом гончара», где производилось изготовление и окраска керамики, а также, видимо, вытачивались и каменные сосуды. На Ярым-тепе II найдены двухъярусные гончарные печи, но сами производственные помещения пока не обнаружены. На территории поселков располагались и погребения, преимущественно младенцев. Сам обряд мало отличается от хассунских традиций — усопшие захоранивались на боку в скорченном положении, иногда в сосудах. В Тепе-Гавра обнаружены и групповые захоронения взрослых. Изменения происходят, пожалуй, лишь в инвентаре, который становится более обильным и разнообразным (керамика, бусы, подвески). Несколько необычно одно погребение ребенка, раскопанное на Ярым-тепе II и представляющее собой трупосожжение. Среди погребального инвентаря 6 миниатюрных сосудов, разнообразные бусы и каменная печать. Халафские погребения располагались и на соседнем холме Ярым-тепе I, где остатки хассунских домов к этому времени уже превратились в оплывшие руины.

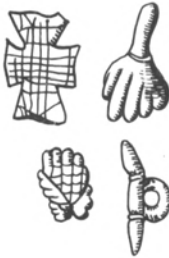
Орудия халафской культуры плохо изучены. Как это часто бывает с культурами расписной керамики, исследователи больше внимания уделяли ярким произведениям прикладного искусства. На восточной группе памятников известны в небольшом числе орудия из кремня и обсидиана. Серпы имели костяную основу, в нее под углом вставлялись кремневые вкладыши, которые создавали зубчатый рабочий край. Каменные топоры, тесла, терки, песты и ступки также представляют обычные находки на халафских поселениях. Интересно наличие халафского поселения на севере, у озера Ван Шамирамальти, или Тильки-тепе, которое многие исследователи связывают с добычей и дальнейшей транспортировкой имеющегося на Армянском нагорье обсидиана. Вместе с тем не приходится сомневаться в наличии медных

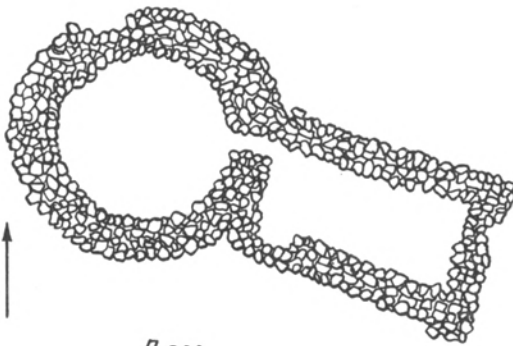
Керамика

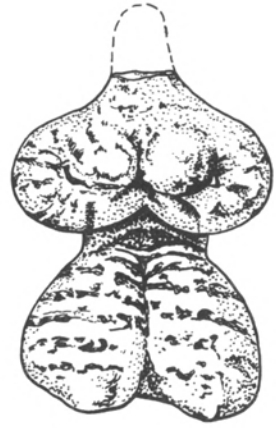
Роспись

Украшения

Дом

Терракота

Рис. 17. Комплекс Халаф.

изделий, на что косвенно указывает исключительная редкость кремневых орудий. Предполагается, что ряд крупных медных изделий, происходящих с поселения Телль-Халаф, в частности тесло и плоский клинок кинжала, принадлежат именно к халафскому комплексу. Медные бусы найдены при раскопках, проведенных более тщательно, чем обследование Телль-Халафа в начале XX в.

Одной из примечательных черт халафских комплексов является керамика. Тонкостенные халафские сосуды разнообразных, порой вычурных форм представляют собой едва ли не наиболее совершенные глиняные изделия древности, выполненные без применения гончарного круга (Dabbagh, 1966). Роспись производилась красно-коричневой или коричневой краской по желтовато-оранжевому фону. Измельченный геометрический орнамент иногда сочетается с розетками, напоминающими растительные узоры. Реже встречаются натуралистически переданные фигуры животных — оленей, пятнистых барсов, птиц, рыб, змей. Еще более редки рисунки человеческих фигур. Все эти фигуры обычно являются составной частью орнаментальных фризов, а не образуют сложных композиций, подобно тому как это наблюдается на керамике Самарры. Такое же композиционное положение занимают и головы быков — излюбленный мотив халафских гончаров от Сирии до предгорий Загроса. Иногда в виде животных и людей изготовлялись и сами сосуды, затем тщательно украшавшиеся росписью. Позднехалафская керамика, известная по раскопкам V и VI слоя Арпачии, имеет даже не одноцветную, а двухцветную роспись. Все это свидетельствует о выделении мастеров-профессионалов, судя по всему, людей художественно одаренных, из общей массы общинников-земледельцев.

Развитие других видов специализированных производств представлено их продукцией — выточенными из камня сосудами, различными бусами, подвесками-амулетами, каменными печатями. Каменные подвески имели самую разнообразную форму в виде двойного топора, бычьей головы, головы кабана и фигурок птиц. Имеются и отпечатки на глине каменных печатей, подтверждающие, что эти предметы использовались именно в данной функции. Представлен в халафской культуре и такой обязательный компонент раннеземледельческих комплексов, как терракотовые женские статуэтки. Они воспроизводят пышнобедрых сидящих женщин с полной, несколько отвисшей грудью и схематически трактованной головкой. На фигурки краской наносились отдельные детали, например, ожерелья, а, возможно, также и татуировка.

Таким образом, по основным показателям Халаф — это типичная раннеземледельческая культура, в которой отмечается активный процесс развития специализированных производств, превращающихся в общинные ремесла. Несмотря на столь разнообразный материал, вопрос о происхождении этого конкретного археологического комплекса остается весьма неясным. Многие элементы халафской культуры как бы продолжают древние традиции Хассуны, на руинах домов которой обосновался ряд халафских поселков. Таковы техника возведения домов из глиняных пластин-блоков, скорченные детские погребения под полами домов в ямах и сосудах, каменные печати, двухъярусные гончарные горны, тонуры для выпечки хлеба. Правда, все эти компоненты могут найти и более широкие аналогии в мире раннеземледельческих племен Передней Азии, но они скорее всего свидетельствуют о том, что в состав халафских племен вошел со своими традициями и пласт местного северомесопотамского населения. Тем более что, как отмечают исследователи, именно мосульская группа халафских памятников, территориально прямо наследующая Хассуне, отличается устойчивостью основных культурных компонентов, совершенством форм и композиций керамики, позволяющих искать здесь основной центр халафской общности. Однако такие элементы халафской культуры, как круглые дома и специфическая расписная кера-

мика, практически не обнаруживают связи с хассунскими комплексами. Круглые в плане дома, генетически явно связанные с досырцовым домостроением, широко представлены в советском Закавказье, где они существовали длительный период на протяжении VI—IV тыс. до н. э. (Джавахишвили, 1973). Но других халафских параллелей древнейшая, сравнительно архаическая культура ранних земледельцев Закавказья не обнаруживает, и, более того, здесь имеется ряд предметов, которые можно рассматривать как халафский импорт. Скорее, речь должна идти об общих истоках домостроительной традиции, воплотившейся в устойчивой форме в глинобитной архитектуре Халафа и Закавказья. С приходом в Северную Месопотамию данной культурной традиции, явно приобретшей в Халафе черты этнической специфики, может быть сопоставлено и появление новой разновидности погребального обряда — трупосожжения. Однако среди известных археологических комплексов истоки этих элементов халафской культуры пока не могут быть обнаружены. Несмотря на подобные инновации, в Халафе, как мы видели, налицо сохранение основных хозяйственных да и ряда культурных традиций земледельцев и скотоводов Месопотамии VI тыс. до н. э.

Более определенно можно говорить о судьбах халафской культуры. В Северной Месопотамии поздний Халаф образует основу местной культуры последней трети V—первой половины IV тыс. до н. э., обнаруживающей также мощные южные компоненты и поэтому названной Северным Убейдом. Чтобы рассмотреть это явление, нам придется опять вернуться на юг, где складывалась убейдская культура, которую на определенном этапе с известными основаниями можно именовать уже шумерской.

Лучше всего последовательное развитие древних культур Южного Двуречья в V тыс. до н. э. рисует стратиграфия Эреду (Safar a. o., 1981). Здесь над наслоениями с ранней расписной керамикой XIX—XV слоев идут слои, содержащие посуду типа Хаджи-Мухаммед (Porada, 1965b, p. 150; Ziegler, 1953). Она характеризуется дробной геометрической орнаментацией, нанесенной лилового-черной краской на светло-оранжевый фон, и в Эреду встречается в слоях XIX—XII (фаза Убейд 2). Характерной формой являются широкие открытые чаши, нередко покрывавшиеся росписью и с внутренней стороны. Посуда этого типа известна также в Уре и Уруке. Иными словами, три важнейших центра Шумера Эреду, Ур и Урук уже начали в эту эпоху свой путь развития. Сходная последовательность культурных напластований отмечена и на поселении Телль-Абеда на среднем Тигре (Jasim, 1983). Генетическая связь керамики Хаджи-Мухаммед с посудой раннего Эреду бесспорна, и мы по существу имеем два звена одной цепи. Раскопки Эреду убедительно доказывают, что генеральной линией культурного развития Южного Двуречья была спонтанная трансформация, в ходе которой новые культурные типы и эталоны формировались преимущественно в местной среде соответственно новым условиям и потребностям общественной эволюции. Поселения фазы Убейд 2 широко распространены на территории Южного Двуречья (Calvet, 1985), что свидетельствует о выработке приемов освоения болотистых пространств под поля. Видимо, наряду с искусственным орошением здесь особую роль играли мелиоративные мероприятия. Неподалеку от шумерского города Киша раскопано поселение Рас-аль-Амийа с керамикой типа Хаджи-Мухаммед и многочисленными вкладышами серпов, указывающими на основное занятие его обитателей (Stronach, 1961). Интересен и характер стада в этом поселке — основную массу животных составлял крупный рогатый скот, что также, видимо, надо связывать с устойчивым земледелием на заливных участках древней поймы Тигра, дававших фуражное зерно. Не исключено, что на аллювиальной равнине быки уже начали использоваться как тягловая сила. Столь разнообразная деятельность требовала усиления организующего начала, которое при господствующем способе мышления оформлялось как

начало, освященное религиозными представлениями и культовыми церемониями. В материальной культуре это нашло отражение в создании на поселениях культовых центров, в состав которых входили монументальные храмы, возводившиеся на специальных платформах, что подчеркивало их господствующее положение над хижинами и мазанками, в которых ютилось основное население. Такой храм раскопан в Эреду, и с него ведут отсчет замечательные культовые комплексы древней Месопотамии (Lenzen, 1955). Храмовая организация, символизирующая идеологическое единство общины, брала на себя функции и хозяйственного руководства.

На основе этой традиции в Южном Двуречье в середине V тыс. до н. э. складывается убейдская культура, сыгравшая большую роль в истории и культуре Передней Азии (Perkins, 1949, p. 46—96; Porada, 1965a, p. 150—152). Ее характерными признаками как археологического комплекса являются монохромная расписная керамика с геометрическими и криволинейными мотивами росписи, терракотовые серпы с выделенной рукоятью и терракотовые статуэтки стоящих женщин с головами фантастических существ, напоминающих рептилий (рис. 18). Ранний Убейд, или фаза Убейд 3, по одной из классификационных систем, ориентировочно относится исследователями ко времени около 4300—3900 гг. до н. э. (Porada, 1965a, p. 176—177). Убейдские памятники широко распространены в Южном Двуречье, и их картографирование позволяет восстановить направление русел древних каналов, вдоль которых располагались поселения древних земледельцев (Adams, Nissen, 1972). В районе Ура известно около 40 убейдских поселений, в районе Урука — 23 крупных поселения имеют площадь свыше 10 га и некоторыми исследователями на этом основании именуется городками. Мощные убейдские слои обнаружены на территории многих шумерских городов. Монументальные храмы на платформах господствовали в архитектурном силуэте наиболее крупных центров и, возможно, уже осуществляли функции общей хозяйственной и административной координации. Керамика раннего Убеида отличается стандартными формами, повторяющимися на всех поселениях, что свидетельствует о стандартизации, характеризующей наступление стадии ремесленного производства. Типичными формами являются плоские тарелки с отогнутым бортиком, чаши на подставке, сосуды с носиком типа чайников, кубки с изящным изгибом стенок и с овальным дном, что позволяло ставить на плоскую поверхность лишь опрокинутые и уже опорожненные сосуды. Набор несложных орнаментальных мотивов, геометрически правильных фигур, розеток и криволинейных элементов образует изящные композиции, украшающие глиняные сосуды.

Расцвет убейдской культуры приходится на первую половину IV тыс. до н. э. (слои Эреду VII—VI или фаза Убейд 4). Следует иметь в виду, что в данном случае счет слоев велся по мощным строительным остаткам монументальных сооружений, которым в жилых кварталах несомненно соответствовало значительно большее число строительных горизонтов. В целом убейдские слои насчитывают от 8 до 10 м, что свидетельствует о длительном существовании этой культуры, охватывающей почти целое тысячелетие. В позднем Убейде активно идет процесс специализации производств. Строительное дело обеспечивает не только возведение утилитарных построек, но и создание монументальных строений, подлинных произведений большой архитектуры. В сложной планировке храмов Эреду выделена целла с алтарем, массивные стены снаружи декорированы ступенчатыми в плане пилястрами. Общие размеры храма Эреду VI — 23.5×12.5 м, размеры платформы, на которой высится этот культовый центр, — 26.5×16 м. Массивное строение с толстыми стенами — храм или «дом вождя» раскопано на другом убейдском поселении — Телль-Укейре (Lloyd, Safar, 1943). Возможно, характерное сооружение культовой архитектуры Шумера — ступенчатые башни-зикку-

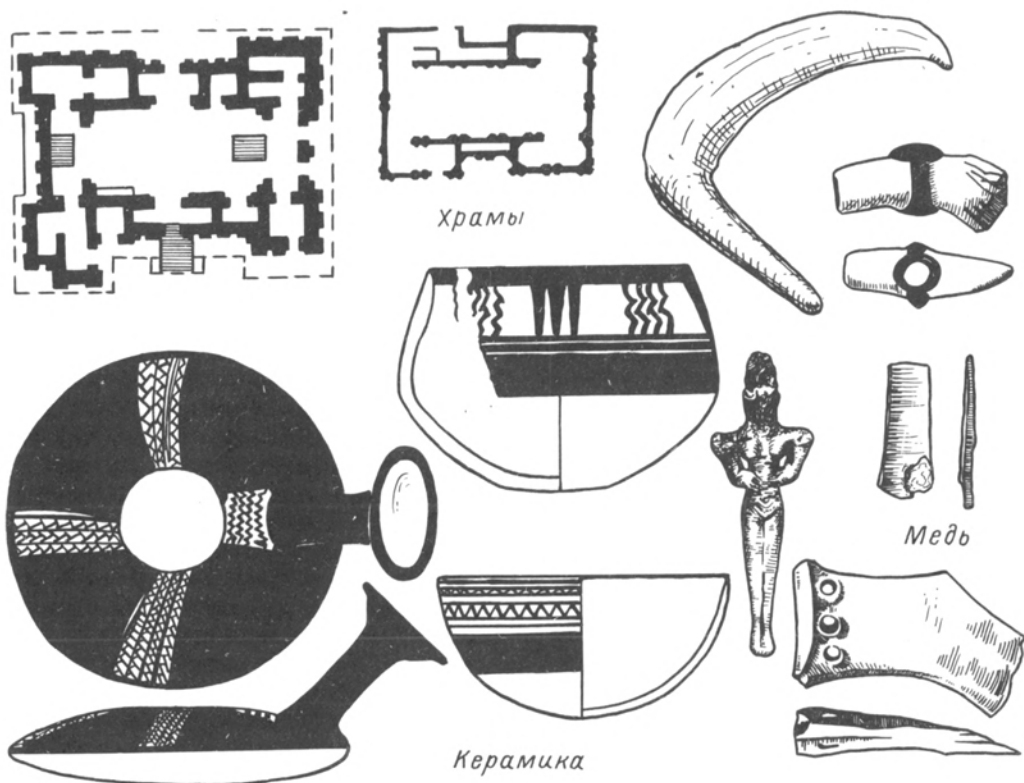

Рис. 18. Комплекс Убейд.

раты также стали возводиться уже в пору Убейда. Появляются в позднем Убейде и глиняные конусы, применявшиеся для мозаичной декорации, украшавшей наружные плоскости престижных строений. Развитие культовой архитектуры свидетельствует о возрастающей роли храмовых организаций в жизни общества и вместе с тем о значительном производственном потенциале южномесопотамских общин, расходующих рабочую силу на трудоемкие строительные работы.

В Эреду раскопан и некрополь, относящийся к периодам VII—VI по стратиграфии этого памятника. Для захоронений использовались небольшие оградки, сооружаемые из сырцового кирпича и часто прикрываемые этим же кирпичом. Погребения сопровождаются разнообразным, хотя и скромным инвентарем: керамика, терракотовые статуэтки и глиняные модели лодок с отверстием в центре, куда, видимо, вставлялась деревянная палочка, имитирующая мачту. Такие модели — убедительное свидетельство широкого освоения водных путей как транспортных артерий. Присутствие этих предметов в могилах, вероятно, отражает мифологические представления о переправе через «реку смерти» в загробный мир. Существенное отличие убейдских могил от других раннеземледельческих захоронений составляет вытянутое, а не скорченное положение погребенных. Убейдские могилы с подобным погребальным обрядом обнаружены в Уре. Погребения различаются между собой лишь количеством погребального инвентаря, преимущественно глиняных сосудов, но отнюдь не качественно иными наборами вещей.

Практическое отсутствие кремневых орудий косвенно указывает на прогресс в области металлургии. Поскольку металл в низовьях Евфрата доставлялся издалека, металлические изделия высоко ценились и, судя по всему,

приходя в негодность, сразу же пускались в переплавку, поэтому практически нам мало известны. Вместе с тем находка в убейдских слоях Ура сучка золотой проволоки свидетельствует о том, что начинают использоваться самые различные металлы. Имеются терракотовые модели разного рода орудий — проушных топоров, кинжалов, тесел, формы которых ясно указывают, что копируемые образцы изготовлены методом литья в закрытых формах. Отсутствие рудных источников на аллювиальной равнине стимулировало усиленные поиски различных заменителей. Так, серпы, эти важнейшие орудия древних земледельцев, изготовлялись из терракоты и обладали прочным, эффективным рабочим лезвием. Специальное трасологическое исследование подтвердило, что перед нами именно рабочий инструмент, а не глиняная модель (Семенов, 1965).

Специализация производств находит отражение и в изготовлении глиняной посуды. При сохранении стандартно повторяющегося набора форм в позднеубейдское время начинает использоваться также и гончарный круг медленного вращения. Одновременно происходит и некоторое огрубление росписи — явление, почти всюду сопровождающее замену индивидуального мастерства массовой ремесленной продукцией. Некоторые исследователи даже полагают, что на обеднении гончарства сказалось изготовление металлической посуды, предназначенной для быта состоятельных слоев общества, тогда как рядовые общинники довольствовались глиняными сосудами (Чайлд, 1956, с. 247). Среди последних характерной формой являются сосуды в виде утолщенной сферы с широким горлом, заканчивающимся раструбом. За ними в литературе утвердилось наименование черепаховидных, и считается, что они служили для культовых возлияний. Основные мотивы геометрической орнаментации раннего Убеида сохраняются. Изредка на убейдской керамике Южного Двуречья появляются изображения живых существ — птиц и скорпионов.

Весьма типичны для убейдской культуры терракотовые статуэтки, изображающие преимущественно стоящих женщин с широкими плечами, руками, сложенными под грудью, и узким тазом. Этот канон существенно отличен от образа пышнотелых матрон, обычных для большинства раннеземледельческих обществ. Скорее всего, это свидетельствует и о начавшихся идеологических изменениях в обществе, приобретающем сложную структуру. Примечательны головы терракот: они имеют мало общего с человеческим лицом и напоминают каких-то монстров, скорее всего рептилий. Безусловно, это сложный синкретический образ. У некоторых фигурок изображен у груди ребенок, что указывает на их функцию воспроизведения покровительницы плодородия. Головы обычно венчает высокий убор из черного битума. Значительно реже встречаются мужские статуэтки, выполненные в той же манере. Изготавливались из глины и фигурки различных животных. По раскопкам могильников известны украшения рядовых общинников убейдского времени — это главным образом бусы из глины или из раковин. Иногда украшения, выточенные из раковин, нашивались на бахрому женских юбочек.

Убейдская культура отражает значительные успехи южномесопотамских общин, в экономическом отношении базирующихся на развитии поливного земледелия, которое было решающим рычагом всего прогресса. Крупные убейдские центры с монументальной архитектурой и специализацией производств становятся предтечей позднейших шумерских городов, как правило, складывающихся на местах именно убейдских поселков. Формируются новые устойчивые культурные эталоны от типов керамики и терракот до храмовых комплексов. Судя по всему, была налажена система торговых связей, без которых в Южном Двуречье, лишенном руды, строительного леса и камня, подобный прогресс был весьма затруднен и малоэффективен. Таким образом, можно считать, что в пору Убеида формируются основы шумерской цивили-

зации. Тем более что есть основания видеть в носителях собственно убейдской и, уж во всяком случае, позднеубейдской культуры самих шумеров, и эта точка зрения имеет среди специалистов наиболее многочисленных сторонников (Ллойд, 1984, с. 68 и след.). Появление в убейдских памятниках вытянутых погребений, как бы порывающих с традицией скорченных захоронений Хассуны и Самарры, скорее всего указывает на приход нового населения, принесшего и новые погребальные обряды. Поэтому убейдскую культуру можно именовать если и не раннешумерской, то протошумерской. Правда, пресловутая «прародина шумеров» по-прежнему остается неясной. Почти одновременно с Южным Двуречьем традиция вытянутых захоронений распространяется в соседнем Эламе, но истоки этого обряда в равной мере не ясны. Сами шумеры считали местом возникновения человечества и его культуры остров Дильмун, достаточно убедительно отождествляемый с современным Бахрейном. Здесь, так же как и на северном побережье Аравии (Oates, 1976), известен ряд памятников убейдского типа, но их взаимоотношение с аналогичными материалами Южного Двуречья еще не исследовано в должной степени.

Важным показателем значимости убейдской культуры является ее влияние на Северную Месопотамию и далее на отдельные районы Сирии и частично Малой Азии. В Северной Месопотамии складывается характерный местный комплекс, представляющий собой локальный вариант убейдской культуры, который именуется обычно Северным Убейдом. Расписная керамика убейдского типа и монументальные храмы, до деталей аналогичные храмовым комплексам Эреду, являются главными показателями влияния собственно убейдской культуры на северные районы Месопотамии (Гавра XIX—XII; верхние слои Хассуны и Арпачии; Грай-Реш IX—VI). Специфической чертой Северного Убейда является сохранение, особенно на ранних этапах, сильных халафских традиций, указывающих на прямую культурную преемственность. Так, в расписной керамике сохраняются частично халафские мотивы, а иногда и полихромия. На первых порах существуют и круглые в плане дома наряду с прямоугольными строениями. Терракоты также изображают не стройных стоящих женщин, как это имело место на юге, а полных матрон, сидящих с согнутыми в коленях ногами, т. е. развивают образ, также сложившийся в халафской культуре. Несколько более массивен по сравнению с югом и прямоугольный сырцовый кирпич, употребляющийся строителями североубейдских поселений.

Из числа североубейдских памятников лучше всего изучена Гавра на левом берегу Тигра в районе Мосула (Tobler, 1950). Здесь, начиная с самых ранних слоев, относящихся к убейдскому времени, известны и большие прямоугольные жилые дома, и храмовые комплексы. Иногда дома имеют внутренний дворик, по сторонам которого расположены комнаты. Предполагается, что в слое Гавра XVII роль святилищ выполняли две круглоплановые постройки. В слое Гавра XIII представлен целый храмовый комплекс, состоящий из трех храмов, полностью аналогичных храмам Эреду. Размеры храмовых строений также довольно значительны, они имеют в длину от 12 до 14 м, а фасад одного из храмов покрыт белой штукатуркой. Как и в южном Эреду, в Гавре наблюдается выделение специального некрополя, где погребаются взрослые, тогда как детей по-прежнему хоронят под полами домов. Большинство погребенных имеют скорченную позу, но встречаются и вытянутые захоронения, что может указывать на наличие населения, принесшего эту традицию из Южного Двуречья. В целом погребальный обряд становится достаточно разнообразным — наряду с захоронениями в ямах известны погребения в урнах и трупосожжения.

Районы Северного Убейда находились ближе к рудным залежам, и поэтому в отличие от юга здесь при раскопках изредка встречаются металлические

предметы, к которым относились с меньшей бережливостью. К числу обнаруженных медных изделий относятся кольца, шилья и небольшие ножички, найдены также золотые бусы. Среди специализированных производств на североубейдских памятниках становится особенно продуктивным изготовление печатей, вырезавшихся большей частью из стеатита, но иногда также из более ценных пород — мрамора, сердолика и даже лазурита. Последнее свидетельствует об обменных связях, достигающих, скорее всего многоступенчатым путем, весьма отдаленных территорий, поскольку лазуритовые копи находятся в Бадахшане на территории современного Северного Афганистана (Негтманн, 1968). Изображения на печатях большей частью выполнены гравировкой, реже встречается сверление. Преобладают печати овальной формы с ушком на тыльной стороне — тип, возникший еще у первых земледельцев, когда, правда, функции печати-амулета, по-видимому, не были дифференцированы. Теперь же оттиски на глине становятся все более многочисленными. До слоя Гавра XII большой популярностью пользовались печати с геометрическим орнаментом, хотя встречаются отдельные изображения животных. Позднее зооморфные мотивы становятся преобладающими. Обычно изображаются одиночные животные, но нередко копытные четвероногие даются в сочетании с птицей, рыбой или змеей. В целом комплекс Северного Убеида свидетельствует об установлении определенного культурного единства на основной территории всей Месопотамии. Вопрос о механизме этого явления остается не вполне ясным. Наряду с резким усилением культурного влияния, идущего по направлениям обменных связей, имело место и прямое распространение групп населения, приносящего с собой новые культурные нормы и эталоны. В этом отношении показательны наличие в Гавре захоронений по новому погребальному обряду. Но это отнюдь не была полная смена жителей. Северный Убейд как археологический комплекс состоит из двух культурных компонентов — элементов, продолжающих местные, халафские традиции, и элементов, отражающих прямое воздействие со стороны Южного Двуречья. Видимо, после периода экстенсивного освоения Южного Двуречья наступил этап, когда возрастающее население не могло прокормиться без кардинальных изменений в производительных силах, что и привело к сегментации в северном направлении. Скорее всего, это был не мгновенный акт, а длительный, многоступенчатый процесс. На первых порах убейдские влияния, соединившись с культурным наследием Халафа, дают гибридные формы, а позднее, в пору Гавры XIII, наблюдается новое усиление южных импульсов, своего рода убейдский ренессанс.

Постепенно развитие техники, сложные социально-экономические процессы, происходившие в Южном Двуречье, неуклонно вели к новым существенным технологическим и культурным преобразованиям. В археологических материалах эти инновации получили яркое воплощение в культуре типа Урук, относимой ко второй половине IV тыс. до н. э. (рис. 19). Именно в это время происходит завершение формирования экономических и культурных основ шумерской цивилизации.

Выдвигались разные системы организации археологических комплексов второй половины IV тыс. до н. э. Американская исследовательница А. Л. Перкинс в 1949 г. предложила заменить термины Урук и Джемдет-Наср понятием «протописменный период» с разделением его на четыре фазы и оставить понятие Урук лишь для комплексов XIV—IX слоев урукского культурного центра Э-Аны (Perkins, 1949, p. 155 sqq.). Однако затем многие исследователи вернулись к прежней терминологии, более соответствующей традиции именовать археологические культуры и комплексы по названиям эталонных памятников. По урукской стратиграфии, являющейся эталонной для этого периода, слой Э-Ана XIV—IV следует относить к культуре Урук, а слой III к комплексу типа Джемдет-Наср.

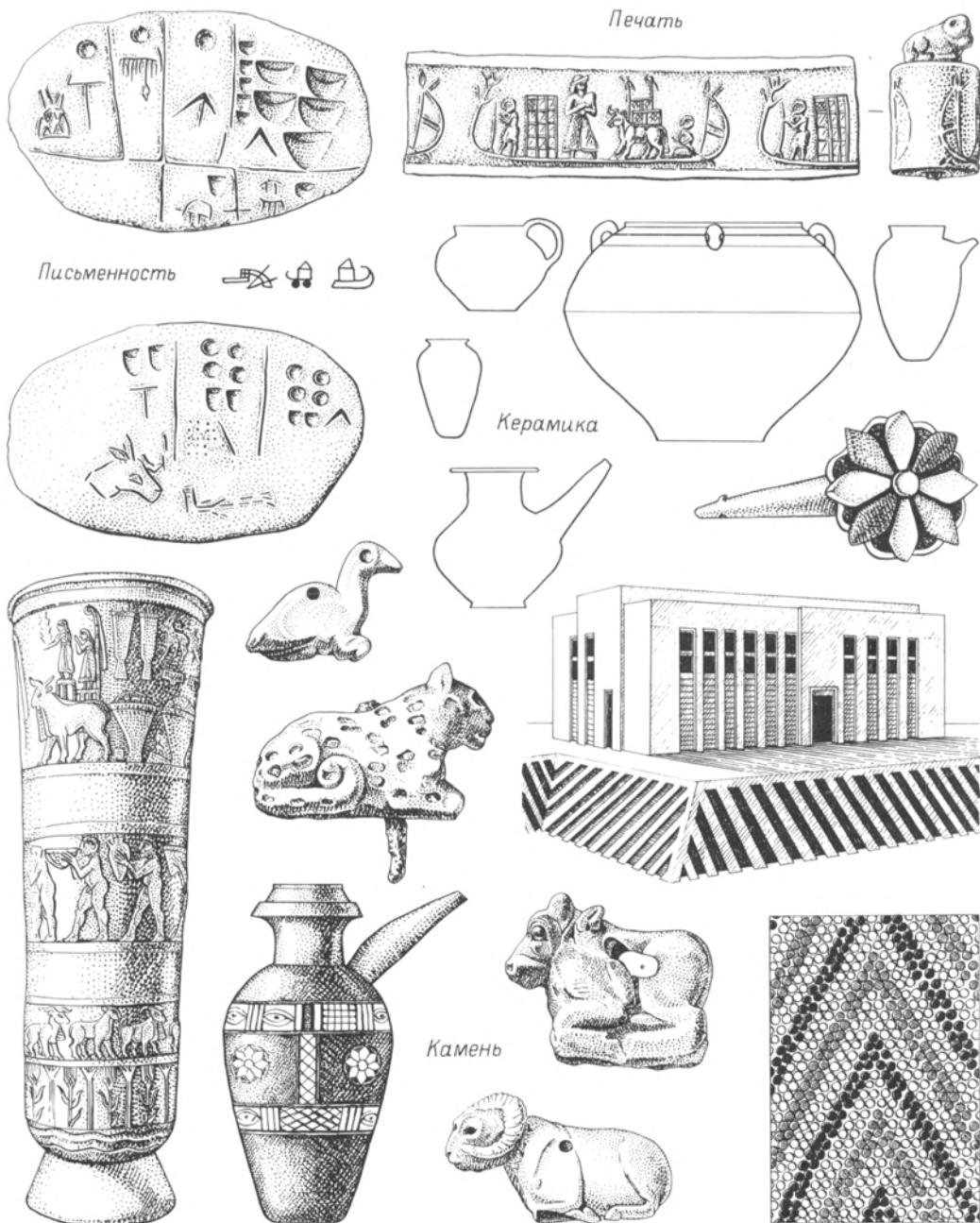

Рис. 19. Комплекс Урук.

Для урукской культуры как археологического комплекса характерна нерасписная керамика, сделанная с помощью гончарного круга, преимущественно светлая, но также покрытая красным ангобом и черноглиняная. Распространяются многочисленные типы сосудов с носиками и ручками различных видов от петлеобразной до небольших скобчатых выступов. Сходные формы представлены и сосудами из меди и серебра. В архитектуре распространен прием мозаичного украшения поверхности стен глиняными

Рис. 20. Цилиндрическая печать урукского стиля.

цветными конусами, на позднем этапе появляются цилиндрические печати (рис. 20).

Картографирование урукских памятников показывает, что они располагаются правильными цепочками, вытянутыми в меридиональном направлении, что указывает на направление русел древних каналов, снабжающих эти поселения водой, орошающей близлежащие поля (Adams, Nissen, 1972). Создание целой системы магистральных каналов, на которой базировалось регулярное орошение полей, в сочетании с продуманной агротехникой было важнейшим достижением урукского периода. Одним из существенных результатов этого явился стремительный рост населения: в районе Урука археологами зафиксировано свыше 120 различных поселений, в бассейне Диялы — 43. В большинстве своем это — небольшие сельские поселки, возможно даже усадьбы и хутора, но выделяются и памятники площадью свыше 10 га, которые исследователи относят к центрам городского типа. Своего рода гигантом в это время был сам Урук, где обжитая территория достигала по крайней мере 45 га. Археологические исследования этого города были сосредоточены на раскопках крупного культового центра, существовавшего несколько тысячелетий и носящего шумерское название Э-Ана (Jordan и. а., 1930—1963). Здесь располагалось несколько функционировавших одновременно монументальных комплексов в основном храмового характера, неоднократно перестраивавшихся и изменявших свою планировку (рис. 21). План храмов развивает традиции, сложившиеся еще в убейдском Эреду, — трехчастное деление с центральной вытянутой целлой, где находилась статуя божества. При новом строительстве руины более ранних построек замуровывались и образовывалась платформа, достигшая к концу IV тыс. до н. э. 16-метровой высоты. Весь комплекс дополнительно обведен крепостной стеной. Располагавшаяся на таком искусственном возвышении группа храмов образовывала архитектурную доминанту всего городского пространства. Сами храмы также отличались значительными размерами. Так, один из храмов, посвященный богине плодородия Инане, имел размеры 75×25 м. Еще более внушительны размеры Белого храма — 83×53 м. Его цоколь был облицован известняком, доставленным на аллювиальную равнину с предгорий Загроса за многие десятки кило-

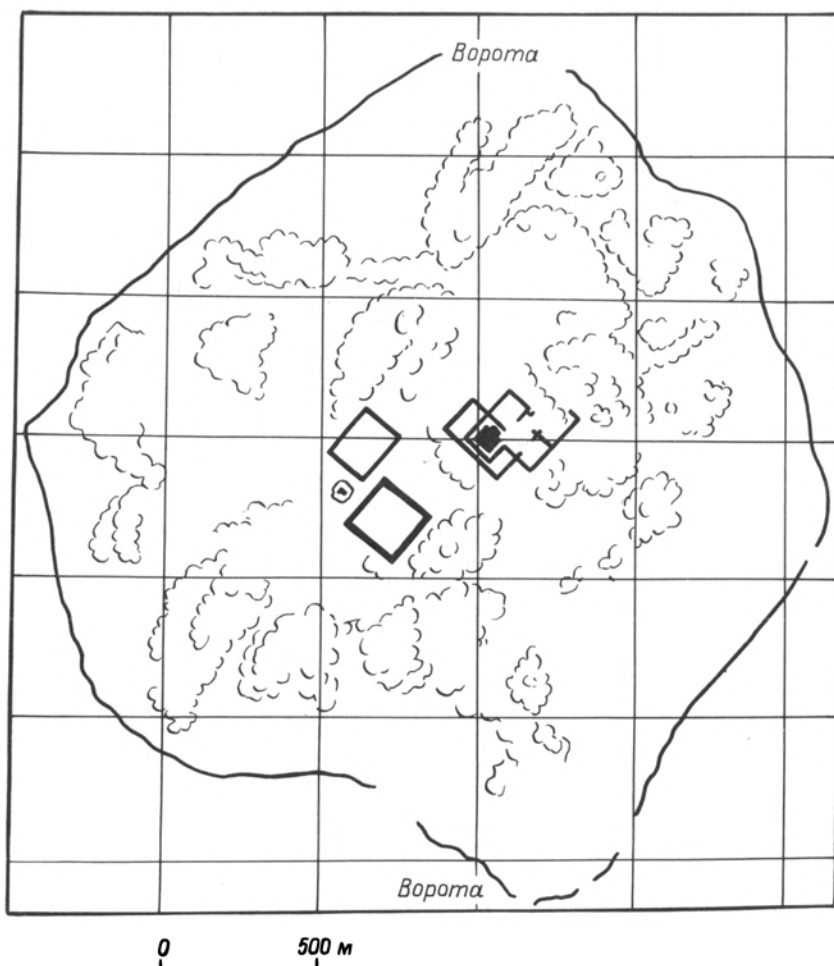

Рис. 21. План Урука.

метров. Еще большее расстояние проделали плиты известняка, использованные при строительстве храма в Эреду II, — их надо было доставить на берег Тигра, а затем спустить вниз по реке. По иконографическим данным известно, что в Шумере второй половины IV тыс. до н. э. помимо четырехколесных повозок и разных типов лодок существовали также сани-волокуши, на которых могли доставляться подобные громоздкие грузы. Для отделки плоскостей стен использовали глиняные конусы, окрашенные в три цвета — красный, белый и черный, которые составлялись в красочные мозаичные панно с узорами, имитирующими плетенку. Подобным образом был украшен один из ансамблей Урука, получивший наименование «красного дома». Он представлял собой замкнутое открытое пространство площадью около 600 м² с возвышением, на котором на одном конце располагались массивные круглые колонны. Было высказано вполне вероятное предположение, что это место общих народных собраний и заседаний совета старейшин городской общины Урука (Зарожение . . ., 1983, с. 111). Монументальные храмовые комплексы существовали во всех крупных городских центрах Шумера, символизируя важное общественное и экономическое положение храмовой организации и храмовых хозяйств, в которых, судя по всему, сосредоточивался основной прибавочный

продукт ирригационного земледелия. По-видимому, верховный жрец стоял на первых порах и во главе администрации, руководившей практической жизнедеятельностью групп общин, сосредоточивавшихся вокруг крупных населенных центров, которые для этого периода есть основания именовать «храмовыми городами». Здесь концентрировался культурный и интеллектуальный потенциал эпохи. Именно в храмовых организациях, регулирующих циклы сельскохозяйственного производства, велись систематические наблюдения календарно-астрономического и иного характера, образующие достаточно широкую эмпирическую базу архаической науки, или преднауки. Культурно-мифологические системы, находящие отражение в многочисленных памятниках искусства, также содержали элементы философских и шире — гуманитарных знаний. В данном случае естественнонаучные представления увеличивали авторитет жреческого сословия и в определенной мере входили в систему хозяйственного руководства (Старостин, 1980, с. 165).

Среди пиктографических (урукских) знаков имеется немало изображений плугов, в которые запрягались волы. Ирригационное пашенное земледелие было основой экономического могущества городских общин древнего Шумера. Недаром древнейшие глиняные таблички с пиктографическими текстами, появляющиеся в слое Э-Ана IV, связаны в значительной мере с храмовым хозяйством. В храмах концентрировались и материальные ценности иного рода — металлические сосуды, произведения искусства, различного рода украшения. Некоторое представление о них дает обнаруженный в Уруке «малый клад», в состав которого входили бронзовые, серебряные и золотые сосуды, амулеты в виде фигур животных, изящно выполненные из камня и раковин, тысячи бус из полудрагоценных камней от сердолика и агата до бирюзы и лазурита (Heinrich, 1936).

Городские центры были и местом сосредоточения ремесленных производств, специализация которых все более возрастает. В Уре обнаружены остатки керамической мастерской с обширными производственными отвалами, где был найден даже сам гончарный круг — тяжелый диск из обожженной глины. Частично сохранялась традиция украшать сосуды расписными узорами, но образцы подобной керамики теряются среди массы стандартных форм, выполненных на станке и совершенно лишенных орнаментации. Об успехах металлургов и кузнецов свидетельствуют сосуды, изготовлявшиеся из различных металлов и частично повторявшие формы керамики, как например сосуды с трубчатыми носиками и сливами. Из металлических орудий и оружия найдены копья, кинжалы, серпы, тесла и рыболовные крючки. Технологические анализы показывают, что была широко освоена техника литья по восковой модели, известен и сплав меди со свинцом — свинцовая бронза. Ювелирное ремесло выделилось в особое специализированное производство, в котором, возможно, существовала и более узкая специализация. Помимо различных украшений изготовлялись многочисленные фигурки животных, игравшие роль культовых объектов и амулетов. Состав изображавшихся животных весьма разнообразен — здесь быки, овцы, птицы, львы и другие хищники кошачьей породы. Технология их изготовления порой была весьма сложной. Так, например, в Уруке найдена фигурка из битума, поверхность которого нанесено золото. Появляются и антропоморфные статуи (рис. 22). Как особое ремесло возрождается производство каменных сосудов, заменявших в далекие неолитические времена глиняную посуду. Однако теперь это высокосвершенные изделия, порой подлинные произведения искусства. Так, больших усилий и мастерства требовало вытачивание сосудов из обсидиана. Каменные сосуды украшались разноцветными мозаичными вставками или рельефами, воспроизводящими порой целые сцены. Таков культовый алебастровый сосуд из Урука, имевший высоту около 1 м, на котором изображены процессии с дарами, идущие к храму Инаны, и различные культовые

Рис. 22. Южное Двуречье.
Каменная голова. III тыс. до н. э.

Рис. 23. Урук.
Каменная ваза.

церемонии (рис. 23). Один из каменных сосудов, происходящий из того же Урука, украшают реалистические фигуры быков и львов, выполненные в высоком рельефе. Следует упомянуть камнерезное дело, блестящими произведениями которого являются цилиндрические печати, появляющиеся со слоя Э-Ана V. Реалистические сцены, воспроизведенные на этих цилиндрах, выполнены с большой экспрессией и динамизмом (Frankfort, 1939; Amiet, 1961). Здесь мы видим и культовые сцены, разворачивающиеся перед храмом, и ряды животных, идущих в хлев, и сцены нападения на стада диких зверей, и сложные геральдические композиции, в которых участвуют различные монстры и фантастические существа, например львы со змеиными шеями и головами. Типичная сцена позднеурукских цилиндров — избивание пленников — напоминает о том, что культурный подъем шел рука об руку с вооруженными столкновениями и социальной дифференциацией. Недаром в тех же первых документах Урука упоминаются рабы и рабыни, обозначаемые пиктограммой «человек гор», т. е. «чужеземец», «военнопленный» (Вайман, 1974а).

Совершенно ясно, что по основным параметрам урукская культура складывается на основе более ранних культурных традиций, на фундаменте, заложенном убейдской культурой Месопотамии. Типологические ряды связей можно построить по различным категориям объектов от украшений до храмовых комплексов. Некоторых археологов смущает как бы неожиданное появление новых типов керамики, в частности красной и черноглиняной. Строились

различные гипотезы по поводу того, откуда мог прийти в Месопотамию народ, принесший с собой этот новый для Двуречья вид глиняной посуды. Поиски такой «прародины» не дали результатов. Наоборот, можно видеть, как керамика урукского типа оказала мощное влияние на страны, соседние с Месопотамией, — Элам и Сирию. Видимо, импульсы, приведшие к сложению новых канонов, следует искать в самой Месопотамии, в технологическом прогрессе, когда внедрение гончарного круга повлекло за собой изменение набора форм сосудов, а совершенствование теплотехники позволило получать такой вид глиняных изделий, как черноглиняная керамика. Тем более что старая расписная посуда позднеубейдского облика не исчезает сразу в слоях урукского времени, а лишь постепенно вытесняется новыми образцами.

Таким образом, нет сомнений в том, что в основных показателях культурный и технический прогресс Южного Двуречья в IV тыс. до н. э., как и в предшествующую эпоху, связан со спонтанной трансформацией как доминирующим типом развития. В это время сформировался технологический способ производства, характерный для первых цивилизаций, оформились и специфические черты цивилизации как социокультурного комплекса. Сконцентрировавшийся в храмовых городах Южного Двуречья колоссальный для своей эпохи культурный и интеллектуальный потенциал предопределил на долгое время роль Шумера как центра импульсивного развития. Специфические черты локальной шумерской цивилизации приобретают региональное значение, во многом определяют ближневосточный тип культурного комплекса первых цивилизаций.

Систему археологической периодизации памятников архаической Месопотамии включает комплекс типа Джемдет-Наср, который, по классификации А. Л. Перкинс, был переименован в протописьменную фазу Д (Perkins, 1949, p. 161). Он включает в себя материалы слоя Э-Ана III, а также трех промежуточных слоев между этим слоем и Э-Ана IV, которые были выделены при более тщательном исследовании. Традиционные археологические схемы относят комплексы типа Джемдет-Наср к 3100—2900 гг. до н. э. (Porada, 1965b, p. 176—177), хотя было предложено и омоложение этой даты до 2850—2750 гг. до н. э. (Зарождение. . ., 1983, с. 126). С точки зрения археологии наиболее характерной чертой комплекса Джемдет-Наср является своего рода возрождение традиций расписной керамики. Сделанные на гончарном круге сосуды покрываются орнаментами, варьирующими несложные геометрические мотивы и фигуры животных, главным образом птиц и козлов, и выполненными двумя красками — черной и красной. Однако это была лишь незначительная часть керамической продукции, своего рода парадная посуда, тогда как большая часть керамики по-прежнему изготавливалась неорнаментированной. На цилиндрических печатях реалистический жизненный стиль урукского периода сменяется линейно-схематическим, получившим название «стиля Джемдет-Наср». Цилиндры этого стиля, видимо, продолжали изготавливаться и позднее периода Джемдет-Наср. Цилиндрические печати стиля Джемдет-Наср распространены на большой территории, помогая синхронизации древних культур; они найдены на памятниках Ирана, Сирии и даже Египта.

В период Джемдет-Наср продолжалось строительство монументальных культовых комплексов в городских центрах. В Уруке помимо храмов в это время уже, вероятно, существует другой тип месопотамского культурного зодчества — зиккурат, посвященный мужскому божеству Ану. В Хафадже к этому периоду относится храм бога луны Сина. В самом Джемдет-Насре раскопано монументальное здание, которое некоторые исследователи склонны рассматривать не как храм, а как дворцовый комплекс (Mackay, 1931b). Здесь, так же как и в Уруке, найдены таблички с пиктографическими текстами. Из числа медных орудий известны топоры и лопаты; по-прежнему многочисленны металлические сосуды, которые изготавливались не только из меди и серебра, но и из свинца. Появляются и сосуды из фаянса. Триада го-

родов, ирригационного земледелия, процветающих ремесел продолжает развиваться. Письменные документы сообщают о величине наделов, предоставлявшихся различным должностным лицам (Вайман, 1966). Среди них первое место занимает жрец-правитель, которому выделено 2/3 перечисляемых угодий, или 1000 га, что, учитывая высокую продуктивность ирригационного земледелия, представляло собой немалое богатство. Оставшиеся 500 га распределялись между верховной жрицей, прорицателем, торговым посредником и судьей. В других документах упоминаются рабы и рабыни. Безусловно, перед нами общество, вышедшее за пределы первобытнообщинной формации. Крупные оазисы с городскими центрами, имевшими величественные культовые комплексы, посвященные местным богам-покровителям, исследователи справедливо именуют городами-государствами. Последующий период носит название раннединастического и по исследованным комплексам делится на три фазы — первую (2900—2850 гг. до н. э.), вторую (2850—2600 гг. до н. э.) и третью (2600—2400 гг. до н. э.), подразделяемую в свою очередь на два этапа. В сфере материальной культуры следует отметить широкое распространение бронзы, позволившее качественно усовершенствовать орудия труда, производство украшений и особенно оружие. Боевые топоры, секиры, копья, разнообразных кинжалы характеризуют развитие военного дела в древнем Шумере. Происходящее усиление светской власти, постепенно подчиняющей себе храмовый сектор, находит выражение в богатейших «царских» гробницах Ура (Вулли, 1961; Woolley, 1934). Пышный погребальный обряд несомненно был средством мощного идеологического воздействия на население данного города-государства. Считается, что эти гробницы относятся к третьей фазе раннединастического периода и, возможно, даже более уточненно к ее раннему этапу (IIIa). Сами гробницы представляли собой внушительные подземные камеры, сооруженные из жженого кирпича, употребление которого позволило создать купольные перекрытия. Две отличительные черты ярко характеризуют представленный здесь погребальный обряд — наличие сопровождающих, видимо, жертвенных захоронений (до 59 человек в одной гробнице) и необычное богатство разнообразного погребального инвентаря. Особой популярностью пользовался прием сочетания золота и лазурита. Так, золотые головы быков снабжены широкими бородами, сделанными из бирюзы. Если в рядовых погребениях убейдского Эреду мы находим неказистые глиняные модели лодочек, то в урских гробницах им функционально соответствует подлинно царская серебряная ладья. Лица, погребенные в этих усыпальницах, принадлежали к самому высокому социальному рангу — определены гробницы царя, носившего имя Мескаламду, и цариц (или жриц) Абарге и Пуаби (старое чтение Шуб-ад). Гробницы свидетельствуют о том, что в руках правителей Ура были сосредоточены огромные богатства, которые в данном случае расходовались с неоправданной расточительностью. Есть основания полагать, что подобные гробницы существовали в ряде городов-государств, как например в Кише. Социологический анализ погребальных комплексов Южного Двуречья, проведенный В. А. Алёксиным (1986), показывает, что в это время имущественная дифференциация приобрела контрастный характер, бытовая кастовость как закрепление дифференциации образа жизни в зависимости от социального ранга утвердилась и в погребальном ритуале. Различия распространяются на многие элементы этого ритуала от типа погребальных сооружений, когда для богатых могил характерны особые устройства в виде каменных цист или гробов, до набора объектов, входивших в состав погребального инвентаря. Сфера элитарной культуры охватывает теперь и погребальные установления. Весьма показательно все увеличивающееся количество захоронений с оружием, видимо принадлежавшим воинам-профессионалам, ставшим на службу новым правопорядкам. Один из участков некрополя в Уре по концентрации соответствующих могил был даже условно

назван археологами «воинским кладбищем». Выделяется группа захоронений, где помимо оружия погребенные имеют и печати. По мнению В. А. Алёшкина, это могли быть представители верхушки военно-бюрократического аппарата, тогда как в могилах, где из специфических объектов встречены одни печати, он склонен видеть гробницы представителей иерархически более низко находящихся групп чиновников и общинных старост (Алёшкин, 1986, с. 107). Вершину многоступенчатой общественной пирамиды занимали верховные правители разных рангов и функций, что хорошо видно по их захоронениям в гробницах «царского» некрополя в Уре. Однако размеры этих гробниц (8×8 м) заметно уступают культовым комплексам периода Северного Убеяда. Значительный интерес представляет овальное в плане здание, обводная стена которого охватывает пространство диаметром 18—19 м. Возможно, это строение играло роль цитадели. Заметно увеличивается число медных орудий, в числе которых появляется и серп. Становится известным и сплав меди с оловом, т. е. бронза; изготавливаются различные золотые украшения. Показательно распространение глиняных двух- и четырехколесных моделей повозок, свидетельствующих о применении в быту и хозяйстве тягловой силы животных. Процесс социальной дифференциации общества нашел отражение в появлении особого типа погребений — гробниц, сложенных из каменных плит или возведенных из сырцового кирпича. Скорее всего, это были могилы знати в отличие от рядовых захоронений в простых ямах. Гробницы содержат богатый погребальный инвентарь, в том числе каменные сосуды, булавы, разнообразных украшений из золота и электра, бусы из лазурита, сердолика и бирюзы. В одной из гробниц было обнаружено 25 000 таких бус. Претенциозной роскошью отличается фигурка насекомого, сделанная из золота и лазурита в полном соответствии с «эталоном роскоши», который закреплялся в материальной культуре Шумера за такими изделиями. Следует иметь в виду, что Гавра была лишь сравнительно небольшим поселком или городком, в котором масштабы благосостояния выступали в упрощенном варианте.

Сходная культура была распространена и в бассейне р. Хабур, где важным центром было поселение Телль-Брак (Mallowan, 1947). Первоначально простой поселок халафских земледельцев во второй половине IV тыс. до н. э. увеличивается в несколько раз и занимает площадь почти в 50 га, вероятно становясь центром городского типа. Как и другие месопотамские поселения, он имел культовый комплекс, в который входил «Храм священного ока», повторяющий принцип трехчастной планировки и имеющий размеры 30×25 м. Его интерьер украшал наборный фриз из сланца и известняка с золотой опояской, закрепленной серебряными гвоздями с золотой шляпкой. В плане храма, равно как и в типах печатей, заметно ощущается южное влияние. В частности, отделка внешних стен раскрашенными глиняными конусами и каменными розетками явно указывает на воздействие урукских архитектурных канонов.

Этап, соответствующий Джемдет-Насру, А. Л. Перкинс предложила назвать ниневийским по характерной керамике из слоя Ниневия V, на котором представлена темная роспись по светлому фону, варьирующая разнообразные геометрические и зооморфные мотивы. На Тепе-Гавра этому времени соответствует Гавра VIII, где керамика уже в большинстве своем изготовлена с помощью гончарного круга. В слое Гавра VII появляются цилиндрические печати стиля Джемдет-Наср. Судя по имеющимся материалам, социально-экономические процессы в Северной Месопотамии и в III тыс. до н. э. также протекают более замедленными темпами по сравнению с югом. Существует предположение, что сводчатые гробницы, обнаруженные в Ниневии в слоях середины III тыс. до н. э. (Thompson, Mallowan, 1933, p. 78—80), можно относить к числу «царских», хотя они были ограблены в глубокой древности. Однако местные памятники письменности пока отсутствуют, что не позволяет уверенно судить о степени развития классового общества и государства.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И МАЛОЙ АЗИИ

Ближайшими соседями месопотамского очага первых цивилизаций являются области Восточного Средиземноморья и Малой Азии, где в полной мере ощущается влияние этого высокоразвитого центра.

Восточное Средиземноморье включает в свой состав Сирию, Ливан и Палестину и распадается на две неодинаковые зоны. Первая — узкий пояс побережья с мягким средиземноморским климатом, плодородными почвами и удобными морскими стоянками. Вторая зона — обширные пространства плоскогорий с резким континентальным климатом, с пустынями и полупустынями и оазисами в долинах небольших внутренних бассейнов рек. Таковы, например, бассейн р. Иордан, впадающей в Мертвое море, и долина р. Оронт, проходящая через Сирию в меридиональном направлении с юга на север. Археологические работы в этих областях ведутся давно и особенно многочислен материал, характеризующий археологию Палестины (работы Ж. Перро, К. Кеньон, Я. Ядина и др.). Для Сирии и Ливана опорными являются расположенные на побережье и систематически раскапываемые памятники Библи (работы М. Дёнана и др.) и Рас-Шамра, древний Угарит (работы К. М. Шефера и др.). Для Северной Сирии важное значение имели широкие исследования экспедиции, возглавлявшейся Р. Брейдвудом (комплексы Амука; рис. 24).

Как мы видели выше, в Восточном Средиземноморье рано происходит переход к земледелию и скотоводству, и здесь открыты эталонные памятники, отражающие это важнейшее событие в жизни общества (Иерихон, Бейда и др.). В дальнейшем, однако, темпы прогресса замедляются. Ограниченная база местного земледелия, географическая разобщенность отдельных районов не благоприятствовали быстрому сложению крупных и высокоразвитых культурных общностей. Постепенно все большую роль начинают играть связи с цивилизациями Египта и Шумера, импортировавшими отсюда знаменитый ливанский кедр, а также, видимо, вино и оливковое масло. Поэтому неудивительно, что, когда в местном обществе формируется культура городского типа, ряд ее форм оказывается заимствованным у высокоразвитых соседей. Постепенный прогресс местной земледельческо-скотоводческой экономики и установление торговых связей с соседними странами — эти две линии определяли развитие местного общества в VI—III тыс. до н. э. Западные исследователи склонны преувеличивать значение миграции, особенно в истории Палестины, когда чуть ли не каждый новый период рассматривается как полный разрыв со старыми традициями и приход иммигрантов (Albright, 1960; Kenyon, 1960a; Anati, 1963). Однако археологические материалы достаточно убедительно свидетельствуют о сохранении определенной преемственности в культуре оседлых земледельческих поселений Палестины VI—III тыс. до н. э. К тому же усиление культурных связей далеко не всегда связано именно с переселениями.

В VI тыс. до н. э. почти по всей территории Сирии и Ливана была распространена раннеземледельческая культура, за которой утвердилось наименование сиро-киликийского неолита (Массон, 1964б, с. 89—92). Ее характерным признаком является серо-черная или желтоватая лепная керамика с лощеной поверхностью и с несложным орнаментом в виде насечек под венчиком, сделанных раковинкой или просто ногтем. В глину подмешивался песок, а при изготовлении крупных форм рубленая солома. Эта культура была распространена также на юго-востоке Малой Азии (Мерсин), и на этом большом пространстве

выделяются локальные варианты. Так, в Северной Сирии имеется орнаментированная красная керамика, чего нет в Мерсине (Braidwood R. J. a. L. S., 1960; Массон, 1961). Некоторые отличия характерны для керамики южных районов (Таббат эль-Хамма и другие памятники). Основой хозяйства было земледелие с возделыванием ячменя и пшеницы и скотоводство — известны кости коз, овец, крупного рогатого скота, а также свиньи. Остатки небольших поселений сиро-киликийского неолита обнаружены в нижних слоях Библа и Рас-Шамры (Рас-Шамра V, 2—3), а также в Хамме на Оронте и в Амуке на севере (комплекс Амук В). Дома в Библе небольшие, прямоугольные в плане, иногда возводились на каменном фундаменте (Dupand, 1939). Полы их часто окрашены в белый цвет, что явно продолжает древнюю традицию заботы об интерьере жилища, представляющую еще в докерамическом Иерихоне. На территории поселения располагались могилы, в которые усопшие помещались в скорченной позе. Набор орудий труда еще чисто неолитический: костяные шилья, каменные топоры, кремневые вкладыши серпов с зубчатым краем. Это было конкретное проявление нового образа жизни и соответственно нового культурного комплекса, сложившегося с переходом к экономике производства пищи. Правда, глиняную посуду ранних земледельцев Месопотамии украшали нарядные узоры, тогда как носители культуры сиро-киликийского неолита довольствовались более скромными сервизами.

Вместе с тем с течением времени заметно начинает ощущаться воздействие культурных комплексов Месопотамии как носителей стандартов и эталонов своей эпохи. Месопотамское воздействие становится особенно заметным в V тыс. до н. э. в северных областях (Массон, 1964б, с. 404—408; Mellaart, 1966, р. 15—20). Оно было связано с влиянием халафской культуры Северной Месопотамии, ярко проявляющемся в комплексе Амук С. При раскопках встречаются обломки привозных сосудов халафской культуры, что подтверждено и микроскопическим анализом состава глины. Местные гончары также начинают украшать свои изделия расписными узорами, подражающими импортным образцам. Эти комплексы с расписной керамикой лучше представлены в северных областях, но известны также на среднем Оронте (Хамма L). Халафское влияние отмечено в Рас-Шамре IV. Южнее, как например в Библе, сохраняются местные традиции изготовления темнолощеной нерасписной керамики. К IV тыс. халафское влияние сменяет сильное воздействие убейдской культуры Месопотамии. Анализ мотивов расписной керамики позволяет исследователям ставить вопрос о наличии местного, локального варианта, названного Северо-Западным Убейдом (Амук Д—Е). В это время широко распространяются медные изделия — кинжалы, дротики, проколки, булавки. Таким образом, спектр производств раннеземледельческих общин расширяется — в их число прочно входят металлургия и металлообработка. Пока трудно судить о механизме халафского и убейдского влияния в Северной Сирии. Возможно, имело место проникновение сюда каких-то групп населения или налицо следствие активного развития обмена и торговли. Во всяком случае, именно по этим районам пролегали традиционные торговые пути месопотамской цивилизации, получавшей из Малой Азии руду, а из Сирии знаменитый ливанский кедр, поход за которым отразился в эпосе о Гильгамеше.

Новые изменения в Северной Сирии происходят в середине IV тыс. до н. э. В это время исчезает расписная керамика, ее заменяет посуда, покрытая красным ангобом и převосходно залощенная (Амук F). Изготавливалась также посуда желтоватого цвета. Значительные изменения происходят в формах этих изделий — распространяются сосуды с ручками, в частности одноручные кувшины. Предполагается, что некоторые из них подражают формам металлических сосудов (Braidwood R. J. a. L. S., 1960).

Новая культура складывается в Библе (комплекс Б) около 3600—3200 г. до н. э., где жизнь возобновилась после некоторого запустения. Поселение

Рис. 24. Амук. Комплексы А—F.

в это время занимало площадь около 3 га и было хорошо организовано, в частности, улицы были вымощены булыжником (Drower, Bottero, 1968). В могильнике раскопано около 1800 погребений, причем усопшие помещались в большие кувшины с ребристой поверхностью. К концу периода начинается изготовление керамики с помощью гончарного круга. Месопотамское направление культурных связей сохраняется: на глиняных сосудах есть оттиски штампов, напоминающих северомесопотамские печати стиля Гавры (время Урука V в Месопотамии). Разнообразны металлические изделия. Медные кинжалы имеют небольшое осевое ребро, украшения изготовлялись из меди, золота и серебра, причем последнее, скорее всего, малоазийского происхождения.

Все эти данные свидетельствуют о прогрессивном развитии ремесел. В последней трети IV тыс. до н. э. мастера-керамисты начинают использовать гончарный круг и специальные обжигательные горны. Кузнецы обрабатывают не только медь, но также золото и серебро, а к концу IV тыс. до н. э. появляется и бронза. Из металла изготавливаются помимо орудий и оружия сложные по форме изделия — сосуды и статуэтки. Определенные изменения происходят и в земледелии, где помимо зерновых культур возделываются также оливковое дерево и виноград. Это поликультурное земледелие образовывало эффективную систему производства продуктов питания как основы всей экономики. Специализация домашних промыслов в свою очередь вела к отделению ремесла от земледелия, к обособлению новой важной части технологического процесса производства. Этот процесс протекал в системе внешних связей и воздействий. Развивается сухопутная торговля с Месопотамией и морская, главным образом через Библ, с Египтом. Недаром, как мы видели, на местной посуде встречаются отпечатки цилиндрических печатей месопотамского облика, а ряд форм сосудов явно восходит к месопотамским прототипам.

Прогресс земледелия и ремесел, развитие торговли привели к формированию в III тыс. до н. э. в Сирии и Ливане поселений городского типа. Таков, например, Библ, который около 3000 г. до н. э. становится благоустроенным поселением, обнесенным каменной стеной, с улицами, вымощенными булыжником и достаточно широкими для проезда повозок. Появляются монументальные постройки — храмы на каменном фундаменте, число которых на протяжении III тыс. до н. э. увеличивается. В одном из храмов богини Баалат найдены вазы с египетскими надписями. Целый ряд бытовых изделий — топоры, ножи, бусы, сосуды также, вероятно, являются египетскими по происхождению. В Египет помимо древесины, видимо, вывозились вино и оливковое масло. Глиняная тара от этих товаров встречена при раскопках ряда египетских памятников (Kantor, 1942; Ward, 1963). Размеры мастерских для изготовления оливкового масла, обнаруженных в Рас-Шамре, указывают на то, что в них производилась товарная продукция. Происходящие изменения охватили не только крупные центры морской торговли. В Аллалахе в слоях конца IV—первой трети III тыс. до н. э. раскопаны остатки небольшого храма, возведенного на платформе и, очевидно, бывшего центром этого городка.

Следует полагать, что одновременно шел процесс усложнения социальной структуры общества. Во всяком случае в Библе открыты крупные жилые строения, трактуемые как жилища знатных горожан («дома купцов»). Богатая могила вождя или жреца, датированная серединой III тыс. до н. э., обнаружена в Телль-Барсибе. Кроме бронзовых сосудов и разнообразного оружия в ней найдено поистине огромное количество глиняных сосудов — 1045 (Thureau-Danin, Dunand, 1936). К началу II тыс. до н. э. относятся богатые гробницы Библа, видимо принадлежащие правителям города. В Аллалахе в XXVIII—XXIV вв. до н. э. рядом с храмом появляется здание с колоннадой, трактуемое как дворец правителя (Вулли, 1986). Происходит дифференциация образа жизни, и возвышающийся над общиной лидер

спешит материально закрепить свой новый социальный статус. К концу III тыс. до н. э. аллалахский дворец увеличивается в размерах, причем в нем появляются кирпичные своды, явно заимствованные из месопотамской архитектуры. В этом же слое найдена печать с клинописной надписью, а в XVIII в. до н. э. появляются клинописные таблички из архива местного царька. Развитие поселения городского типа завершается сложением небольших местных городов-государств (Вулли, 1986).

Ярким образцом такого развития является городище Телль-Мардих, расположенное между Алеппо и Хаммой и отождествляемое с древней Эблой (Древняя Эбла, 1985). К XXIV—XXIII вв. до н. э. это был типичный город-государство, оставивший богатейший клинописный архив. Клинопись следует шумерской системе, но приспособлена к местному языку, принадлежавшему к числу протоханаанейских. Сохранился даже шумерско-эблайский силлабрий. Так древние культурные связи, начавшиеся с распространения в Сирии расписных сосудов месопотамских типов, завершились восприятием клинописной системы письма. Пройдя закономерные этапы развития, свойственные раннеземледельческой эпохе, общины Сирии и Ливана достигли уровня цивилизации, используя ряд стандартов и эталонов, выработанных к этому времени передовыми центрами.

Замедленные темпы прогресса и своего рода периферийность характерны для раннеземледельческих культур Палестины, хотя при переходе к производящей экономике здесь имел место культурный скачок, ярко проявившийся в архитектуре Иерихона. Засушливый климат, малопродуктивные почвы, ограниченное число осадков не способствовали производительным успехам оседлоземледельческих общин. Узкий пояс побережья вообще долгое время оставался неосвоенным оседлой культурой, и лишь в долине Иордана и у Мертвого моря теснились поселки земледельцев и скотоводов (Anati, 1963; Kenyon, 1960a). Неолитические культуры VI—V тыс. до н. э. мало чем отличались по уровню развития от докерамического Иерихона, кое в чем ему даже уступая. В самом Иерихоне комфортабельные глинобитные дома VII тыс. до н. э. сменяют полуземляночные жилища, хотя традиции сырцового строительства и не были полностью забыты (Иерихон IX). Единственным новшеством было появление грубой глиняной посуды, покрытой несложными расписными узорами, преимущественно силуэтными треугольниками и зигзагами. Традиции расписной керамики сохраняются в Иерихоне VIII. Керамика этого типа, найденная в нижних слоях ряда поселений долины Иордана, свидетельствует, что это было время ее широкого освоения. Дома строились из сырцового кирпича и имели как прямоугольный, так и овальный план; сохраняются местами и полуземлянки. Каменные орудия грубы, наконечники стрел отсутствуют. Комплексы этого типа, которые часто именуют также Шуна, существуют до начала IV тыс. до н. э. включительно.

Одновременно с жителями оседлых поселков в долине Иордана и прилегающих районов обитали племена, не строившие прочных жилищ, оставившие комплексы типа Ярмук (Vaux, 1966b). На одном из поселений — Мунхата открыты овальные полуземлянки. Комплексы этого типа характеризуют каменные орудия — мотыги, топоры, тесла иногда с полированным краем, кремневые проколки, наконечники стрел, вкладыши серпов и грубая глиняная посуда с примесью в тесте рубленой соломы или толченого кварца. Поверхность сосудов заглажена, изредка наносился несложный орнамент. Скорее всего, ярмуки были бродячими пастухами и охотниками, занимавшимися также рыболовством (находки грузил, сетей) и земледелием (вкладыши от серпов). Так неравномерность культурно-хозяйственного развития проявляется в рамках одного региона.

Значительный общий подъем культуры и прогресс целого ряда производств происходит в третьей четверти IV тыс. до н. э., что хорошо видно по

памятникам типа Бершеба и Гассул (Mallon e. al., 1934). По существу комплекс Бершеба, представленный на поселении Телль-Гассул в трех нижних горизонтах, является ранним этапом гассульской культуры, а со слоя IV начинается классический Гассул (рис. 25).

Первоначально в этих памятниках существовали полуподземные жилища, но затем стали преобладать дома из сырцового кирпича. В районе Бершебы расположено шесть поселений, каждое из которых состояло из 15—20 небольших жилищ. Распространенные в засушливой зоне на юге Палестины поселения типа Бершеба вообще отличаются небольшими размерами. Налицо признаки производственной специализации отдельных общин — на поселении в Сафади отмечена концентрация производства по обработке слоновой кости и мягкого камня, а в Абу-Матара — металлургического производства. Из меди изготавливали топоры, булавы, иглы, проколки. Появление металлургии в развитии виде указывает на заимствование технологии, скорее всего, из более северных областей. Основными занятиями были земледелие с возделыванием пшеницы, ячменя, чечевицы и скотоводство. Разводили коз, овец и мелких коров. Несмотря на наличие металлургии, по-прежнему в ходу были серпы с кремневыми вкладышами. Наличие маслобоек и ситичек для процеживания молока указывает на развитие именно мясомолочного скотоводства. Некоторые исследователи полагают, что комплексы типа Бершебы оставлены населением, у которого скотоводство вообще играло большую роль по сравнению с земледелием (Vaux, 1966a).

Классический Гассул характеризуется разнообразной керамикой, некоторые сосуды, возможно, изготавливались с помощью несложного гончарного круга, обеспечивающего медленное вращение. Среди разнообразных форм можно отметить удлиненные кувшины с двумя маленькими ручками посередине тулова, вазы на подставке и даже сосуды, сделанные в виде фигуры птицы.

Высокого уровня благосостояния достигли земледельческие общины долины Иордана и прилегающих областей, где, видимо, начали практиковаться какие-то виды искусственного орошения (Кинк, 1970). Здесь небольшие поселки классического Гассула состояли из сырцовых домов, рассчитанных на малую семью. Интерьер отличала многоцветная роспись, воспроизводящая геометрические орнаменты, фигуры людей и животных. Копией таких домов являлись терракотовые урны, в которые помещали кости усопших (Mastin, 1965). Наряду с оссуарным обрядом захоронения сохранялись и индивидуальные могилы обычного типа. В некрополе, расположенном около самого поселения Гассул, умершие лежат в индивидуальных каменных ящиках, цистах, в скорченном положении. На поселениях имелись небольшие святилища, открытые на целом ряде памятников (Энгеди, Меггидо XIX), причем в одном из них встречены человеческие фигурки из слоновой кости, скорее всего игравшие роль идольчиков (Сафади). Возможно, к числу богатств, накапливающихся в этих святилищах, бывших центрами раннеземледельческих общин, принадлежит клад из района Энгеди, найденный в пещере и завернутый в циновку (Bar Adoh, 1982). В его состав входило 630 медных изделий, в частности топоры, булавы и своеобразные скипетры с головами козлов. Последние не только являются показателем высокой степени профессионализма мастеров-металлургов, но и указывают на наличие лидеров особого общественного положения. Эти изделия явно принадлежат к числу престижных атрибутов лиц высокого социального ранга. Таким образом, постепенно сложение системы поливного земледелия обеспечивало культурный и технический прогресс, темпы и масштабы которого были, однако, лимитированы ограниченностью водных ресурсов. Тем не менее в IV тыс. до н. э. в раннеземледельческих общинах Палестины происходит развитие специализированных производств, усложняется социальная структура общества.

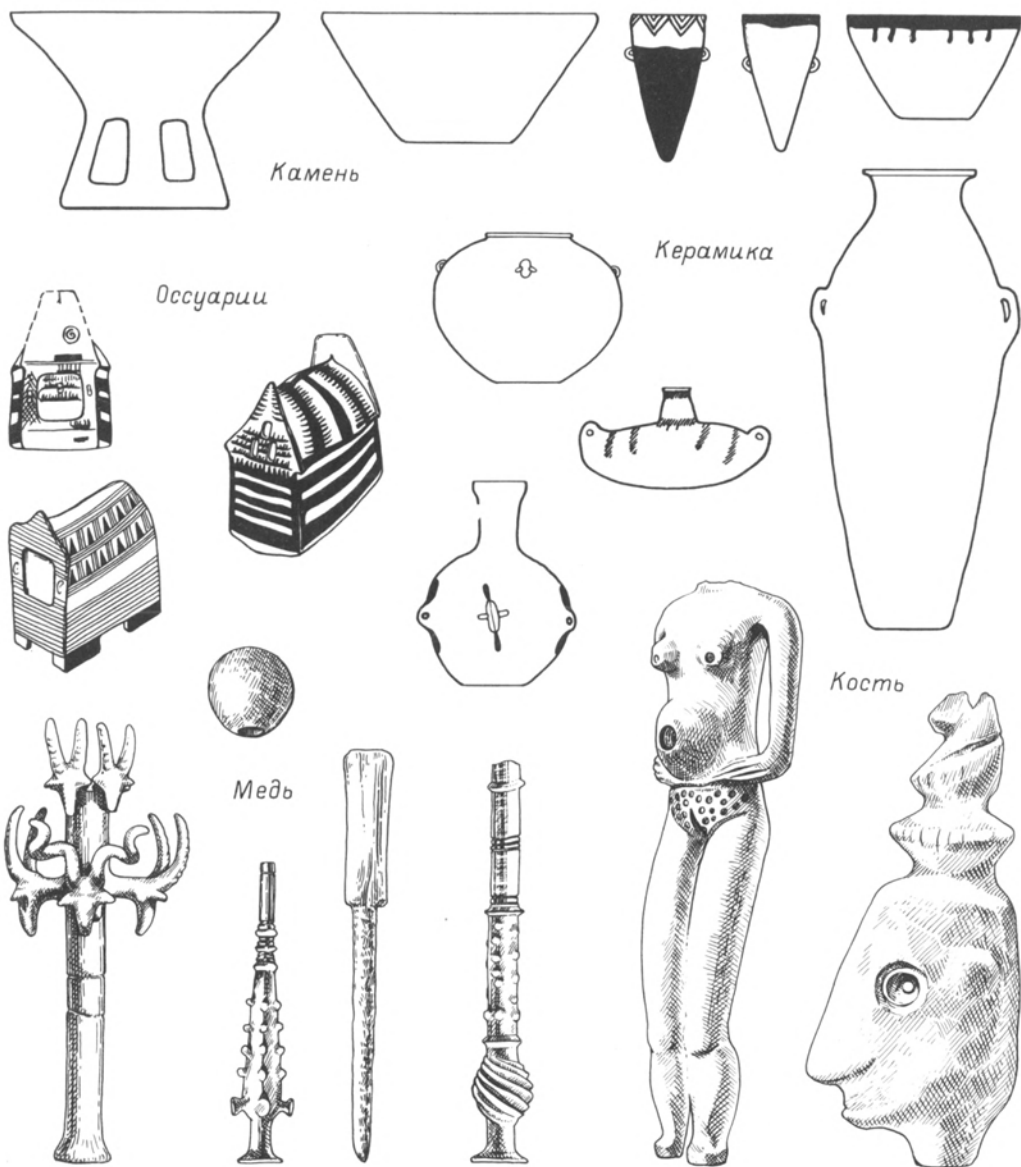

Рис. 25. Комплекс Гассул.

Около 3200 г. до н. э. в Палестине появляются комплексы типа Ездrelон, где распространена серолощенная посуда (Меггидо VII—V). Она появляется сначала на севере Палестины, а затем и в долине Иордана, где, правда, в ряде мест сохраняются и гассулские традиции. Появление Ездrelона исследователи склонны связывать с распространением волны пришельцев, принесших будто бы и новый вид погребальных сооружений — коллективные гробницы. Появление последних, однако, могло быть связано и с процессами общественного развития — усилением роли таких коллективов, как большесемейная община. В ряде отношений керамика Ездrelона развивает формы гассулских сосудов. Во всяком случае не приходится говорить о какой-то резкой смене

традиций; общее хозяйственное и культурное развитие оседлых общин Палестины продолжалось.

Следующий большой период в истории Палестины именуется временем ранней бронзы (3100—2200 гг. до н. э.). Он характеризуется развитием различных ремесленных производств и укрепленных поселений, превращающихся постепенно в протогородские или раннегородские центры. Уже на этапе ранняя бронза I появляются двухъярусные гончарные горны, а затем входит в употребление и гончарный круг, используемый при изготовлении сосудов небольших размеров и верхних частей крупных кувшинов. Серолощенная керамика исчезает, и ее сменяет красноангобированная посуда, иногда подвергавшаяся лощению. Характерными формами являются небольшие кубки, сосуды со сливами, крупные кувшины с небольшими ручками. Металлурги имеют дело не только с медью, но также с бронзой, золотом и серебром. Известны даже сосуды, изготовленные из серебра, а целая группа лощеной керамики середины III тыс. до н. э. не без основания считается подражающей металлическим прототипам. Металлические вещи составляли целые клады. В один из таких кладов входило 35 предметов, включая как орудия (топоры, тесла, ножи, серп), так и оружие (кинжалы, копья, булавы). Сам металл, скорее всего, поступал из Малой Азии. Производство металлических вещей, видимо, было налажено в каждом крупном центре. Так, в Меггидо найдена литейная форма для топора. Известны также золотые бусы. Все это позволяет говорить о развитии специализированных ремесел как особого, важного сектора технологического способа производства.

Изменения, происходившие в экономике и обществе, вели к формированию нового типа поселений с развитыми функциями убежища, ремесленных и политических центров. Поселения этого времени частично существуют на старых местах (Иерихон, Меггидо), частью возникают заново (Лахиш, Аи). Все они укреплены стенами, которые усилены овальными или прямоугольными башнями. В этих городках, обычно отличающихся небольшими размерами (2—4 га), сосредоточивалась деятельность многочисленных ремесленников. Наличие укреплений и прогрессирующее развитие фортификации являются в Палестине характерными чертами эпохи ранней бронзы. Так, в Фаре раскопана стена, укрепленная башнями и сложенная из камня и сырцового кирпича. Полукруглые башни имеются на поселении Тель-Арад, стена Меггидо в слое XVIII имела толщину 4,5 м, а затем была увеличена до 8-метровой толщины. Особое внимание уделялось укреплению ворот. Обычно в целях обороны они делались небольшой ширины. Так, ворота Фары достигали ширины всего 4 м, что было достаточно для проезда колесных повозок. По обеим сторонам эти ворота фланкированы башнями. В городках наряду со святилищами появляются крупные строения, представлявшие собой жилища знатных горожан или резиденции местных правителей. Центральный зал такой резиденции в Аи имел размеры 20×6,5 м, а его перекрытие поддерживалось четырьмя колоннами. Таким образом, налицо появление памятников монументальной архитектуры. В пределах городских стен, а нередко и вне территории городков располагались погребения. Как правило, это большие коллективные гробницы. В слое Иерихон III в каждой такой гробнице помещалось от 50 до 90 усопших, а в одной даже почти 300. В состав погребального инвентаря входила та же посуда, которая употреблялась в повседневной жизни, за исключением кухонных котлов и больших сосудов для хранения припасов. Представлены также различного рода украшения, подвески и амулеты и много реже металлическое оружие.

В эпоху ранней бронзы Палестина осуществляла культурные связи с двумя очагами древневосточных цивилизаций — Месопотамией и Египтом. Контакты с Месопотамией, судя по всему, были не прямыми, а через посредство северосирийских центров. Во всяком случае северосирийская

керамика оказывала заметное воздействие на керамические типы, изготовлявшиеся палестинскими гончарами. Отпечатки цилиндров, выполненных в стиле Джемдет-Наср, найдены на керамике в Меггидо, Иерихоне и в других центрах (Francfort, 1939, p. 223—227; Porada, 1965b, p. 158). Подражали этим объектам, изобретенным в Месопотамии, и костяные цилиндры местного изготовления с несложным нарезным линейным орнаментом. В Иерихоне в слое II обнаружена голова быка из слоновой кости, видимо бывшая частью трона. По стилю она явно принадлежит к числу предметов месопотамского импорта. Не менее активными были связи с Египтом, хотя некоторые исследователи склонны преуменьшать их значение. Египетская каменная палетка найдена в Иерихоне, а каменные сосуды в могильниках в Аи. Образцы палестинской керамики попадали и в Египет, где они встречаются в гробницах царей и в могилах знати. Возможно, они служили тарой для каких-то продуктов, поступавших в виде дани или другим путем. В эпоху ранней бронзы помимо зерновых культур в Палестине возделывались также олива и виноград и экспортируемым продуктом вполне могло быть местное вино.

Формирование раннеклассового общества и городской культуры, происходившее в среде палестинских общин в период ранней бронзы, было осложнено исторической ситуацией. Вполне возможно, что походы фараонов были одной из причин, заставлявших население городков обзаводиться мощными укреплениями. Предполагается, что в пору первой династии мог быть установлен египетский контроль над Южной Палестиной. Политическое давление со стороны Египта и сопровождавшие его походы могли быть причиной запустения ряда центров в конце заключительной фазы раннебронзового века. Так, социально-экономическое развитие местного общества переплеталось с военно-политической ситуацией. В конце III—первой половине II тыс. до н. э. эти процессы получают дальнейшее развитие. Крупнейшее поселение в долине Иордана — Хазор занимает площадь почти в 50 га и, возможно, является своего рода столичным центром. Дворцы и святилища увеличиваются в размерах, и последние с полным основанием можно именовать храмами (Кепуон, 1966). Весьма внушительно выглядят дома знати, известные по раскопкам в Телль-Бейт-Мирсима и в других местах. Скорее всего, перед нами уже классовое общество и местная цивилизация, в культурном облике которой органически сочетались местные традиции раннеземледельческой эпохи и инновации, частично сформировавшиеся на основе селекционного заимствования эталонов в первичных очагах цивилизации.

Территория Малой Азии по сравнению с Палестиной отличается разнообразием природных условий. Занятая в основном обширным Малоазиатским нагорьем она подразделяется на ряд менее значительных физико-географических областей: нагорье Внутренней Анатолии, окраинные горы — Понтийские на севере и Тавр на юге, прибрежные районы с влажным морским климатом. Повсеместно часто изрезанные горные хребты чередуются с узкими впадинами. Все это создавало определенную географическую и вытекающую из нее культурную разобщенность, что сказалось на разнообразии одновременно существовавших древних культур.

Исследование памятников Малой Азии стояло у истоков важного периода в формировании археологии как науки, получившей широкое признание, — это были знаменитые раскопки Трои, начатые Г. Шлиманом и продолжающиеся уже более столетия. Постепенно широкие разведки и раскопки со все совершенствующейся методикой охватывали все большую часть страны. Как и повсюду, особую роль приобретали масштабные исследования многослойных памятников. Для юго-востока, древней Киликии это раскопки Мерсина под руководством Дж. Гарстанг, для юго-запада — раскопки Бейчесултана (работы С. Ллойда). Значительный материал дало открытие богатых гробниц эпохи бронзы в Аладжа-Хююке. Значение, выходящее за пределы

Малой Азии, приобрели открытия Дж. Мелларта на Хаджиларе и Чатал-Хююке.

Раннеземледельческие культуры южных областей Малой Азии в конце VI и в V тыс. до н. э. в определенной мере продолжают блестящие традиции Чатал-Хююка. Типичным памятником в этом отношении является многослойное поселение Хаджилар (рис. 26), где сочетаются такие характерные черты раннеземледельческого комплекса, как прочные глинобитные дома, нарядная расписная керамика и богатый набор мелкой терракотовой скульптуры (Mellaart, 1970). В Хаджиларе выделено девять слоев, рисующих постепенную эволюцию культуры во второй половине VI — начале V тыс. до н. э. Хотя есть данные о знакомстве с медью, большинство орудий еще полностью продолжает неолитические традиции. Таковы, в частности, серпы с рукояткой из изогнутого рога и кремневыми вкладышами. Распространены во всех слоях полированные топоры. По соображениям условной типологии Дж. Мелларт слои V—I предлагает именовать ранним халколитом (энеолитом), тогда как более ранние напластования (слои IX—VI) он относит к позднему неолиту.

В целом перед нами устойчивый, благоустроенный быт, связанный с новым образом жизни. Во всех слоях Хаджилара существуют прямоугольные дома, строившиеся из квадратного сырцового кирпича на каменных фундаментах. Поселение Хаджилар II имело и обводную стену. Керамика, начиная с самых нижних слоев, хорошего качества, с прекрасным лощением. В нижних слоях это преимущественно светлая и серая керамика, а со слоя VII появляется краснолощенная посуда, господствующая уже в слое V. Изготавливались художественно оформленные сосуды в виде фигуры покоящегося оленя или в форме человеческой головы. Нередки налесты в форме бычьих рогов (букрании), голов быков и медведей. Живо выполнены фигурки обнаженных женщин, встречающиеся почти в каждом доме, — видимо, это был наиболее популярный образ у ранних земледельцев. Со слоя V входит в широкое употребление расписная керамика с геометрическими мотивами, выполненная красным по кремовому фону, а позднее белым по красному. Терракоты верхних слоев часто покрыты красным ангобом, иногда и раскрашены. Они изображают женщин в самых различных позах — стоящих, лежащих, сидящих с подогнутыми ногами, стоящих на коленях. В виде женской фигуры изготавливались и сосуды, причем глаза иногда инкрустировались вставками из блестящего обсидиана. Этот подъем прикладного искусства был характерной чертой раннеземледельческой эпохи, открывшей новые перспективы для творческого потенциала. Уравновешенная ритмика геометрической орнаментации сосудов, заполнявших каждый дом, создавала атмосферу устойчивости и надежности. Под полом одного здания, определяемого исследователями как святилище, обнаружено несколько могил, в которые были помещены женщины с детьми.

В Хаджиларе отразилась одна из особенностей неспокойной истории первобытной Малой Азии — постоянные межплеменные столкновения. Уже поселение Хаджилар VI подвергалось разрушению. Слой пожара перекрывает и поселение Хаджилар II. Не обязательно в каждом подобном случае видеть полную смену населения, но сам факт межплеменных столкновений несомненен.

Традиции Хаджилара ощущаются в нижних слоях Бейче-султана (Lloyd, Mellaart, 1962), где к периоду энеолита относится двадцать слоев, начиная со слоя XL. Общая мощность этих напластований в 11 м указывает на то, что они охватывают значительный промежуток времени — вероятно, все V и первую половину IV тыс. до н. э. Уже в нижних слоях отмечается упадок кремневой индустрии, что явно подразумевает вытеснение кремневых орудий медными. Действительно, в Бейче-султана найдены медные шилья, булавки, часть кинжала и даже серебряное кольцо. Таким образом, специализация

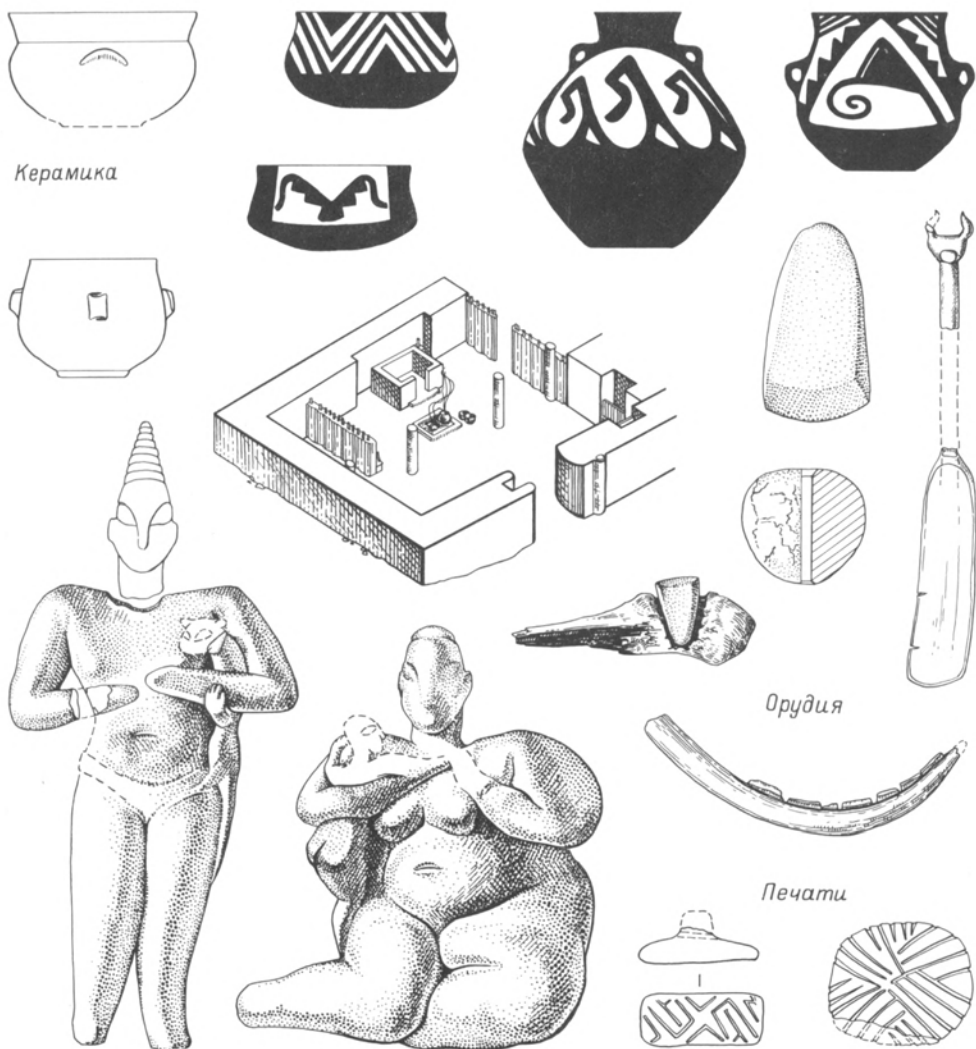

Рис. 26. Комплекс Хаджилар.

производств раннеземледельческих общин получила новый импульс. Имеется в Бейче-султане расписная керамика. Геометрические мотивы, выполненные белой краской, наносились на открытые чаши и одноручные кувшинчики. В одном из слоев Бейче-султана обнаружена обводная стена. И Бейче-султан, и Хаджилар характеризуют культуру юго-запада Малой Азии. На северо-западе им частично соответствуют по времени нижние комплексы Кум-тепе в Троаде. В западных областях Малой Азии в это время устанавливается традиция устройства погребений в каменных ящиках (цистах) или в крупных сосудах (Mellaart, 1964). Такие могильники, как правило, устраиваются вне пределов поселений, на которых встречаются лишь захоронения детей под полом.

Другую, отчетливо выраженную культурную провинцию образовывала Кония. Здесь, поблизости от Чатал-Хююка ранней эпохи находятся руины более позднего поселения — западного Чатал-Хююка (Mellaart, 1965). На нем, как и на другом конийском памятнике, Джан-Хасане, имеется расписная

керамика. В Джан-Хасане представлена и лощеная посуда с резным орнаментом и налепами в виде голов быков, найдена медная булава и медные браслеты. Существовало и укрепление типа Хаджилара, что свидетельствует о необходимости обороны.

Особое положение в системе древних культур Малой Азии занимают памятники юго-востока — древней Киликии. Тут сильны связи с Северной Сирией и через ее посредство с Месопотамией. Недаром в расположенном здесь Мерсине в XIX слое на расписной керамике отмечается влияние северо-месопотамского Халафа, а слои XVIII—XVII так и именуются местным Халафом (Garstang, 1953). Начиная с XVI слоя, ориентировочно относимого к 4500 г. до н. э., в Мерсине появляются укрепления в виде сложенной из камня стены полуметровой толщины с воротами, фланкированными выступами-контрфорсами. В керамическом комплексе представлены сосуды с ручками, но роспись исчезает — господствует лощеная посуда красного и розового цвета. Распространяются медные изделия, в том числе тесла и топоры. Сирийско-месопотамские связи продолжают: начиная с XII слоя появляется расписная керамика, развивающая традиции другой месопотамской культуры — убейдской.

Таким образом, в Малой Азии во второй половине VI—первой половине IV тыс. до н. э. происходит развитие оседлоземледельческой культуры, возникают все новые поселения, в частности Бейче-султан на западе и Алишар в Центральной Анатолии (Osten, 1940). Налицо и начальные этапы специализации металлургов и гончаров, которых можно рассматривать как общинных ремесленников, обслуживавших потребности раннеземледельческого коллектива, членами которого они являлись. Этнокультурная пестрота и большая плотность населения приводили к сложной системе взаимоотношений, царившей в мирках этих ранних земледельцев. Во всяком случае многие поселки сохранили следы обводных стен — глинобитных или каменных, имевших толщину 1.5—3 м. Яркая художественная культура составляла специфическую черту раннеземледельческих общин Малой Азии начиная с первых этапов развития экономики производства продуктов питания (Чатал-Хююк). Однако хозяйственный прогресс в течение VI—IV тыс. до н. э. был менее заметным. Видимо, это во многом объясняется ограниченными возможностями неполивного и полуполивного земледелия по сравнению с ирригационным полеводством Шумера. Вероятно, этот фактор сказался и на определенном угасании чатал-хююкского взлета, и на малых размерах малоазийских поселений IV—III тыс. до н. э. В результате неравномерность исторического развития начала проявляться уже в рамках ближневосточного региона.

Шумерская цивилизация шла к своему расцвету, когда в Малой Азии только начинался переход к этой ступени исторического развития.

Природные условия Малой Азии способствовали культурной и этнической разобщенности, повсюду располагались рассеянные по горным долинам завистливые соседи (Burney, Lang, 1971; Lloyd, 1967). Недаром археологи насчитывают в Малой Азии III тыс. до н. э. более 10 одновременно существующих культур (Mellaart, 1965). Раскопанные поселки несут следы пожаров, а вскрываемые погребения буквально забиты древним оружием. В таких условиях формирование цивилизации было более длительным, и в нем заметную роль играли культурные и торговые связи с древнейшими очагами передовых культур.

Эпоха, связанная с этими процессами, приходится на вторую половину IV и на III тыс. до н. э. В малоазийской археологии она именуется раннебронзовым веком (Mellaart, 1966). Название это условное и далеко не везде металлические изделия, сами по себе достаточно многочисленные и разнообразные, изготовлялись именно из сплавов, а не из чистой меди. Повсюду наблюдается достаточно определенная преемственность с более ранними

энеолитическими комплексами. Сохраняется и деление на культурные провинции с чертами локальной специфики. Культурная пестрота не меняла общей направленности исторического развития, повсеместно наблюдаются две основные тенденции — подъем ремесленных производств и рост укрепленных центров, своего рода протогородов.

Первая фаза эпохи ранней бронзы на северо-западе хорошо представлена комплексом Троя I (Belgen a. o., 1950), ориентировочно датируемым 3600—3100 гг. до н. э. Аналогичные материалы известны и по раскопкам в Полиохни, Терми (Laimb, 1936), Эмпорио и в Кум-тепе (слой Ic). Многочисленные выходы строительного камня и обилие осадков стимулировали развитие каменной архитектуры — из камня возводятся не только фундаменты, но и все постройки полностью. Распространен устойчивый тип дома — так называемый мегарон. Его характеризует сочетание длинного зала с открытым во двор портиком. В главной комнате располагался очаг, из камня устраивались сидения, покрывавшиеся затем глиняной обмазкой. В наборе орудий труда представлены полированные топоры и тесла, а также кремневые и обсидиановые вкладыши для серпов. Правда, следует иметь в виду, что, как показали экспериментальные исследования, вкладышевый кремневый серп изогнутой формы не уступал по производительности аналогичному орудью, изготовленному из бронзы. Однако эти черты уже были архаическими на фоне прогрессивного развития металлургии (Stronach, 1957). В Трое I и в Терми имеется и настоящая бронза — сплав меди с оловом. Металлические изделия встречаются уже целыми кладами. Так, в состав клада, найденного в Полиохни, входили три бронзовых кинжала, как плоских, так и с намечающимся ребром, пять плоских топоров или мотыг и один боевой топор развитого типа. Известны для этого времени и наконечники копий. Металлические изделия представлены также изогнутыми ножами, сверлами, проколками, булавками с навершиями в виде птицы. Глиняная посуда ручной лепки отличается высоким качеством выделки. Поверхность ее часто залощена, цвет керамики — темно-серый, коричневый и красный. Из новых форм следует отметить кувшин с клювовидным сливом, имеются также сосуды на подставках и кувшины на трех ножках. Ряд сосудов украшен резным орнаментом с белым заполнением. В Полиохни как наследие энеолитической эпохи в небольшом числе сохраняется керамика с белой росписью.

Близка материалам Трои I культура Иортан, распространенная в западных областях Малой Азии. Она известна исключительно по могильникам, которые по погребальному обряду прямым образом связаны с энеолитом — захоронения совершались в сосудах, располагавшихся правильными рядами, и в каменных ящиках. Богатые керамические коллекции иортанской культуры включают сосуды с резным орнаментом, в том числе кувшины с горлом, завершающимся сливом, сосуды на ножках, сосуды в виде птицы.

В Юго-Западной Анатолии культура этой фазы представлена в Бейчесултане слоями XIX—XVII. Они характеризуются прекрасно обожженной лощеной керамикой, среди которой много сосудов с вертикальными и горизонтальными каннелюрами. Найденны небольшие медные орудия, постройки представлены обводной стеной из сырцового кирпича и святилищами с алтарями. Обнаружены и мраморные несколько схематизированные фигурки-идольчики.

Своего рода пик культурного подъема можно наблюдать на средней фазе раннебронзового века Малой Азии (первая половина и середина III тыс. до н. э.). Обработка металлов в это время процветает в Малой Азии и местные кузнецы и ювелиры создают произведения, не уступающие лучшим образцам тогдашней эпохи (Burney, 1977). Широко распространены литье по восковой модели и филигрань по золоту. Использовались бронза, медь, олово, свинец, серебро, золото, электр и даже метеоритное железо. За исключением олова,

Рис. 27. Троя II. План поселения.

все это были металлы местного происхождения. Специализированным производством становится изготовление оружия: мечей, кинжалов и боевых топоров; как средство защиты в этот воинственный период получают распространение шлемы. Другой процветающей отраслью становится ювелирное ремесло, замечательным образцом которого являются золотые ушные подвески из Трои. Выделяются три локальные школы металлообработки — северо-западная, понтийская и анатолийская. Передовые отрасли производства — металлургия и металлообработка создали технологическую основу для отделения ремесла от земледелия.

Общая историческая ситуация, сложившаяся в Малой Азии, способствовала социальной стратификации общества и институализации политической власти. III тыс. до н. э. в целом было периодом военного напряжения. Жители укрывались за высокими стенами городков, охранявшими накапливаемый прибавочный продукт и концентрируемые сокровища. Однако сельское население вело жизнь, мало отличавшуюся от эпохи раннеземледельческих общин, и даже глиняная посуда изготавливалась ручной лепкой. Да и сами городки уступали месопотамским центрам как своими размерами, так и размахом монументальных построек. Многие из них — Троя II, Полиохни V, Ахлатлибель имели площадь всего 1—2 га. Правда, размеры такого центра, как Бейче-султан на юго-западе Турции были довольно внушительными — около 24 га. Обводная стена Бейче-султана была сложена из камня и имела толщину до 5 м. Сравнительно невелики были святилища Бейче-султана, достигавшие в длину 15—17 м. Отдельно стоящие общественные здания имелись в Трое и Полиохни.

На северо-западе отмечены и последствия междоусобиц — Троя I была разрушена и на ее руинах возводится хорошо изученная крепость Троя II с каменной обводной стеной, усиленной прямоугольными башнями-пилястрами, и с двумя воротами, обороне которых также придавалось особое значение (Belgen a. o., 1951; Belgen, 1963). В центре крепости располагалось большое здание типа мегарона, достигавшее в длину 35 м. Предполагается, что это резиденция местного правителя (рис. 27). Заметные изменения происходят в керамике: впервые в Малой Азии спорадически применяется гончарный круг. Характерной формой становятся изящные кубки с двумя ручками по бокам. Такие кубки и сосуды со сливами на долгое время определяют своеобразие малоазиатской керамической традиции и в модифицированном виде проявятся через полтора тысячелетия в наборе греческой посуды. В Трое II кубки покрыты красным ангобом и прекрасно залощены. На одном из этапов своего существования Троя II также была сожжена, и исследователи отмечают в целом некоторое сокращение числа поселений в Троаде. О том, что осаждавшие крепость рассчитывали на богатую добычу, свидетельствует знаменитый клад, найденный Г. Шлиманом. В его состав входили различные украшения из золота и серебра, в том числе ушные подвески, диадемы, булавки с биспиральной головкой («клад Приама»). Состав другого клада указывает на далекие связи древней Троады — в нем имелись изделия из прибалтийского янтаря и североафганского лазурита. Резиденция правителя Трои и клады, явно включавшие драгоценности, накопленные элитарной частью общества, свидетельствуют о происходящем процессе социальной и имущественной дифференциации. Дифференциация образа жизни получает материализованное воплощение в возведении резиденций, в изготовлении уникальных драгоценностей.

В Юго-Восточной Малой Азии слои Бейче-султана XVI—XIII дают культуру, как бы развивающую традиции Трои I. Существует даже гипотеза, что носители культуры Троя I были частично потеснены из Троады воинственными пришельцами, неоднократно нападавшими на саму Трою. Святыща Бейче-султана по плану представляют тот же мегарон и обычно расположены попарно. Предполагается, что одно из них посвящалось женскому божеству, Великой богине, другое — мужскому, возможно ее сыну или супругу. Связь этих божеств с земледельческими культурами достаточно ясна — при святилищах устроены закрома для зерна, и подношения, скорее всего, состояли именно из зерна, помещавшегося в сосуды. Десятки таких сосудов обнаружены стоящими на полу культовых строений.

Свидетельством социальной дифференциации, идущей в обществах Западной Анатолии, являются погребения, найденные в Дораке. По культуре они принадлежат к комплексам типа Иортан, продолжающих существовать и в пору Трои II. Их погребальный обряд также достаточно традиционен — захоронения в скорченном положении, помещенные в каменные ящики. Не велики сами каменные ящики — один размером 1.8×0.83 м и другой — 2×3.1 м. В одной гробнице помещены мужчина и женщина. Но погребальный инвентарь Дорака исключительно богат и разнообразен. На найденном здесь деревянном предмете, возможно бывшем частью сидения типа трона с золотой обкладкой, имеется иероглифическая надпись с именем фараона Сахура, второго царя пятой династии Египта (около 2494—2345 гг. до н. э.). Это, с одной стороны, помогает уточнить дату всего комплекса, а с другой — указывает на широкие культурные и торговые связи. Парадное оружие из бронзы, золота и серебра, в том числе кинжал с лезвием из метеоритного железа, различного рода украшения и сосуды указывают, что обе гробницы предназначены лицам, занимавшим особое положение в обществе. Западные исследователи, например Дж. Мелларт, склонны несколько поспешно именовать их царями (Mellaart, 1965, p. 31). Однако в Дораке нет ни монументаль-

ности, присущей царским могилам Ура или Аньяна, ни массовых человеческих жертвоприношений. Видимо, в гробницах Дорака захоронены вожди достаточно высокого положения в социальной иерархии, возглавлявшие племенные объединения. Наличие в инвентаре особых категорий вещей явно престижного характера, как например серебряный кинжал с золотой рукояткой, увенчанный львиными головами из горного хрусталя, подчеркивает их особый ранг.

Выделение такой социальной категории было характерной чертой рассматриваемого времени, и об этом убедительно свидетельствует другая группа богатых гробниц — Аладжа-Хююк в Центральной Анатолии (Arık, 1937; Koşay, 1951, 1966). Их устройство не отличается большой сложностью — это обычные могильные ямы, правда, увеличенных размеров — около 3,5 м в ширину и до 6—7 м в длину (рис. 28). Но сам погребальный обряд подчеркивает экстраординарное положение захороненных лиц. Край могил частично отмечен каменной выкладкой. Поверх бревенчатого перекрытия, видимо, располагались шкуры нескольких жертвенных быков. Во всяком случае, на это указывают находки черепов и костей нижних конечностей этих животных. Всего раскопано 13 гробниц, и все они отличаются исключительным богатством и разнообразием инвентаря. Имеются остатки плохо сохранившейся деревянной мебели, возможно помостов с балдахинами, на которые могли помещать усопших. Разнообразное парадное оружие свидетельствует о выполнении захороненными воинских функций. Таковы кинжалы, мечи, копья, серебряный боевой топор с рукояткой, заключенной в золотую обкладку. Имеются и два кинжала с золотыми ручками и с лезвиями из метеоритного железа. Судя по этой части погребального инвентаря, лица, погребенные в гробницах Аладжа-Хююка, были военными лидерами, роль которых в условиях напряженной ситуации Малой Азии III тыс. до н. э. была особенно велика. Не менее богаты и разнообразны по составу украшения и предметы туалета. Они подчеркивают престижный характер образа жизни, к которому стремилась новоявленная знать. Таковы булавки, золотые браслеты, серебряные и бронзовые гребни, бронзовые зеркала. Различны и сосуды, сделанные из меди, серебра, золота и электра. Глиняные сосуды имеются, но они единичны. Весьма интересны престижные объекты, бывшие, видимо, навершиями жезлов, изготовлявшиеся из бронзы с инкрустацией драгоценными металлами. Это прежде всего фигуры животных — оленей и быков (рис. 29, 30). Особый вид подобных наверший или штандартов имеет достаточно сложное престижно-знаковое содержание. На них изображены диски, символизирующие солнце. На одном из штандартов имеется фигура дикого ослы на фоне зубчатого диска, на другом олень стоит между двумя быками. Сложный семантический характер этих объектов несомненен и, скорее всего, они указывают на еще одну функцию погребенных — осуществление культовых действий. Военные вожди — жрецы Аладжа-Хююка находились на вершине социальной иерархии центральноанатолийского общества середины III тыс. до н. э.

Культурный облик памятников Центральной Анатолии этого времени достаточно своеобразен. Керамика данных комплексов черная и черно-коричневая, среди форм много сосудов со сливами, часто достаточно сложных очертаний, появляются и двуручные кубки. Таковы слои Алишара Iб и слой 5—8 в самом Аладжа-Хююке, где описанные выше гробницы располагались на незастроенной окраине достаточно крупного поселения. Примечательно, что и ювелирные изделия Аладжа-Хююка по формам и приемам выполнения отличны от драгоценностей, входящих в состав троянских кладов. Для анатолийской школы металлообработки более характерны связи с ювелирным делом Шумера, известном по «царским» гробницам Ура. Богатые рудные источники Малой Азии не только способствовали расцвету местной металло-

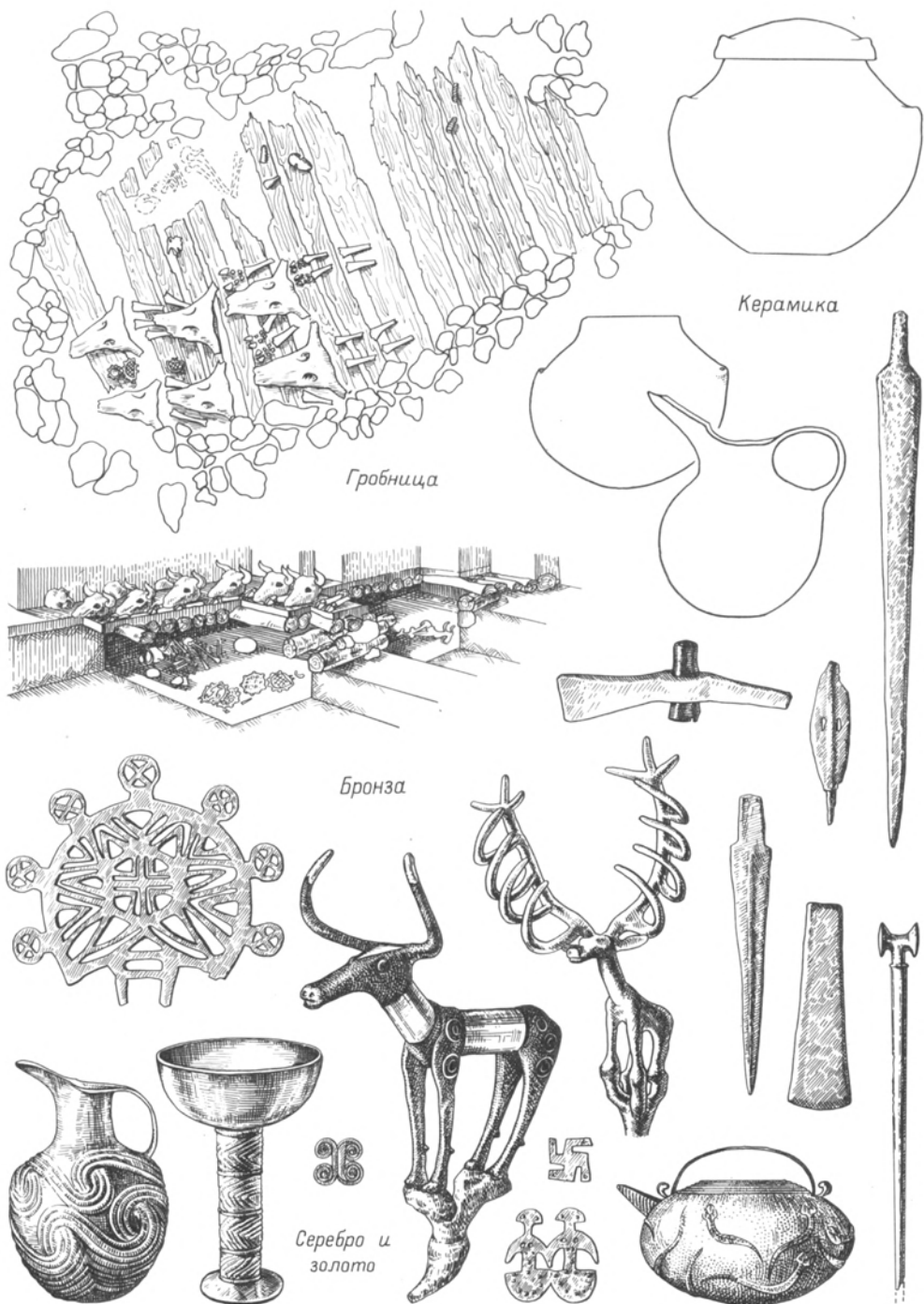

Рис. 28. Аладжа-Хююк. Комплекс из богатых гробниц.

Рис. 29. Аладжа-Хююк.
Навершие жезла. Бронза.

Рис. 30. Аладжа-Хююк.
Навершие жезла. Бронза.

обработки, но и рано стали поставлять сырье для широкого обмена. Недаром Тавр в месопотамской традиции именуется «серебряными горами» (История Древнего Востока, 1983, с. 239). Медь и серебро Анатолии шли не только в Месопотамию, но также в Сирию, Ливан и, возможно, в Палестину. Однако было бы неверно, как это часто делают западные исследователи, модернизировать значение этой «международной торговли». Металл мог доставляться посредством вооруженных торговых экспедиций, и походы аккадских царей в Восточное Средиземноморье преследовали в значительной мере получение столь необходимых Месопотамии металлов и строительного леса. Вместе с тем несомненно, что развитие подобных связей стимулировало разложение первобытных право порядков в Малой Азии и становление раннеклассового общества, потенциальными лидерами которого делались представители социальной верхушки, известной археологии по погребениям в Дораке и Аладжа-Хююке. Найденное в них парадное оружие было символом выделения прослойки с ярко выраженными функциями военачальников. В условиях межплеменной чересполосицы, столь характерной для Малой Азии, эти функции приобретали особенно большое значение.

Финальная фаза эпохи ранней бронзы (2300—1900 гг. до н. э.) уже вплотную подводит нас к периоду, освещаемому письменными источниками. В комплексах этого времени, сохраняющих локальные различия, отражается дальнейшее развитие трех основных тенденций — прогресса ремесел, отделившихся от земледелия, прогресса средств нападения и защиты и все большего обособления верхушки общества. В производство керамики все шире внедряется гончарный круг, применение которого ранее было известно лишь в Троаде. Особым изяществом отличается центральноанатолийская керамика с полихромной росписью так называемого каппадокийского типа. На северо-востоке Малой Азии, в Понтийской провинции, представлены комплексы, развивающие традиции Аладжа-Хююка и скорее всего принадлежащие к раз-

рушенным богатым погребениям (Махматлар, Хороз-тепе). Здесь имеются фигурки быков, оленей, горных козлов, штандарты с дисками, золотые и серебряные сосуды. Встречаются и серебряные статуэтки, изображающие женщин, причем одна держит ребенка. Богатые захоронения в монументальных гробницах известны в Южной Турции (Алёкшин, 1986, с. 144). Обособляющаяся верхушка общества заботится и о прижизненном благополучии — на Кюль-тепе в Центральной Анатолии в конце III тыс. до н. э. сооружается массивный дворец правителя (Özgüg, 1959).

Есть основание полагать, что это развитие было в известной мере задержано какими-то событиями конца III тыс. до н. э., когда приходит в запустение значительная часть оседлых поселений, особенно на западе Малой Азии. Некоторые исследователи связывают это явление с продвижением индоевропейских племен, предположительно лувийцев (Mellaart, 1958; Маккуин, 1983, с. 29). Допускается и переход части местного населения к скотоводству. Однако в целом культурный и социально-экономический прогресс не был прерван. Бейче-султан в начале II тыс. до н. э. становится подлинным городом с обособившейся цитаделью, а найденная здесь печать с иероглифическими знаками указывает на развитие письменности. Цитадель с обводной стеной появляется и в Алишаре. Военная аристократия, оставившая некрополи Дорака и Аладжа-Хююка, находит генетическое продолжение в князьках, стоящих во главе отдельных областей. Как показывают данные письменных источников, в начале II тыс. до н. э. во главе Кюль-тепе — Каниса с его знаменитой ассирийской торговой колонией стоял царек с административным аппаратом, размещавшимся в цитадели (Клинописные тексты..., 1968, с. 37—38). Происходит формирование раннеклассового общества и цивилизации, выросшей на богатых местных культурных традициях, но использующей и ряд месопотамских эталонов и, в частности, выработанную там клинописную систему письма.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ИРАНА

Природные условия Ирана отличаются значительным разнообразием как ландшафтным, так и климатическим. Вдоль западных границ проходит горная система Северо-Западного Загроса, расчлененная несколькими ущельями, по которым осуществляются связи в разных направлениях. Мягкий и влажный климат с большим количеством осадков обеспечивает здесь посевы зерновых «под дождь», начиная с отметки 1000 м над уровнем моря. Практически природные условия такие же, как и в частях системы Загроса, находящихся на территории Ирака, и недаром именно здесь сосредоточены древнейшие памятники архаических земледельцев и скотоводов. Межгорные долины и котловины хорошо обеспечены водой многочисленных водотоков. Большую часть Ирана занимает Иранское нагорье, представляющее собой обширные, летом знойные, зимой холодные, во многих местах безводные пустынно-степные пространства. Плато окаймляют, а местами и пересекают мощные и широкие гирлянды труднодоступных гор, также в большей своей части степных и пустынных. Только узкие полосы внешних склонов этих окраинных гор одеты лесами. Оазисы приурочены к подножьям гор, котловинам и горным долинам, в тех случаях когда они обеспечены водными источниками. Южные окраинные горы образуют цепочку, продолжающую систему Загроса. Северную окраинную цепочку составляют Эльбрус и Туркмено-Хорасанские горы. Сразу за Эльбрусом в Южном Прикаспии располагается область повышенного увлажнения с реликтовыми широколиственными лесами. Характерная особенность Ирана в целом — недостаточная увлажненность. Во многих реках постоянное течение появляется только в период дождей. Значительная часть Иранского нагорья — это знойные плоскогорья, перегруженные накоплениями песка и щебня. Именно таковы две крупные пустыни центрального Ирана — Деште-Лут и Деште-Кевир. Несколько выделяется по природно-климатическим условиям крайний юго-запад Ирана, ныне носящий наименование Хузистан. Он представляет собой часть аллювиальной Месопотамской низменности, орошаемой реками Карун и Керке. Плодородные почвы, жаркий сухой климат во многом сближают его с Нижней Месопотамией, что наложило отпечаток и на особенности исторического развития этой области.

Изучение первобытных культур Ирана началось очень рано и в некоторых отношениях первоначально даже опережало исследование археологических памятников соседней Месопотамии. Еще в конце XIX в. Ж. де Морган открыл при раскопках в Хузистане комплексы расписной керамики, названные им Сузы I и II (Morgan J., 1900, 1902). Эти комплексы до начала 30-х гг. сохраняли эталонное значение, и по ним исследователи старались классифицировать вновь открываемые архаические памятники. Время показало несовершенство раскопок Ж. де Моргана, не заметившего многометровую толщу культурных напластований, разделяющих комплексы Сузы I и II, и археология Передней Азии стала ориентироваться на комплексы, выделенные уже в самой Месопотамии. В 30-е гг. наряду с продолжением работ французской археологической миссии в Хузистане раскопки охватывают все новые районы Ирана. В 1931—1933 гг. экспедиция Э. Шмидта исследовала Тепе-Гисар в районе Дамгана, где были выявлены комплексы эпохи бронзы (Smidt, 1933, 1937). В 1933—1937 гг. около Кашана Р. М. Гиршман произвел раскопки Сиалка (Ghirshman, 1938—1939). Из систематических работ послевоенных лет следует отметить изучение раннеземледельческих поселений в Загросе и его предгорьях (работы Р. Брейдвуда, П. Мортенсена; К. Фланнери и др.),

а также начатые в 1957 г. большие комплексные исследования в иранском Азербайджане («проект Хассанлу»), возглавляемые Р. Дайсоном (Dyson, 1965b). В 60-е и 70-е гг. усилилось внимание к изучению крупных центров эпохи бронзы (раскопки Яхья-тепе и Шахри-Сохте на юго-востоке Ирана). В Иране рано развилось кладоискательство вследствие повышенного спроса на экзотические древности на антикварных рынках Западной Европы и США. В связи с этим многие памятники, особенно древние могильники, оказались безнадежно разрушенными, а вещи, вырванные из комплексов, рассеяны по множеству частных собраний и коллекций (о последних поступлениях см.: Amiet, 1987). Иранское правительство стремилось организовать учет археологических памятников; в некоторых районах, откуда поступали находки в лавки антикваров, были организованы раскопки. Основной сводной работой по археологическим комплексам Ирана долгое время оставалась книга Д. Мак-Кауна по сравнительной стратиграфии (Mac Cown, 1942). Система, учитывающая новые стратиграфические колонки и выводящая иранские комплексы на колонку, выработанную в Месопотамии, предложена Р. Дайсоном (Dyson, 1965a). Историко-культурная интерпретация памятников первобытного Ирана дана в работе автора (Массон, 1964б). Имеется ряд других сводных работ по археологии и культуре древнего Ирана (Ghirshman, 1951; Vanden Berghe, 1959; Porada, 1965a).

В археологических памятниках древнего Ирана нашли отражение три большие эпохи в истории и культуре этой страны. Первая эпоха — время ранних земледельцев и скотоводов, когда сложившиеся устойчивые культурные комплексы распространяются с расселением племенных групп на обширную территорию, где складывается ряд локальных очагов и начинается их внутренняя эволюция. Генеральной линией культурного развития в эту эпоху была спонтанная трансформация. В становлении земледельческо-скотоводческой экономики древнего Ирана решающую роль сыграла культура Джармо, или загросская культурная общность. Ее значение как исходного культурного пласта заметно во многих археологических комплексах, где в той или иной форме ощущаются эти загросские традиции (см. выше, с. 41).

Раннеземледельческая культура VI тыс. до н. э. на юго-западе Ирана представлена комплексами, изученными в долине Дех Луран, восточной окраине месопотамской низменности, где происходит постепенное развитие традиций, сложившихся в пору существования здесь культуры архаических земледельцев Али-Коша (Hole a. o., 1969; см. выше, с. 42). На стадии Мухаммед-Джафар поселения состояли из глинобитных домов, интерьер которых нередко был окрашен красной охрой. Охрой же покрыты и скорченные костяки из погребений, располагавшихся непосредственно на территории поселков. Глиняные сосуды представлены тремя группами — керамикой с желтоватой поверхностью, расписными сосудами и сосудами с лощеной красной поверхностью. Последняя группа явно продолжает традиции керамики загросской культурной общности в ее южном варианте, известном по Тепе-Гурану. То же можно сказать и относительно браслетов, вытачивавшихся из мрамора и алебаstra. Из других украшений можно отметить бусы и подвески, изготовлявшиеся из раковин, добывавшихся в Персидском заливе, и из бирюзы, доставлявшейся из северных районов Ирана.

Дальнейшая эволюция земледельческо-скотоводческой экономики отмечается в середине VI тыс. до н. э. на стадии Сабз, хотя культурная преемственность здесь прослеживается хуже, вероятно, ввиду отсутствия в изученных материалах переходной стадии. Это было время широкого освоения территории Хузистана раннеземледельческими общинами — в долине Дех Луран материалы типа Сабз отмечены на шести поселениях, в собственно Сузиане — на 34. Судя по всему такое освоение долин Керхе и Каруна было невозможно без применения искусственного орошения полей, что допускается всеми

исследователями. На полях возделывались несколько видов ячменя, пшеница, лен, чечевица и вика. Появляется крупный рогатый скот, представленный объемами более мелкими по сравнению с дикими быками. В целом уровень развития близок культуре Самарры среднего Тигра, где также налицо начальные стадии искусственного орошения. Самаррские связи отмечались уже по комплексу Джафарабад, выделенному французскими археологами в Сузиане еще в 50-е гг., до того как были произведены комплексные исследования в долине Дех Луран.

Для комплекса Джафарабад, открытого в нижних слоях холма того же наименования, характерна грубая керамика, в том числе крупные корчаги для хранения с подкосом в придонной части, подобные аналогичным сосудам хассунской культуры (Breton, 1947; Dollfus, 1978). Часть сосудов украшена несложным геометрическим орнаментом, среди мотивов которого чаще всего повторяются ромбы с сетчатым заполнением. В одном случае как будто изображена группа людей, держащихся за руки. Интересно наличие резного орнамента, составляющего специфическую черту джафарабадской керамики. Помимо глиняной посуды в нижних слоях Джафарабада обнаружены кремневые пластины, отщепы и нуклеусы. Ряд орнаментальных мотивов и сосуды на высоком кольцевом поддоне указывают на синхронизацию с Самаррой, а возможно, даже и на влияние со стороны этой месопотамской культуры. Раскопки поселения Тепе-Сабз в долине Дех Луран подтвердили сохранение роли каменных орудий в комплексах этого типа (Hole a. o., 1969). Обнаружены массивные каменные наконечники мотыг со следами битума, при помощи которого они прикреплялись к деревянной рукояти. Из камня делались вкладыши серпов, представлена и такая архаическая форма, как сегменты. Изготавливались схематические антропоморфные фигурки т-образных очертаний, каменные браслеты украшались насечками.

Связанный с оседлым земледелием новый образ жизни, нашедший отражение в археологической триаде прочных благоустроенных домов, нарядной посуды и мелкой скульптуры, постепенно распространяется по всему Ирану. Грубая лепная керамика и остатки глинобитных домов прослежены в нижних слоях памятников Фарса, расположенного к востоку от Хузистана (Тали-Джари В, Тали-Мушки, Тали-Бакун VI) и в Кермане (нулевой слой Тали-Иблис, Тепе-Яхья VIA-E). В нижних слоях Тепе-Яхья изредка встречается расписная керамика, найдена плоская, но выразительная каменная статуэтка женщины (Lamberg-Karlovsky, 1970, 1986). Распространенность культа женского божества плодородия была одной из впечатляющих идеологических инноваций раннеземледельческой эпохи.

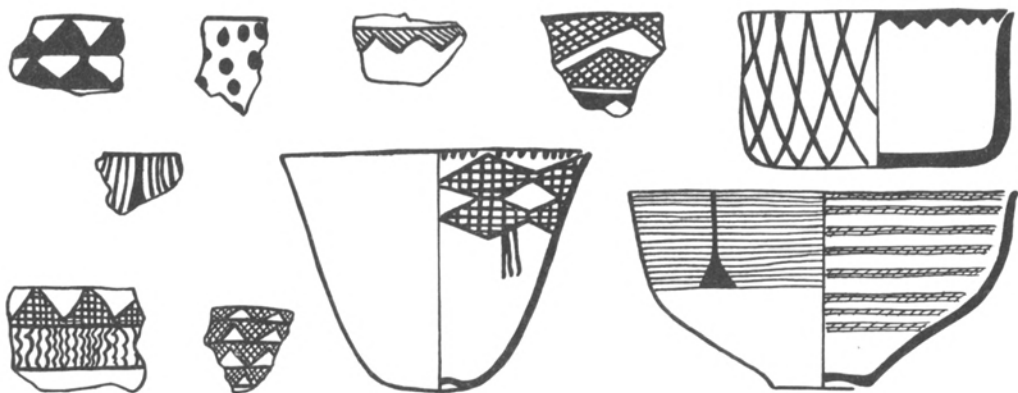
Сходную картину можно наблюдать и в иранском Азербайджане, где в рамках работ по «проекту Хасанлу» была открыта раннеземледельческая культура Хаджи-Фируз, относящаяся ко второй половине VI тыс. до н. э. (Voigt, 1983). Поселения этой культуры занимают плодородную долину р. Солдуз около озера Урмия. Небольшие однокомнатные дома возводились из сырцового кирпича с большой заботой об убранстве интерьера. Полы тщательно покрыты желтоватой глиной и нередко окрашены в красный цвет. Рядом с очагом располагался хозяйственный отсек, отмечены отпечатки циновки. Иногда в пол вкладывались сосуды для хранения, но в основном как хранилища использовались специальные небольшие строения, расположенные вне жилых домов. Количество кремневых изделий ограничено, это преимущественно вкладыши для серпов. В других видах работ кремневые орудия, возможно, уже были заменены медными. Глиняная посуда иногда изготавливалась на шаблонах, плетеных в виде корзин, отпечатки которых можно обнаружить под заглаженной поверхностью. Обжиг керамики, как правило, некачественный, преобладают лощеные сосуды желтоватого цвета, иногда поверхность покрыта толстым красным ангобом. Роспись наносилась

на желтоватый фон красной или коричневой краской и ограничивалась несложными геометрическими элементами — крупными треугольниками и шевронами. На одном из памятников этой культуры — Яник-тепе довольно много изделий из камня, в том числе сосудов и браслетов, что явно указывает на загросские традиции. То же направление культурных связей можно проследить и в кремневой индустрии. Из гипса янтарного цвета изготовлялись бусы и головки фигурок, на Хаджи-Фирузе найдена схематическая глиняная статуэтка женщины с широким коническим основанием, видимо передающим вертикальное положение. Наряду с одиночными захоронениями известны и коллективные, в погребальном обряде заметную роль играла посыпка охрой.

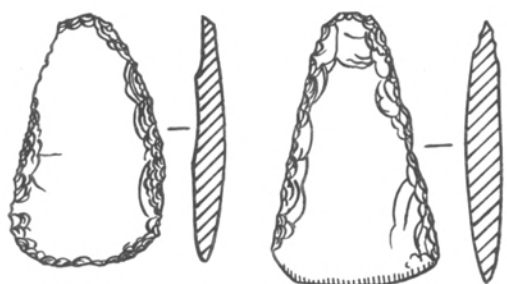
Таким образом, перед нами один из очагов раннеземледельческой культуры Ирана VI тыс. до н. э. Происхождение комплекса Хаджи-Фируз пока может быть определено лишь в общем плане. Налицо бесспорное сохранение ряда загросских традиций. Вместе с тем в формах и орнаментации керамики можно отметить достаточно определенные параллели с материалами Хассуны. Вполне вероятно, что на облике культуры приурмийских ранних земледельцев сказалось воздействие культур хассунского типа. Вероятно, племена этого культурного круга в процессе расселения достигли и областей Северо-Западного Ирана, вступив во взаимодействие с местным населением.

Показательно, что в нижних слоях Хаджи-Фируза найдена такая форма, как «поднос для шелухи», являющаяся одним из специфических признаков культур хассунского типа.

Уже в VI тыс. до н. э., во всяком случае во второй половине этого тысячелетия, оседлоземледельческими общинами были освоены и территории, весьма удаленные от горных долин и предгорий, с которыми связаны истоки земледелия. Об этом свидетельствует культура Сиалк I, памятники которой распространены в центре Иранского плато в треугольнике Казвин—Тегеран—Кашан (рис. 31). Здесь в условиях субтропического климата засушливых пустынь небольшие речки с паводковыми режимами позволяли выращивать в ограниченных масштабах урожаи зерновых при наличии начальных форм искусственного орошения. Именно в таких местах возникают поселки ранних земледельцев, складываются первые оазисы. Для культуры типа Сиалк I характерны глинобитные дома, керамика с гладкой красной поверхностью, расписная посуда с темной росписью по красному фону дробными геометрическими фигурами, медные иглы и булавки, архаические прямые жатвенные ножи с костяной рукоятью и кремневыми вкладышами. Само поселение Сиалк невелико по размерам и занимает площадь около 3 га (Girshman, 1938—1939). 12-метровая толща культурных отложений свидетельствует о длительности существования культуры без существенных изменений в ее облике. Это монотонное постоянство характерно для многих раннеземледельческих культур, особенно на первых этапах развития. Скорченные погребения, обильно покрытые охрой, вводят Сиалк в широкий круг памятников с подобной практикой погребального обряда. Дети иногда захоранивались в сосудах, что напоминает традиции, сложившиеся в Месопотамии в пору хассунской культуры. Помимо таких аналогий общего порядка ряд культурных элементов дает возможность предположить генетическую связь с загросской культурной общностью. Красноангобированные нерасписные сосуды близки к аналогичной керамике Гуран. Вместе с тем многие композиции расписной керамики свидетельствуют о связи с неолитической джейтунской культурой, лучше всего изученной в Южном Туркменистане, но представленной также на северо-востоке Ирана. Каменные браслеты демонстрируют связи с культурой типа Джармо. Другие элементы обнаруживают черты еще большего архаизма. Таковы прямые жатвенные ножи с кремневыми вкладышами, восходящие к традиции, существовавшей еще в мезолитическом Натufe, тогда как в Джармо налицо уже более развитая форма изогнутого серпа.

Керамика

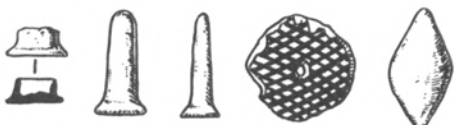

Камень

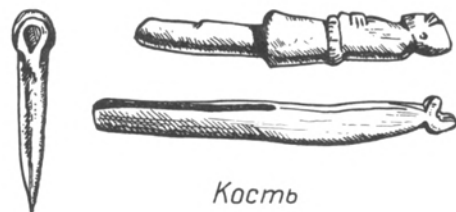
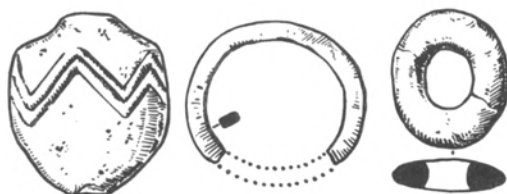

Кремень

Медь

Глина

Кость

Рис. 31. Комплекс Сиалк I.

Обращает на себя внимание весьма раннее появление медных изделий — уже в слое Сиалк I, 3 найдена кованая медная булавка. Известны также медные шилья и иглы. Вероятно, развитие металлургии было стимулировано наличием на Иранском плато меднорудных местонахождений, ближайшие из которых расположены в 220 км от Сиалка и, по предположению исследователей, снабжали медной рудой также и древние культуры Месопотамии. Каменные наконечники мотыг, подобные представленным в Хассуне и Тепе-Сабз, указывают на способ обработки земли и, видимо, на сооружение подпруд и проведение небольших канав, без чего регулярное земледелие в этих районах было бы крайне затруднено. Время существования комплекса типа Сиалк I, вероятно, охватывает значительную часть VI — начало V тыс. до н. э. Близкие материалы происходят с ряда других памятников Центрального Ирана, в частности с Чешме-Али.

Следующий комплекс — Сиалк II представляет, скорее всего, завершающую стадию развития культуры типа Сиалк. Соответствующие культурные наслоения составляют 7 м. Медные изделия в это время становятся более распространенными. Помимо ранее известных булавок, проколов и игл найдена часть плоского черешкового наконечника дротика или копья. Однако ни об одном из изделий нельзя еще сказать, что оно изготовлено способом литья: перед нами предметы, полученные исключительно с помощьюковки. В пору Сиалка II исчезают костяные основы жатвенных ножей, хотя кремневые вкладыши, по-видимому принадлежавшие серпам, еще встречаются. Вероятно, костяные оправы были заменены деревянными, сохраняющимися лишь в редких случаях, но не следует исключать и возможность появления медных серпов.

Из кремневых изделий в пору Сиалка II в употреблении сохраняются помимо пластин также и сверла, очевидно использовавшиеся при изготовлении каменных изделий. Среди последних можно назвать сравнительно редкие каменные сосуды, каменные браслеты, представляющие собой угасающую традицию культуры Джармо, и различные бусы из диорита, сердолика и бирюзы. Наличие последней, возможно, свидетельствует о связях с областью Хорасана, где в районе Нишапура расположено крупнейшее месторождение этого полудрагоценного минерала. Раковины для ожерелий доставлялись с другого конца Ирана, с побережья Персидского залива, а о связях с областями Северного Афганистана свидетельствует находка лазуритового шарика. По сравнению с предшествующим временем в пору Сиалка II совершенствуется глиняная посуда. Распространяются чаши на конических поддонах. В росписи преобладает геометрическая орнаментация, причем особое распространение получают фигуры, покрытые штриховкой. Заштрихованы и схематические фигуры козлов, впервые появляющиеся среди украшающих посуду узоров. Кроме этих животных представлены и линейно-схематические изображения птиц. Таковы начальные этапы культурной и хозяйственной эволюции раннеземледельческих общин Центрального Ирана.

Судя по типам расписной керамики, особую группу образовывали племена, населявшие долины Западного Загроса и, возможно, являвшиеся непосредственными потомками носителей культуры типа Гуран. Единственным сравнительно полно исследованным памятником этого района является Гиан, но и здесь стратиграфия древнейших наслоений довольно аморфна и неопределенна из-за отсутствия выделенных строительных комплексов (Conteneu, Ghirshwan, 1935). Слои, соответствующие по времени комплексам Сиалк I и II, достигают в Гиане мощности 5 м (Гиан VA—VB). Здесь отмечены остатки глинобитных стен, возводившихся, как это обычно для горных областей, на каменном фундаменте. Имеются кремневые и обсидиановые изделия. В слое Гиан VB найдены медные булавки, четырехугольные в сечении. Лепная от руки посуда характеризуется, как и в Сиалке, примесью к глине рубленой соломы. Роспись одноцветная, но мотивы ее в целом отличны от орнаментики Сиалка. В частности, уже в слое Гиан VA появляется мальтийский крест. Некоторые орнаменты из этого слоя можно трактовать как схематизированные изображения людей или летающих птиц. В слое Гиан VB в росписи на посуде появляются фигуры козлов и птиц, но в отличие от Сиалка туловища козлов передаются залитым контуром. Керамика типа Гиан V отмечена в целом ряде древних поселений Западного Загроса (Goff, 1971).

Таким образом, широкое распространение раннеземледельческих комплексов, выступающих в разных локальных проявлениях, привело в VI тыс. до н. э. к утверждению в Иране нового образа жизни с присущими ему культурными эталонами и стандартами. Особенно заметные изменения произошли в системе жизнеобеспечения, где принципиально новыми явле-

ниями стали благоустроенные жилища, широкое употребление в пищу продуктов растительного мира, приведшее к появлению богатого набора глиняных сосудов, и подчеркнутое внимание к одежаниям, о чем мы, правда, можем судить лишь по украшениям, носившимся отдельно или нашивавшимся на одежду. В ряде областей формируется такая эффективная система производства продуктов питания, как орошаемое земледелие в его начальных формах. В результате в обществе создается значительный экономический, культурный и интеллектуальный потенциал.

Предпосылки прогресса активно реализуются в ходе дальнейшей эволюции раннеземледельческих общин Ирана. Так, все более отчетливо проявляется развитие специализированных производств, постепенно превращаясь в самостоятельные ремесла. Весьма наглядно этот процесс прослеживается в центральноиранском очаге раннеземледельческих культур, хорошо известном благодаря раскопкам Сиалка. Комплекс Сиалк III, относящийся в основном к IV тыс. до н. э., характеризует по существу новую культуру, хотя и сложившуюся на основе традиций Сиалка I—II, но отличную от этих комплексов по многим параметрам. Ее признаками являются: сделанная на гончарном круге расписная керамика с разнообразными зооморфными мотивами, в том числе с пятнистыми барсами; литые медные плоские кинжалы, тесла, проушные мотыги; каменные пуговицеобразные печати с петелькой на обратной стороне.

Поселение Сиалк III занимает площадь около 3,5 га. Материалы из Исламабада, Чешме-Али и Муртезагирида в районе Рея показывают, что продолжает процветать и Тегеранский оазис. Появляется поселение в районе Дамгана — Тепе-Гисар, где древнейшие слои (Гисар IA) одновременны ранним наслоениям Сиалка III. Поселок Сиалк III состоял из многокомнатных домов, возводившихся из сырцового кирпича прямоугольной (38×18×10, 41×22×10 см) или квадратной (30×30×10 см) формы. Эти дома разделялись узкими улочками. Изредка стены с внутренней стороны окрашивались в красный цвет. В какой-то момент обитатели этих домов оказались застигнутыми на месте трагических событиями: на полу одного из помещений был расчищен скелет женщины, прикрывавшей руками двух детей, придавленный сверху грудой сырцового кирпича. В этом же доме обнаружен другой скелет взрослого человека, придавленный рухнувшей стеной. Видимо, прав Р. Гиршман, предполагающий, что в данном случае мы имеем дело с катастрофическими последствиями землетрясения. Найдены также скелеты людей, которых их соплеменники смогли похоронить в соответствии с существовавшими обрядами. Способ захоронения явственно указывает на связь с предшествующей традицией: умершие погребены в скорченном положении, на правом или левом боку, и некоторое время (Сиалк III, 1—3) на черепках еще встречаются следы красной краски.

Сходным образом продолжение старых традиций можно наблюдать и в керамике (рис. 32). Но в технологии ее производства происходят весьма существенные перемены. Она обжигается в специальных печах сложной двухъярусной конструкции. Кроме того, начиная со слоя Сиалк III,4 глиняная посуда изготавливается на гончарном круге. Широко распространяются шаровидные сосуды на подставках, вазы, стройные бокалы. Вместе с тем примечательно, что в отличие от урукского Шумера, где распространение ремесел оказалось губительным для художественного мастерства, роспись на сосудах не исчезает. Расписная посуда типа Сиалк III отличается ярким и своеобразным стилем. Наряду с геометрической орнаментацией широко распространены рисунки козлов, птиц, змей, лошадей, быков, барсов и людей. Встречаются иногда сцены с участием целого ряда персонажей, что, возможно, указывает на воспроизведение каких-либо мифологических сюжетов; фигуры животных, как правило, переданы силуэтным рисунком. Это не мешает

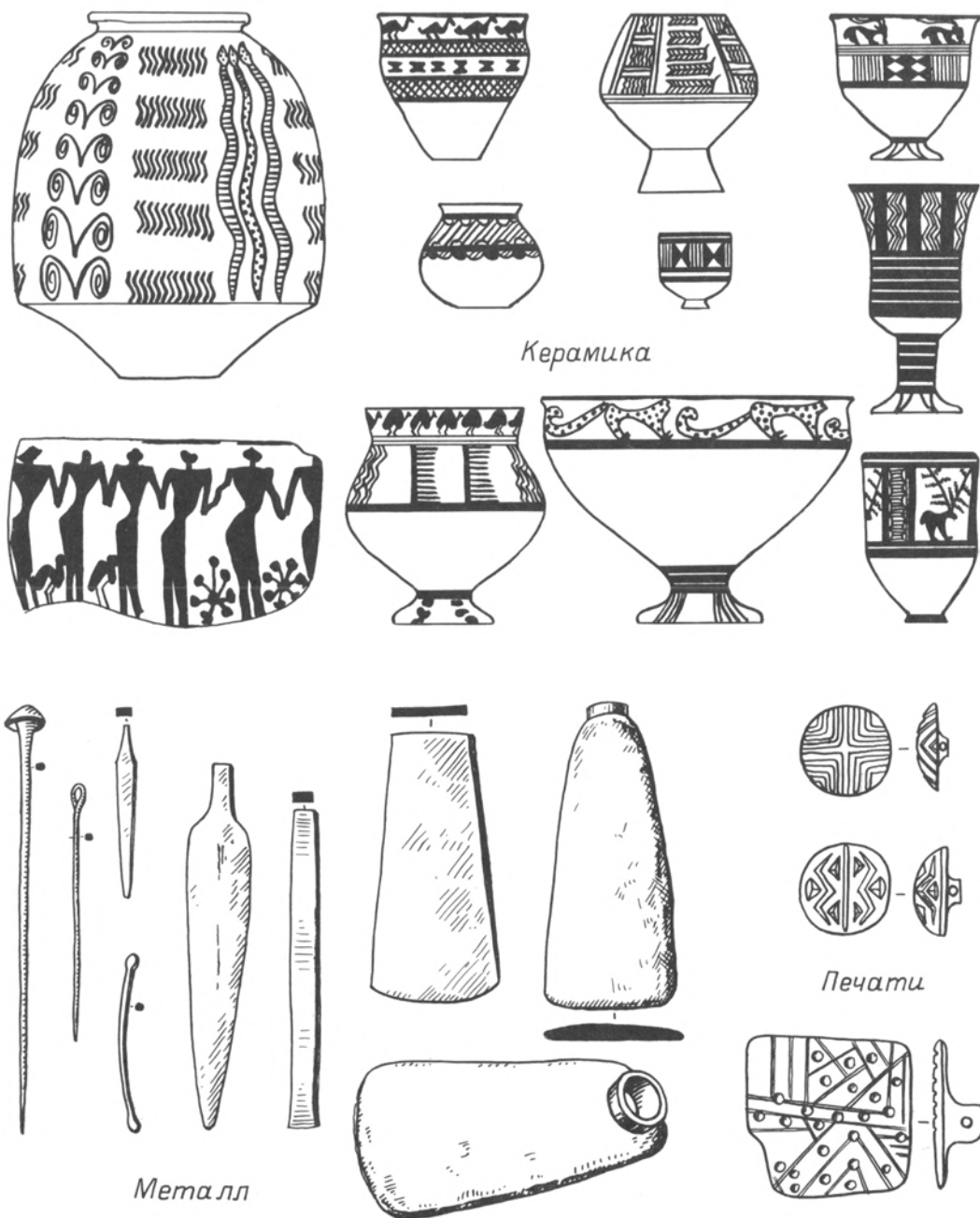

Рис. 32. Комплекс Сялк III.

художникам в отдельных случаях добиваться значительной выразительности (бегущие птицы, горные козлы с чуть наклоненной головой).

Помимо гончарного производства значительный прогресс наблюдается и в металлургии. Здесь дело заключается не только в том, что по сравнению с периодом раннего энеолита число медных изделий существенно возросло, а их набор стал более разнообразен. Наряду с ковкой теперь стало известным и литье. В закрытых формах отливаются топоры с поперечным лезвием,

тесла, кинжалы. Кроме этих вещей известны проколки, иглы, булавки, пробойники и даже небольшая серебряная бляшка. Как и применение гончарного круга, первые литые изделия связаны со слоем Сиалк III, 4, свидетельствуя о начавшемся в это время превращении домашних промыслов в специализированные ремесла.

Наконец, третье явление, отмечаемое в пору Сиалка III, также скорее всего было связано с происходившими в это время изменениями в хозяйстве и обществе. Это появление пуговицевидных печатей с несложным геометрическим рисунком. Одна из таких «печаток» была найдена в погребении, что, возможно, свидетельствует об их употреблении в качестве амулетов. Однако находки оттисков на глине ясно указывают, что подобные изделия использовались и как печати. Значение оттиска, первоначально выступающего в функции оберега, со временем расширяет смысловую нагрузку, становясь одним из символов собственности. Об особой престижно-знаковой семантике этих объектов свидетельствует их присутствие в погребениях, которые отличаются также относительно богатым набором других предметов — керамики и медных изделий. Таковы, в частности, могилы из слоя Сиалк III, 5. Аналогичное явление можно наблюдать и среди захоронений раннего Гисара.

Прогрессивные изменения, столь отчетливо выступающие в материалах Сиалка, наблюдаются и в других поселках земледельцев Центрального Ирана, например, на Тепе-Гисаре у Дамгана (Schmidt, 1933, 1937), небольшом поселке площадью около 2 га, возникающем как раз в рассматриваемый период. В слое Гисар IA еще представлена посуда ручной лепки, в то время как начиная со слоя Гисар IB широко распространяется гончарный круг. Формы сосудов и мотивы росписи, среди которых следует отметить козлов, птиц и барсов, образуют как бы провинциальную реплику процветающего гончарного производства Сиалка. Сравнительно многочисленны и медные изделия — кинжалы, наконечники копий, тесла, иголки, кольца, булавки и шилья. Часть из них, возможно, отливалась в специальных формах. Характерной чертой культуры являются и печати, делавшиеся преимущественно из гипса и известняка. Покойники хоронились в ямах, в скорченном положении, здесь же, на территории поселка; в качестве погребального инвентаря в могилу помимо личных украшений в виде браслетов и ожерелий из бус помещались 2—3 сосуда.

Причины изменений, происходивших в центральноиранском очаге раннеземледельческих культур, истолковываются по-разному. Есть даже точка зрения о приходе в пору Сиалк III нового населения, основавшего новый поселок. Однако точнее говорить о появлении ряда существенных инноваций в области технологии, прежде всего гончарного круга, который, таким образом, появляется в Центральном Иране почти одновременно с Месопотамией. Это нововведение, равно как и появление прежде отсутствовавших в Центральном Иране пуговицеобразных печатей, могло произойти в результате усиления контактов и взаимовлияний в пору активного распространения убейдской культуры. Но наиболее массовый материал — расписная керамика, чутко реагирующая на различного рода культурные изменения, обнаруживает мало точек соприкосновения с месопотамскими комплексами, и культуру Сиалк III надо рассматривать в первую очередь как местное, центральноиранское явление. Технологический прогресс, наблюдаемый в пору Сиалка III, несомненно вел к дальнейшей специализации мастеров-профессионалов, которые целиком посвящали себя избранной профессии. Они обеспечивали своей продукцией соплеменников, в первую очередь в силу своего членства в данной общине, а не путем купли-продажи. Этот вид ремесла, архаического в социологическом плане, но зачастую весьма совершенного технически, в специальной литературе получил название общинного.

Более ощутимы убедские воздействия в приурмийском районе, где комплекс Пишдели-тепе обнаруживает сильные убедские влияния и в расписной керамике. О развитии металлургии свидетельствует находка медного кельта. Лепная от руки посуда украшалась росписью, нанесенной темно-коричневой краской по светло-красному или кремовому фону. Преобладает простой геометрический рисунок, но встречаются также геометризованные изображения животных. Ряд параллелей эта роспись находит в слоях Гяна, но ближе всего к ней стоят орнаментальные мотивы Северного Убеида, известные по раскопкам Гавры (Гавра XIX—XVI).

Те же черты развития специализированных производств можно наблюдать и в другом очаге раннеземледельческих культур Ирана, располагающемся в Фарсе. Здесь эталонным памятником для IV тыс. до н. э. является Тали-Бакун А около Шираза (Langsdorff, Mac Cowp, 1942). В настоящее время известно около трех десятков памятников, дающих материал этого типа. Все это были небольшие поселки, представление о которых лучше всего дает само поселение Тали-Бакун, единственное, где проводились достаточно обширные систематические раскопки.

Холм Тали-Бакун А занимает площадь около 2 га и образован оплывшими руинами больших многокомнатных домов, видимо разделявшихся узкими улочками. В помещениях иногда стояли непотревоженные сосуды, прикрытые камнем или черепком. В одном из таких сосудов, вероятно, хранилось какое-то рыбное блюдо, в других обнаружены кости животных или раковины моллюсков. Сырцовые строения были раскопаны и в верхних слоях поселения Тали-Гап, одновременных Тали-Бакуну А. Здесь выделяется массивное помещение с прямоугольным очагом в центре, возможно бывшее святилищем. В культурном слое обнаружены погребения, в которых скелеты располагались в скорченном и в почти вытянутом положении.

Глиняная посуда производилась без помощи гончарного круга, но тем не менее отличалась высоким качеством. Обнаружены в Тали-Бакуне и печи для обжига керамики, представлявшие собой небольшие двухъярусные горны. Расписные сосуды Тали-Бакуна являются одним из наиболее выдающихся произведений гончарного искусства древности. Декоративная направленность этого искусства сказалась на трактовке фигур животных, которые в это время, так же как в Сиалке, пользовались особенной популярностью у местных мастеров. Например, козлы со спирально закругленными рогами воспринимаются в первую очередь не как конкретный образ, а как составная часть пышной орнаментальной композиции. Чисто геометрический орнамент трактуется как зооморфный с добавлением отдельных элементов фигур животных, в том числе рогов. Реже встречаются быки, пятнистые барсы, рыбы, газели. Антропоморфные изображения крайне условны и, по-видимому, связаны с магической символикой. По сути дела, тех же животных, главным образом рогатых, можно видеть и в коллекции глиняных фигурок. Среди мелких статуэток предположительно можно выделить также изображения льва, барса, птиц и собаки. Имеются женские статуэтки, иногда с подпрямоугольными плечами и магическими знаками свастики, нанесенными красной краской.

Близко напоминает культуру Сиалк III распространение пуговицеобразных печаток и их отпечатков на глине. Все они имеют несложную геометрическую орнаментацию. Среди глиняных булл интересно наличие экземпляра, несущего два различных оттиска. Имеются оттиски и на комках глины, определяемых исследователями как пробки или затычки сосудов.

Несколько удивительно отсутствие среди тали-бакунских материалов каких-либо медных изделий. Каменные песты, зернотерка, наверхия бус, биконические терракотовые напярса и глиняные ядра для пращи являются вполне обычным набором изделий рассматриваемого времени. Отсутствие же медных вещей частично может быть объяснено редкостью медных руд

в районе Шираза. Косвенным указанием на употребление, например, медных проколов служит, в частности, практическое отсутствие проколов из кости. В Тали-Риги, около Кемалабада, в слоях, соответствующих Бакуну, найдена часть медного кельта. Возможно, к слою Бакун АIV принадлежит обнаруженный на самом Тали-Бакуне при случайных обстоятельствах медный кинжал. Следует говорить не об отсутствии меди, а о крайней редкости этого металла у племен тали-бакунской группы в отличие от общин Центрального Ирана. Найденная на Тали-Бакуне лазуритовая бусина свидетельствует об установлении связей, скорее всего, многоступенчатого обмена с далекой периферией раннеземледельческой ойкумены Передней Азии (Majidzadeh, 1982).

Внутренняя культурная и хозяйственная эволюция очагов раннеземледельческих культур Ирана привела к особенно заметным изменениям на территории Хузистана, который в древности именовался Эламом, а затем в сочинениях античных авторов по столичному центру — Сузианой. Именно здесь налицо ускорение темпов общественного развития, и уже в IV тыс. до н. э. происходит формирование культурных и экономических основ местной цивилизации. Судя по всему, общему прогрессу способствовала эффективность ирригационного земледелия в долинах Каруна и Керхе, где крупные оросительные системы были созданы почти в то же время, что и в Южном Двуречье. Можно сказать, что оседлоземледельческие общины Хузистана повторяют месопотамский путь развития, используя при этом ряд культурных моделей и эталонов, выработанных в соседнем Шумере. Наиболее яркое проявление эти процессы нашли в материалах IV тыс. до н. э., когда начиная с комплекса Сузы I, по периодизации Ж. де Моргана, или Сузы А, по новой терминологии, наблюдается всесторонний прогресс местной культуры. Предшествующие комплексы, время существования которых в основном приходится на V тыс. до н. э., по схеме 50-х гг., для собственно Хузистана (Breton, 1947, 1957) получили наименование Джови (Сузиана В) и Бендебаль (Сузиана С). В долине Дех Луран близкие комплексы, изучавшиеся американской экспедицией, были названы Хазине и Мехме. В пору существования комплексов Хазине—Джови завершается широкое освоение территории — в Дех Луране для этого времени установлено обживание 12 поселений, в самой Сузиане более 100. Этот скачкообразный рост населения в первую очередь связан с высокой эффективностью сложившейся здесь системы производства продуктов питания. Наряду с небольшими поселками существуют и значительные центры, как например Мусиян и Чога-Миш. Это свидетельствует не только об увеличении населения, но и о процессе его концентрации. Для Хазине характерна грубая керамика красного цвета с примесью в глине крупнорубленой соломы, а также хорошо обожженные изящные сосуды с черной росписью по желтовато-оранжевому фону с геометрическими рисунками, в ряде отношений близкими месопотамскому комплексу Хаджи Мухаммед.

В комплексах Джови известны многочисленные каменные орудия, в том числе тесла и мотыги, одна из которых сохранила следы битума, видимо скреплявшего ее с деревянной или роговой рукоятью. Весьма многочисленны терракотовые напярсла колесообразной формы, украшенные росписью. С самого поселения Джови происходит и коллекция мелкой терракотовой скульптуры, преимущественно фигурок быков, козлов и баранов, часто украшенных вертикальными полосами. Имеются и фрагменты женских статуэток. Значительный прогресс наблюдается и в глиняной посуде. Качество ее изготовления повышается, а в монохромной росписи наряду с простыми геометрическими мотивами появляются фигуры животных, в том числе линейные рисунки козлов. Следует отметить и изображение стоящего человека с луком в руках, хотя кремневых наконечников стрел при раскопках не было обнаружено. Таким образом, многое в комплексе Джови, в том числе появление зооморфных и антропоморфных изображений, как бы предвосхищает блестя-

щий расцвет времени Сузы А. Однако еще редки пуговицевидные печати. Лишь небольшая плакетка из битума, найденная на поверхности поселения Джови, может быть отнесена к этому кругу изделий.

В комплексах типа Мехме представлена новая разновидность расписной керамики с узорами, нанесенными темно-красной краской по красному фону. Усложняется и тематика рисунков — появляются ряды идущих друг за другом козлов, фигуры людей, танцующих взявшись за руки. Есть и медные булавки. В соседнем Луристане раскопан могильник этого времени, где захоронения совершались в каменных цистах, перекрывавшихся тяжелыми плитами. Имеются и коллективные усыпальницы. В погребальном инвентаре помимо расписной керамики встречаются печати и оружие — каменные булавы и боевые топоры со сверленным отверстием.

На территории Сузианы в Бендебале и Тепе-Бухаллан обнаружена расписная керамика с разнообразными зооморфными мотивами и пуговицеобразные печати.

Завершает эту линию развития комплекс Сузы I, или Сузы А, с которого почти столетие назад по существу началось изучение первобытной археологии Передней Азии. Для него характерны: расписная керамика с темно-коричневыми рисунками на оранжево-желтом фоне; композиции из идущих в затылок верениц животных (козлы, собаки) и птиц; пуговицеобразные печати с геометрическими рисунками и сложными сценами, на которых изображены животные и изредка люди; плоские медные тесла, топоры, круглые зеркала, изготовленные способом литья в закрытых моделях.

Крупным центром этого периода были Сузы. Слои этого времени обнаружены на территории двух крупных городищ — так называемого Акрополя и Ападаны, что позволяет определить длину поселения в 300 м. Первые поселенцы использовали для обитания естественный холм, имевший высоту до 9 м, и, как есть основания полагать, на краю холма возвели глинобитную стену. Новые исследования показывают, что, скорее, речь должна идти о мощной платформе, прослеженной в длину на 80 м и явно представляющей собой начальный этап развития монументальной архитектуры (Canal, 1978; Amiet, 1986, p. 36—37). На окраине поселения располагался некрополь, раскапывавшийся Ж. де Морганом без должной тщательности и документации. Насколько можно судить по имеющимся сведениям, умершие помещались в вытянутом или слабо скорченном положении. Обычно их сопровождало значительное количество расписных сосудов и медные предметы — тесла в мужских погребениях и круглые зеркала в женских. Позднее на территории самого поселения, где соответствующие слои достигают 2—3 м, также были открыты погребения, но исключительно детские. Их инвентарь обычно включал два сосуда, печатку-амулет и глиняное пряслице, иногда в виде колеса.

Так же как и в Сиалке III, в комплексе Сузы А налицо технический прогресс в гончарстве и металлургии. Глиняная посуда обжигалась в специальных печах, остатки которых найдены в ряде мест древнего поселения. Большинство изящных тонкостенных сосудов этого времени лепилось от руки. Однако в ряде случаев можно говорить и о применении гончарного круга медленного вращения. Расписная керамика в Сузах составляла лишь определенную часть гончарной продукции. Наиболее обычной была гладкая посуда ровного красного цвета, тогда как парадная посуда, в том числе и помещавшаяся в могилы, покрывалась одноцветной росписью. Здесь, как и в одновременных поселках других областей Ирана, наряду с геометрическими мотивами широко распространены рисунки различных, нередко весьма стилизованных животных, представляющих собой как бы условную пиктограмму. Роспись сузианской керамики отличается изяществом и большим чувством ритма и композиции. Весьма характерны для нее фигуры козлов со смело

закрученными рогами; вытянутые, как бы распластанные в беге собаки; внутри чаш — летящие птицы, иногда расположенные по кругу и, видимо, передающие вихрь непрерывного движения. Встречаются также идущие или стоящие птицы разных пород, рыбы, люди, иногда держащие в руках лук.

Медные предметы, находимые как в составе погребального инвентаря, так и непосредственно в культурном слое, свидетельствуют об их широком распространении в быту. Это плоские топоры и тесла, шилья, иглы, зеркала диаметром до 19 см. Правда, до проведения специальных исследований трудно судить, производилось ли литье в специальных формах, что мы наблюдали в материале Сиалка. Химические анализы показали, что залежи меди находились в Центральном Иране в районе Анарака, расположенном в 300 км к юго-востоку от Сиалка, откуда, кстати, получали руду и обитатели самого Сиалка (Berthoud, Frangaix, 1980). В большом количестве в слоях Сузы А встречены и печати, обычно имеющие пуговицеобразную форму. Помимо геометрических рисунков, таких же как и на печатках Гисара и Сиалка, на печатках из Суз мы видим фигуры людей и животных, в том числе козлов. Находимые в могилах бусы из лазурита свидетельствуют о том, что связи многостепенного обмена распространяются в эту пору на многие сотни километров. Естественно, что наблюдаемый общий культурный и хозяйственный прогресс был тесно связан с увеличением населения. Густо заселенное междуручье Каруна и Керхе становилось важнейшим центром Ирана, где шел активный процесс формирования цивилизации. Сами Сузы были уже крупным центром сельскохозяйственной округи и местом сосредоточения специализированных ремесленных производств, в том числе по обработке металла. Обилие медных вещей в некрополе резко контрастирует с одновременными могильниками Месопотамии (Amiet, 1986, p. 36) и указывает на относительный рост благосостояния. Сосредоточение металлических изделий лишь в отдельных могилах, составляющих примерно 5 % от общего числа исследованных захоронений, позволяет сделать вывод о происходящем процессе социальной и имущественной дифференциации общества. П. Амье полагает, что появление в глиптике образа антропоморфного хозяина животного мира может корреспондировать с выдвиганием в обществе на первый план и фигуры жреца-правителя (Amiet, 1986, p. 38, 44). Накопленный экономический и культурный потенциал стал надежной базой дальнейшего прогресса.

Комплекс Сузы I может быть отнесен к последней трети V—первой трети IV тыс. до н. э. (Amiet, 1986, p. 13; Dyson, 1965a, p. 249). Периодизация последующих напластований этого узлового памятника Юго-Западного Ирана долгое время была основана на схеме Ле Бретона (Breton, 1957), определившего периоды, заполняющие лакуну между Сузами I и II, как периоды Сузы В и D, а сами Сузы II системы Ж. де Моргана были обозначены как Сузы С. На этой периодизации были основаны и общие характеристики исторического развития, предложенные в прежних обобщающих работах (Чайлд, 1956; Массон, 1964б). Дополнительные раскопки в самих Сузах, тщательный анализ ранее накопленных материалов и исследование других памятников как в Хузистане, так и в более восточных районах (Johnson, 1973; Weiss, 1977; Sumner, 1974, 1976) позволили предложить более уточненную картину, терминологически, правда, выходящую на месопотамскую схему Урука и других памятников (Amiet, 1986, p. 47 sgg.).

Эти разработки убедительно доказывают, что в середине IV тыс. до н. э. здесь активно идет процесс становления местной цивилизации, использующей ряд стандартов и эталонов, уже выработанных в соседней Месопотамии. В это время почти вся керамика изготавливается с помощью гончарного круга. Одновременно, как это наблюдается в Южном Двуречье, исчезает роспись на сосудах. Наряду с керамикой красного цвета появляется желто-серая посуда, напоминающая по фактуре урукскую керамику. Шумера. Близкие

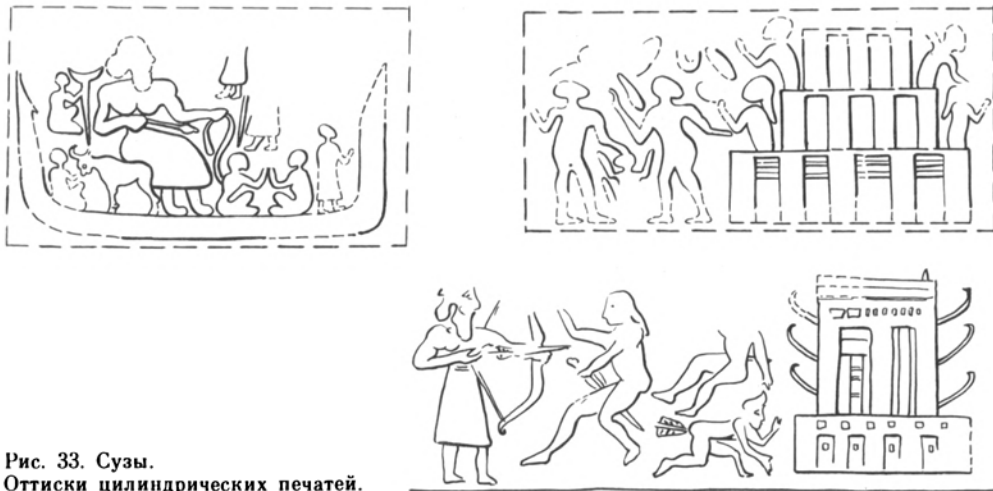

Рис. 33. Сузы.
Оттиски цилиндрических печатей.

параллели наблюдаются и в формах керамики, среди которой широко представлены сосуды с трубчатыми носиками и чаши с петлеобразными ручками. Налицо и дальнейшее развитие металлургии. Топоры с поперечным лезвием несомненно отливались в специальных формах. Довольно сложными изделиями были так называемые булавки с навершием в виде фигур животных и людей. Появляются и металлические сосуды. Таким образом, налицо технический прогресс, формирование ремесел как существенного составного элемента технологического способа производства первых цивилизаций. По оценкам Г. Джонсона, в это время в Хузистане существовало по меньшей мере 52 поселения с общим числом жителей в 25 000 человек (Johnson, 1973, p. 101—143). Сами Сузы все более приобретают урбанизированный облик. На вершине городища, именуемого Акрополем, раскопана массивная двухступенчатая платформа высотой 3 м и охватывавшая площадь около 60×45 м. Совершенно ясно, что перед нами остатки сложного монументального сооружения, скорее всего, основание храмового комплекса шумерского типа. Не исключено, что это было главное святилище столичного города (Amiet, 1986, p. 55). О развитии высотной архитектуры говорят и изображения на печатях, на которых мы видим строения, имевшие по крайней мере трехэтажную конструкцию. Предполагается четырехступенчатая иерархия поселений, среди которых по крайней мере еще два кроме Суз — Чога-Миш и Чандувех можно считать протогородскими или раннегородскими центрами.

Важной инновацией было появление цилиндрических печатей, явно демонстрирующих местный вариант урукской глиптики (рис. 33), как убедительно показал еще Ле Бретон, и к концу периода — булл и табличек с протоэламской иероглификой. Эти материалы явно указывают на распространение функций учета, что подтверждается созданием и совершенствованием системы цифровых знаков. Многоотраслевая экономическая система могла управляться лишь сложным аппаратом, все более отрывающимся уже в силу необходимости специальной профессиональной подготовки от основной массы общинников. Среди сцен на цилиндрических печатях мы находим и воспроизведение персонажей, видимо возглавлявших эту общественную пирамиду, — это образ бородатого жреца-правителя, сидящего на троне в виде быка. Крупномасштабная фигура жреца-правителя явно контрастирует с уменьшенными размерами других персонажей, участвующих в этой сцене, что является типичным иконографическим приемом передачи социальных рангов. Сцены расстрела людей из луков перед монументальной постройкой,

имеющиеся на тех же печатях, свидетельствуют, что и в Хузистане становление цивилизации шло отнюдь не бескровным путем одних лишь экономических и культурных преобразований. Как бы то ни было, долгий путь развития древнеземледельческих общин подходит к качественному рубежу. Рождающаяся цивилизация, система письменности которой указывает на язык, явно отличный от шумерского, уже можно именовать эламской, или, как это получило права хождения в специальной литературе, протоэламской.

Происхождение данного социокультурного комплекса по составляющим компонентам достаточно сложно и следование месопотамским, а точнее шумерским, эталонам не вызывает сомнений. Но интерпретация этих особенностей вызывает различные толкования. Г. Чайлд, подчеркивая сходство керамики урукского типа в Южном Двуречье и в Эламе, полагал, что имело место проникновение в Хузистан шумерских специалистов-ремесленников (Чайлд, 1956, с. 22). К. Ламберг-Карловский вообще считает возможным говорить о колонизации Суз шумерами в период Урука (Ламберг-Карловский, 1986).

Однако процессы заимствования и влияния, видимо, носили более сложный характер. Так, развитие глиптики от овальных печатей к цилиндрам практически шло параллельно в Уруке и в Сузах. Тематика сложных сцен на овальных печатях, генетически связанных с последующими изображениями на цилиндрах, в Сузах даже более богата и разнообразна по сравнению с Шумером. Эламская пиктография, возможно и возникшая под шумерским влиянием, в целом представляет собой совершенно самостоятельную систему письменности и в отличие от шумерской пока не поддается полной дешифровке (Вайман, 1974б). Поэтому правильнее видеть в указанных явлениях, в том числе в распространении ряда форм гончарной посуды, именно воздействие культурных эталонов и образцов, селекционно использованных эламскими общинами, социально-экономическое развитие которых вело к созданию классового общества и государства.

Таким образом, можно говорить о сочетании спонтанной и стимулированной трансформации. Шумерские эталоны для своего времени лучше всего представляли региональный тип первых цивилизаций Ближнего Востока, и Элам, так же как и Северная Сирия, один из примеров такого многокомпонентного пути развития.

Протоэламская цивилизация, сформировавшись как устойчивый комплекс, начинает оказывать активное воздействие на свое окружение, начиная с самых ранних этапов. Ее прямая экспансия отражена в целом ряде памятников. Так, на поселении Годин в Луристане культуру местных земледельцев комплекса VI сменяет Годин V с типичным протоэламским набором артефактов, включая 43 таблички с архаическими текстами (Weiss, Young, 1975). Еще более примечательно то же явление в Кашанском оазисе, в Центральном Иране, где чисто протоэламским является комплекс Сиалк IV (Amiet, 1985), представляющий, судя по находкам погребений с украшениями из золота, серебра и лазурита, достаточно богатое поселение. Это была эламская фактория, выдвинутая вглубь Иранского нагорья, видимо, как подметил еще Г. Чайлд (Чайлд, 1956, с. 259), на традиционных путях первобытной торговли лазуритом, а, возможно, также и медной рудой.

Устойчивый комплекс этой новой цивилизации ближневосточного региона П. Амье склонен выделять в особую протоэламскую эпоху конца IV—начала III тыс. до н. э. (Amiet, 1986, p. 91—104). Отметим, что мы не разделяем его убежденности в инфильтрации в это время в Хузистан племен «горцев» из Загроса, хотя в принципе двухкомпонентный состав цивилизации, объединяющей местные (необязательно горные) основы и месопотамские эталоны, уловлен верно этим тонким французским исследователем. Многочисленные документы, в основном, видимо, предназначавшиеся для разнообразного учета

количественных показателей организационно-хозяйственной деятельности, не оставляют сомнений в том, что формируется особая социальная группа писцов. Это была административная корпорация, персонифицирующая бюрократические начала государственного аппарата, независимо от того начался этот процесс в рамках храмовых или иных хозяйств. Процессы урбанизации охватывают и район Фарса, раннеземледельческая культура которого была столь ярко представлена Тали-Бакуном. Здесь формируется как крупный центр поселение Тали-Малиан, видимо соответствующее эламскому Аншану и занимающее площадь в 45 га. На поселении отмечены следы деятельности металлургов, открыта обводная стена, раскопана часть строения с полихромной геометрической живописью, в том числе многоступенчатыми крестами, близко напоминающими узоры позднеэнеолитической керамики юго-запада Средней Азии геоксюрского типа (см. ниже, с. 149).

Ускорение темпов исторического развития на юго-западе Ирана усилило неравномерность развития. Теперь здесь соседствуют две зоны: городской цивилизации древневосточного типа и оседлоземледельческих общин, развивавшихся теми же путями, но в более замедленном ритме. В лице протоэламской цивилизации возник новый мощный очаг творческих импульсов, сказавшихся на процессах стимулированной трансформации по крайней мере в Центральном и Юго-Восточном Иране. Прямая экспансия протоэламских общин с устойчивым культурным комплексом началась, как видно по Годину и Сиалку, еще в конце урукского периода. К несколько более позднему времени относится аналогичный протоэламский комплекс, включающий как таблички, так и оттиски цилиндрических печатей на Яхья-Тепе, где он, так же как в Сиалке и Године, перекрывает поселение местных оседлых земледельцев (Lamberg-Karlovsky, 1970, 1986). Протоэламская табличка найдена и на сеистанском городище Шахри-Сохте, но там это не более чем инородный компонент в местной культурной среде, развивающей традиции культурных комплексов Северного Белуджистана и в определенной мере Южного Туркменистана. Факт широкого воздействия эламской культуры на общины Иранского нагорья не оставляет сомнений и по масштабам напоминает влияние убейдской культуры, охватившее Северную Месопотамию и Северную Сирию. Механизм распространения культурных эталонов, выработанных в шумеро-эламской среде, мог быть различным — от прямого расселения эламитян, в числе которых могли находиться и торговцы, до подражания и следования господствующим культурным эталонам своего времени.

Вторая большая эпоха, нашедшая отражение в археологических материалах древнего Ирана, — это III и первая половина II тыс. до н. э., когда помимо хузистанского в других очагах раннеземледельческих культур идет процесс развития местных цивилизаций с культурой протогородского или раннегородского облика. По сравнению с развитием эламских общин данный процесс протекал замедленными темпами и сопровождался относительно широким использованием культурных моделей Шумера и Элама, инкорпорируемых в местные культурные комплексы.

В этом отношении весьма своеобразным образцом культурно-хозяйственного развития являются области южного побережья Персидского залива, в первую очередь Бахрейн и Оман. Районы эти известны в связи с анализом устойчивой шумерской традиции, помещавшей истоки человеческой цивилизации в страну Дильмун, локализуемую по предпочтительному варианту на острове Бахрейн (Бибби, 1984). В III тыс. до н. э. эта область достигает сравнительно высокого уровня благосостояния. Земледелие и литье медных изделий приходит на смену архаическим традициям неолитических рыболовов и охотников, развивается культурный комплекс протогородского облика (Potts, 1978; Frifelt, 1979; Cleuziou, Costantini, 1980). Налицо и монументаль-

ное строительство, представленное храмовыми комплексами Барбара (Mortensen, 1970). Клады, включающие высокохудожественные предметы, свидетельствуют о накоплении богатств, а глиптика — об использовании культурных эталонов Южного Двуречья. Вместе с тем в культуре налицо и связи с общинами Юго-Восточного Ирана. Нет сомнений, что своим подъемом общины Персидского залива обязаны развитию многоступенчатой торговли как в предхарраппское, так и особенно в харраппское время (см. ниже, с. 200). Недаром здесь сложился даже синтетический тип глиптики — так называемые печати Персидского залива, сочетающие месопотамскую и харраппскую традиции. Не менее показателен и постепенный упадок этих поселений после дезинтеграции Харappy и резкого сокращения или даже прекращения связей между этими двумя великими цивилизациями Древнего Востока.

Для Северо-Восточного Ирана явления новой эпохи нашли отражение в материалах таких памятников, как Тепе-Гисар, Шах-тепе (Arne, 1945) и Тюренг-тепе. Поселение Гисар, как мы видели, первоначально представляло собой поселок общины носителей сиалковской культуры, продвинувшейся к северо-востоку от своей метрополии. В этом отношении показательно, что набор мотивов в росписи посуды Гисара хотя и повторяет орнаментацию керамики Сиалка, но в целом много беднее и ограниченнее. В дальнейшем происходит трансформация традиций Сиалка. В слое Гисар IIА появляются сероглиняные сосуды, постепенно вытесняющие в слое Гисар IIВ расписную керамику. Этот процесс положил начало формированию «культуры серой керамики», относительно происхождения и этнокультурной атрибуции которой до последнего времени высказываются самые различные суждения. Так, весьма популярно мнение о приходе нового «народа серой керамики», но оно едва ли может быть подкреплено детальным анализом археологического материала. Первые сероглиняные сосуды Гисара IIА повторяют те формы, которые существовали еще в пору Гисара I. Скорее всего, это указывает на совершенствование технологии гончарства и прежде всего обжига, что позволило получать задымленную, серую посуду. Вытеснение старых керамических традиций происходит не внезапно, а постепенно, и расписные сосуды, как правило, стоят рядом с серыми в одних и тех же могилах. Со временем вырабатываются и специфические формы серых сосудов, как например вазы на высокой ножке. Из других объектов Гисара II надо отметить разнообразные бронзовые изделия, в том числе булавки с биспиральной головкой, кинжалы с осевым ребром, многовитковые браслеты. Интересно каменное навершие булавы с длинной втулкой для одевания на древко. Печати с ушками изготавливаются как из камня, так и из бронзы. Судя по разнообразию погребального инвентаря, в обществе происходит определенная дифференциация, нашедшая отражение в появлении более богатых наборов заупокойных приношений. Так, в одной могиле помимо традиционных керамических сосудов было найдено ожерелье из бус, браслеты, две печати и медная булавка. В другом погребении некерамический инвентарь еще в большей мере отвечает представлениям о состоятельности: помимо медной печати здесь представлены серебряные серьги и серебряная подвеска.

Эти явления получили дальнейшее выразительное развитие в комплексе Гисар III, который по специфическим признакам можно выделить в особую археологическую культуру (рис. 34). Для культуры Гисар III характерна серая керамика, часто украшенная орнаментом, нанесенным лощением; разнообразные сосуды со сливами, вазы и кубки на подставках; перегородчатые бронзовые печати с ушком; бронзовые копья с осевым ребром и четырехгранные штыки; прикрепление этих изделий к рукоятке при помощи загнутого черешка с набалдашником; бронзовые жезлы с навершиями в виде животных и многофигурных композиций. Абсолютная хронология Гисара неоднократно была предметом разного рода дискуссий. В настоящее время возобла-

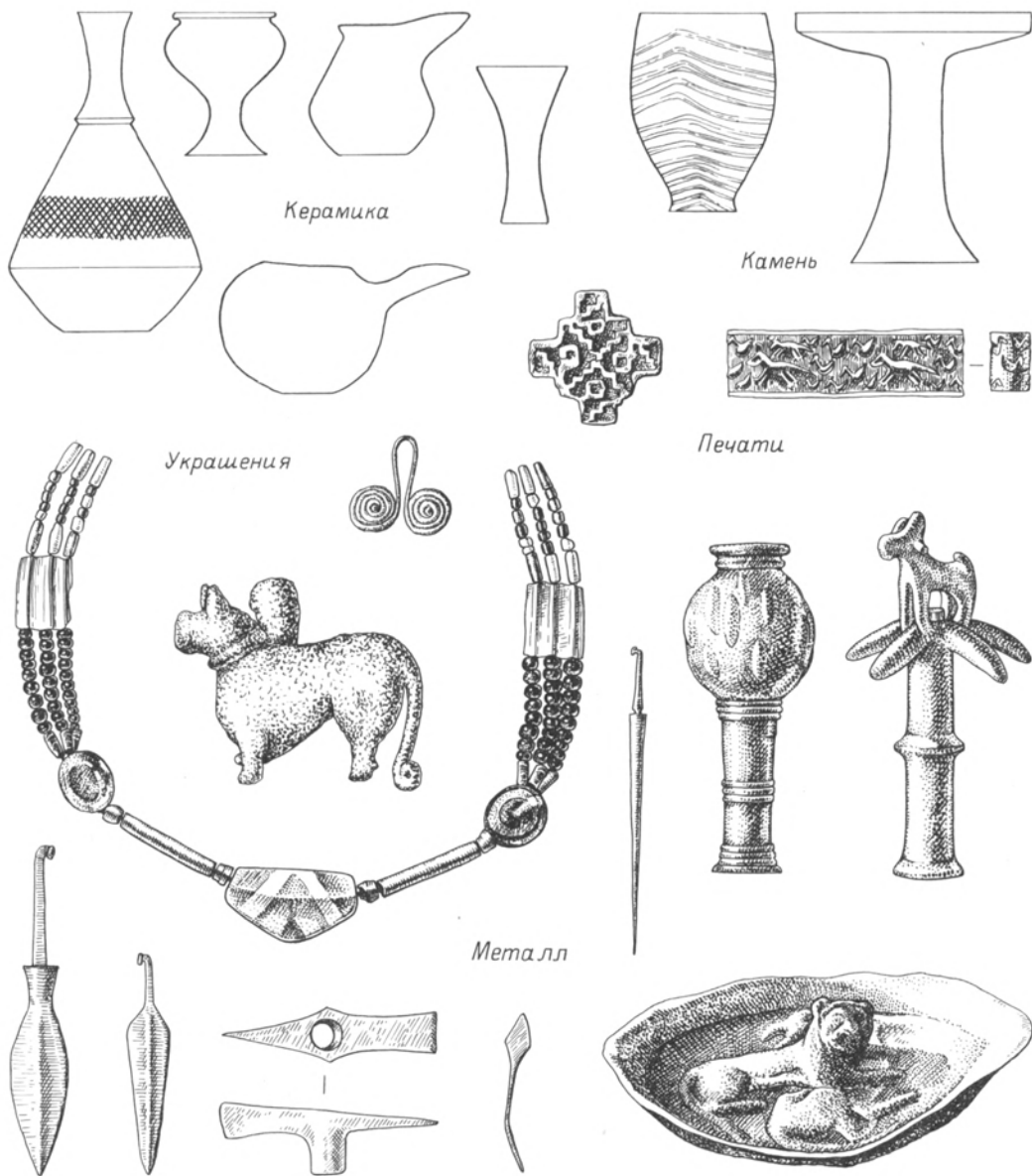

Рис. 34. Комплекс Гисар III.

дала точка зрения о длинной хронологии, помещающая Гисар III во вторую половину III тыс. до н. э. (Bovington а. о., 1974) с возможным отнесением наиболее поздних комплексов (Гисар III С) к самому началу II тыс. до н. э. (Dyson, 1965a). Само Тепе-Гисар расположено у южного подножья Эльбруса, но памятники этого круга широко распространены и севернее, в Юго-Восточном Прикаспии, особенно в долине Гюргена (Шах-тепе, Тюренг-тепе). Частично они заходят и в горные районы Западного Туркменистана, где граничат с культурой типа Алтын-депе, характеризующейся зеленовато-белой керамикой. Судя по разведкам, проведенным в районе Мешхеда, эта область также лежит вне зоны «серой керамики», тяготея в культурном отношении к Алтын-депе.

Структура самого поселения Гисар исследована недостаточно. Помимо обычных для раннеземледельческих поселков многоквартирных домов, разделенных узкими проулками, здесь имелся отдельно расположенный комплекс, известный под названием «сгоревшего здания». Действительно, обгорелые стены и ценные находки, сохранившиеся на полу, позволяют предполагать его гибель в катастрофической ситуации. Общая площадь здания около 250 м, и его наружные стены отличаются значительной толщиной. Высказывалось мнение, что перед нами резиденция светского правителя, но, судя по исследованию, проведенному в 70-е гг. американской экспедицией Р. Дайсона, это была культовая постройка (Дайсон, 1986). Среди многочисленных могил поры Гисар III выделяются погребения, содержащие значительное число дорогих и неординарных предметов. Такова, например, «могила танцовщицы», где много различных изделий из бронзы и серебра — сосуды, корочки, кольца, серьги и подвески. Богатые ожерелья составляли бусы из серебра, бирюзы и лазурита, причем в числе последних были и бусы, выточенные в виде головок быков. В могиле «молодого воина» помимо трех керамических сосудов находились бусы, сосуд, выточенный из алебаstra, бронзовый жезл с изображением козла, стоящего на многоконечной звезде, и четыре бронзовых кинжала. Судя по всему, таким образом отражалось выделение состоятельной верхушки, включающей жрецов, разного рода вождей и глав общинных коллективов, противопоставляющих себя рядовым соплеменникам. О накоплении богатств свидетельствуют и клады, содержащие алебастровые сосуды, каменные культовые изделия (колонки, диски с ручкой), оружие, включая церемониальное из золота и серебра, медные сосуды и различные золотые изделия, в том числе вырезанные из плоских листов головы муфлон, нашивавшиеся на материя или прикреплявшиеся на какую-то иную поверхность, о чем свидетельствуют небольшие отверстия для нитей или гвоздей. К этому кругу явлений относится и найденный в начале XIX в. на Тюренг-тепе так называемый астрабадский клад, состоящий из золотых, бронзовых и каменных изделий. Среди входивших в его состав предметов выделяются два золотых сосуда с изображением на одном орлов, на другом людей в коротких юбочках, аналогичных одеждам жителей Шумера и Элама (Rostovzeff, 1919). Само поселение Тюренг-тепе было крупным центром — оно имело в длину около 700 м, высота главного холма 34 м (Wulsin, 1933; Deshayes, 1963, 1974). Судя по проведенным раскопкам, этот центральный холм путем дополнительной кладки из сырцового кирпича был оформлен наподобие платформы для монументального здания (Deshayes, 1975). Как и в Гисаре, здесь обнаружены богатые могилы вооруженных воинов. Функция военного вождя способствовала институализации светской власти. Скорее всего, Тюренг-тепе — поселение протогородского и раннегородского типа, своеобразная столица гюргенских племен.

Развитие производств культуры Гисара свидетельствует о значительном техническом прогрессе и дифференциации специализированных отраслей, обслуживающих возрастающие потребности различных слоев общества. Тонкостенная сероглиняная керамика, иногда с матово-черной поверхностью, отличается богатством и разнообразием форм. Особенно выразительны изящные графини с налепным валиком в основании горла, украшенные орнаментом, нанесенным лощением, и шаровидные сосуды с длинным носиком, завершающимся клювовидным сливом. Эту популярную форму древние мастера повторяли в камне и бронзе. Вместе с тем значительная часть сосудов Гисара при превосходном обжиге изготовлена без помощи гончарного круга, что, однако, не сказалось заметным образом на четкости отточенных форм. Производство керамики давало массовую продукцию, обслуживавшую всех членов общества. В качестве дорогих, престижных изделий фигурировали сосуды, выточенные из мраморовидного известняка или сделанные из бронзы,

серебра и золота. Недаром именно они встречаются в составе кладов и в инвентаре богатых погребений. Металлургия и обработка металлов получила, особенно на самом Гисаре, необычайно широкое распространение. При обследовании памятника в 70-е гг. на нем повсеместно были обнаружены следы бронзолитейного производства и прежде всего огромное количество шлаков. Возможно, своим процветанием Гисар был во многом обязан бронзообрабатывающим ремеслам. В частности, поэтому в гисарских погребениях изделия из бронзы помещались с расточительной щедростью. Специализированным производством безусловно было изготовление оружия. Здесь был выработан особый прием крепления бронзовых частей к основному древку при помощи черешка, загнутого под прямым углом и расклепанного на конце. Наконечники копий и кинжалы имеют высокое ребро, проходящее по оси. Довольно часто встречаются так называемые штыки и фигурные навершия булав. Выразительны произведения торевтики, к числу которых помимо жезлов и зооморфных подвесок относится плоское серебряное блюдо с рельефной фигурой льва, покоящегося на поверженном быке. Большого мастерства достигли и ювелиры, создававшие сложные наборные ожерелья из бус, выполненных из золота и различных полудрагоценных камней. Наряду с традиционными бронзовыми печатями с петелькой имеются печати цилиндрической формы как привозные, так, вероятно, и местного производства. На одной из них изображена двухколесная колесница. Навершие бронзового жезла воспроизводит сцену пахоты при помощи бычьей запряжки, что подтверждает широкое использование тягловой силы животных. Многочисленны на Гисаре разнообразные фигурки животных, сделанные из бронзы или выточенные из алебаstra. В широких масштабах производилась обработка лазурита, поступавшего сюда в виде полуфабриката (Vulgarelli, 1979). Вместе с тем несколько неожиданно для памятников этого круга ограниченное число женских статуэток, представленных лишь грубоватыми идолами из камня или металла, что, видимо, составляло одну из специфических черт локального варианта культуры, существовавшей на Гисаре. На Тюренг-тепе, наоборот, известны превосходные терракотовые фигурки стоящих женщин с множеством браслетов на руках и ногах. Как правило, их руки расставлены в стороны, но на одной из статуэток поддерживают грудь. Богатая и разнообразная материальная культура свидетельствует о высоком уровне развития общества Северо-Восточного Ирана во второй половине III — начале II тыс. до н. э. Здесь явно локализуется один из центров протогородской цивилизации, формирующейся в это время в различных областях Иранского плато.

Другой такой центр был изучен на востоке Ирана в Сеистане в районе дельты р. Гильменд, чьи разливы послужили благоприятной средой для развития орошаемого земледелия. Здесь расположен целый ряд небольших раннеземледельческих поселков, среди которых выделяется размерами и богатством культуры городище Шахри-Сохте, бывшее в древности столицей всего оазиса (Tosi, 1968, 1969, 1983; Тоси, 1971; Удеумурадов, 1985). Его нижние слои, относящиеся к концу IV — началу III тыс. до н. э. рисуют сложную картину заселения этого района различными племенными группами. Основная масса расписной керамики слоев Шахри-Сохте I аналогична посуде, изготавливавшейся в это время племенами Северного Белуджистана. Вместе с тем от 20 до 30 % керамики составляют образцы, идентичные расписной посуде общин Южного Туркменистана. Близки к южнотуркменским образцам и женские статуэтки. Очевидно, в пору освоения дельты Гильменда сюда проникли группы населения, различные по своему происхождению, что нашло отражение в симбиозе культурных традиций. находка таблички с протоэламским текстом и цилиндрических печатей указывает и на далекие западные связи. Сами печати и их оттиски позволяют ставить вопрос о существовании особой школы глиптики, которую П. Амье предложил назвать восточной протоэлам-

ской (Amiet, 1986, p. 115). Во втором периоде, приходящемся в основном на первую половину III тыс. до н. э., разностильность расписной керамики сменяется устойчивым единообразием керамической продукции. Глиняная посуда начинает изготавливаться с помощью гончарного круга, что приводит к появлению сосудов реберчатых форм. Поселение занимает площадь около 80 га и тесно застраивается домами, состоящими из 6—10 комнат общей площадью от 90 до 150 м². Жилые массивы разделяли улицы шириной до 2 м. Отмечена обработка лазурита, для дальнейшей транспортировки которого на запад Шахри-Сохте, видимо, служило не только перевалочным пунктом, но и центром первичной обработки. В период Шахри-Сохте III, в основном синхронном Гисару III и приходящемся на вторую половину III тыс. до н. э., кроме, быть может, последнего его столетия, крупный центр городского облика явно переживает пору наивысшего расцвета. Глиняная посуда стандартных форм сравнительно редко покрывается расписным орнаментом. Ее производство сосредоточено на специальных участках, где теснятся несколько десятков двухъярусных горнов. Такое обособление ремесленных кварталов является выразительным подтверждением выделения ремесел в самостоятельные специализированные отрасли производства. Многочисленны металлические печати с петелькой на обратной стороне. Воспроизведенные на них рисунки известны как по самим печатям, так и по оттискам на глине. Сюжеты по сравнению с печатями культуры Гисара более разнообразны: помимо геометрических и растительных мотивов здесь много различных животных, есть и изображения людей. В конце периода намечается некоторый упадок, обжитая площадь Шахри-Сохте сокращается. На заключительных фазах развития, в конце III—начале II тыс. до н. э., она составляет всего 5 га. Специфической особенностью культуры Шахри-Сохте является традиция устройства погребений в могилах с боковым подбоем или катакомбой в сопровождении многочисленной керамики. Преобладают одиночные захоронения как в простых могильных ямах, так и в катакомбах, но встречены также парные и коллективные захоронения. Некрополь образует особую структурную единицу городского организма, занимавшую площадь около 20 га. Интересной особенностью погребального обряда является наличие катакомбных захоронений. Налицо и значительные различия в погребальном инвентаре, отражающие социальную стратификацию древнего общества. Так, в большинстве могил встречено 2—3 сосуда, тогда как в отдельных гробницах их число достигает 40, не говоря уже о ценных или редких объектах — сосудах с полихромной росписью, сосудах явно импортного белуджистанского происхождения, бус из золота и полудрагоценных камней, каменных сосудов и серебряных изделий (Piragno, 1979). Нерасписная посуда с зеленоватой-белой поверхностью в ряде отношений напоминает керамику южнотуркменистанской культуры Алтын-депе. Среди раскопанных строений выделяется массивное здание, занимавшее площадь около 500 м² и, возможно, представлявшее собой дом одного из членов городской верхушки. Так, дифференциация социального статуса и состоятельности ведет к дифференциации образа жизни, стратификация общества закрепляется в культурных эталонах и нормативах.

Если в Шахри-Сохте заметны воздействия соседнего Белуджистана и даже Южного Туркменистана, то в более западном Кермане доминируют западные, в том числе эламские влияния. Нижние слои расположенных здесь поселений Тали-Иблис (Caldwell, 1967; Sarraf, 1980) и Тепе-Яхья рисуют картину постепенного развития раннеземледельческих общин, изготавливавших расписную керамику. В Тали-Иблис весьма рано, еще в V тыс. до н. э. отмечена выплавка меди, что стимулировалось наличием поблизости источников медной руды. Как свидетельствуют материалы небольшого поселения Яхья-тепе, с конца IV тыс. до н. э. отмечается активное развитие специализированных

производств и усиление эламского влияния (слои IVA, IVB). Слой IVB отмечен следами активной деятельности по изготовлению из стеатита сосудов с художественными рельефами. Этот вид изделий получил широкое распространение на всем Ближнем Востоке, и, судя по находкам, Яхья-тепе было важным центром их изготовления (Khol, 1979). Таблички с протоэламскими текстами из слоя Яхья IVС, где имеются как сами тексты, так и заготовки для их нанесения (Lamberg-Karlovsky, 1972; Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973) свидетельствуют, что, как и в Сиалке, эламский культурный комплекс утверждается на поселении местных оседлоземледельческих общин, частично сменяя, частично ассимилируя местные традиции.

Судя по сделанным находкам, важным центром Кермана, возможно его столицей наподобие сеистанского Шахри-Сохте, был Шахдад, откуда происходят интересные объекты художественной культуры, главным образом из могильника (Hakemi, 1972; Amiet, 1976; Salvatori, Vidal, 1982). Здесь обнаружены резные каменные изделия, в том числе цилиндрические печати и разного рода коробочки, имеются и выточенные из камня скульптуры. Обилие кремневых сверл говорит о местном производстве большинства предметов. На ранних этапах в Шахдаде налицо безусловно прямое воздействие протоэламских эталонов, хотя в целом комплекс сохраняет черты глубокой самобытности. Со второй половины III тыс. до н. э. наблюдается явный подъем культуры, резко увеличивается число художественных изделий, использующих на селективной основе месопотамские и эламские модели, в некрополе представлены портретные статуи. Ряд особенностей изделий торевтики, а также перегородчатые бронзовые печати имеют прямые аналогии в материалах юга Средней Азии и Северного Афганистана, что заставляет предполагать вхождение в это время района Шахдада в культурный ареал протобактрийского блока культур древневосточного типа (см. ниже, с. 175).

Более ограничены данные о развитии в этот период северо-западных областей Ирана, где несомненно стимулирующее воздействие на военное дело и становление политической власти оказывала военно-торговая экспансия со стороны государств соседней Месопотамии. Наличие здесь крупных центров городского типа в первой половине II тыс. до н. э. не вызывает сомнений. Так, поселение Годин III занимало площадь около 15 га, имело солидные укрепления и монументальное строение, возможно дворцового характера. Раскопана сложенная из камня гробница с двумя захоронениями. В приурмийском районе относящийся к этому времени комплекс типа Хасанлу VI помимо самого Хасанлу исследован еще на одном памятнике — Динха-тепе. Там раскопано массивное здание, явно принадлежащее к числу памятников монументальной архитектуры. В одной из каменных гробниц коллективное погребение сопровождали золотые и серебряные украшения и бронзовый меч. В керамическом комплексе представлена сделанная на гончарном круге расписная посуда и серая керамика. В ней, правда, ощущается сильное влияние западных образцов — керамики хабурского типа.

Таким образом, в III—начале II тыс. до н. э. между Шумером и Эламом, с одной стороны, и хараппской цивилизацией долины Инда, с другой — складывается целая зона протогородских цивилизаций, нередко использующих культурные достижения двух ведущих центров. Формирование этих цивилизаций как социально-экономическое явление было закономерным следствием спонтанной трансформации, истоки которой восходят к эпохе архаических земледельцев, первыми пришедших к новому образу жизни и создавших культурный и хозяйственный комплекс, потенциально содержащий многие предпосылки последующего прогресса. Вместе с тем возникновение и активная экспансия шумерской, а затем и протоэламской цивилизации не могли не оказать свое стимулирующее воздействие уже на ранних этапах вплоть до середины III тыс. до н. э. Правда, в это время в далеком тылу иранских

общин сложился мощный своеобразный культурный комплекс, известный как геоксюрский (см. ниже, с. 149), на особую роль которого как хронологического эквивалента протоэламской экспансии обратили внимание еще М. Тоси и К. Ламберг-Карловский (Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973). Формирование урбанизированных культур второй половины III—начала II тыс. до н. э. также не обошлось без селективного использования художественных и идеологических эталонов Месопотамии и Элама, причем зачастую весьма архаических по своему облику, как показала уже первая находка подобного рода — астрабадский клад. Этот новый виток симбиоза спонтанной и стимулированной трансформации дал блестящие достижения в сфере культуры, приведя, в частности, к формированию особой школы древневосточной торевтики, наиболее полно исследованной П. Амье (Amiet, 1986). В широком плане ее можно именовать протобактрийской. Однако блестящее развитие было несколько неожиданно прервано уже во II тыс. до н. э., и археологи, типологический метод которых естественным образом ведет к эволюционному мышлению, с трудом находят в последующих культурах цепочки генетических соответствий.

Первое выдвинутое объяснение — вторжение неких племен, разрушивших эти древние центры культуры, так же как и хараппскую цивилизацию долины Инда (например, Wheeler, 1959). Однако следы разгрома, подобные «сгоревшему зданию» Тепе-Гисара, есть далеко не везде. Более того, как показало изучение сходных культур юга Средней Азии, в первой половине II тыс. до н. э. имело место наряду с запустением традиционных центров, и в частности Алтын-депе, также перемещение зон развития, освоение оседлоземледельческими общинами новых территорий в долине Мургаба и по среднему течению Амударьи. Видимо, следует говорить об определенном кризисе экономики, основанной на поливном земледелии (Массон, 1959). Толчком к нарушению сбалансированной хозяйственной системы могли быть различные факторы, например, климатические изменения. Исследования, проведенные на первобытных стоянках Кызылкумов, показывают, что в конце III—начале II тыс. до н. э. происходит изменение климатических условий, наступает ксеротермический максимум, пересыхают многие водные источники (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 234—255). Наступление аридной фазы после периода увлажнения, имевшего место между 3000 и 1800 гг. до н. э., отмечается и в долине Инда (см. ниже, с. 195). Не исключено, что эти процессы повлияли на изменение культурно-исторической карты Иранского нагорья в первой половине II тыс. до н. э., замедлили процессы развития раннеклассового общества и государства, происходившие в среде протогородских цивилизаций.

Во всяком случае, с середины II тыс. до н. э. в культуре племен древнего Ирана происходят заметные изменения. Начинается третья большая эпоха, освещенная археологическими памятниками древнего Ирана, заканчивающаяся в VII—VI вв. до н. э. с образованием мидийского, а затем ахеменидского государств, когда система классовых отношений распространяется на всю территорию страны (Дандамаев, Луконин, 1980). В период середины II—начала I тыс. до н. э. решающее воздействие на культурный процесс, отражаемый в археологических комплексах, оказывают два фактора. Первый — это распад древних протогородских цивилизаций типа Гисара и Шахри-Сохте и формирование как бы заново классовых отношений и государственности, ускорявшееся на западных окраинах военно-политическим взаимодействием государств Передней Азии — Митанни, а затем Ассирии. Второй фактор — это распространение, особенно в северных областях, комплексов, оставленных культурами вооруженных всадников, в среде которых происходит обособление знати, обладавшей заметными богатствами, частично помещавшимися в гробницы.

Материалы этого времени, обычно богатые и выразительные, известны в большинстве случаев по вещам, происходящим из любительских, а порой и прямо грабительских раскопок, и количество памятников, изученных на современном методическом уровне, не так уж велико. Так, в могильнике Хурвин, расположенном в 80 км к северо-западу от Тегерана, из многих десятков могил лишь несколько раскопаны под наблюдением археологов (Vanden Berghe, 1964). Этот памятник, относящийся к XIII—XI вв. до н. э., — один из эталонных для данного периода. Захоронения совершались в ямах, обложенных камнями, погребенные лежат на боку в скорченном положении. Типична серая и красная нерасписная керамика, причем характерными формами являются одноручные кувшины, сосуды с носиком, заканчивающимся клювовидным сливом, чаши на трех ножках (триподы). Из бронзовых изделий можно отметить кинжалы и зеркала. Имеются также бронзовые и терракотовые фигурки, изображающие вооруженных воинов. Сероглиняная посуда Хурвина явно развивает керамические традиции культуры типа Гисар III.

Целый ряд богатейших некрополей исследован в Южном Прикаспии, на территории современной провинции Гилян (Negahban, 1964). Из них наибольшую известность приобрел могильник Марлик. Большинство располагавшихся здесь гробниц сложено из сланцевых плит и булыжников и имеет размеры около 3×5 м. Известны и квадратные каменные ящики, образованные массивными плитами размером 3×3 м. Иногда к основной гробнице примыкает каменный ящик размером 1×2 м с остатками конского скелета и конской сбруи (главным образом удила). Красная и черная керамика в принципе варьирует формы, известные по материалам Хурвина, но имеются и зооморфные и антропоморфные сосуды. Выразителен сосуд в виде быка, нос которого переходит в слив, а в ушах висят две золотые подвески. Характерно большое количество бронзового оружия — копий, стрел, мечей, кинжалов и булав. Интересны бронзовые фигурки зверей, в том числе быков в упряжке и людей, преимущественно вооруженных воинов. Найдена модель колесницы, представляющей собой пароконную упряжку, на которой стоит вооруженный возничий. Некрополь Марлик выделяется обилием произведений торевтики, преимущественно золотых сосудов. Для них характерна чеканка с оборота, дававшая высокий и низкий рельеф и подчеркивание мускулов изображаемых персонажей круглыми пунсонами. Рельефы золотых сосудов, как правило, воспроизводят сложные сцены, в которых отразились мотивы, заимствованные из искусства Месопотамии в основном, видимо, из Ассирии (крылатые быки, грифоны, древо жизни). Вместе с тем отдельные сцены ряд исследователей склонен интерпретировать, исходя из сюжетов, представленных в древнеиранской мифологии, нашедшей отражение в Авесте (Курочкин, 1974, с. 34—47). Имеются в Марлике цилиндрические печати как импортные (митанийские XV—XI вв. до н. э., ассирийские XII—IX вв. до н. э.), так и местные, изготовлявшиеся из гипса и золота. По поводу датировки Марлика высказывались различные суждения. Очевидно, в целом он близок по времени к Хурвину или немного позднее этого могильника.

Другой могильник этого круга — Калураз также расположен в Гиляне и объединяет погребения в каменных ящиках. Здесь, как и в Марлике, имеется черно-серая и красная керамика и многочисленное оружие — кинжалы, мечи, копья, топоры, стрелы. Характерны части конской упряжи, ювелирные изделия, серебряные и золотые сосуды с рельефами, принадлежащие в основном к той же художественной школе, что и предметы торевтики из Марлика. Определенным своеобразием для рассматриваемого времени отличается культура центральных районов Ирана, известная по раскопкам двух могильников в Сиалке. Один из них — некрополь Сиалк А содержит захоронения в ямах в сопровождении черно-серой и оранжево-желтой керамики. Чаши на трех

ножках и сосуды с носиками переключаются с материалами Хурвина. Вместе с бронзовыми изделиями в инвентаре захоронений имеются и отдельные предметы из железа, что позволяет относить некрополь к самому концу II тыс. до н. э., а может быть, частично и к началу I тыс. до н. э. Второй могильник — Сиалк В датируется IX—VII вв. до н. э.; здесь захоронения совершались в каменных ящиках, имевших двускатное перекрытие. Наряду с черно-серой керамикой появляются и расписные сосуды, в частности с длинными носиками-сливами. Показательно, что на ряде сосудов в росписи представлены фигуры коней. В самих могилах наряду с бронзовым и серебряным оружием имеются и конские удила.

В принципе комплексы с теми же составляющими элементами — могильники с каменными гробницами, конская упряжь, боевое оружие, художественный металл — характерны и для Луристана последней трети II тыс. до н. э. Здесь могильники почти полностью разграблены кладоискателями, огромное число художественных изделий луристанской бронзы поступило на антикварные рынки и рассеялось по частным коллекциям (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 64—67). Находки серой или черной керамики здесь незначительны, что указывает на особую культурную провинцию, а скорее всего, и на особую археологическую культуру. К числу художественных изделий из бронзы принадлежат предметы вооружения, конские псалии, ритуальные топоры, украшенные литыми фигурами животных, вотивные предметы. Наряду с реальными животными широко представлены фантастические существа, монстры, сочетающие признаки разных зверей. Имеются антропоморфные фигурки и так называемые демоны. Броская выразительность луристанских бронз, отдельные сюжеты и манера трактовки фигур животных в ряде отношений как бы превосходят скифский звериный стиль. Специфическим типом луристанского оружия являются кинжалы, имевшие плоскую рукоять с закраинами, которая инкрустировалась костью или другими материалами.

Если выше перечислялись главным образом могильники, то культура Северо-Западного Ирана поры поздней бронзы и раннего железа известна преимущественно по раскопкам поселений (Dyson, 1969). В Хасанлу слои V—IV содержат значительное количество серо-черной и красной керамики, характеризующей период последней трети II—начала I тыс. до н. э. Само Хасанлу в это время представляло собой центр городского типа с овальной в плане цитаделью, стены которой укреплены башнями. Раскопаны монументальные двухэтажные строения, видимо представлявшие собой часть дворцового комплекса и погибшие в условиях катастрофы, вызвавшей пожар и обвал сводов. В ходе раскопок найдено значительное количество ценных изделий из бронзы, слоновой кости, золота и египетской пасты. Эффектной находкой является золотая ваза с рельефами, принадлежащая к тому же кругу художественных изделий, что и золотые сосуды Марлика и Калураза. Предполагается, что сама ваза относится к XII—XI вв. до н. э. и длительное время хранилась в сокровищнице как культовый объект. Действительно, около чаши были обнаружены скелеты трех воинов, вооруженных парадным, позолоченным оружием, которые, видимо, пытались спасти священный предмет в минуту опасности. Слой Хасанлу III относится к 800—650 гг. до н. э. и характеризуется появлением расписной керамики. Предполагается, что в это время Хасанлу было столицей или во всяком случае важным центром государства Манна.

Интерпретации этих бесспорно очень интересных и важных материалов посвящена значительная литература (Young, 1965, 1985). Наибольшее распространение получила концепция Р. Дайсона—Т. Кайлера Янга, выделявших три периода железного века (ЖВ I, II, III). По этой периодизации для ЖВ I (1300—1000 гг. до н. э.) характерна черно-серая керамика наряду

с темно-желтой и единичной расписной; в период ЖВІІ (1000—800 гг. до н. э.) наряду с черно-серой посудой все больше используется расписная, а в ЖВІІІ (800—550 гг. до н. э.) серо-черная керамика исчезает и преобладает темно-желтая и красная посуда. Исследователи полагали, что наступление периода ЖВІ означало смену населения и прямо сопоставляли эту смену с распространением ираноязычных племен, основавших позднее мидийскую и ахеменидскую державы. Могильники с каменными ящиками, принадлежащие конным воинам, рассматривались в этом контексте как памятники, оставленные именно ираноязычным населением. Крайней формой проявления подобных взглядов является утверждение одного из иранских авторов о существовании в конце ІІ—начале І тыс. до н. э. мощного древнеиранского государства, правящей династии которого якобы принадлежал «царский» могильник Марлика. Критикуя подобные взгляды, советские исследователи справедливо указывали на отсутствие монолитного культурного единства в северных и западных районах Ирана этого периода (Медведская, 1978). Подобного единства трудно ожидать для этапа, когда явно налицо, как свидетельствуют в частности археологические материалы, сложные процессы культурной ассимиляции и синтеза. Однако сам факт широкого распространения комплексов, оставленных вооруженными колесничими и всадниками при всех естественных локальных различиях, проявляющихся прежде всего в глиняной посуде и в меньшей мере в наборе типов вооружения, не вызывает сомнений. Богатые гробницы принадлежали военным предводителям, концентрировавшим в своих руках различного рода ценности. Эти гробницы военных лидеров и вождей-жрецов — яркое свидетельство резкой социальной дифференциации общества, хотя некоторые исследователи несколько поспешно объявляют их царскими. В процессах, явно идущих по пути классообразования, важную роль играет военный фактор, что отличает третий период от более ранней эпохи становления протгородских цивилизаций и стадияльно напоминает ситуацию, сложившуюся в Малой Азии в ІІІ тыс. до н. э. Связь многочисленных культурных инноваций также и с расселением различных групп ираноязычного населения остается весьма вероятным предположением. Разумеется, восстановление конкретной картины этих процессов требует дальнейших разработок. Тем более что почти повсеместно на археологических комплексах заметно сказались местные культурные традиции. Таков в северных областях исходный пласт «культуры серой керамики», столь выразительно представленной для средней бронзы комплексом Гисар ІІІ.

На фундаменте культурных традиций поздней бронзы и раннего железа складываются цивилизации Мидии и ахеменидской державы. При общей спонтанной трансформации как генеральной направленности культурогенеза мы, выходя на конкретно-исторический уровень, видим не упрощенную модель однолинейной эволюции, а сложный диалектический процесс. Явления заторможенности и определенной культурной дезинтеграции, отмечаемые на рубеже ІІІ и ІІ тыс. до н. э., затронули ряд основных очагов, где происходило становление местных протгородских цивилизаций. По существу лишь эламская цивилизация, надежно интегрированная в систему классовых обществ и государств Передней Азии, оказалась вне рамок регрессивных явлений, охвативших огромную территорию от Загроса до Инда.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Для природных условий Средней Азии характерно наличие двух крупных типов ландшафтов — пустынь и полупустынь и горных областей. Из пустынь наиболее значительными являются Каракумы и Кызылкумы, характеризующиеся малым количеством осадков и в южных районах субтропическим климатом. Крупные водные артерии — Амударья и Сырдарья имеют водный режим с быстрым течением, затрудняющим их использование для орошения в условиях низкой технической вооруженности. В ряде случаев относительно крупные реки кончаются слепыми дельтами в каракумской пустыне (Мургаб, Теджен-Герируд). Южную границу каракумской пустыни образует Копет-Даг, представляющий собой одно из звеньев Туркмено-Хорасанских гор. Высотные отметки Копет-Дага невелики, с его склонов на подгорную равнину сбегает небольшие водотоки, как постоянные, так и временные. Во влажных ущельях имеется богатая древесная растительность, в том числе орех и дикие плодовые, например слива. Горные массивы (Тянь-Шань, Памир) характеризуются вытянутостью хребтов в широтном направлении и наличием вершин, достигающих значительной высоты. Из лесовых долин выделяется Ферганская, где почвы и климат при наличии достаточной водообеспеченности весьма благоприятны для развития земледелия, хотя центр ее занят пустынными ландшафтами. Западной границей Памира является Западно-Таджикистанская, или Таджикско-Афганская, депрессия. Расположенные здесь плодородные долины правых притоков Амударьи — Сурхандарьи, Вахша и Кафирнигана защищены горными массивами от проникновения масс холодного воздуха с севера.

Древнейшие оседлоземледельческие культуры Средней Азии складывались на юго-западе региона, на северной подгорной равнине Копет-Дага. Это было обусловлено двумя факторами — благоприятными условиями для развития мелкооазисного земледелия и давними тесными связями между культурами Передней Азии и Ирана, бывшими, как мы видели, древнейшими очагами злакового земледелия на земном шаре. Изучение раннеземледельческих памятников Южного Туркменистана началось еще в XIX в. с любительских раскопок северного холма Анау под Ашхабадом (Джуракулов, 1964). В 1904 г. на Анау были произведены раскопки американской экспедицией, опубликовавшей полученные материалы в двух томах, что принесло памятнику широкую известность (Pumpelly, 1908). Эти материалы, несмотря на низкий методический и методологический уровень обработки, долгое время оставались в мировой науке основными источниками для изучения раннеземледельческих культур Средней Азии. В 30-е гг. ашхабадскими археологами были проведены разведки, выявившие целый ряд новых памятников, но раскопки на древних поселениях практически не велись и полученные данные оставались неопубликованными. Решающий перелом в изучении древнеземледельческих культур Южного Туркменистана произошел в результате развертывания исследований Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (Литвинский, 1952; Массон М. Е., 1955). Наиболее важными были работы в 1952 г. под руководством Б. А. Куфтина, когда раскопками на крупнейшем центре древних культур Намазга-депе была установлена стратиграфическая последовательность комплексов Намазга I—VI, охватывающих почти всю эпоху энеолита и бронзового века (Куфтин, 1954; Массон, 1956). Систематическое исследование наиболее древних оседлоземледельческих комплексов производилось в 1955—1963 гг. совместными усилиями ЮТАКЭ и Ленинградского отделения

Института археологии АН СССР. В ходе исследований были произведены масштабные раскопки неолитического поселения Джейтун, поселений геоксурского оазиса, крупного центра эпохи энеолита Кара-депе, получившие широкое освещение в советской литературе и зарубежных изданиях (Masson, 1961; Masson, Sarianidi, 1972). Энеолитическим комплексам посвящены четыре выпуска «Свода археологических источников» (Массон, 1962; Хлопин, 1963, 1969; Сарияниди, 1965). Специально были рассмотрены связи южнотуркменистанских комплексов с культурами Ближнего Востока и историческая значимость вновь открытых памятников (Массон, 1964б).

В дальнейшем значительное внимание уделялось исследованию памятников бронзового века, особенно благодаря начавшимся в 1965 г. широким раскопкам поселения Алтын-депе (Массон, 1967). Эти работы позволили обоснованно поставить вопрос о развитии на прикопетдагской равнине цивилизации древневосточного типа (Массон, 1981а). Развертывание археологических работ на юге Средней Азии показало, что с этими древнейшими центрами были генетически связаны культуры II тыс. до н. э., открытые в долине Мургаба (Массон, 1959; Сарияниди, 1976; Масимов, 1979) и по среднему течению Амударьи как в Узбекистане (Аскарлов, 1973, 1977), так и в Афганистане (Сарияниди, 1977). В результате оказалось, что весь юг Средней Азии был весьма рано освоен оседлыми общинами с высокоразвитой культурой древневосточного облика. Выяснилось, что и ранние земледельцы не ограничивались территорией прикопетдагской равнины, но в пору максимального развития предприняли усилия по освоению древней дельты Мургаба и достигли верхнего течения Зеравшана, где неподалеку от Пенджикента было открыто поселение Саразм с комплексом, типичным для позднего энеолита Южного Туркменистана (Исаков, 1986). Эти обширные и разнообразные материалы позволяют обоснованно ставить вопрос о Средней Азии, во всяком случае об ее южных областях, как самостоятельном очаге древних культур, где, как и в других регионах, происходил закономерный процесс развития от ранних земледельцев к первым цивилизациям.

В этом отношении показательно, что неолитическая джейтунская культура VI тыс. до н. э. Южного Туркменистана (см. выше, с. 44) была по своим основным параметрам типичным локальным проявлением этого раннеземледельческого пласта, который повсеместно в Передней Азии был исходным для дальнейшего развития по пути к цивилизации.

Именно джейтунская культура явилась фундаментом для последующей эволюции энеолитических комплексов раннеземледельческой культуры, получившей по эталонному памятнику наименование анауской. На грани между джейтунской и анауской культурами происходит качественная смена типов в разных категориях артефактов, позволяющая говорить о начале новой археологической культуры. Именно в рамках этой культуры имела место адаптивная модификация комплекса раннеземледельческого типа в данной природной среде (Массон, 1986б). Процесс начался еще в пору джейтунской культуры и развивался по мере освоения раннеземледельческими племенами подгорной равнины. В результате сложились устойчивые производственные и жизнеобеспечивающие подсистемы, а также в той мере, в какой это представлено материалами археологии, соционормативная система, с которой связаны погребальные обряды и ряд культов и ритуалов. В развитии анауской культурной традиции на ранних этапах доминировала спонтанная трансформация. Проявления стимулированной трансформации, компоненты которой генетически восходят к эламо-месопотамской среде, первоначально незначительны. Анауская культура прошла в своем развитии несколько стадий или периодов, различия между которыми нашли особенно яркое выражение в керамических наборах. Для определенных этапов могут быть выделены и территориальные, или локальные, варианты. Время существ-

ования анауской культуры в целом приходится на V—начало III тыс. до н. э. Наиболее ранним в свете этих последовательных комплексов является холм Анау IА, выделенный еще при раскопках нижних слоев северного холма Анау в 1904 г., что полностью подтвердилось последующими исследованиями (Ершов, 1956; Курбансохатов, 1983). Для него характерны небольшие дома, построенные из прямоугольного сырцового кирпича, конические терракотовые пряслица и медные изделия, существующие наряду с деградирующей кремневой индустрией. Памятники, содержащие слои этого типа, распространены в тех же районах, что и поселения джейтунской культуры. В одном случае слои с материалами типа Анау IА перекрывают джейтунские напластования (Монджуклы-депе). На значительной площади эти поселения раскопаны в районе Меана-Чаача (Бердыев, 1968, 1972). Мощность культурных напластований с материалами типа Анау IА колеблется от 3 до 4 м. Земледельческо-скотоводческое хозяйство в пору Анау IА развивало традиции, сложившиеся в период существования джейтунской культуры. Полуполивное земледелие базировалось на использовании паводковых вод подгорных речек и ручьев. В одном случае даже отмечен своеобразный потоп, когда культурные слои оказались разделенными полуметровым слоем глины (Лисицына, 1965, с. 152). Два поселения, исследованные в районе Меана-Чаача, — Монджуклы и Чакмаклы состоят из небольших однокомнатных домов, находящихся по обе стороны узкой улочки. Внутри домов имеются выступы, расположенные друг против друга и как бы делящие такой прямоугольный дом на две комнаты. В центре одного из поселений выделяется более крупный дом аналогичной планировки, но его пол и стены окрашены в красный цвет. Видимо, перед нами общинное святилище, повторяющее своей планировкой тип традиционного жилого дома. Из керамических форм характерны полусферические чаши, небольшие конические миски и горшки. Роспись производилась темно-бурой и темно-коричневой краской по красному или светлому фону. Преобладают сравнительно несложные геометрические композиции, образованные треугольными фигурами с сетчатым заполнением. Терракотовые статуэтки животных и конусовидные фишки продолжают традиции, сложившиеся еще в пору неолита. Важным нововведением явилась обработка металла, причем сразу же представлены такие совершенные технологические приемы, как литье в открытую форму,ковка плавленной меди и промежуточный обжиг (Терехова, 1975). Достаточно разнообразен и набор изделий из меди — шилья и четырехгранные орудия с заостренным концом, двулезвийные ножи и сравнительно крупный наконечник дротика. Совершенно ясно, что в это время на юге Средней Азии складывается металлургический очаг, работающий на привозном сырье, скорее всего, иранского происхождения.

В комплексе Анау IА наблюдается сочетание джейтунских неолитических традиций и ряд нововведений как технологических (металлургия, прядение при помощи конических пряслиц), так и культурных (новые типы в керамическом производстве, новый тип кремневой индустрии, заметно отличный от джейтунской). Есть основания полагать, что внедрение инноваций в местную культурную среду (ср. с. 25) было связано с продвижением племенных групп из областей Центрального Ирана, инкорпорировавших местное население в систему своих родовых общин. Это проявилось в частичном сохранении джейтунских культурных традиций (Массон, 1982ж, с. 19—20).

Постепенный прогресс оседлоземледельческой культуры шел рука об руку с освоением земледельческо-скотоводческими общинами новых территорий. В пору Намазга I происходит частичное заселение древней дельты Теджена и постепенно начинают проявляться некоторые локальные различия, особенно заметные в мотивах расписных узоров на глиняной посуде. Для комплекса типа Намазга I характерна керамика обычно с примесью в глине

мелкорубленной соломы и монохромной росписью крупными силуэтными треугольниками, медные булавки с шаровидной головкой и терракотовые статуэтки стоящих женщин. Культурные слои достигают значительной мощности — 7—10 м, но временные изменения с трудом улавливаются в культуре, традиционно повторяющей одни и те же стандарты и эталоны.

В земледелии и скотоводстве, доставлявших основную массу продуктов питания, наблюдаются некоторые локальные различия. Так, в Анау большую роль играло разведение свиней. На других памятниках предпочтение отдавалось овцам, что свидетельствует, по всей вероятности, о развитии скотоводства отгонного типа, типичного для полупустынных районов. Значительное место занимало и разведение крупного рогатого скота, из чего можно сделать вывод о наличии устойчивой кормовой базы, включая, видимо, использование продукции земледелия. В Анау была широко распространена охота на куланов, кости которых при обработке материалов экспедиции Р. Пампелли были ошибочно приняты за остатки лошади. Каменные кольца-утяжелители от палок-копалок указывают, что это архаическое землекопное орудие имело важное значение в хозяйственной деятельности южнотуркменских земледельцев.

Наряду с небольшими поселками, характерными еще для джейтунского неолита, появляются и более крупные центры, становившиеся пунктами концентрации населения. Так, обжитая территория времени Намазга I на Кара-депе у Артыка и на Намазга-депе имела не менее 10 га. Новые раскопки Анау показали, что вместе с небольшими прямоугольными домами существовали и круглые в плане строения, использовавшиеся, судя по их небольшим размерам, как подсобные хозяйственные помещения (Курбансохатов, 1983). Об общем характере небольших поселков дает представление полностью раскопанное Дашлыджи-депе, расположенное в древней дельте Теджена (Хлопин, 1961). Этот маленький бедный поселок не отличается высоким качеством своих сооружений, но среди лабиринта мелких и нередко косоугольных строений заметна их концентрация в несколько хозяйственно-жилых комплексов. Центром такого комплекса был небольшой однокомнатный жилой дом площадью от 6 до 12 м² с отопительным очагом. Возле домика располагался маленький двор с подсобными строениями и клетушками. Один из домов выделяется своими размерами (28.5 м²) и окраской пола сначала в красный, а затем черный цвет. Возможно, это строение принадлежало главе общины и выполняло также функции дома общих собраний — святилища. В других случаях дома подобного неординарного назначения декорировались еще более впечатляюще. Так, на Анау была обнаружена двухцветная стенная роспись, варьирующая геометрические элементы, характерные и для расписной керамики. На другом памятнике — Яссы-депе у Каахка раскопано святилище из двух смежных помещений. В одном из них располагался массивный очаг, а вдоль стен другого шла колоннада из деревянных столбов. Стены украшала яркая двухцветная роспись с инкрустацией из белых гипсовых вставок. Эти парадные строения как бы символизировали рост благосостояния и культуры ранних земледельцев Южного Туркменистана.

О распространении прикладного искусства свидетельствует и расписная керамика — почти 30 % глиняных сосудов украшается росписью черной краской по красному и светлому фону. Как правило, это крупные силуэтные геометрические фигуры, но встречается также мотив схематизированного дерева и рисунки козлов с закинутыми за спину крутыми рогами, а также других ближе не определимых копытных животных. В погребениях детей и взрослых все чаще встречаются различного рода украшения, главным образом бусы и подвески, причем бусы нередко образовывали целые ожерелья. Они вытачивались из различных пород камня, в том числе из бирюзы

и сердолика. Иногда, по-видимому, бусы нашивались на одежду. Широко были распространены фигурки животных из необожженной глины, в основном весьма схематичные. В некоторых, однако, с уверенностью можно опознать изображения козлов и быков. Терракотовые антропоморфные статуэтки воспроизводят стоящую женщину с подчеркнутой стеатопигией и украшены росписью, нанесенной коричневой краской. Такие статуэтки пышных матрон обнаружены при раскопках на Кара-депе и Намазга-депе. В восточных областях, как свидетельствуют терракоты, найденные на Дашлыджи, верхняя часть статуэток воспроизводилась более схематично. Пышные бедра этих фигурок сплошь покрыты круглыми вдавлениями.

Положение комплекса Намазга I в стратиграфической колонке южно-туркменских памятников достаточно определено. В материальной культуре здесь прослеживаются известные связи с комплексом Анау IA. Расписная керамика обнаруживает больше генетических связей с неолитической джейтунской посудой. Некоторые элементы росписи, в частности фризы из крупных контурных треугольников, имеют аналогии в керамике месопотамской Хассуны и комплекса Хаджи-фируз Северо-Восточного Ирана. Но в целом археологический комплекс Намазга I местный, среднеазиатский, сформировавшийся на основе культурных традиций джейтунской культуры и Анау IA.

Постепенно различия в культуре удаленных друг от друга памятников становятся более ощутимы, в рамках единой анауской культуры начинают формироваться локальные варианты. Заметно проявляется этот процесс в пору Намазга II. В это время для западной группы памятников характерна нарядная расписная керамика, украшенная дробными геометрическими орнаментами, выполненными в две краски — красным и черным (Анау, Кара-депе, Намазга-депе). На востоке, наоборот, роспись становится суше и упрощенной — преобладают прямые параллельные линии, идущие вдоль венчика (Алтын-депе, поселения геоксюрского оазиса), видимо, в этом нашли отражение черты этнокультурного обособления и формирования двух племенных групп.

При настоящем уровне знаний пока нет оснований говорить о заметных различиях в хозяйстве западной и восточной групп раннеземледельческих общин. Основными возделываемыми культурами были мягкая пшеница и двухрядный ячмень. Последнему, как и в древней Месопотамии, отдавалось явное предпочтение. Так, при раскопках Муллали-депе было обнаружено 2100 зерен ячменя и лишь 250 зерен пшеницы. На Алтын-депе в слоях этого времени отмечены находки карликовой пшеницы, мягкой пшеницы и ячменя двух видов: двухрядного и голозерного. Из лиманного и полуорошаемого земледелия постепенно превращается в поливное, дающее устойчивые урожаи. Это обстоятельство документально засвидетельствовано открытием древних водоемов в Геоксюрском оазисе (Лисицына, 1965). Палеозтнботаник З. В. Янушевич, изучавшая зерна ячменя поры Намазга II с поселения Алтын-депе, также пришла к выводу, что здесь практиковалось именно поливное земледелие (Янушевич, 1977, с. 169). Земледелие получает широкое распространение на прикопетдагской равнине в оазисах: почти повсеместно в почвенных профилях обнаруживается мощный реликтовый агроирригационный горизонт. Оно было надежной экономической основой всего культурного прогресса. Расширяется и круг домашних животных, вовлеченных в орбиту человеческой деятельности. Во всяком случае, по находкам на ряде памятников, в том числе на Анау, можно говорить о приручении двугорбого верблюда, центр доместикации которого, видимо, находился в районах Южного Туркменистана и примыкающих областей Восточного Ирана (Ермолова, 1976, 1983).

В западной группе памятников строения поры Намазга II лучше всего изучены в ходе раскопок, производившихся на Кара-депе (Массон, 1960а, 1962). Здесь располагались большие многокомнатные дома с четкой планировкой. В состав таких домов входили более крупные жилые комнаты, хозяйственные помещения, нередко облицованные фрагментами керамики, и внутренние дворики. В руины более ранних оловящих строений впущены погребения взрослых и подростков, совершавшиеся в овальных ямах, изредка обкладывавшихся кирпичом. Данные о строениях восточной группы памятников более разнообразны благодаря широким раскопкам небольших поселений геоксюрского оазиса (Хлопин, 1964, 1969). Так, на Ялангач-депе поселение имело обводную стену, в периметр которой были включены круглые в плане строения. Судя по культурному слою и наличию очагов, эти строения использовались в качестве жилищ. Имелись в пределах ограды и жилые дома прямоугольных очертаний. Центральное место в поселке занимал большой прямоугольный в плане дом с двухчастным очагом-подиумом, расположенным на невысокой платформе. Скорее всего, он был святилищем-домом общих собраний. Близкой оказалась планировка и другого поселения Муллали-депе, где также налицо обводная стена, круглоплановые дома и центральное святилище. Почти все эти элементы отмечены и на других памятниках геоксюрского оазиса, включая и его центр — поселение Геоксюр I. Наличие обводной стены установлено и на Алтын-депе, бывшего в это время уже крупным населенным центром.

Керамический комплекс времени Намазга II, как уже отмечалось, заметно отличен в западной и восточной группах памятников. Так, на западе распространена посуда с полихромной росписью, расположенной в верхней части сосуда в виде панно, скомпанованного из геометрических фигур, главным образом треугольников, заштрихованных кривой сеткой. Этот прием, так же как использование двух красок — черной и красной, придает сосудам пестрый и нарядный вид. Наряду с этой богатой посудой бытовала и грубая кухонная керамика, а также сосуды с одноцветной росписью и сосуды черного и красного цвета обычно с лощеной поверхностью. Нередко в композицию расписного фриза включались и схематические, линейно переданные фигурки козлов. На поздних этапах периода Намазга II посуда с двухцветной росписью постепенно вытесняется керамикой с узорами, выполненными одной краской — черной или темно-коричневой. Керамика восточных поселений настолько отлична, что когда там в ходе раскопок встречаются сосуды с нарядной двухцветной росписью, то они, выпадая из общего комплекса, уверенно могут быть отнесены к числу привозных объектов. Местная посуда, названная по наиболее хорошо изученному памятнику ялангачской, характеризуется темно-коричневой росписью по красному фону несколькими параллельными линиями, идущими вдоль венчика и иногда соединенными друг с другом вертикальными черточками или небольшими треугольниками. На больших тарных сосудах преобладает роспись крупными треугольными шевронами.

Заметно увеличивается число медных изделий — значительное их число было найдено в геоксюрском оазисе. Помимо обычных шильев и пробойников здесь имеются наконечники дротиков и топор. Специальный анализ указывает на технологический прогресс в этом производстве. Производится наклепка рабочей части изделий, отмечены первые опыты по литью в закрытых формах (Терехова, 1975). Важен прием заключительного разупрочняющего обжига, производимого после холоднойковки. В результате изделия становились менее ломкими (Черных, 1962). Находки украшений из золота и серебра показывают, что в обработку поступали и эти металлы.

Больше становится и украшений, помещаемых в могилы. Это главным образом бусы в основном из алебаstra, но также из сердолика, лазурита

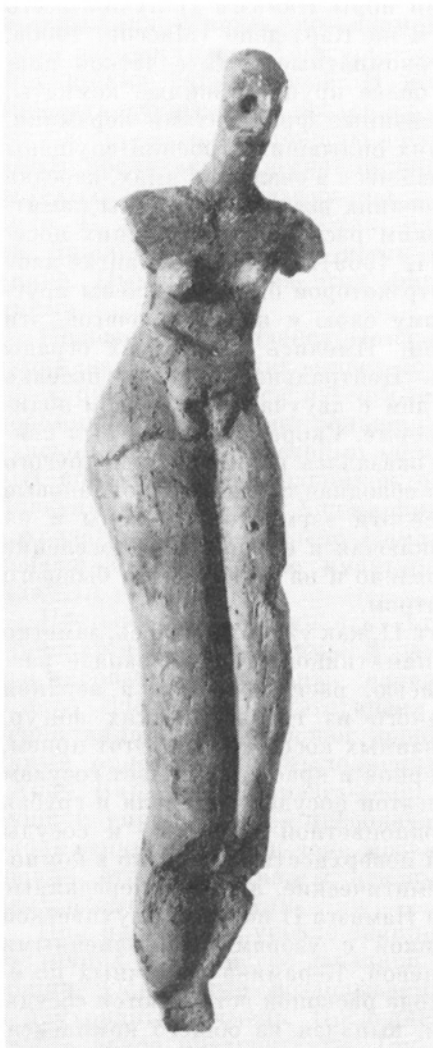

Рис. 35. Илгынлы-депе. Статуэтка.

и драгоценных металлов. Они встречаются в области шеи и грудных позвонков, а также на запястьях рук и ног. Иными словами, это — наборные ожерелья, а также ручные и ножные браслеты. Весьма выразительна антропоморфная терракота поры Намазга II, происходящая из памятников восточной группы. Это в основной своей массе крупные тяжеловесные статуэтки, воспроизводящие сидящих женщин с тяжелой, пышной грудью, заменившей на некоторых образцах и плечи, и руки. Статуэтки окрашены красной краской, поверх которой черным нанесены изображения украшений и различных символов (рис. 35). Обычно это шейные ожерелья, иногда многорядные, хорошо известные по раскопкам погребений. На бедрах встречаются изображения животных, и в частности козлов. На одной из статуэток, встречающихся на Ялангач-депе, на туловище нанесены 15 кругов с точкой посередине, символизирующих, по наиболее вероятному толкованию, солнечный диск. Было высказано предположение о связи этих изображений с календарным циклом (Хлопин, 1964, с. 106). Интересные материалы для характеристики ялангачского этапа анауской культуры дали проведенные в 1986 г. предварительные раскопки на поселении Илгынлы-депе, расположенном в 10 км к востоку от Алтын-депе и запустевшем в пору формирования последнего как крупного центра позднэнеолитического времени. На Илгынлы-депе установлен центр по производству каменной скульптуры, изготавливавшейся с помощью целого набора каменных орудий, обнаруженных по соседству

с самими статуями и заготовками для них. Устанавливаются по меньшей мере два различных типа скульптур: уплощенные идольчики с небольшими бугорками груди и более крупные, реалистически объемные статуи с покатыми округлыми плечами и тщательно выделанной головой с крупными чертами лица. Один из идольчиков находился на полу жилой комнаты и был обращен лицом к двери. Крупные объемные статуи предназначались, вероятно, для общинных святилищ. Терракотовые статуэтки, найденные на Илгынлы, по сравнению с архаическими фигурками Ялангача отличаются изысканным изяществом.

Таким образом, в период Намазга II, приходящийся, скорее всего, на начало и середину IV тыс. до н. э., оседлые общины, расселившиеся по подгорной полосе и дельте Теджена, создали устойчивую систему поливного земледелия, что способствовало развитию специализированных производств и в первую очередь металлургии. Хотя находки орудий труда из меди и не-

многочисленны, почти полное исчезновение кремневых орудий, за исключением такого специализированного вида, как кремневые сверла, косвенно указывает на господство медных изделий. Создание системы поселений с крупными центрами свидетельствует и об усложнении социальной организации. Общество явно стояло на пороге культурного расцвета, который и наступил в пору позднего энеолита, в последней трети IV—начале III тыс. до н. э. В это время на юге Туркменистана складываются наиболее блистательные раннеземледельческие комплексы, воздействие которых вскоре начинает ощущаться и далеко за пределами этой замкнутой области.

В прикопетдагских оазисах в позднем энеолите сохраняется разделение на две культурные зоны — западную и восточную. В западной распространяется расписная посуда карадепинского стиля, характеризующегося измелоченным геометрическим рисунком и изображениями различных животных — козлов, пятнистых барсов и птиц. На востоке сложился иной стиль расписной керамики — геоксюрский с яркой полихромной росписью крупными фигурами крестов и полукрестов (рис. 36). Вместе с тем по другим признакам — типам домов, статуэток, металлических изделий, погребальному обряду — обе группы явно объединяются в одну культурную общность, представляющую собой заключительную фазу анауской культуры. Территория ее распространения даже в пределах Средней Азии заметно расширилась, продолжалось начавшееся еще в неолите расселение прикопетдагских общин в восточном направлении — возникают небольшие поселки в дельте р. Мургаб и, как показывают открытия таджикистанских археологов, оседлоземледельческая культура проникает в Таджикистан (Саразм около Пенджикента).

Из хозяйственных перемен особенно важное значение имеет дальнейшее развитие и совершенствование поливного земледелия, приведшее к возникновению целых оросительных систем, одна из которых была открыта в геоксюрском оазисе. Здесь около главного поселения геоксюрского оазиса — Геоксюр I — обнаружены древнейшие на территории СССР искусственные каналы, имевшие длину около 3 км и ширину от 2.5 до 5 м. По обеим сторонам каналов в верхнем и нижнем течении располагались поля, куда вода поступала из небольших канав (Лисицына, 1965). Ирригационное земледелие, позволявшее осуществлять многократный полив посевов, обеспечивало стабильные урожаи и было важным фактором хозяйственного и культурного прогресса. Находки глиняных колесиков от моделей повозок указывают на развитие транспорта, возможно начавшееся еще в предшествующем периоде. В скотоводстве на Алтын-депе и Геоксюре наблюдается повышение удельного веса мелкого рогатого скота и в особенности овец, что указывает на развитие отгонного скотоводства. В металлургии отмечается значительное разнообразие технологических приемов при изготовлении вещей различных типов и есть основания говорить о наличии постоянно действующих мастерских (Терехова, 1975). В гончарном деле для обжига посуды использовались одноярусные горны, обеспечивавшие стабильную температуру и вместе с тем требовавшие значительных технических навыков и знаний. О большом мастерстве свидетельствует и изготовление из мраморовидного известняка различных сосудов и статуэток.

В подгорных оазисах в это время происходит дальнейшая концентрация жителей в крупных поселениях, приобретающих внешние черты урбанистических центров. Так, в районе Меана-Чаача забрасывается сравнительно крупный поселок Иглынды-депе, население которого, судя по всему, переходит на соседний Алтын, где осваивается значительная территория к югу от поселения поры среднего энеолита. Эта южная часть сразу же ограждается обводной стеной, построенной из сырцового кирпича, имеющей толщину 1.4—1.7 м и усиленной по фасаду прямоугольными башнями-контрфорсами. Ранние обводные стены образовывали ступенчатый фундамент для более

поздних. В стенах устраивались проходы шириной около 1,7 м и имелись более значительные ворота, вымощенные булыжником, обеспечивающим прохождение в дождливую погоду колесных экипажей. Широкие раскопки Кара-депе выявили тенденцию к планировочной организации и внутреннего пространства крупных центров (Массон, 1960а, 1982ж). В середине поселка располагался обширный незастроенный участок — своего рода площадь, на которую выходили уличные артерии, имевшие ширину до 2 м. Непосредственно к площади примыкал большой комплекс, который есть все основания рассматривать как культовый (Хлопин, 1971; Массон, 1982ж, с. 39). Его ядро образовывали два крупных, подквадратных в плане святилища с прямоугольными очагами-подиумами. Вдоль святилищ шла вытянутая в длину группа небольших складских помещений, а с другой стороны располагался обширный хозяйственный двор. Обнаруженные на этом участке мраморная статуэтка и обломки целой группы изящных сосудов из мраморовидного известняка скорее всего принадлежали к числу votивных объектов. Этот карадепинский комплекс можно рассматривать как сооружение протохрамового типа, бывшее не только местом обрядовых церемоний, но в известной мере центром хозяйственной деятельности, в частности местом хранения резервного и семенного фонда общины в целом.

Достаточно четко устанавливаются стандарты жилых домов, возводившихся как на западных, так и на восточных памятниках. На Кара-депе это были обширные многокомнатные массивы, где исходную планировочную единицу образовывал комплекс из двух помещений — относительно крупной жилой комнаты с отопительным очагом и примыкающего к нему узкого подсобного строения. Каждый дом-массив состоял из 4—6 таких планировочных единиц, но имел также общий хозяйственный двор, зернохранилище, основание которого образовывали ряды параллельных стен, и общую кухню. Аналогичные многокомнатные дома раскопаны и в восточной группе поселений — на Геокюре и Чонг-депе. В их состав входили небольшие помещения с круглыми дисковидными очагами-алтарями, что позволяет рассматривать их как домовые святилища. Сходные черты обнаруживаются в строениях Саразма, расположенного в верхнем течении р. Зеравшан (Исаков, 1986). Здесь открыто святилище с круглыми дисковидными очагами, причем на стенах его имелась полихромная роспись, повторяющая геометрические узоры расписной керамики геокюрского стиля. Определенные изменения наблюдаются по сравнению со временем Намазга II и в погребальных обрядах. Наряду с сохраняющимися традиционными одиночными погребениями появляются коллективные усыпальницы, в которые помещалось до 20 усопших. В восточной группе поселений распространены овальные в плане гробницы с ложноводчатым перекрытием из сырцового кирпича (Геокюр I, Алтын-депе).

Керамика рассматриваемого времени принадлежит к числу замечательных памятников прикладного искусства. Так, на Кара-депе расписывались миски различных форм, чаши, кубки, горшковидные сосуды и кувшины с невысоким горлом. Преобладал дробный геометрический рисунок, где составляющие элементы, включая фигуры крестов и полукрестов, миниатюризованы и порой не воспринимаются как самостоятельный, значимый элемент композиции. Специфической особенностью керамики карадепинского стиля является широкое распространение зооморфных мотивов, среди которых преобладают изображения козлов с крутыми рогами, воспроизводимых преимущественно в реалистической манере. Второе место занимают фигуры пятнистых животных, изображаемые более условно. С ними лишь при построении генетической цепочки можно идентифицировать барсов. Довольно часты изображения птиц, обычно встречающихся в сочетании с солярными кругами, реже попадаются фигуры орлов в геральдической

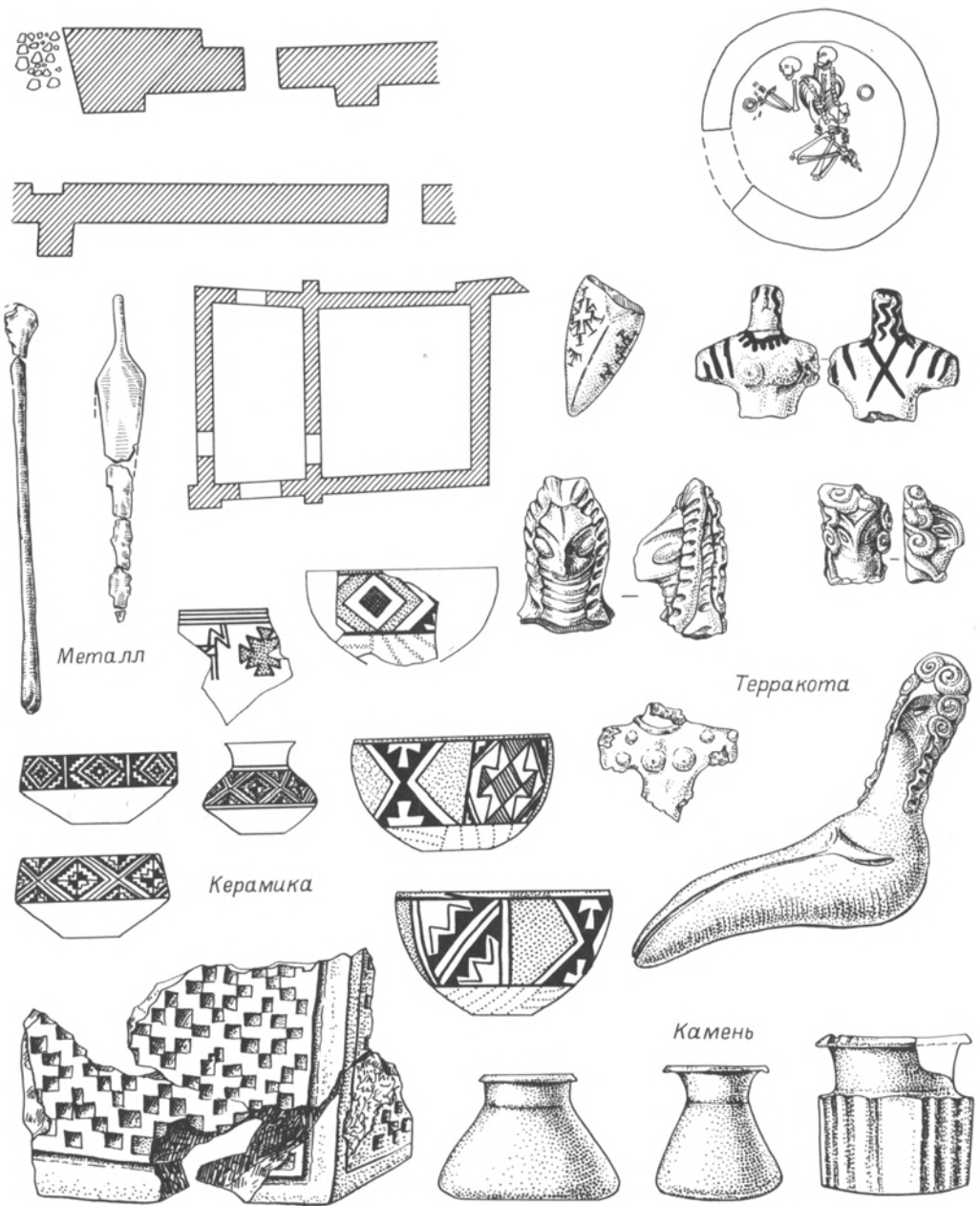

Рис. 36. Алтын-депе. Позднееолитический комплекс. Конец IV—начало III тыс. до н. э.

позе с распростертыми крыльями. Расписная посуда составляет около 20 % всего керамического комплекса. Лишенные росписи сосуды в основном имеют поверхность зеленовато-белого цвета, но имеется и сероошеченная посуда, в том числе вазы на высокой ножке.

При орнаментации посуды геоксюрского стиля в отличие от Кара-депе широко используется полихромная роспись черным и красным по кремевому фону; геометрические фигуры — кресты, полукресты и другие элементы

крупны, массивны, не затеряны в дробном рисунке геометрической орнаментации. Зооморфные фигуры более редки и представлены геометризованными фигурами животных. Так, туловища рогатых копытных (скорее всего козлов) прямоугольны, стилизованы под общую геометрию орнамента. Под брюхом помещен треугольник с фигурой полукреста внутри, что также сделано в рамках общего стиливого решения геометрических композиций.

Медные изделия, находимые при раскопках, по-прежнему малочисленны. Это четырехгранные в сечении шилья, совкообразные долота, булавки с лопаточковидным навершием, разные варианты плоских двусторонних ножей, круглые, слегка вогнутые зеркала без ручки. Вместе с тем изучение каменных орудий труда, проведенное в широких масштабах на поселении Алтын-депе, указывает на широкое распространение обработки металла (Массон, 1983а). Среди весьма многочисленных и разнообразных орудий имеются специальные молоты для измельчения руды, отбойники, а также оселки и абразивы, служившие для заточки и подправки медных орудий труда. Многочисленность каменных орудий для обработки руды указывает, что из мест добычи доставлялась сама руда, а не только выплавленные слитки, как это предполагалось ранее (Коробкова, 1986).

Важным памятником художественных промыслов и одновременно духовного производства является терракота, представленная яркими образцами как в западной, так и в восточной группе памятников. Женские статуэтки воспроизводят сидящую фигуру с изящной плавной линией бедер и ног, что заметно отличает их от тяжеловесных матрон времени Намазга II. Роспись на фигурках заменяют различного рода налепы и резные линии. Встречаются терракоты с тяжелыми подпрямоугольными плечами, иногда руки сложены под грудью. Головы обычно имеют клювовидный профиль. Иногда на спине помещен налеп, изображающий тяжелую косу, а по обеим сторонам головы воспроизведены эсовидные подвески. Весьма примечательно появление мужских статуэток — сидящих, обычно схематичных, и стоящих, с тяжелыми подквадратными плечами на конусовидном основании, имеющих узкую косу и длинную бороду, разделенную на две пряди. Эти фигурки различаются по типам головных уборов. Одни имеют небольшую шапочку, окрашенную в черный цвет, другие — головной убор типа шлема. Такие «головки воинов» особенно многочисленны среди находок на поселении Геоксюр I. Они изготовлялись путем выдавливания в специальных формочках с последующей обработкой деталей.

Анализ характерных элементов культуры Южного Туркменистана в пору позднего энеолита показывает, что наряду с сохранением ряда местных традиций здесь налицо целый пучок новшеств, или инноваций, прежде всего в расписной керамике и терракоте. В обоих случаях отмечается воздействие культур ирано-месопотамского круга. Так, зооморфные мотивы керамики карадепинского стиля в ряде случаев восходят к керамике Силка III и Гисара IC—IIA, а многие черты терракот как западной, так и восточной групп памятников имеют аналогии в мелкой пластике Южного Двуречья и частично Элама. Появление на Кара-депе в это время нового антропологического типа (Трофимова, Гинзбург, 1960) позволяет заключить, что имела место и частичная инфильтрация нового населения, во всяком случае в западной группе поселений. С другой стороны, детальный анализ принципов композиций расписной керамики карадепинского и геоксюрского стилей указывает и на использование мотивов, выработанных в ткачестве или в других художественных ремеслах, развивавшихся в местной среде (Массон, 1982ж, с. 51). Таким образом, расцвет культуры раннеземледельческих общин юга Средней Азии в позднем энеолите основывался на местном автохтонном развитии, но протекал в условиях оживленных внешних связей и взаимодействий; налицо сочетание спонтанной и стимулиро-

ванной трансформаций. Сложившийся мощный очаг раннеземледельческой культуры в свою очередь оказал воздействие на соседние области.

Характерной чертой позднеэнеолитической эпохи было резкое усиление культурных воздействий племен юго-запада Средней Азии на оседлоземледельческие комплексы Среднего Востока и Индостана. Так, целый ряд типично южнотуркменистанских элементов как в расписной керамике, так и в мелкой пластике может быть прослежен в материалах северобелуджистанского комплекса Кветта (Массон, 1964а, с. 437). Аналогичные материалы имеются и в южноафганском Мундигаке. В последние годы круг подобных памятников существенно расширился. Так, на сеистанском поселении Шахри-Сохте в самых древних горизонтах от 21 до 31 % расписной керамики принадлежит к числу изделий, явственно входящих в круг керамики геоксюрского и карадепинского стиля (Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973, p. 25—26; Массон, 1981а, с. 111). Именно в Шахри-Сохте и в Кветте обнаруживаются наиболее значительные связи с культурой Южного Туркменистана. В меньшей мере они прослеживаются на памятниках Южного Афганистана, где само их наличие помимо данных по Мундигаку подтверждено исследованиями на Саид-Кала и Дех-Мораси—Гхундай. Наконец, терракоты среднеазиатских типов были обнаружены даже в долине Инда на ряде раннеземледельческих поселений в слоях, предшествующих хараппской цивилизации. Все это указывает на Южный Туркменистан как на центр активных культурных воздействий. Позднеэнеолитическая культура Геоксюра и в меньшей мере Кара-депе сыграла важную роль в формировании того субстрата, на котором складывались раннегородские культуры не только Средней Азии, но и более южных областей. Механизм этого воздействия в значительной мере, видимо, был связан с прямым расселением оседлых общин, члены которых, как и привнесенные ими традиции, постепенно инкорпорировались местной средой, хотя и образовывали на первых порах, как это показывают материалы Шахри-Сохте, обособленные группы.

Беспорным свидетельством происходившего в позднем энеолите процесса расселения южнотуркменистанских общин является открытие в верхнем течении Зеравшана поселения Саразм. Оно довольно значительно по площади, благодаря тому что разные его участки осваивались в различные промежутки времени и в отличие от собственно раннеземледельческой ойкумены здесь не образовался типичный тельль, стратиграфия которого давала бы возможность последовательно проследить все стадии культурного развития. Первые поселенцы, расположившиеся неподалеку от небольших водотоков, возможно бывших несколько тысячелетий тому назад постоянными, практиковали, скорее всего, полуполивное земледелие. Вероятно, освоение этой территории оседлыми земледельцами началось еще до появления в Южном Туркменистане полихромной керамики геоксюрского стиля. Во всяком случае в древнейших наслоениях Саразма, где открыта часть некрополя, обнесенного сложенной из камня оградой, керамика геоксюрского стиля отсутствует. Но дальнейшее развитие идет в значительной мере в рамках основных культурных эталонов восточного локального варианта анауской культуры. Это касается и керамики с полихромной росписью, и святилищ с округлыми дисковидными очагами-алтарями. Жилые дома возводились из пахсы, но стены культовых комплексов сложены из прямоугольного сырцового кирпича. Стены святилищ расписывались полихромными узорами, выполненными в тех же традициях, что и роспись на керамике. Примечательны и связи, уходящие далеко на юг, в области Белуджистана, что прослеживается сначала по браслетам из морских раковин, а затем и по находкам расписной керамики сеистанского или северобелуджистанского типов. Совершенно ясно, что появление в долине Зеравшана этого археологического комплекса как устойчивого сложившегося культурного явления — прямой

результат переселения сюда общины или группы общин, сколь бы ни удивляла значительная территориальная оторванность Саразма от основного очага раннеземледельческой культуры Средней Азии. При этом переселенцы попали в принципиально отличную этнокультурную среду, как об этом свидетельствуют находки в слоях Саразма наряду с расписной посудой грубой остродонной лепной керамики, покрытой резными орнаментами. Она явно входит в круг среднеазиатского неолита охотников и рыболовов, наиболее хорошо известного по памятникам кельтеминарского типа. При столь огромных хозяйственных и культурных отличиях пришельцев и аборигенов едва ли могла идти речь о культурном симбиозе или ассимиляции, как это имело место в Сеистане и Белуджистане, где расселяющиеся группы попадали в культурную среду, близкую им по основным параметрам.

Остановимся теперь на вопросе о том, какие главные изменения в культуре и обществе нашли отражение в археологических комплексах Средней Азии, кратко охарактеризованных выше. Прежде всего, налицо заметный технологический прогресс, рост производственного потенциала. Первое решающее звено здесь составляет сложение системы ирригационного земледелия или земледелия многоразового полива. Анализ палеоэтноботанических материалов и сами остатки древних оросительных сооружений, открытых в геоксюрском оазисе, не оставляют в этом отношении никаких сомнений. Это была эффективная хозяйственная система, но система, результативно функционирующая только в условиях организованной кооперации, целенаправленного общего труда. Создание и поддержание ирригационной сети могло быть только делом рук значительного коллектива. Как показывают палеоэкономические оценки, сооружение системы каналов около поселения Геоксюр I, орошавших площади в 50—75 га, требовало при тогдашней технической вооруженности (палки-копалки и корзины для отнosa земли) около 2500 человеко-дней. Иными словами, 150 человек должны были быть заняты на этой работе и только на ней в течение почти двух месяцев. Трудовые ресурсы поселения Геоксюр, число жителей которого оценивается в 2000 человек, вполне позволяли проведение этих работ, но это должен был быть именно коллективный труд, должным образом организованный и направленный.

На примере южнотуркменистанских общин можно видеть, как установление относительно надежной и устойчивой системы получения продуктов питания благоприятно сказалось на росте населения. В пору джейтунского неолита число жителей прикопетдагской равнины ориентировочно определяется в 3000 человек, что дает сравнительно низкую плотность населения: около 14 человек на 100 км² (Массон, 1971в, с. 142). Это был архаичский этап производящей экономики с лиманным земледелием и большой ролью охоты. К IV тыс. до н. э. с развитием поливного земледелия и сложением скотоводческих систем, наиболее эффективных в пустынно-степной ситуации (отгонное скотоводство), положение коренным образом меняется — для той же территории число жителей может быть определено уже в 12—14 000 человек.

Изменение образа жизни и рост благосостояния способствовали второму важному направлению в развитии материального производства — его специализации. В гончарном производстве появляются особые керамические горны, введение которых означало начало перестройки всей технической базы данной отрасли (Сайко, 1971, с. 91 и след.). Совершенствуется и обработка камня, о чем свидетельствует появление разнообразных сосудов и фигурок, выточенных из мраморовидного известняка. При изготовлении сосудов использовалась станковая техника, сверла имели кремневые наконечники. Особенно важным было появление и совершенствование металлообработки. Стабильность условий производства, устанавливаемая на основании техноло-

гического анализа, позволяет заключить, что в пору позднего энеолита существовали постоянно действующие специализированные мастерские (Терехова, 1975, с. 17). Видимо, такие явления наблюдаются и в ювелирном деле, когда бусы и подвески изготавливались из самых различных материалов — золота, серебра, меди, бирюзы, сердолика и лазурита. Столь разнообразная производственная деятельность безусловно требовала профессиональной специализации. Сложилось общинное ремесло, при котором мастер-профессионал обслуживал других членов общины в силу своей принадлежности к данному коллективу, а не посредством купли-продажи. В свою очередь община обеспечивала мастера продуктами сельского хозяйства. Подобная организация производства хорошо известна по целому ряду источников и по существу представляет собой попытку общества обеспечить производственный и технический прогресс в рамках традиционных структур (Массон, 1976б, с. 62—63). Показательно, что на поселении Геоксюр I гончарные горны, связанные с такой специализированной деятельностью, разбросаны по поселению и, вероятно, отражают рассредоточенный характер расселения мастеров, обслуживавших членов разных общественных единиц, в состав которых они входили. Подобная организация производства способствовала его успешному функционированию, что видно уже по самим результатам — объектам превосходного качества, а зачастую и высоких художественных достоинств. Эта усложненная хозяйственная деятельность требовала и развития транспортных средств. Недаром по крайней мере с позднего энеолита появляются данные о наличии колесных повозок, в которые могли впрягаться крупный рогатый скот и верблюды.

Отрабатываются и механизмы организации и функционирования общества на разных иерархических уровнях. Неолитические поселки джейтунской культуры представляли собой агломерат небольших однокомнатных домов и примыкающих к ним хозяйственных участков как мест обитания и жизнедеятельности мельчайших общественных организмов — малых семей. Частично эта традиция сохраняется и в пору раннего энеолита, как показывают раскопки Анау и Дашлыджи-депе. Затем появляются все более отчетливые свидетельства того, что роль такой исходной молекулы общества переходит к более крупным коллективам. Так, небольшие поселения геоксюрского оазиса времени Намазга II состоят из 8—20 отдельных домов, расположенных бок о бок: налицо тенденция к образованию больших многокомнатных массивов. Наличие общего для всего поселения зернохранилища и святилища-дома общих собраний подчеркивает хозяйственное и идеологическое единство обитавших здесь коллективов. Скорее всего, это была большесемейная община, объединявшая несколько малых семей, связанных друг с другом кровными узами и общей хозяйственной деятельностью. Только такие относительно крупные коллективы могли обеспечить успешное функционирование оросительных систем, на которых базировалось поливное земледелие.

В позднем энеолите это явление нашло свое закрепление в новом архитектурном стандарте. Основным типом застройки, что видно по результатам раскопок Кара-депе и Геоксюра, становятся многокомнатные дома, заранее возводившиеся как крупные строения. Исходной планировочной единицей здесь была жилая комната с примыкающим хозяйственным отсеком, рассчитанным на ту же малую семью. Однако общая кухня, общий хозяйственный двор, общие зернохранилища, а на Геоксюре и общие святилища свидетельствуют о значительном единстве всех обитателей домов-массивов. Подобные дома с самого момента своего возникновения были рассчитаны на коллектив из нескольких семей, живущих под одной крышей и ведущих общее хозяйство. Такой коллектив или большесемейная община, объединявшая, судя по планировке раскопанных домов, от 4 до 8 малых семей,

становится теперь основной ячейкой поселка в целом. На это указывают и изменения, происшедшие в погребальном обряде. Именно в пору позднего энеолита в Южном Туркменистане появляются коллективные захоронения в специальных гробницах, где находятся останки взрослых особей обычно от 3 до 10 человек, а порой и более 20. По половозрастному составу они могут быть интерпретированы именно как усыпальницы отдельных больше-семейных коллективов, тем более что в них имеется и захоронение патриарха, а по зубам определено наличие среди захороненных в одной гробнице близких родственников (Сарианиди, 1972).

Труднее судить о более значительных подразделениях общественной организации. Высшей структурной единицей раннеземледельческого общества становится оазисная система расселения с двуучленной иерархией самих поселений. Если небольшие поселки геоксюрского оазиса, судя по размерам, вполне могли быть местом обитания большесемейных коллективов, то центральный поселок Геоксюр I с его по меньшей мере двухтысячным населением явно представлял собой более сложный организм, объединяющий несколько десятков большесемейных или домовых общин. Возможно, существовала и еще какая-то промежуточная общественная структура, как например родовая община, тогда как оазис в целом мог быть заселен одним племенем. Показательно, что на Геоксюре I коллективные гробницы, которые можно рассматривать как усыпальницы отдельных большесемейных общин, порой группируются в замкнутые планировочные единицы, объединяющие от 4 до 7 подобных мавзолеев.

Для того чтобы организовать жизнедеятельность таких относительно значительных масс населения и прежде всего нацелить их на общий труд в ирригационном земледелии, необходимы были определенным образом функционирующие органы управления, скорее всего советы старейшин, так же как вожди и жрецы разных рангов. Археологические свидетельства существования подобных институтов немногочисленны и носят главным образом косвенный характер. Так, именно в позднем энеолите, когда налицо данные об усложнении разных сторон жизнедеятельности общества, появляются терракотовые статуэтки, изображающие мужчин в небольших окрашенных черным шапочках или в боевых шлемах. Возможно, эти терракоты связаны со становлением культа вождей как частного проявления культа предков и воспроизводят жрецов и вождей, успешно выполнявших функции хозяйственного, идеологического и военного лидерства.

Однако, судя по всему, социальная дифференциация позднеэнеолитического общества (или только ее имущественное отражение) была еще не очень значительной. Так, по составу погребального инвентаря на Кара-депе можно выделить три группы могил: без глиняных сосудов, с 1—3 сосудами и с 8 сосудами, как правило украшенными нарядной росписью. Возможно, это отражает наличие в тогдашнем обществе по меньшей мере трех социальных прослоек, по-разному котиравшихся при заупокойных тризнах. Погребение с большим числом сосудов сопровождается уникальным объектом — превосходной крупной женской статуэткой. Уже в пору позднего Намазга II, как показывают материалы Кара-депе, выделяются некоторые женские захоронения с большим числом бус, располагавшихся на теле в виде многоярусных ожерелий или браслетов на обеих руках. Так, в одном погребении было обнаружено 800 бус, в другом 420, в том числе из золота и серебра. В позднем энеолите традиция подобных необычных по составу инвентаря погребений, главным образом женских, не только сохраняется, но и получает дальнейшее развитие. В одном захоронении на Алтын-депе найдено 5 расписных сосудов, 2 сосуда из мраморовидного известняка, 10 бирюзовых пронизок и 2 медных предмета; в другом — 8 глиняных сосудов и 2 крупные женские статуэтки. Не исключено, что это захоронения служительниц культа, особое

общественное положение которых подчеркивалось составом заупокойных подношений.

Постепенный хозяйственный и культурный прогресс сопровождался ростом культурного и интеллектуального потенциала, созданием значительных культурных и художественных ценностей. Новый образ жизни, свойственный раннеземледельческой эпохе, утвердился в Южном Туркменистане еще в VI тыс. до н. э. Прочные благоустроенные джейтунские дома, комфорт которых лишь подчеркивался известковыми полами и окраской интерьера в красный или черный цвет, были ярким свидетельством этих наступивших перемен. Благоустройство, бытовая обеспеченность постепенно усиливаются по мере развития анауской культуры. Увеличивается разнообразие и орнаментация глиняной посуды, все шире распространяются разного рода украшения, для изготовления которых используются как различные металлы, так и полудрагоценные камни. Богатство вещного мира культуры представлено как в западной, так и в восточной группах памятников, и состав его весьма разнообразен. Расписная керамика принадлежала к числу объектов, несущих сложную и многообразную семантическую нагрузку. Как предмет прикладного искусства, сопровождающий члена коллектива с младенческих лет до его кончины, она способствовала эстетическому воспитанию, система повторяющихся орнаментов и символов была одним из средств закрепления норм поведения и образа мышления. Не следует забывать, что в дописьменную эпоху огромную роль играла художественная форма передачи информации. Именно с этих позиций следует оценивать семантические аспекты орнамента на расписной керамике, изучение которых, как показали разработки, осуществленные на трипольских материалах (Рыбаков, 1965), весьма перспективно. Роспись на керамике подчинялась определенным законам орнаментации, в частности закону раппорта, повторения рисунка, разворачивающегося по фризу сосуда. Введение в повседневный быт этого художественного приема способствовало созданию атмосферы устойчивости и повторяемости. В росписи анауской посуды сложную семантическую нагрузку несла фигура креста, первоначально, видимо, выполнявшего функции простого оберега, перечеркивающего движение недобрых сил. Характерные для расписной керамики карадепинского и геоксюрского стиля простые кресты, сложные многоступенчатые крестовидные фигуры и их элементы сочетали эстетическую нагрузку и магическую символику. Особый интерес представляют фигуры животных, заменяющие в ряде случаев фигуру креста в соответствующих композициях. Поскольку в основном это все дикие животные, их популярность в среде оседлых земледельцев и скотоводов естественной всего связывать с наличием или пережитками тотемических представлений (Массон, 1964б). Вместе с тем показательно сочетание изображения птицы с солярными дисками, в том числе и с такими, на которых отчетливо видна зубчатая корона. Безусловно, это частный факт проявления хорошо известного семантического ряда птица — солнце. В некоторых случаях на фризах в сочетаниях изображались различные животные, сопровождаемые символами в виде крестов и полукрестов. Скорее всего, эти сложные сцены иллюстрируют мифологические предания и представления, усвоение которых было составной частью формирования психологии оседлоземледельческих общинников.

Есть основания полагать, что по крайней мере в пору позднего энеолита начала формироваться и система символов, использованных затем при оформлении статуарных воплощений различных женских божеств эпохи бронзы. Во всяком случае, многие из знаков, которые помещались на торсы терракот эпохи бронзы, встречены, правда лишь как единичные явления, на женских статуэтках, происходящих из позднеэнеолитических комплексов. Возможно, уже началась дифференциация женских божеств и духов по их

функциям и семантическому содержанию, которую исследователи не всегда вскрывают, следуя трафаретным взглядам о безраздельном господстве в эту эпоху одного лишь божества плодородия. Складывается сложная система культов и обрядов, хранителями которых могли быть, в частности, жрицы, чьи погребения сопровождается относительно богатый и разнообразный инвентарь. Центрами этих культов становятся специальные сооружения — святилища, для которых вырабатывается определенный архитектурный канон. Постройки еще не приобрели черт подавляющей монументальности, но, как показывают раскопки Кара-депе, занимают центральное место на поселениях. Технологические успехи в гончарстве и металлургии, так же как и в ирригационном земледелии, свидетельствуют о накоплении эмпирически получаемых положительных знаний. Едва ли приходится сомневаться в наличии одного из видов аграрного календаря, независимо от того насколько удачна попытка обнаружить его в системе символов, нанесенных на одну из женских статуэток (Хлопин, 1964, с. 106). Несмотря на консерватизм и повторяемость, во многом свойственные всей первобытной культуре, периодически происходит смена художественных идей, в прикладном искусстве утверждаются новые концепции, появляются новые керамические стили, которые далеко не всегда удается объяснить механически понимаемой миграцией. Показательна, например, смена эстетических канонов мелкой скульптуры. Терракоты поры Намазга I и II передают фигуру пышнотелой женщины с подчеркнутым реализмом, образ полон спокойствия и самоутверждающей уравновешенности. Позднее этих располневших матрон сменяют стройные фигурки отточенных форм, плавных и изящных линий. Совершенно ясно, что произошла смена взглядов на каноны женской красоты и их скульптурное воплощение.

Таким образом, эпоха энеолита была временем всестороннего развития раннеземледельческой культуры во всех ее основных аспектах и проявлениях. В результате был накоплен значительный производственный и культурный потенциал для перехода общества на качественно новую ступень, что также может быть прослежено по отдельным этапам развития археологических комплексов. Начало принципиально нового периода приходится на время существования археологического комплекса типа Намазга IV или на период ранней бронзы (2900—2300 гг. до н. э.). Характерными его чертами являются: расписная керамика с монохромной росписью и преимущественно геометрической орнаментацией, изготавливаемая сначала частично, а потом и почти полностью на гончарном круге; начало использования сплавов меди с мышьяком; булавки со сложным фигурным навершием; светильники из мраморовидного известняка в виде высоких цилиндров с небольшой крышечкой (рис. 37). Территориально эти памятники сосредоточены преимущественно на северной прикопетдагской равнине, поскольку в результате действия природных факторов происходит запустение геоксюрского оазиса и в долине Теджена существует лишь одно оседлое поселение — Хапуз-депе. Локальные различия в культуре сохраняются. Так, на западе, как показывают материалы Намазга-депе и Ак-депе под Ашхабадом, наряду с расписной керамикой, формирующейся на основе традиций посуды карадепинского стиля, сравнительно много и серой керамики. В восточной группе памятников, где ранее была распространена керамика геоксюрского типа (Алтын-депе, Хапуз-депе), четко выступает продолжение местных традиций — расписная посуда варьирует (с постепенным измельчением орнамента) основные традиции более раннего времени, серые сосуды единичны и, скорее всего, представляют собой предметы импорта. Особую культурную провинцию представляют памятники западного Копет-Дага, где в долине Сумбара раскопан могильник Пархай II (Хлопин, Хлопина, 1980). В открытых здесь коллективных гробницах весьма многочисленна серая и чернолощеная кера-

Рис. 37. Алтын-депе. Комплекс периода ранней бронзы (Намазга IV).

мика, близкая комплексам Северо-Восточного Ирана, известным по раскопкам Шах-тепе и Тепе-Гисар.

В земледелии и скотоводстве сохраняются системы, сложившиеся в более ранних период. Прямым свидетельством использования тягловой силы животных является распространение глиняных четырехколесных моделей повозок с изображением в передней части головы верблюда. Наиболее значительные изменения происходят в технологии — появляется гончарный круг и к концу периода почти вся керамика изготавливается с помощью этого инструмента. В металлургии отмечено использование мышьяковистой и свинцовой бронзы.

Типы строений этого времени хорошо изучены на Алтын-депе (Кирчо, 1986). На ранних этапах периода ранней бронзы это двух- или четырехкомнатные дома, расположенные тесно один к другому и выходящие на обширный незастроенный участок — внутреннюю площадь. По краю поселения идет обводная стена толщиной 2.2—3 м, между строениями и стеной расположены коллективные гробницы, имеющие в отличие от позднего энеолита прямоугольную, а не круглую планировку. В более поздних наслоениях распространяются дома анфиладного типа с длинным коридором вдоль одной из сторон дома. В каждом из слоев на вскрывавшемся участке имелся дом, выполнявший функцию святилища, судя по наличию в нем очага-подиума, ниш нередко крестообразной формы и по находкам культовых terra-cotta коробочек, покрытых резным орнаментом, комбинирующим фигуры крестов и полукрестов. Появляются и сооружения монументального характера. Так, главный въезд в поселение, у которого толщина обводной стены достигала 6 м, был оформлен мощными пилонами-башнями, декорированными пилястрами. Ширина въезда составляла 15 м, и он был расчленен продольными стенами на две узкие улочки, рассчитанные на пешеходов, и на широкий центральный проезд с вымосткой из камней и крупных черепков, явно предназначавшийся для колесных экипажей.

Несмотря на совершенствование технологии металлообработки и металлургии, число самих изделий, находимых в ходе раскопок, по-прежнему невелико, что объясняется отсутствием в непосредственной близости продуктивной рудной базы. Среди медных и бронзовых предметов можно отметить зубила, пробойники, шилья, двулезвийный ножик, ножи-дротики с упором, зеркала, серьги и кольца. Новым типом являются печати с петелькой-ушком на тыльной стороне и булавки с фигурным навершием — биспиральным или в виде многоступенчатого креста.

Глиняная посуда на первых порах еще полностью сохраняет парадную нарядность, свойственную керамике ранних земледельцев. Роспись преимущественно монохромна и дает пестрый ковровый рисунок. На материалах Алтын-депе хорошо видно, как развитие орнамента идет по пути измельчения, а затем и деградации основных мотивов посуды геоксюрского стиля. Этот процесс идет параллельно со все более широким распространением гончарного круга, и к концу периода ранней бронзы количество сосудов, покрытых росписью, резко уменьшается. Помимо геометрических орнаментов изредка встречаются схематичные изображения деревьев, между которыми помещены фигуры козлов с тяжелыми ветвистыми рогами (Ак-депе). На памятниках восточной группы как наследие позднееэнеолитической эпохи широко распространена роспись по красному фону, тогда как на западе преобладает зеленовато-белый фон.

Показательные изменения происходят и в terra-cotta скульптуре. На ранних этапах это статуэтки сидящих женщин, продолжающие хотя уже в несколько огрубленном варианте традиции позднего энеолита. Об этом же свидетельствует и наличие сложных головных уборов. Позднее торсы фигурок становятся более уплощенными, как бы предвосхищая каноны

Рис. 38. Алтын-депе. Комплекс периода развитой бронзы (Намазга V).

следующего периода. С точки зрения семантики образа представляет интерес статуэтка женщины со сложенными на груди руками, которыми она поддерживает ребенка, — сюжет, явно входящий в цикл культов плодородия.

Генезис этого культурного комплекса для основных областей северной подгорной равнины Копет-Дага достаточно четок — он складывается на основе пласта позднеэнеолитической культуры с последующей трансформа-

Рис. 39. Алтын-депе. План поселения. Цифры — номера раскопок.

цией и деградацией. Никаких перерывов в последовательности культурных напластований на памятниках не наблюдается, сохраняется и прежний антропологический тип с незначительными чертами эпохальной изменчивости.

Эти культурные и технологические новшества вплотную подводят к периоду средней бронзы, когда формируется весьма специфический археологический комплекс типа Намазга V, несущий все признаки урбанизированной культуры (рис. 38). Его характеризует наличие неорнаментированной тонкостенной керамики, обжигавшейся в двухъярусных горнах, выполненной на гончарном круге, отличавшейся изящными формами, среди которых можно отметить бокалы, вазы на высоких полых ножках и различные сосуды на высоких подставках-поддонах. Из металлических изделий типичны ножи с уплощенным лезвием и небольшим прямым черешком, булавки с фигур-

ными наверху, в том числе зооморфными, и печати, как геометрические, так и зооморфные. В мелкой пластике получают распространение уплощенные сидящие женские фигурки с лицом, обрамленным вьющимися косами-змеями, и со знаками, нанесенными на тулово. Территориально эта культура концентрируется на прикопетдагской равнине, обжитой еще первыми земледельцами, на заключительных этапах периода начинается широкое освоение мургабской дельты, где формируется целый оазис с центром на поселении Келлели (Масимов, 1979).

В это время центрами культурного и производственного прогресса становятся крупные поселения — Намазга-депе и Алтын-депе, из которых в ходе систематических работ наиболее полно исследован последний памятник (Массон, 1981а). Уже по своей структуре Алтын-депе отличается от более ранних раннеземледельческих поселений, его отдельные участки имеют различное функциональное назначение (рис. 39). Так, на севере располагался обширный квартал ремесленников-гончаров, занимавший площадь почти в 2 га, где концентрировалось более 50 горнов для обжига керамики. Жилые кварталы Алтын-депе, как и на крупных энеолитических центрах, состояли из многокомнатных домов, разделенных неширокими улочками — от 1 до 2 м. Однако среди такой рядовой застройки выделяется значительный участок, «квартал знати», отличающийся регулярностью планировки, улицами, пересекающимися под прямыми углами и просторными, тщательно отделанными домами, имеющими четкую прямоугольную или подквадратную планировку. Принципиально новой структурной единицей явился культовый центр, состоящий из ступенчатого башнеобразного сооружения 12-метровой высоты, «дома главного жреца», обширных хранилищ, хозяйственных строений и погребального ансамбля. Последний представлял собой анфиладное сооружение с комнатами разного назначения, начиная со святилища с очагом-подиумом и пристенным алтарем и кончая собственно погребальной камерой, в которой в нишах по стенам помещались головы людей, возможно особого прижизненного положения. В святилище, где совершалась первая стадия погребального обряда, около очага-подиума лежали сосуды для возлияний, а около алтаря находились различные культовые объекты, в том числе диско-видная гиря и колонки из черного камня, украшения и золотые головы волка и быка с бирюзовой инкрустацией. Массивные парадные ворота, возведенные еще на заключительном этапе ранней бронзы, сохраняли свое значение. Все эти данные позволяют характеризовать Алтын-депе как формирующееся поселение раннегородского типа. В целом Алтын-депе выступает как организм с сословно-престижным членением территории, как поселение, выполняющее функции центра сельскохозяйственной округи и ремесла, а также идеологического лидера. В меньшей мере можно говорить о развитии торговли, хотя на Алтын-депе и доставлялись предметы из слоновой кости из областей древнеиндийской цивилизации Хараппы. Имеется и ряд других свидетельств тесных связей с этой культурой, в том числе печати протоиндийского типа. В результате межрегионального обмена регулярно поступали медная руда и лазурит, хуже дело обстояло с оловом, которое лишь в виде исключения встречается в древних сплавах. В незначительной мере проявляется на Алтын-депе функция укрепленного убежища. Фортификация относительно слабо развита, о чем говорит само оформление центрального въезда, носящего скорее парадный, чем оборонительный характер. Среди находок различных изделий оружие встречается крайне редко, столь же редки следы военного травматизма на скелетах погребенных. Ограниченное развитие военного дела на Алтын-депе определенным образом характеризует общество той эпохи, мирно развивавшееся на окраине тогдашнего цивилизованного мира, в стороне от политических противоречий и военного соперничества, потрясавших Переднюю Азию.

Земледелие и скотоводство оставались важнейшими сферами получения продуктов питания. К числу возделываемых культур добавляется нут, растение из семейства бобовых. Практически в каждом доме, будь то рядовое жилище или благоустроенное строение «квартала знати», имелись каменные зернотерки для обработки зерна, а в хозяйственных дворах овальные в плане печи-тандыры для выпечки хлеба. Глиняные модели четырехколесных повозок по-прежнему многочисленны, и на них, как и в пору ранней бронзы, изображены в передней части головы верблюдов. Судя по этим моделям, существовали и повозки, предназначенные для особенно тяжелых и громоздких грузов, в которые запрягали двух верблюдов. Скорее всего, тягловая сила животных использовалась и при обработке полей. Наблюдения Н. М. Ермоловой, изучавшей палеозоологические материалы Алтын-депе, показали, что многие жители города уже утратили знания о телосложении животных и при разделке туши грубо разрубали массивные кости, тогда как ранее охотники и пастухи обычно ограничивались подрезанием сухожилий. Была выведена специальная порода собак, охранявших стада, — крупных, с укороченной мордой и мощными челюстями. Терракотовые фигурки также воспроизводят собак плотного телосложения с квадратным туловищем, плохо обрисованными ушами и коротким обручком поднятого вверх хвоста. Н. М. Ермолова с полным основанием заключает, что это была овчарка с купированными ушами и хвостом, близкая к такому современному Туркменистану (Ермолова, 1977, с. 32). В джейтунском неолите известна лишь небольшая домашняя собака, мало отличающаяся своими размерами от шакала. Это свидетельствует о том, что за 3000 лет, прошедших с указанного времени, селекционеры Алтын-депе уже вывели породу, могущую противостоять волкам. Наверняка, селекция коснулась и основных пород домашних животных.

Но главный прогресс проявился в совсем иных видах производственной деятельности. Таковы прежде всего гончарное дело, металлургия и металлообработка. Большинство керамических сосудов Алтын-депе изготовлено на гончарном круге быстрого вращения и превосходно обожжено. Преобладают сосуды вытянутых пропорций, основное внимание уделяется стройным изящным линиям, орнаментация практически отсутствует. Лишь в некоторых случаях носики-сливы дополнительно оформлялись как головы животных, так же как, видимо, существовали сравнительно редкие зооморфные сосуды. По существу лишь посуда кухонных наборов, в глину которой примешана дресва, изготавливалась ручной лепкой. Она представлена двумя основными формами — плоскими жаровнями с невысокими бортиками и котлами в виде приплюснутого сфероида, иногда с небольшим носиком-сливом под венчиком. Характерной особенностью керамического набора Алтын-депе является почти полное отсутствие ручек. Это специфическая черта местной культурной традиции, восходящей к раннеземледельческой эпохе.

О развитии металлообработки свидетельствует уже само разнообразие металлических предметов. Рубящие орудия представлены массивными теслами, одно целое тесло имеет две цапфы. К режущим орудиям относятся однолезвийные и двулезвийные ножи с небольшим черешком для насадки рукояти. Наиболее типичны ножи с клинком листовидной формы. Подтреугольные наконечники стрел имеют небольшой черешок. Сохраняются и кремневые наконечники стрел, но, как показал их трасологический анализ, в большинстве своем они использовались как сверла при изготовлении каменных сосудов. Известен бронзовый серп с рабочим лезвием, расположенным под прямым углом по отношению к рукояти. Из предметов туалета могут быть отмечены овальные зеркала с боковой ручкой, височные кольца, браслеты, бронзовые и серебряные кольца. Отдельную группу изделий представляют длинные стретжни-булавки, появившиеся еще в позднем энеолите, где их

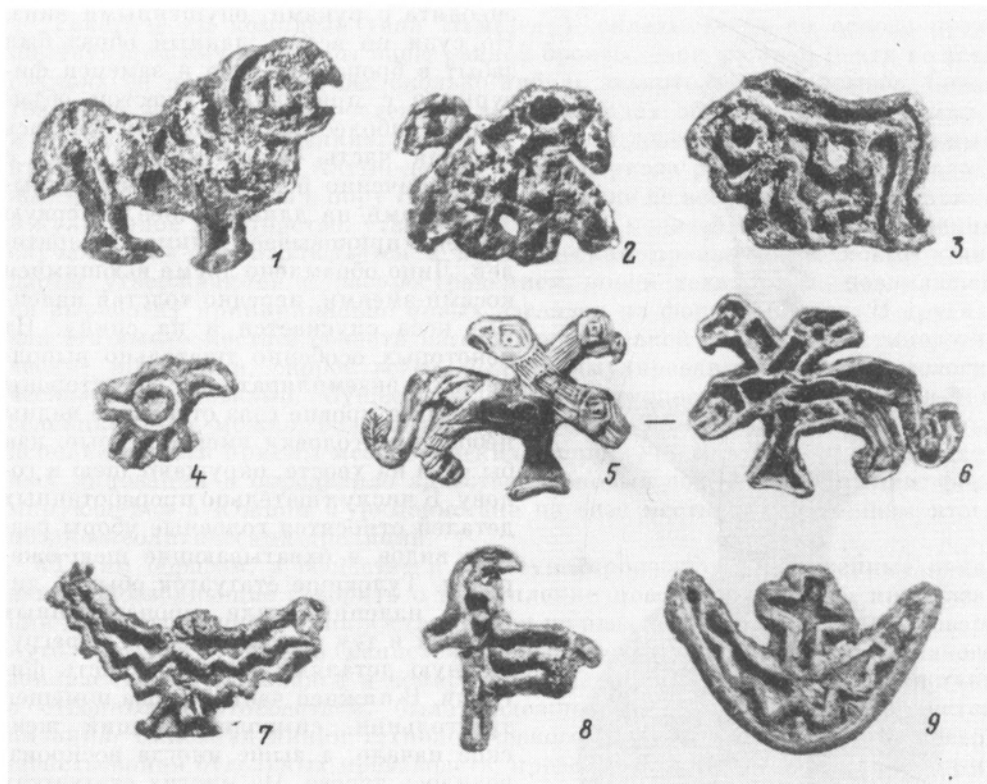

Рис. 40. Алтын-депе. Печати. Серебро, бронза (1—9).

навершие обычно имело форму лопаточки. Теперь среди наверший отмечены также спираль, полулунье и головки копытных животных. Возможно, эти изделия имели двойную функцию — использовались при креплении одежды и одновременно являлись атрибутами лиц особого социального положения. Из золотой проволоки делались перстни и бусы, причем нередко на алебастровую основу накладывали золотую фольгу.

Особую группу металлических изделий составляют печати из бронзы или низкокачественного серебра, отлившиеся в форме по способу утраченной модели (рис. 40). Наиболее многочисленны печати геометрической формы — в виде креста, пирамидки, квадрата или овала. В центре печатей, как правило, помещены дополнительные детали, придающие оттискам значительное разнообразие. Зооморфные печати воспроизводят козлов и других копытных животных, кошачьих хищников, орлов, имеются и синкретические образы, как например фантастический трехглавый дракон с туловищем кошачьего хищника, одной головой хищной птицы и двумя — рептилий, возможно змей. Несколько печатей имеют очертания в виде полумесяца, внутри которого помещено изображение извивающейся змеи.

Характерным признаком рассматриваемого археологического комплекса являются глиняные статуэтки, среди которых первое место как по количеству, так и по яркости передаваемого образа занимают терракотовые фигурки женщин. Эти терракоты в подавляющем большинстве представляют собой плоские фигурки, изображающие сидящую женщину с расставленными в стороны руками. В единичных случаях концы рук слегка загнуты, свидетельствуя о том, что генетически этот тип восходит к терракотам эпохи

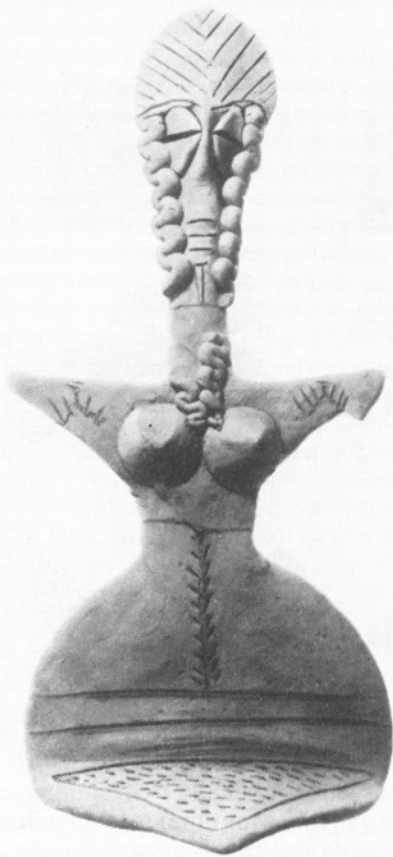

Рис. 41. Алтын-депе. Женская статуэтка. Терракота.

сторону статуэток (Массон, Сарияниди, 1973, с. 38—40, 114—119). Эти знаки условно объединяются в шесть групп, хотя не исключено, что детальный анализ позволит создать более дробную типологию. Примечательно наличие среди знаков ветви растения, зигзага и многолучевой звезды. Это, безусловно, особая система магических символов, в чем-то возможно близкая пиктографической письменности, устойчиво существовавшая в обществе Южного Туркменистана поры развитой бронзы. Наблюдается определенная связь отдельных знаков с деталями оформления головных уборов, шейных ожерелий и некоторых других элементов. Наличие нескольких вариантов терракот, формирующихся как устойчивые типы, отражает существование в пантеоне Алтын-депе целого ряда различных божеств или духов женского рода, постепенно приобретающих, как это характерно для этапа развивающихся цивилизаций, все более специализированные функции. Так, знак в виде ветви мог символизировать божество растительности, знак зигзага — божество водных стихий, знак многолучевой звезды, близкий, кстати, к символу Инаны-Иштари, — богиню неба. Во всяком случае эти терракоты как принципиально новое культурное явление составляют характерную черту культурного комплекса Алтын-депе.

энеолита с руками, опущенными вниз. Но, судя по всему, данный образ был забыт в бронзовом веке и заменен фигурками с призывным «жестом объятия». Наиболее тщательно отделялась верхняя часть скульптуры. Голова с преувеличенно большими ромбовидными глазами на длинной шее в первую очередь привлекает внимание зрителей. Лицо обрамлено двумя вьющимися косами-змеями, нередко толстая наклепная коса спускается и на спину. На некоторых особенно тщательно выполненных экземплярах по обе стороны головы на уровне глаз отчетливо видны небольшие головки змей, которые, как бы стоя на хвосте, окружают шею и голову. К числу тщательно проработанных деталей относятся головные уборы разных видов и охватывающие шею ожерелья. Туловище статуэток обычно лишено налепных или процарапанных деталей и тем самым оттеняет перегруженную деталями верхнюю часть фигурки. В нижней части тулова помещен треугольник, символизирующий женское начало, а выше иногда воспроизводилось дерево. На многих статуэтках поверх треугольника идут процарапанные поперечные линии, изображающие набедренные повязки или пояса (рис. 41).

Особый интерес представляет наличие на многих фигурках процарапанных знаков, наносившихся обычно на плечи, но иногда также на тыльную

Генетически комплекс типа Намазга V складывается на основе предшествующей ему культуры поры ранней бронзы, слои которой почти во всех случаях он перекрывает без сколько-нибудь значительных разрывов. Связь традиций может быть прослежена во всех видах объектов: и в керамике, и в металлических изделиях, и в строительном деле. Даже монументальный въезд, возведенный на Алтын-депе в конце периода ранней бронзы, продолжал функционировать в пору Намазга V. Однако во всех этих сферах налицо и культурное новаторство, утверждение новых моделей и эталонов. В одних случаях, как это наблюдается в керамическом производстве, новые стандарты утверждаются с распространением новой технологии, повлиявшей на выработку принципиально новых взглядов на форму сосудов. В других, как это имело место в области изготовления мелкой скульптуры, типологические инновации, скорее всего, были стимулированы новыми идеологическими установками. Существовало и культурное заимствование путем селекции, что можно видеть на примере монументальной архитектуры, использовавшей приемы месопотамских зодчих. Устойчивое соединение данных инноваций и определило качественно новый облик цивилизации, формирующейся в Южном Туркменистане на базе местных, в конечном итоге позднеэнеолитических традиций.

Таким образом, в обществе и культуре произошли качественные изменения, позволяющие говорить о наступлении новой эпохи, поры цивилизации древневосточного типа. Остановимся на этих новых чертах более развернуто. Созданная еще в раннеземледельческую эпоху система поливного земледелия, сочетавшаяся в конкретных условиях Южного Туркменистана с отгонным скотоводством, была надежной базой получения продуктов питания. Основная линия технологического прогресса шла по пути совершенствования отдельных производств, превращающихся в специализированные ремесла. Так, в металлургии и металлообработке на всех операциях, прослеживаемых методом технологического анализа, ощущается высокий профессионализм древних мастеров, хорошо знавших свойства металлов и различных сплавов. Например, для предметов, изготавливаемых с помощьюковки, они избегали брать высокосвинцовую медь, в то время как в литейных сплавах примесь свинца значительна. В результате были получены сплавы, имеющие высокие литейные свойства, используемые при производстве изделий, не рассчитанных на дополнительную кузнечную обработку. Таковы, например, печати, создававшиеся по утраченной модели с применением художественно выполненных формочек. Бурное развитие литейного производства, отделение литейного дела от кузнечного, возрастающая специализация мастеров явились технологическими предпосылками выделения металлургии в особое ремесло.

Аналогичную картину технологического совершенствования и возрастания специализации мы наблюдаем и в гончарном деле, детально изученном Э. В. Сайко (Сайко, 1982, с. 138 и след.). Все основные формы сосудов, от маленького горшочка до крупных тарных сосудов, делались с помощью гончарного круга быстрого вращения. На некоторых поселениях даже найдены части этого инструмента в виде тяжелых керамических дисков. Использование гончарного круга в 10—20 раз повысило производительность труда, позволило стандартизировать ведущие формы и вместе с тем потребовало высокого профессионализма. Решающие изменения произошли в сфере теплотехники с внедрением обжигательных печей новой конструкции, основанной на двухъярусном расположении топки и обжигательной камеры. Главное внимание в них уделялось получению ровного пламени и стабильности условий обжига, с тем чтобы необходимая температура была бы выдержана по всему объему камеры. Эти горны значительно увеличивали мощность керамического производства, и вместе с тем их сложный

технологический режим предъявлял повышенные требования к уровню специализации гончара. Эти технологические новшества способствовали отделению ремесла от земледелия. Происходит территориальная концентрация специализированных производств: на севере Алтын-депе складывается обширный квартал ремесленников, где жили и трудились гончары и, вероятно, другие мастера. Это была уже иная форма социальной организации специализированных производств, отличная от системы общинных ремесленников, рассредоточенных по общинам, членами которых они являлись.

Усложняется и социальная структура общества, изучение которой можно проводить на материалах двух видов источников — домов и погребальных памятников. Застройка Алтын-депе в пору ранней бронзы осуществлялась небольшими домами, рассчитанными, судя по их размерам, на малую семью (Кирчо, 1983, 1986). 5—6 домов территориально группировались в более крупную единицу — квартал, имевший общее святилище. Судя по размерам всех этих строений, квартал был местом обитания большесемейной общины, представлявшей, как и в пору позднего энеолита, основную ячейку общества. В непосредственной близости от хозяйственно-жилых массивов находились и гробницы, бывшие в соответствии с числом и половозрастным составом погребенных усыпальницами как отдельных малых семей, так и в некоторых случаях более значительных коллективов. Инвентарь захоронений взрослых сравнительно небогат, но на этом фоне выделяются отдельные женские погребения, в которых помимо расписных глиняных сосудов имеются сосуды, выточенные из мраморовидного известняка, бронзовые изделия и украшения. Обычно в каждом из вскрытых слоев на раскапывавшемся участке было найдено по одному такому погребению молодой женщины с нестандартным инвентарем, включающим, в частности, каменные светильники. Скорее всего, это захоронения женщин, выполнявших функции жриц. Однако в целом разница в уровне благосостояния на этом этапе развития не отмечается в сколько-нибудь значительных масштабах.

В период средней бронзы вся картина принципиально меняется. Целый ряд данных свидетельствует о том, что в обществе Алтын-депе произошла заметная социальная дифференциация, нашедшая отражение в имущественном положении и в образе жизни в целом. Достаточно четко выделяются три группы различного социального и имущественного статуса среди городского населения (Массон, 1981а, с. 102—104). Для первой группы характерно расселение в больших многокомнатных домах, где, как и в позднем энеолите, выделяются блоки, рассчитанные на малую семью при наличии общих для всего массива кухни и хозяйственного двора. Сами дома имеют несколько хаотичную планировку, разделяющие их улицы узкие и кривые. Такова, в частности, застройка квартала ремесленников. Среди костных остатков, найденных здесь, преобладают дикие животные — видимо, обитатели этого участка не обладали обширными стадами или не получали из сферы скотоводства достаточно мясной пищи как эквивалента создаваемой ими продукции. В могилах, расположенных близ домов, единственный погребальный инвентарь составляют сравнительно редкие керамические сосуды. Вероятно, обитатели подобных кварталов либо вообще не имели личных украшений, либо не помещали их в могилы, так как это было бы для данного коллектива невозможным расточительством. Это была низшая ступень уровня состоятельности, наиболее низкий порог в образе жизни обитателей Алтын-депе. Для второй группы характерно расселение в отдельных небольших домах, состоящих из 3—5 комнат с особым хозяйственным двором и кухней. В общей планировке здесь также нет четкой регулярности, улочки и проулки часто меняют направления и по существу представляют собой узкие щели между домами, ориентация осей которых весьма различна. В гробницы и могилы этих состоятельных горожан часто помещали разнообразные личные

украшения, в том числе из полудрагоценных камней — лазурита, бирюзы, сердолика и агата. Среди костных материалов преобладают остатки домашних животных. Наконец, третью группу населения составляли обитатели района поселения, названного «кварталом знати», отличавшегося правильной застройкой. Помимо преобладания в остеологических материалах домашних особей Н. М. Ермолова отмечает, что кости животных почти не раздроблены для получения костного мозга в отличие от образцов, происходящих с других раскопов. Украшения женщин, принадлежавших к данной группе населения, как это видно по материалам погребений, весьма разнообразны: бронзовые и серебряные кольца, ожерелья, браслеты, диадемы и даже наборные пояса, составленные из бус. В могилах и гробницах, расположенных возле этих домов, помимо разнообразия погребального инвентаря немало и таких престижных объектов, как печати. Это бесспорно аристократия, богатые знатные горожане.

Малые семьи были основной потребляющей единицей. Весьма показательно, что на Алтын-депе отсутствуют огромные кухонные котлы, которые могли использоваться для приготовления пищи в расчете на крупные коллективы. Небольшие котелки со сливом объемом в 3—4 л были главным видом сосудов для приготовления пищи во всех группировках жителей города. Примечательно и распределение каменных орудий труда, детально изучаемых Г. Ф. Коробковой (Коробкова, 1983, 1985). Они показывают, что в каждом доме производили обработку зерна и занимались ткачеством. Порой в одном из домов того или иного массива встречаются многочисленные орудия металлообработки — это мог быть дом своего рода квартального кузнеца, труд которого можно рассматривать как сохранение традиций общинного ремесла. Община, в данном случае большесемейная, сохраняла свое значение автаркичной ячейки общества, в которой сочетались, используя выражение К. Маркса, «промышленность и сельское хозяйство» (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I, с. 464). Вместе с тем весь общественный организм Алтын-депе в определенных аспектах должен был функционировать как единое целое. Продукция пастухов-профессионалов тем или иным образом распределялась среди обитателей города. Не отмечено на поселении сколько-нибудь значительных придомных амбаров и зерновых хранилищ, что говорит о существовании общих фондов. Присутствие в каждом доме орудий для помола зерна свидетельствует о том, что распределение продуктов земледелия, каковы бы ни были его конкретные формы, производилось именно в виде зерна, подлежащего обработке.

В целом дома, рассчитанные, судя по размерам, на малую семью, так же как и в пору ранней бронзы, территориально и идеологически (общая гробница, общее святилище) объединяются в более крупные социальные единицы, которыми, скорее всего, являлись большесемейные общины. Намечающаяся сложная стратификация общества Алтын-депе может рассматриваться как предтеча классовой структуры. Таким образом, формирование поселения городского типа со сложной внутренней структурой и социальная дифференциация общества являются процессами, идущими одновременно, и между ними, бесспорно, существует сложная система причинно-следственных связей.

Наряду с охарактеризованными выше тремя группами погребений на Алтын-депе имеются и захоронения, насыщенность которых погребальным инвентарем, особенно уникальными и престижными объектами, выходит за стандартные рамки. Таковы два женских погребения, в одном из которых помимо богатых украшений, включавших изделия из золота, была найдена серебряная печать, изображающая трехглавого дракона. В другом находился богатый туалетный набор предметов, сделанных из серебра и слоновой кости. Интересно захоронение мужчины, в котором помимо керамических сосудов и

бус было два каменных изделия явно престижного характера — каменная «колонка» и длинный каменный посох. Обломки подобных посохов иногда встречались при раскопках домов «квартала знати». Видимо, они были важным атрибутом лиц особого социального положения. Богатством и разнообразием инвентаря отличалась и гробница жрецов. Вместе с тем на Алтын-депе пока не обнаружено погребений военных вождей или царских захоронений. Судя по всему, Алтын-депе времени Намазга V представляет эволюцию городского организма, формирующегося естественным путем на базе оседлых земледельческих обществ. Оно явно перешагнуло рамки просто крупного оседлоземледельческого поселения и, учитывая наличие большого культового центра, могло бы характеризоваться как храмовый городок. Существование в культовом комплексе и в «квартале знати» обширных хранилищ, могущих иметь общегородское значение, указывает на то, что аристократия и жречество постепенно монополизируют право хранения и распределения продуктов, составляющих фонд городской общины в целом. Высок и культурный потенциал, достигнутый этим обществом. Оседлый образ жизни с благоустроенным бытом, сформировавшийся в раннеземледельческую эпоху, сохраняется, но вместе с тем под воздействием процессов, происходящих в обществе, он становится внутренне дифференцированным. Три типа жилищ в этом отношении достаточно показательны. Дома «квартала знати» просторны, удобны и тщательно оформлены. Судя по имеющимся данным, различия распространялись и на другие стороны быта. Именно на этом участке многочисленны свидетельства богатого женского убранства. В коллективных гробницах квартала на погребенных женщинах сохранились помимо ожерелий кольца и браслеты, их бедра охватывают пояса, образованные рядами бус, возможно нашивавшихся на матерчатую основу. На черепках встречен мелкий бисер, иногда группирующийся в линии какого-то узора, — вероятно, это были богато расшитые шапочки. Отмечены и истлевшие отпечатки тонких шерстяных тканей от одежды или от савана, тогда как в квартале ремесленников, как и ранее в энеолите, усопших заворачивали в плетеные циновки, отпечатки которых нередко обнаруживаются в ходе раскопок. Показательно и высокое качество стандартных изделий, происходящих из района «квартала знати». Здесь многочисленны обломки каменных сосудов, найденных в кладах, имеются сосуды из бронзы. Если нарядная расписная керамика в равной мере украшала быт всех общинников, то теперь к услугам высших слоев, как это отмечал по материалам Месопотамии Г. Чайлд (Чайлд, 1956, с. 247), были дорогие сервизы из камня и металла. Даже женские статуэтки стандартных типов, но обнаруженные в руинах домов или гробницах «квартала знати», более изящны и тщательно выполнены по сравнению с фигурками из других участков поселения. Недаром в могилах социальной элиты имеются зеркала — местным красавицам было что надевать и подправлять с помощью этих важных объектов туалета.

Существенным показателем уровня культурного развития было развитие монументальной архитектуры. По существу уже оформление главного въезда массивными башнями-пилонами принадлежит к числу явлений подобного рода. Более примечательным было создание специального культового центра, для которого использовали оплывший холм поры ранней бронзы, расположенный на восточной окраине Алтын-депе (рис. 42). Здесь уже на первом этапе существования комплекса были возведены крупный жилой комплекс («дом жреца»), гробница, созданы различные хозяйственные строения, устроены два больших двора — один с кирпичной вымосткой (предположительно двор собраний) и другой с очагами, где, возможно, совершались культовые жертвоприношения. Архитектурную доминанту комплекса образовывала трехступенчатая башня, имевшая по фасаду длину около 21 м и 8—10 м в вы-

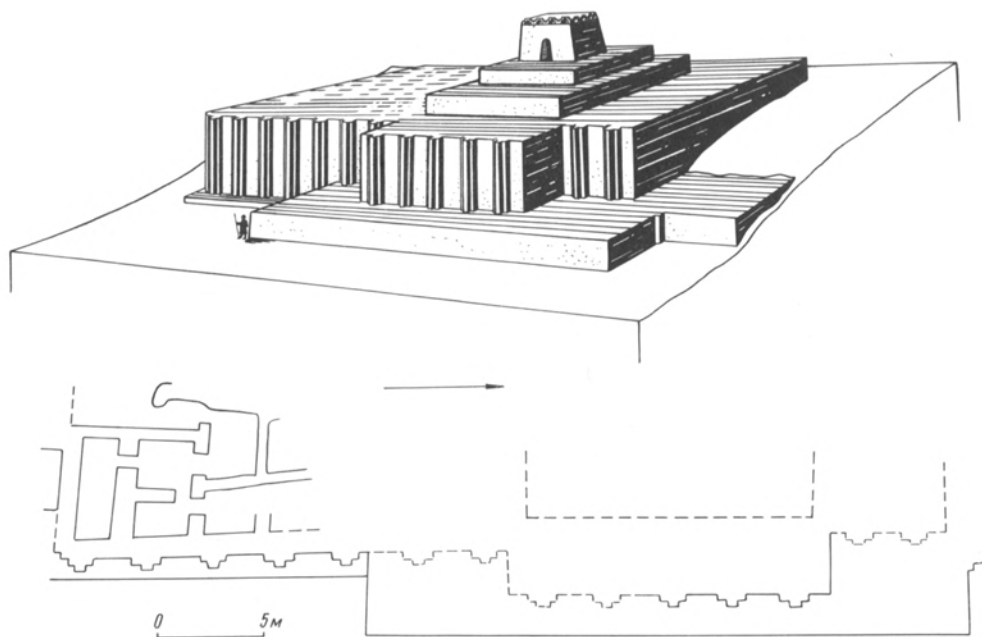

Рис. 42. Алтын-депе. Культурный комплекс. План и реконструкция.

соту. Затем эта башня была увеличена в размерах и более ранний «зиккурат» оказался замурованным в недрах сырцовых массивов. Рядом из сырцового кирпича была сооружена платформа 3-метровой высоты, на которой располагалось крупное хранилище. В целом парадный восточный фасад всего комплекса достигал в длину 55 м и был декорирован трехступенчатыми в плане пилястрами. Как сама идея ступенчатого башнеобразного сооружения, так и использование пилястр, члениющих вертикальную гладь сырцовых стен, принадлежат к числу месопотамских архитектурных решений, сформировавшихся в Южном Двуречье еще в конце IV тыс. до н. э. и ярко представленных в памятниках всего III тыс. до н. э.

Появление такого крупного комплекса — центра идеологической жизни всего поселения в целом означает принципиальные изменения по сравнению с раннеземледельческой эпохой, когда эта функция была рассредоточена по отдельным святилищам, часто органически включаемым в многокомнатные дома-массивы. Весьма показательна и семантическая ориентированность комплекса. При его раскопках практически отсутствовали находки женских терракот, этих неизменных спутников популярного божества плодородия. Найденные объекты, и прежде всего голова быка с лунообразной инкрустацией во лбу (рис. 43), указывают на связь комплекса с мужским астральным божеством, близким к месопотамскому Нанне-Сину. Одним из символов лунного бога Нанны был небесный бык огненного цвета, и именно этому божеству был посвящен знаменитый зиккурат Ура. Скорее всего, близкое божество было верховным в культовой системе Алтын-депе, что нашло прямое отражение в культовых объектах, обнаруженных в гробнице жрецов. Это божество символизировало верховное единство, возвышавшееся над мелкообщинными коллективами, образующими качественно новую систему — городскую общину.

О значительных идеологических сдвигах свидетельствует и изменение стиля терракот, воспроизводящих женское божество. На смену объемному моделированию, характерному в целом для поры энеолита, приходит условно-

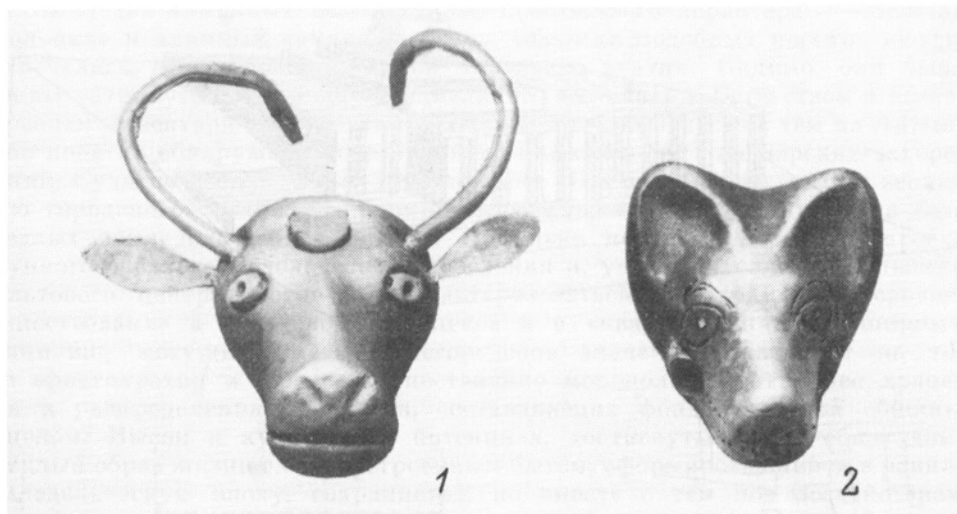

Рис. 43. Алтын-депе. Голова быка (1) и волка (2). Золото.

плоскостной стиль. Это не был какой-то упадок искусства или потеря традиций реализма, ярко представленного в других образцах искусства малых форм, в частности в зооморфной пластике. Происходит изменение эстетических канонов, явно связанных с переменами в социальной психологии. Может быть, этот перелом был обусловлен первыми шагами по созданию определенной религиозной системы, идущей на смену конгломерату разрозненных обрядов, верований и культов. Формирующийся пантеон требовал новых приемов для своего воплощения, и в результате появилась серия терракот, передающих женский образ в нарочито измененной форме, но с подчеркиванием огромных глаз как сосредоточия сверхъестественной мудрости и пронизательности. Формирующаяся цивилизация несла значительные перемены почти во все сферы бытия.

Таким образом, южнотуркменистанские материалы позволяют проследить почти линейное восходящее развитие от поры архаических земледельцев к сложному обществу. Однако во II тыс. до н. э. происходят события, рисующие всю противоречивость конкретно-исторической ситуации. Старые традиционные центры на юге Средней Азии — Алтын-депе и Намазга-депе приходят в упадок, и, наоборот, происходит активное освоение урбанизированной культурой новых пространств в дельте Мургаба и по среднему течению Амударьи. Раскопки Алтын-депе показывают, что запустение этого центра происходило постепенно и отнюдь не было связано с какими-либо событиями катастрофического характера. Судя по всему, жители просто покидали свои дома, унося с собой движимое имущество и лишь изредка радуя археологов забытыми глиняными сосудами, возможно не представлявшими особенно большой ценности в их благоустроенной жизни. Не исключено, что определенную роль сыграла усилившаяся аридизация климата, о чем убедительно свидетельствуют результаты изучения стойбищ степных охотников в недрах Кызылкумов (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 234—255). Нельзя забывать и о возможностях засоления земель как побочного эффекта ирригационного земледелия. Как бы то ни было, прикопетдагские оазисы как традиционные центры культурного прогресса к середине II тыс. до н. э. теряют свое значение и центр импульсивного развития перемещается на восток.

Так, в древней дельте Мургаба вдоль одного из протоков в начале II тыс. до н. э. складывается целый оазис поселений, культура которых идентична

комплексу верхнего слоя Алтын-депе. Здесь мы видим и те же основные формы керамики, и близкие типы терракотовых статуэток, и аналогичные печати. Сам оазис состоял из шести поселений, расположенных на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга (3—4 км). Наиболее крупным из них, древним центром оазиса было Келлели I. Здесь представлен новый тип крупных хозяйственно-жилых массивов, развивающих традицию четко спланированных домов «квартала знати» Алтын-депе. Крупные дома, подквадратные в плане, имели общую площадь около 800 м². По периметру их шел обводной коридор, в центре значительная площадь оставалась свободной, а вокруг двора происходила застройка секциями-квартирами из 2—3 комнат. Такие дома раскопаны и на небольших памятниках келлелинского оазиса. Имеется здесь и новый тип поселения, неизвестный в подгорной полосе. Это подквадратная в плане крепость с обводной стеной, фланкированной прямоугольными башнями. Планировочно она близка к упомянутым выше квадратным домам, но значительно превосходит их размерами (127×128 м). Появление таких фортификационных сооружений, скорее всего выполнявших функцию убежища для всего оазиса, указывает на напряженную военнополитическую ситуацию, отличную от картины, наблюдавшейся в традиционных оазисах прикопетдагской равнины. Хозяйственная система, судя по всему, развивает те же сферы, что и на Алтын-депе, лишь со значительно большим удельным весом свиноводства, что может быть связано с большей обводненностью дельты такой крупной реки, как Мургаб. В целом культура келлелинского оазиса представляет собой местный вариант культуры верхних слоев Алтын-депе с незначительными локальными модификациями. Его происхождение следует прямо связать с перемещением населения из оседлоземледельческой метрополии Южного Туркменистана. Такое передвижение едва ли было простой инфильтрацией, скорее всего, оно представляло собой организованный процесс, направляемый политическим и хозяйственным руководством, сложившимся в цивилизации Алтын-депе.

В середине и второй половине II тыс. до н. э. дельта Мургаба широко осваивается союзами оседлоземледельческих общин. Древние поселения расположены кустами вдоль дельтовых протоков. Их центрами являются крупные памятники площадью свыше 5 га, обычно состоящие из подквадратной крепости и обширного примыкающего холма аморфных очертаний. На таких поселениях имелись и особые ремесленные кварталы, где концентрировалось производство глиняных сосудов, а также как будто и металлических изделий. Таково, например, поселение Таип I, для которого характерно и богатство культуры: именно здесь обнаружены четыре цилиндрические печати и оттиск на глиняном сосуде двух других (Масимов, 1981). Крупнейшим памятником этого времени в дельте Мургаба, возможно даже своего рода местной столицей, было поселение Гонур, центр одновременного оазиса. Его площадь достигает 28 га, и здесь также имеется крепость, подквадратная в плане. Большая же часть древних поселений невелика по размерам, и на них, как правило, отсутствуют следы интенсивной ремесленной деятельности. По-видимому, крупные центры следует рассматривать как поселения городского типа, а оазис в целом в качестве исходного субстрата общественной единицы, которая по мере развития превращается в организм, известный как город-государство. Однако пока нет данных о том, что в дельте Мургаба (древней Маргиане) в рассматриваемое время был уже достигнут такой уровень социального и политического развития.

Культура Маргианы бронзового века формируется на основе алтыновских традиций, перенесенных в эту область как устойчивый комплекс еще в период формирования оазиса Келлели. К числу последующих новшеств относится (помимо некоторых изменений в керамике, носящих, возможно, и эволюционный характер) распространение плоских печатей-амулетов со сложными

сценами, цилиндрических печатей и новых форм бронзовых изделий, включая парадные топоры. На печатях преобладают изображения различных зверей, в том числе быков, атакуемых змеевидными драконами, но имеется и печать, изображающая могучего героя, держащего в руках двух поверженных животных. Этот мотив иконографически явно восходит к излюбленному персонажу месопотамского эпоса — Гильгамешу.

Колонизация дельты Мургаба оседлоземледельческими общинами была прелюдией к дальнейшему освоению новых территорий. В первой половине и середине II тыс. до н. э. оседлые поселения с культурой, практически мало отличающейся от мургабской, представлены по среднему течению Амударьи как на правом ее берегу, в пределах Узбекистана и Таджикистана (Аскарлов, 1973, 1977), так и на левом, в Северном Афганистане (Сарианиди, 1977). Оседлые оазисы тянутся около небольших водных протоков, которые, судя по всему, использовались для орошаемого земледелия. Использование вод Амударьи и ее крупных притоков было не по силам земледельцам бронзового века. Ассортимент возделываемых культур был достаточно широк — два вида пшеницы, ячмень, просо и виноград. Среди домашних животных помимо верблюда для транспортных нужд использовалось еще одно животное — осел. Типичным поселением этого времени является Саппали, где центром поселка служила подквадратная в плане крепость размером 82×82 м², по структуре аналогичная большим квадратным домам и крепостям Маргианы. Вдоль стен здесь расположены коридоры, в центре находится двор, а по периметру идут теснящиеся друг к другу хозяйственно-жилые комплексы, рассчитанные, судя по величине, каждый на малую семью. Саппали отличалось, как и другие поселения этого типа, высоким уровнем благосостояния. Об этом можно судить по обильному инвентарю в погребениях — иногда в них находится до трех десятков керамических сосудов и до десятка изделий из бронзы и меди. Значительное количество бронзовых изделий выделяет богатые погребения, среди них многие принадлежат женщинам, общественное положение которых, видимо, как и в пору ранней бронзы, оставалось достаточно высоким. Более крупным центром на правобережье Амударьи было поселение Джаркутан, где центральная крепость занимала площадь в 4 га, а неподалеку располагался обособленный комплекс сложной внутренней планировки, возможно являвшийся храмовым центром. Показательно, что наряду с распространением крепостей становится больше и предметов вооружения, подтверждающая заключение о напряженной и беспокойной эпохе. На это указывает и появление на некрополях значительного числа кенотафов, количество которых к концу II тыс. до н. э. даже несколько увеличивается. Нередко в кенотафы помещены такие предметы, как боевые топоры и бронзовые копья, что указывает на сооружение их в память воинов-мужчин, погибших где-то на стороне. Таким образом, на юге Средней Азии во II тыс. до н. э. произошло перемещение центров, что осложнило картину последовательного эволюционного развития, наблюдавшегося в прикопетдагских оазисах на протяжении VI—III тыс. до н. э. Процесс формирования городских поселений и цивилизаций, впечатляюще представленный материалами Алтын-депе, был прерван в данном конкретном центре; происходит пространственное расширение границ обитания, на организацию которого, видимо, ушли основные усилия общественных организаций. Показательно, что по среднему течению Амударьи, т. е. на территории позднейшей Бактрии (рис. 44), мы не находим во II тыс. до н. э. крупных городских поселений, имеющиеся крепостцы и монументальные комплексы храмового типа расположены на значительном удалении друг от друга подобно дислокальному типу расселения, наблюдавшемуся в Мезоамерике в эпоху майя.

Культурная эволюция оседлоземледельческих общин, завершившаяся формированием протогородской цивилизации Алтын-депе, является приме-

ром сравнительно хорошо изученного процесса, документированного материалами археологии. Вместе с тем это был лишь частный случай более масштабных процессов, охвативших со второй половины III тыс. до н. э. не только юг Средней Азии, но и целый ряд соседних областей. Археологические комплексы Маргианы, Бактрии, Шахдада в Центральном Иране, Мергара на северо-западе Белуджистана характеризуют целый блок культур, который мы предлагаем именовать протобактрийским. Анализ художественных изделий, сочетающих глубинные, почти раннешумерские традиции и новые, специфические местные инновации, рисует культуры этого блока и Бактрию в первую очередь как выдающийся очаг искусства древневосточного мира (Amiet, 1986). Здесь ярко проступает соотношение различных типов культуры (рис. 45). На эпохальном срезе это тип культуры, характерный для эпохи первых цивилизаций,

Рис. 44. Северный Афганистан. Фигура сидящей женщины. Камень.

хотя и в ее начальных, формативных проявлениях. На региональном уровне весь этот массив явно входит в культурную макросистему Древнего Востока, но имеет ряд специфических черт, позволяющих говорить об особом протобактрийском субрегионе. В наборах типов артефактов заметны существенные отличия от комплексов типа Шахри-Сохте и особенно Мергара IV—VII. В последнем сохраняет значение расписная посуда в керамическом комплексе, что указывает на близость к хараппскому пути культурогенеза. Однако вскоре подвижность границ культурных регионов приводит к опережающей смене ситуации, и нерасписная посуда Мергара VIII и Сибири (Jarrige, 1985) явно принадлежит к тому же кругу явлений, что и керамические комплексы Маргианы и Бактрии. Специфическими чертами субрегиона являются изготовление каменных сосудов из мраморовидных пород и плоские, преимущественно металлические печати с ушком-петелькой на тыльной стороне. Ко II тыс. до н. э. усиливаются в субрегионе процессы культурной интеграции. Помимо керамики культурная общность проявляется в глиптике, торевтике, металлургии. Налицо ряд типов изделий, общих на субрегиональном уровне.

Характерной чертой культурогенеза является культурный синтез, взаимодействие спонтанной и стимулированной трансформаций. Это присуще всему протобактрийскому региону в целом. Можно рассмотреть, как эта общая закономерность проявляется в глиптике Маргианы II тыс. до н. э. Здесь четко выступают три компонента, нашедшие отражение в распространении печатей трех типов. Первая такая группа — плоские перегородчатые печати с петлеобразной ручкой. По форме и по геометрическим и зооморфным (копытные, птицы) мотивам они прямо продолжают местную, алтыновскую традицию. Видимо, типологическим развитием этой группы являются крупные ажурные бронзовые печати, на которых сюжеты становятся более разнообразными. Новым является второй тип печатей — плоские каменные печати-амулеты. В их форме в виде многоступенчатого креста и частично в сюжетах могут быть прослежены местные традиции. Но в целом иконография и стиль заметно отличны. Частично налицо сюжеты, навеянные

I. Эпохальный тип культуры

Протогородские
и городские
центры

Монументальная
архитектура

Специализация
ремесел

II. Региональный тип культуры

Мраморные и
орнаментированные
сосуды

Плоские печати

II а. Протобактрийский
субрегион

II б. Индостанский
субрегион

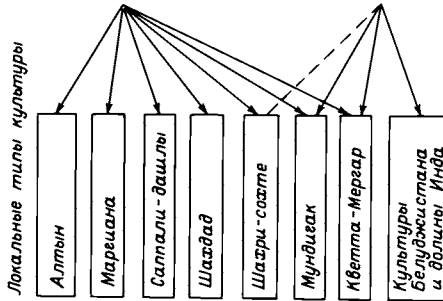

Рис. 45. Типы культур бронзового века в Средней Азии и на Среднем Востоке.

месопотамо-эламской и харапской традициями. Однако это не прямые заимствования, а селективное использование. Наконец, третий тип — цилиндрические печати со сложными сюжетами и сценами. По форме этот тип печатей явно восходит к месопотамо-эламской традиции. Ранние находки цилиндрических печатей известны в Шахдаде и в нижних слоях Шахри-Сохте. Такой многокомпонентный состав глиптики характерен и для Бактрии, где налицо все три типа. В Гисаре III В и С имеются и плоские печати с петелькой, и цилиндрические печати. В Северном Белуджистане, как свидетельствует комплекс Сибири, также имеются печати обоих типов. При этом стиль и сюжеты глиптики Сибири весьма близки к Маргиане. Показательно, что целый ряд новых образов и сюжетов, так же как и их стилистические решения, не может быть сведен к прямым заимствованиям. Скорее всего, мы имеем дело с качественными сдвигами в соционормативной подсистеме, связанной с духовным производством. В результате для всего блока культур можно говорить, например, о наличии особой школы цилиндрических печатей, которые лишь используют исходную месопотамскую форму этого объекта, воплощая в ней местные идеологические и эстетические каноны (рис. 5).

Механизм изменений, происходящих в протобактрийском регионе во II тыс. до н. э., в конкретно-историческом аспекте был достаточно сложен. Мы имеем здесь дело и с явлениями культурной интеграции ряда локальных цивилизаций, и селективное заимствование некоторых эталонов месопотамо-эламской среды, и, возможно, миграционные явления. К числу последних, вероятно, следует отнести и происходящее расселение племен, связанных, скорее всего, с индо-иранским этносом, и начинающиеся в этой связи сложные процессы культурной и этнической ассимиляции. Все это изменило характер конвергентного развития, и завершение процесса формирования цивилизации и классового общества с сильной царской властью, разветвленными органами государственного управления, устойчивой системой письменности оказалось растянутым на многие столетия.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ИНДОСТАНА

Индия рано получила признание в европейской науке как страна древних культурных традиций и высокоинтеллектуального потенциала, выраженного порой в формах, непривычных рационалистическому мышлению Запада. Между тем археология доказала, что Индостан является родиной одной из древнейших мировых цивилизаций, и имеющаяся информация позволяет проследить этапы формирования этого выдающегося феномена человеческой культуры на индостанском субконтиненте.

Разнообразие природных условий Индостана во многом способствовало сложению заметных культурных различий в среде обитавших здесь племен и народов и различным темпам их исторического развития. Тянущийся на севере пояс огромных горных систем Гималаев и Гиндукуша издревле служил барьером, затрудняющим перемещения. Однако примыкающие к нему менее значительные горные системы и плоскогорья были рано освоены человеком, особенно по речным долинам. К числу таких областей принадлежит Белуджистан. Географически он как бы является восточным окаймлением системы Иранского нагорья. Жаркий засушливый климат, преимущественно летнее выпадение осадков стимулировали использование водных ресурсов протекающих здесь временных и постоянных водотоков. Разнообразный животный и растительный мир, включавший основные виды домашних животных и культурных растений, образовывал значительный исходный потенциал для прогрессивного развития древних обществ. Для межрегиональных связей особое значение имели горные проходы и перевалы, в особенности Боланский и Хайберский на севере Белуджистана. Вторая крупная орографическая зона Индостана — Индо-Гангская низменность отличается плодородными аллювиальными почвами, особо благоприятными для развития сельского хозяйства. Однако проблема обеспечения влагой произрастающих растений здесь не менее остра, чем в Белуджистане. Ее источниками могут быть лишь крупные водные артерии с паводковым режимом. Инд служил и важной транспортной артерией, идущей в меридиональном направлении и связывающей области, расположенные на значительном удалении друг от друга.

Первые предметы, относящиеся к древнейшей цивилизации Индостана, были обнаружены и опубликованы еще в XIX в., но тогда они не нашли правильной атрибуции. Лишь в 1922 г. после начала раскопок на городище Мохенджо-даро стало ясно, что лопата археолога открыла новый, неведомый дотоле мир. Исследования были продолжены в широких масштабах под руководством Дж. Маршала (Marshall, 1931), а затем Э. Маккея (Mackay, 1938), и именно эти работы прочно ввели в историю древнего мира новый очаг цивилизации — древнеиндский. Одновременно были осуществлены раскопки на другом крупном центре — Хараппе (Vats, 1940), ставшем эпонимным для всей цивилизации, древнее самоназвание которой остается неизвестным. Разведки и разведочные раскопки показали, что помимо крупных центров в долине Инда располагались менее значительные хараппские поселения, а в Белуджистане были обнаружены предшествующие им поселки ранних земледельцев, изготовлявших нарядную расписную керамику. С образованием Индии и Пакистана как независимых государств проведение учета археологических памятников приобретает все более систематический характер, были открыты и исследованы новые важные центры хараппской цивилизации — Калибанган, Лотал, Суркогада, а общее число известных памятников этой культуры достигает нескольких сот (Joshi a. o., 1984). Целенаправленные

раскопки позволили систематизировать материалы по раннеземледельческим культурам Белуджистана, а недавние открытия в Мергаре существенно удревнили возраст индостанского очага раннеземледельческих культур (Jarrige, 1984).

Количество специальных исследований и сводных работ, посвященных древним культурам индо-пакистанского региона, весьма велико. Яркая общая картина их развития была дана С. Пигготом, много сделавшим в области систематизации материалов раннеземледельческих памятников (Piggott, 1950). Ценную сводную работу выпустил и М. Уиллер, внесший значительный вклад в организацию археологической службы в Индии и Пакистане и в подготовку национальных кадров (Wheeler, 1959). Из других сводных трудов необходимо отметить обобщающие сводки американского археолога У. Фэрсервиса (Fairservis, 1971) и английского исследователя Р. Олчина (Allchin, 1982). Яркую монографию об особенностях исторического развития древней Индии в тесной связи с географической ситуацией опубликовал индийский исследователь Б. Субборао (Subbarao, 1958), дважды издавалась подробная сводка археологических материалов, составленная старейшим индийским археологом Х. Д. Санкалия (Sankalia, 1974). О качественно новом этапе изучения хараппской цивилизации и связанных с ней проблемах свидетельствуют изданные в 80-е гг. два тематических сборника «Пределы индийской цивилизации» (FIS) и «Хараппская цивилизация» (HC).

Для общей характеристики древних культур Индостана большое значение имело предисловие советского историка В. В. Струве к русскому изданию книги Э. Маккея (Маккей, 1951, с. 5—26). Позднее подробному анализу были подвергнуты раннеземледельческие культуры Индии (Массон, 1964б, с. 246—302) и обстоятельно освещались особенности хараппской цивилизации (Ильин, Бонгард-Левин, 1969). Все эти материалы и исследования позволяют дать общий обзор древних культур Индостана начиная с раннеземледельческой эпохи.

Долгое время оставались слабо освещенными истоки раннеземледельческих культур региона, о которых можно было судить лишь по нескольким кремневым и костяным изделиям из нижних слоев поселения Кили-Гхул-Мухаммед в Северном Белуджистане, раскопанных к тому же на ограниченной площади.

Последние открытия в Мергаре облекли эти предположительные характеристики в плоть и кровь полноценного археологического материала. Здесь по существу речь должна идти о выделении особой раннеземледельческой культуры, которую по эталонному памятнику можно именовать мергарской (рис. 46). Ее характерными чертами являются наличие строений из сырцового кирпича, развитая кремневая индустрия с геометрическими микролитами (сегментами и трапециями), каменные шлифованные тесла и топоры, бусы из кости, различные породы камня и раковин, образующие находимые в погребениях нарядные ожерелья. В основном эта культура относится к VI тыс. до н. э., хотя открывшие ее французские исследователи склонны несколько удревнять ее возраст.

Уже в этой первой раннеземледельческой культуре индостанского региона налицо четкие признаки нового образа жизни и соответствующего ему нового культурного комплекса. Поселение образуют постройки, возведенные из прямоугольного сырцового кирпича. Из того же материала строились и жилые помещения, и подсобные строения, и целые комплексы, как например зернохранилище, состоящее из небольших отсеков-закромов. Строения имели плоское перекрытие, в одном случае сохранились отпечатки составлявших его плах, рухнувших на пол. Между домами располагались могилы, в которых погребенные лежали в скорченной позе. Следы красной охры указывают, что ее использование было составной частью погребальных обрядов. В некото-

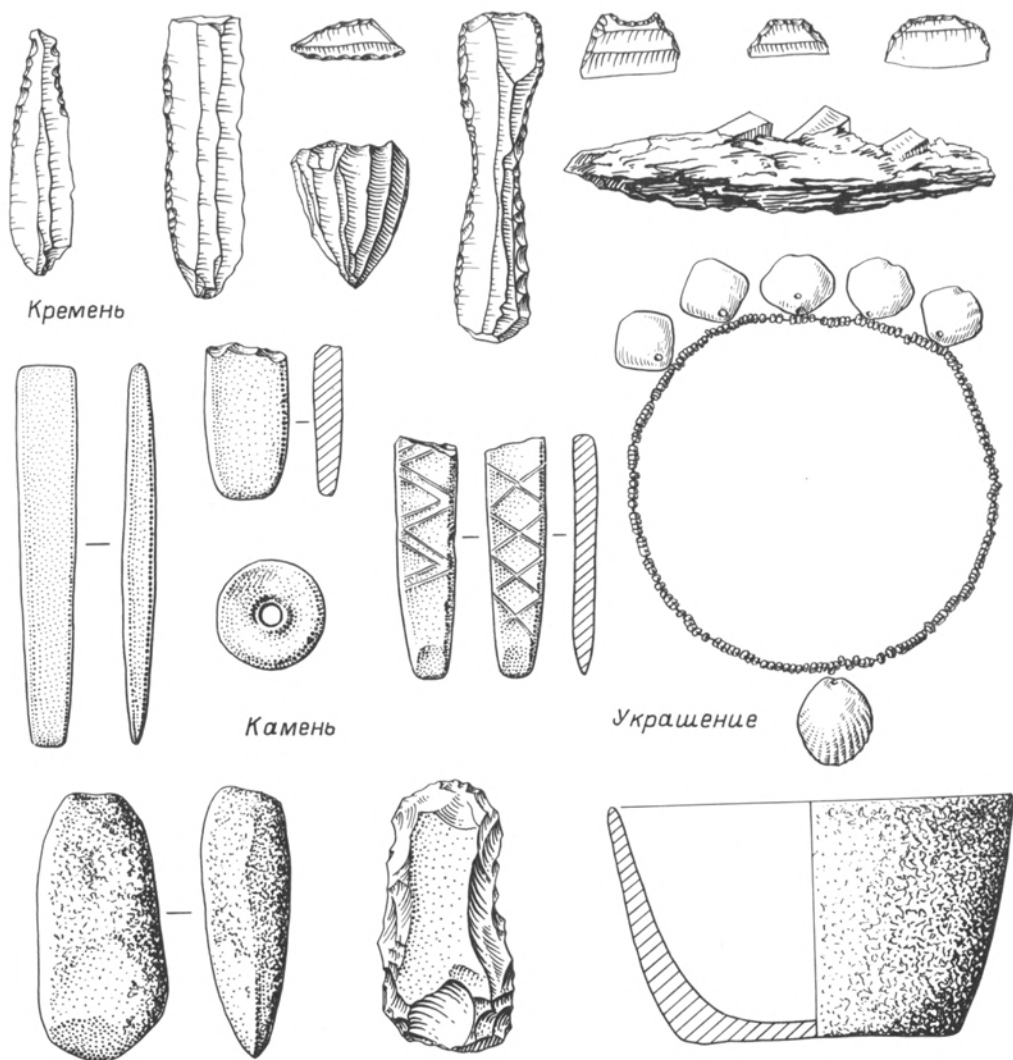

Рис. 46. Неолитический комплекс Мергар.

рых могилах обнаружены отпечатки плетеных корзин, о возросшем уровне благосостояния свидетельствуют личные украшения. В ожерельях, помещаемых с усопшими, замысловато комбинируются бусы из кости, раковин и различных пород камня, среди которых имеется бирюза.

Орудийный комплекс типичен для поры архаических земледельцев — микролитическая кремневая индустрия, рассчитанная на широкое применение вкладышевых орудий. Имеются скреблы на пластинах и разнообразные сверла. Вкладыши серпов вставлялись в деревянную основу под углом, что позволяло создать эффективную зубчатую рабочую поверхность. Шлифованные каменные орудия представлены топорами, теслами, долотами. Одно из долот украшено несложным нарезным орнаментом, сохранившим следы окраски охрой. Имеются и каменные сосуды, что было весьма существенной составной частью всего комплекса, связанного с производством и потреблением пищи, поскольку глиняная посуда, как и в древнейшем Иерихоне,

оставалась неизвестной. Видимо, ее заменяли каменные сосуды, плетеные изделия, а возможно, и не сохранившаяся деревянная утварь.

Четко вырисовывается земледельческая основа экономики мергарской культуры. Состав возделываемых злаков довольно разнообразен: два вида ячменя, три — пшеницы, в том числе эммер. Имеются также зерна дикорастущего ячменя. Засушливый климат района Мергара, где осадки ливневого характера выпадают лишь в августе—сентябре, позволяет предполагать использование для возделывания злаков влажных заболоченных почв (лиманное орошение) или вод речки Болан, на берегу которой располагался этот неолитический поселок. Интересно, что относительно развитое земледелие на первых порах сочеталось с большой ролью охоты — лишь незначительный процент мясной пищи доставляли овцы, небольшие размеры которых уже позволяют видеть в них доместифицированных особей. Состав диких животных, шедших в пищу, достаточно разнообразен: здесь дикие овцы и козы, кабан и даже слон. В более поздних наслоениях мергарского комплекса процент костей домашних животных, к числу которых теперь относится и коза, достигает уже 40 % (Медоу, 1982). Таким образом, хозяйственный комплекс раннего Мергара может быть охарактеризован как земледельческо-охотничий со скотоводческим укладом. Так постепенно шло формирование устойчивой хозяйственной системы, надежно обеспечивающей эффективное производство продуктов питания.

Стремление обеспечить благосостояние членов общества, успешно получавших прибавочный продукт в сфере производства пищи, привело к установлению прочных связей обмена редкими материалами, доставлявшимися в Мергар из мест, находившихся за многие сотни километров. Например, морские раковины для ожерелий проходили путь почти в 700 км, а бирюзовые бусы изготавливались из минерала, источники которого были расположены в еще более значительном удалении.

Достаточно четко проявляются специфические черты культурной традиции Мергара. Так, кремневая пластинчатая индустрия с геометрическими микролитами представляет собой локальное проявление набора признаков, свойственных обширной зоне, начинавшейся от Загроса и включавшей в свой состав также джейтунскую культуру Южного Туркменистана. Близки к джейтунским материалам и каменные топоры, и тесла из шлифованного камня. Прямые аналогии кремневой индустрии Мергара можно обнаружить в материалах Джармо. Однако использование небольшого прямоугольного кирпича отличает Мергар от строительных традиций ближневосточного ареала, где преобладали крупные массивные кирпичи и глиняные блоки (Массон, 1981а).

Налицо в Мергаре и некоторые общие закономерности, свойственные этому этапу развития. Так, среди бусин, обнаруженных в мергарских погребениях, имеется одна, сделанная из меди. Однако этот единичный факт не меняет общего неолитического облика орудийного комплекса Мергара. Как и в Чатал-Хююке и других ранних памятниках, использование металла для украшений отнюдь не изменяло основы производительных сил — набора орудий труда. Судя по всему, Мергар не был единственным поселением на Кветто-Пишинском нагорье, где в VI—V тыс. до н. э. прочно установился новый способ получения продуктов питания и новый образ жизни (Shaffer, 1978). Почти за 30 лет до раскопок Мергара близкий комплекс был выявлен В. Фэрсервисом в нижних слоях поселения Кили-Гхул-Мухаммед. Здесь в наслоениях, пройденных небольшим шурфом, были отмечены остатки строений из прямоугольного сырцового кирпича небольшого формата, грубые орудия из кремневого известняка, костяные проколки и кости животных, из которых домашними были овца и коза. Толщина культурных слоев этого комплекса, получившего название Кили I, достигает 5 м, что свидетельствует

о длительности существования стабильного поселения и о феномене оседлости.

Материалы архаического облика, явно относящиеся к поре неолита, были обнаружены в нижних наслоениях целого ряда памятников в верхнем и среднем течении реки Инд, в основном на его правобережье. Таково поселение Гумла на аллювиальной долине, орошаемой притоком Инда рекой Гомал (Dani, 1970—1971; Dales, 1973, p. 120—121). Здесь в нижних слоях обнаружена достаточно выразительная микролитическая индустрия, но сырцовые строения и глиняная посуда отсутствовали. Видимо, составным элементом жилых комплексов были очаги, обнаруженные в ходе раскопок. Еще севернее, на плато Потвар, неподалеку от известного кушанского центра Таксилы расположено поселение Сарай-кала, где в нижних слоях также представлен неолитический комплекс, в состав которого входили каменные топоры, кремневые пластинчатые орудия на пластинах, костяные проколки и лепная лощеная керамика, иногда с отпечатками плетеных циновок на дне сосудов. Жилищами служили полужемлянки, и нет свидетельств использования сырцового кирпича (Halim, 1972). В этом отношении выделяется другой памятник — Джалилпур, расположенный в самом Пенджабе на берегу реки Рави в 65 км к югу от эпонимного центра древнеиндийской цивилизации — Хараппы (Mughal, 1974). Каменная индустрия здесь близка к Сарай-кале, но имеются и строения из сырцового кирпича. Видимо, все эти материалы характеризуют культурную традицию археологического неолита, который в Кашмире, например, дожил до эпохи существования в долине Инда хараппской цивилизации (Бурзахом; см.: Щетенко, 1979, с. 97—98; Allchin, 1982, p. 111—113). По крайней мере частично носители этих культурных традиций вошли в пласт раннеземледельческих племен Северо-Западного Индостана, долго сохраняя, в частности, архаические черты кремневой индустрии. Недавно Аллахабадским университетом были проведены исследования неолитических, мезолитических памятников по среднему течению Ганга, где к VI тыс. до н. э. формируется неолитический комплекс с грубой лепной керамикой. Палеоботанические находки свидетельствуют о наличии domesticiрованного риса, который встречается в культурном слое наряду с отпечатками зерен некультивированного риса. Однако первые опыты по культивации этого важнейшего злака не привели к кардинальным переменам в хозяйственной деятельности, в которой доминирующую роль сохраняли охота, рыболовство и собирательство (Массон, 1982а, с. 229). Во всяком случае культурный комплекс достаточно архаического облика продолжает сохраняться в долине Ганга еще в течение многих тысячелетий.

Все эти новые материалы, естественно, заставляют вновь обратиться к проблеме происхождения производящей экономики в индо-пакистанском субрегионе. Исследователи Мергара с большим энтузиазмом пишут о независимом очаге производящей экономики, обнаруженном в ходе раскопок на этом важном и интересном памятнике (Jarridge, 1982, 1984; Jarridge, Lechevallier, 1979). Действительно, появление такой породы крупного рогатого скота, как зебувидный бык, указывает на активное вовлечение в хозяйственный оборот местной фауны. Как показали исследования биологов, по числу хромосом домашние овцы восходят к дикому виду барана, обитающему в зоне от Загроса до крупных островов Средиземного моря (Воронцов и др., 1972). Именно овца в земледельческо-охотничьей экономике Мергара была первым домашним животным, и, скорее всего, она была получена из более западных областей. Выше уже отмечалась культурная близость Мергара к раннеземледельческим культурам Ирака и Южного Туркменистана. Необычной особенностью индостанского варианта раннеземледельческих культур является отсутствие глиняной посуды, придающей всему комплексу черты определенной архаики. Вообще характер развития керамического

производства раннего Индостана несколько необычен, к чему нам придется вернуться в последующем изложении. В целом в сложении мергарской культуры как локальной составляющей третьего крупного центра становления производящего хозяйства на Древнем Востоке, рассматривавшегося выше (с. 44), нашло отражение сочетание местных предпосылок, реализуемых на новом этапе исторического развития, и культурных влияний и заимствований, получивших в эту эпоху особенно широкое распространение.

Показательно, что дальнейший прогресс раннеземледельческой экономики и связанного с ним культурного комплекса имеет место в первую очередь в Северном Белуджистане, т. е. в областях, географически наиболее близких к древнейшим очагам производящей экономики соседних территорий — Ирана и Южного Туркменистана. Новый этап развития представлен археологическими комплексами Кили II—III и Мергар II—III. Их датировка остается не вполне ясной. Вполне вероятно, что еще в начале или даже в первой половине V тыс. до н. э. продолжалась бескерамическая мергарская культура, а Мергар II—III следует относить ко второй половине V тыс. до н. э. — первой половине IV тыс. до н. э. Но руководитель раскопок Мергара Ж. Ф. Жариж предпочитает длинную хронологию. В рассматриваемое время появляется глиняная посуда и мелкая пластика, завершая формирование раннеземледельческого культурного комплекса с его основными компонентами. Черепки глиняных сосудов ручной лепки появляются в нижних слоях комплекса Кили II и имеют поверхность, как бы сохраняющую отпечатки плетеной корзины (*basket-marked pottery*). В Мергаре к началу второго периода относятся грубые лепные черепки с примесью в тесте соломы, что весьма характерно для приемов керамического производства восточного культурного ареала от Джармо до Джейтуна. Однако время бытования лепной глиняной посуды в Северном Белуджистане было весьма недолгим: уже в верхних напластованиях Кили II, общая мощность которых достигает всего 2 м, появляется посуда, изготовленная с помощью гончарного круга и украшенная росписью. Аналогичная картина наблюдается и в Мергаре II, где на позднем этапе существования этого комплекса уже представлена превосходная керамика, сделанная с помощью гончарного круга или «поворотной подставки» (Jarrige, 1984, p. 297). Она покрыта росписью, нанесенной черной краской по красному фону и варьирующей несложные геометрические мотивы. Это несколько внезапное появление сложного инструмента, не оставляющее времени на длительное развитие керамического производства, при котором лишь постепенно совершенствуются способы ручной лепки, давно обратило на себя внимание исследователей. Г. Чайлд считал возможным говорить о переселении сюда из Ирана небольшого числа мастеров-профессионалов, принесших навыки прогрессивной технологии (Чайлд, 1956, с. 298). Мы уже отмечали, что едва ли небольшая группа лиц могла оказать столь существенное воздействие на значительную сферу деятельности, если эти изменения не соответствовали внутренним предпосылкам, сложившимся в недрах местного общества (Массон, 1964б, с. 267), где развивались различные виды специализированных производств. Гипотеза о передвижении не мастеров-одиночек, а каких-то групп населения, знакомых с прогрессивной технологией, вошедших в состав местных племен и вскоре в значительной мере ими ассимилированных, пока сохраняет силу.

С этой проблемой связаны и вопросы хронологии. По системе ранних датировок, предлагаемых Ж. Ф. Жарижем, гончарный круг появляется в Северном Белуджистане чуть ли не в начале IV тыс. до н. э., намного раньше, чем в Шумере, Эламе или Центральном Иране. Если же ориентироваться на вероятные связи с иранскими керамическими комплексами, то едва ли есть основания относить гончарную посуду Кили II или Мергар II ко времени, более раннему, чем середина IV тыс. до н. э., ориентируясь на

общепринятые системы абсолютной хронологии Ирана (Dyson, 1965a, p. 237) и Месопотамии (Porada, 1965b, p. 153). Древнее гончарство, утвердившись как самостоятельное производство в северобелуджистанских поселениях, неуклонно развивается, его продукция становится ярким образчиком прикладного искусства. В Мергаре III уже прочно налаживается массовое производство нарядной расписной керамики, которую украшают, в частности, фризы, изображающие процессии следующих друг за другом животных, в основном копытных, но также и птиц. Фризы, воспроизводящие зебувидных быков и антилоп с ветвистыми рогами, имеются и на поселении Рана-Гхундай около города Лоралай, где в более нижних слоях, так же как и в Кили, представлена лепная посуда, в том числе с поверхностью, подражающей плетке.

Найденные в слоях Мергара II глиняные фигурки бычков стоят в начале эволюции мелкой глиняной скульптуры, которая впоследствии достигает на раннеземледельческих памятниках Северного Белуджистана значительного подъема. Традиция изготовления личных украшений, отмеченная еще в докерамическом Мергаре, получает дальнейшее развитие. Бусы выделяются из различных полудрагоценных камней, в том числе из сердолика, бирюзы и лазурита. Для индостанского региона это древнейший случай обнаружения лазурита, видимо импортированного из района Северного Афганистана. Вероятно, промежуточным пунктом при доставке этого минерала было южноафганское поселение Мундигак, где в большом числе обнаружены отходы производства по обработке лазурита и бирюзы. В этой первобытной бижутерии к ранее известным ожерельям добавляются браслеты, которые отныне становятся специфическим женским украшением древнеиндийских культур, сохраняющим свое значение и до наших дней. Концентрация на одном из участков Мергарского поселения отходов от обработки стеатита и орудий для этой обработки, включая кремневые сверла, указывает на локализацию специального производства. Число таких производств возрастает.

В Кили III найдено медное шило. Правда, в Мергаре данные об использовании медных изделий после уникальной бусины в докерамическом погребении отсутствуют. Наоборот, сохранение на этом памятнике в комплексах II—III кремневой традиции с многочисленными геометрическими микролитами указывает на генетическую преемственность местной культуры и вместе с тем является архаизирующим элементом этого раннеземледельческого комплекса.

Основу наблюдаемого культурного прогресса безусловно составляло развитие эффективной системы производства продуктов питания. Земледелие становится поликультурным — среди зерен в Мергаре обнаружены образцы ржи и даже хлопка, хотя трудно сказать, в какой мере это растение выращивалось искусственно. Находки плодов финиковой пальмы указывают, что это высокопитательное растение также использовалось древними мергарцами. Видимо, в устойчивом земледелии, о наличии которого свидетельствует само стабильное существование поселков с яркой культурой, использовались для полива небольшие протоки, орошавшие цветущую и соседние с ней долины. Это, естественно, способствовало росту поселков, укреплению общины как социально-производственной ячейки, широко практикующей простую кооперацию труда. На это указывает крупное зернохранилище, явно рассчитанное на значительные зерновые фонды, обнаруженное в Мергаре. Оно представляет собой десять отсеков, симметрично расположенных по обе стороны неширокого коридора. Рост населения связан с увеличением площади селений — в Мергаре III она составляла около 50 га, хотя нет уверенности в том, что все это пространство обживалось одновременно. В отличие от многих других раннеземледельческих памятников в Мергаре

постройки разных периодов не концентрируются в одном месте, перекрывая более древние строения и образуя многослойный тель, а разбросаны вдоль речного русла. Поэтому на памятнике не так много случаев прямой стратиграфии на поселении.

В рассматриваемый период происходит освоение и новых территорий: раннеземледельческие поселения появляются в Центральном Белуджистане, в бассейне реки Сураб. Здесь в нижних слоях поселения Анджира наряду с кремневой индустрией, включающей геометрические микролиты, в частности сегменты, и представляющей явно наследие местной архаики, найдена превосходная расписная керамика, сделанная на гончарном круге, напоминающая посуду Кили II. Близкую картину можно наблюдать и в районах, примыкающих с запада к системе верхнего Инда.

Так, в слое Гумла II появляются сырцовые постройки, грубая лепная керамика местной традиции существует бок о бок с расписной посудой, изготовленной с помощью гончарного круга (Dani, 1970—1971). Имеются здесь и терракотовые фигурки сидящих женщин, близко напоминающие мелкую пластику южнотуркменистанского энеолита. Расписная керамика этого типа обнаружена и в нижних слоях поселения Рахман-дери, расположенного неподалеку от Гумлы (Durrani, 1982). Интересно отметить сохранение на этом памятнике кремневой индустрии с массой геометрических микролитов (Khan, 1979), если только культурные слои раннеземледельческого поселка частично не нарушили стойбищ неолитических охотников.

В следующий период мы наблюдаем три характерные черты в развитии раннеземледельческих культур северо-запада Индостана: нарастание потенциала художественной культуры; дальнейшее продвижение оседлых общин в сторону Южного Белуджистана и долины Инда; усиление связей с одновременными культурами Ирана и Южного Туркменистана. Ярким образцом блестящей художественной культуры раннеземледельческой эпохи Индостана являются комплексы Мергар IV—VII. Уже в Мергаре IV представлены различные стилистические группы расписной керамики (рис. 47), в частности посуда с многоцветной росписью типа Кечи-Бег. Эта роспись иногда выполнялась в три цвета — белым, красным и черным. Пестрый геометрический узор, украшающий сосуды с полихромной росписью, выполнен с тонкостью и изяществом. Появляются глиняные фигурки сидящих женщин со схематическим приостренным стерженьком на месте головы, напоминающие, так же как и фигурки Гумлы II, южнотуркменистанские образцы. Плоский стеатитовый амулет с орнаментом, выполненным сверлением, является типологическим предшественником появляющихся позднее печатей. Дальнейший прогресс искусства малых форм хорошо виден на примере терракот: сначала добавляется пышная прическа, становящаяся со временем все более фантастической. Головы фигурок снабжаются круглыми глазами, напоминающими черепные глазницы, как писали авторы 50-х гг., или мотоциклетные очки, как их образно характеризуют исследователи наших дней. Складывается специфический северобелуджистанский тип терракот, известный по ряду находок и до Мергара и получивший наименование «зхобской богини-матери» (Zhob Mother Goddess). Если ранние терракоты, так же как и южнотуркменистанские статуэтки, изображались сидящими, то постепенно этот признак все более схематизируется, и с Мергара VII появляются стоящие фигурки. Наряду с женскими статуэтками появляются и мужские, число которых в мелкой пластике достигает 30 %. Огромное количество образцов терракотовой скульптуры нередко выдающегося артистического исполнения, найденное на Мергаре, свидетельствует, что этот вид художественного производства стал в подлинном смысле массовым, прочно входил составным элементом в культуру и быт своей эпохи.

Кроме посуды с полихромной росписью среди расписной керамики имелись изделия с разными вариантами однотонных рисунков: черным по красному, черным по серому и т. п. Столь же разнообразны и мотивы орнаментации. В зооморфных сюжетах наряду с изображениями копытных широко распространяются изображения рыб. Причудливо удлиненные фигуры быков с птицами между рогами предвосхищают одну из локальных школ расписной керамики более позднего Белуджистана — так называемый стиль Кулли. Среди геометрических мотивов особенно показательно появление геометризированного стиля Кветта с широким использованием изображения крестов, полукрестов, фигур с пильчатым оформлением. Его истоки явно восходят к южнотуркменистанской расписной керамике геоксюрского и карадепинского стиля и отражают, так же как иранский

Рис. 47. Мергар. Расписной сосуд.

Шахри-Сохте (с. 135), резкое усиление межрегиональных контактов. Показательно, однако, что в отличие от собственно Кветты в Мергаре роспись южнотуркменистанского стиля отличается цветовой гаммой, нанесенной на сосуды местных форм, отличных от стандартных типов южнотуркменистанской керамики. Из других сюжетов росписи следует отметить листья пипала, так же как и рыб, становящихся со временем одним из популярных мотивов росписи хараппской керамики. Так в недрах раннеземледельческих общин постепенно формируются эталоны и моды, ставшие традиционными для индостанского региона на долгое время. Расписная керамика Северного Белуджистана варьирует эти стилистические решения, что позволяет выделить ряд локальных школ. Например, в нижних слоях Рахман-дери, особенно популярны блюда с изображением крупных рыб, которые, располагаясь вдоль края сосуда, образуют кольцо непрерывного движения. В Кветте, так же как и в Мергаре, представлены композиции с использованием листьев пипала, горбатых быков, птиц и рыб. Вместе с тем около четверти геометрических мотивов кветтской расписной керамики, такие как ступенчатый крест, ступенчатые пирамидки, пилочидные линии, находят прямые аналогии в среднеазиатской керамической провинции. В этой связи было высказано предположение о передвижении ряда племенных групп из южнотуркменистанских областей в юго-восточном направлении. Особенно сильно это проявляется в Шахри-Сохте, в Сеистане, где налицо прямой импорт, и в районе Кветты (Массон, 1960б; 1964б, с. 286, 437—439; 1981а, с. 111). Некоторых районов подобные воздействия достигали уже в ослабленном виде, художественные эталоны вкомпановывались в стили, выработанные местной традицией (Мергар, Рахман-дери). Сам факт южнотуркменистанских влияний не вызывает сомнений и находит разнообразные подтверждения на новых материалах (Weiner, 1984), хотя проникновение новых элементов ряд исследователей склонен связывать не с передвижением племенных групп, органически включающихся в состав местного населения, а с развитием торговли (Jarridge, Lechevallier, 1979, p. 505).

Однако характер и масштабы инноваций, восходящих к южнотуркменистанским прототипам и охватывающих различные виды артефактов — от

расписной керамики до терракот и печатей, — столь значительны, что гипотеза о передвижении коллективных групп населения остается наиболее вероятной (Массон, 1981а, с. 112). Тем более что так называемая торговля, которую точнее именовать регулярным обменом, носила ограниченный характер и была связана, во всяком случае в рассматриваемый период, с распространением полудрагоценных камней, идущих на украшения, и, видимо, меди, источником которой никак не мог быть Южный Туркменистан.

При таком подъеме художественной культуры северобелуджистанских общин, основывающейся как на местных традициях, так и на творчески используемых заимствованиях, архаическим выглядит продолжающееся сохранение в Мергаре кремневых орудий, в том числе сегментов и трапеций. Возможно, частично это связано с бедностью рудной базы, ограничивающей массовое распространение медных изделий, которые к тому же заботливо берегли, чем и объясняется их относительная редкость в культурном слое. В Мергаре известны медные шилья, плоские топоры, лезвия ножей и булавка с биспиральной головкой. К сожалению, скромные масштабы раскопок хозяйственно-жилых комплексов и древних могильников затрудняют конкретные суждения об общественном развитии. Вместе с тем показательно появление плоских подквадратных печатей с геометрическими и зооморфными рисунками, изготовлявшихся из камня и терракоты. Эффектная костяная печать с изображением на одной стороне скорпионов, а на другой — козлов найдена была в Рахман-дери. Возможно, перед нами свидетельство становления института собственности, использующего культовую символику.

Наряду с интенсификацией развития в традиционных областях раннеземледельческих общин продолжается освоение новых территорий. В этом отношении весьма показательно возникновение оседлоземледельческих поселений в Южном Белуджистане, о чем свидетельствуют раскопки Амри (Casal, 1964). Здесь в нижних слоях, восходящих, видимо, к последней трети IV тыс. до н. э., представлен культурный комплекс типичных оседлых земледельцев с многокомнатными домами, медными изделиями и изготовленной на круге расписной керамикой с полихромной росписью, имеющей прямые аналогии в стиле Кечи-Бег, характерном для Мергара IV и Кили IV. Известен ряд памятников с материалами типа Амри, которые, возможно, следует объединять в особую археологическую культуру. Однако эти вопросы слабо разработаны в первобытной археологии Индостана, где традиционно сохраняется преимущественное внимание к так называемым керамическим стилям.

Своеобразный раннеземледельческий комплекс дали раскопки нижних слоев Балакота (Dales, 1979). Сделанная на гончарном круге керамика украшена росписью, выполненной черной краской по коричневому или кремовому фону. Довольно многочисленны зооморфные и растительные мотивы. Среди украшений имеются бусы из лазурита. Близость моря стимулировала развитие производств, использующих створки раковин в качестве исходного сырья.

Как мы видели, оседлоземледельческие общины довольно рано проникают в долину Инда. Об этом, в частности, свидетельствуют раскопки Джалилпура в Пенджабе, где во втором слое имеются женские статуэтки, близкие найденным во втором слое Гумлы. Особенно существенно открытие таких памятников именно в долине Инда, где соответствующие культурные напластования непосредственно предшествуют хараппским комплексам.

Из числа таких памятников первым было открыто поселение Кот-Диджи. Здесь под хараппскими слоями были открыты руины раннеземледельческого поселка, культурный комплекс которого достаточно типичен для индостанского региона. Поселение было укреплено, металлические изделия и расписная керамика, сделанная с помощью гончарного круга, отражают традиции

производств, развитых еще в северобелуджистанских общинах (Khan, 1959, 1965). Аналогичный памятник детально исследован индийскими археологами в долине ныне пересохшей реки Гхаггар, текшей параллельно Инду, которую сопоставляют со священной рекой ведийской традиции — Сарасвати. Здесь в пору харапской цивилизации располагался густозаселенный район, центром которого был Калибанган. В нижних слоях Калибангана открыт яркий комплекс предхарапского времени (Thapar, 1975; Lal, 1979). Поселение этого периода занимало площадь в 4,5 га и имело в плане форму параллелограмма. Эту геометрическую фигуру четко обрисовывала обводная стена, имевшая сначала толщину 1,9 м, затем увеличенную до 3—4 м. Сама стена и строения внутри нее возведены из прямоугольного сырцового кирпича размером около 30×20×10 см. Среди керамики выделяются различные группы с расписным орнаментом, преимущественно черным по красному, но есть также группа посуды с полихромной росписью, где дополнительно введена черная краска. Это указывает на сохранение традиций изготовления нарядной парадной посуды, сложившихся в среде раннеземледельческих общин. Орнаментация посуды достаточно разнообразна: помимо геометрических узоров имеются изображения растений, рыб, крупного рогатого скота. Наряду с каменными орудиями, в частности пластинами из агата и халцедона, представлены и медные изделия, в том числе плоские топоры. Обычай широкого использования различных украшений получает дальнейшее развитие. Бусы изготовлялись из самых различных материалов — сердолика, стеатита, раковин, меди и даже терракоты. Весьма разнообразными, в частности по материалу, становятся и браслеты, среди которых имеются медные, терракотовые и выточенные из раковин. Десятки образцов таких браслетов, происходящие из раскопок Калибангана, свидетельствуют, что это было излюбленное украшение древних обитательниц поселения. Появляются терракотовые модели повозок, в которые, видимо, впрягались фигурки бычков, в изобилии находящиеся в ходе раскопок. Это косвенное указание на применение тягловой силы животных как одной из форм внеличностной энергии получило в ходе исследований Калибангана еще одно подтверждение. В окрестностях поселения были обнаружены перекрытые поздними отложениями древние поля с бороздами, проведенными пахотным орудием, что также свидетельствует об использовании животных при возделывании полей, о качественно новом этапе развития орошаемого земледелия, повышавшем его эффективность и рентабельность. Колесные экипажи распространяются весьма широко. Так, в дохарапских слоях поселения Бонавали, расположенного восточнее Калибангана, найден фрагмент расписной керамики с изображением колесной повозки (Bisht, Asthana, 1979, p. 226). В бассейне Инда складывается и тип мясомолочного скотоводства, основанного на разведении крупного рогатого скота. Так, на поселении Джалилпур соответствующие костные остатки составляют 75 % всех остеологических материалов. Крупный рогатый скот был основной частью мясной пищи обитателей Балакота. Порода скота Джалилпура, по наблюдениям зоологов, отличалась крупными размерами. Этот предхарапский, или, по терминологии Р. Олчина, «раннеиндский», период по системе длинной хронологии, учитывающий корректировку радиоуглеродных дат, относят ориентировочно к XXIX—XXVI вв. до н. э. (Allchin, 1982, p. 159). Хотя есть предложения и более ранней его датировки (Ramachandran, 1984, p. 539), однако едва ли имеются основания для чрезмерного растягивания времени существования комплексов типа раннего Кот-Диджи и Калибангана. В последнем памятнике, как подчеркивает Тхапар, этот период был сравнительно недолгим, о чем свидетельствует, в частности, и мощность культурных напластований, достигающих всего 1,6 м (Thapar, 1973, p. 199). Возможно, с большими основаниями стоило бы говорить для предхарапского, или формативного, периода о второй четверти III тыс. до н. э.

Прочное и широкое освоение оседлоземледельческими общинами аллювиальной равнины, орошаемой великой рекой азиатского материка, означало одновременно и завершение раннеземледельческой эпохи в истории индо-пакистанского региона. Сложилась эффективная система производства продуктов питания, оптимальная для данного уровня развития производительных сил и данной экологической структуры, что создало все условия для развития благосостояния, связанного с новым образом жизни. Меняясь в деталях, по отдельным локальным группировкам этот образ жизни привел к формированию особого стиля материального бытования, нашедшего яркое воплощение в массовом развитии прикладного искусства и индустрии производства личных украшений. Был накоплен значительный культурный и интеллектуальный потенциал, сформировался ряд культурных особенностей, специфических для региона в целом. В этом отношении особенно показателен культ священного быка, получивший развитие в предхараппское время, как показал Р. Олчин, практически во всех изученных центрах (Allchin, 1982, p. 164). Складывается кустовая система расселения, пространственно вытянутая в меридиональном направлении вдоль речных русел, дававших воду для орошения полей и одновременно служивших транспортными артериями. С освоением долины Инда и Южного Белуджистана закончился период экстенсивного освоения новых территорий все увеличивающимся населением. Использование тягловой силы животных при обработке полей указывает на наступление нового этапа — интенсификации земледелия. Развитие специализированных производств, в первую очередь гончарства и металлургии, создавало технологические предпосылки для прогресса экономики и общества. Таким образом, были созданы условия для перехода общества на качественно новую ступень, что нашло выражение в формировании хараппской культуры, или хараппской цивилизации.

Как археологический комплекс хараппская культура характеризуется постройками из сырцового и жженого кирпича прямоугольной формы; наличием квадратных или прямоугольных в плане поселений с обводными стенами, снабженными выступами-контрфорсами; медными и бронзовыми кинжалами и ножами, обычно без осевого ребра с прямым черешком; бесчерешковыми стрелами треугольной формы с заостренными шипами; терракотовыми браслетами; сделанной на круге керамикой стандартных форм, в том числе с росписью черным по красному; использованием таких мотивов, как длиннохвостые птицы, рыбы и пипал (рис. 48). По мере накопления материалов прежние представления о внутренней однородности хараппской культуры сменились убеждением в наличии локальных культурных вариантов (Dyson, 1982, p. 418—419; Thapar, 1984, p. 14), связанных, в частности, с разной степенью аккультурации местных традиций, ассимилируемых в ходе распространения хараппских эталонов и стандартов. С формированием в долине Инда социокультурного комплекса резко усилилась неравномерность исторического развития в рамках индо-пакистанского региона (Массон, 1964а). Белуджистанские общины, бывшие в раннеземледельческую эпоху примером культурного прогресса, теперь превращаются в своего рода периферию, следующую в ряде отношений хараппским моделям. Еще разительнее были культурные контрасты в областях к югу и юго-востоку от древнеиндской цивилизации, где обитали различные группы племен охотников, рыболовов и собирателей, в разной степени затронутых (не без влияний, идущих с северо-запада) процессом перехода к экономике производства пищи. Налицо в рамках хараппской общности и признаки хозяйственного разнообразия, что не могло не сказаться на культурных особенностях (Thapar, 1982). Абсолютная хронология Хараппы основывается на данных радиоуглеродного анализа (Lal, 1963; Brunswig, 1975; Ramchandran, 1984) и на находках вещей хараппского типа в памятниках других культур, прежде всего Месопотамии (Gadd,

Рис. 48. Харапский комплекс.

1932; Buchanan, 1967). Считается, что область хараппской цивилизации была известна в Шумере под именем Мелухха, упоминания которой восходят к XXIV в. до н. э. Учитывая имеющиеся данные, хараппскую культуру можно датировать временем около 2400—1800 гг. до н. э. Использование скорректированных радиоуглеродных измерений резко удревает нижнюю границу, что вступает в известное противоречие с хараппскими и хараппоидными объектами, найденными в археологических комплексах Месопотамии и датированными по месопотамской шкале. Радиоуглеродные даты отражают и постепенное продвижение устойчивых элементов хараппского комплекса из долины Инда на восток и юго-восток, где они оказываются более поздними по сравнению с памятниками метрополии.

Хараппские поселения являются основным видом памятников, дающим наиболее полную и разнообразную информацию о древнеиндской цивилизации. Поскольку пока отсутствует общепринятая дешифровка протоиндской письменности, именно археологические материалы остаются основным источником для реконструкции процесса становления цивилизации на индо-пакистанском субконтиненте и для ее общей характеристики.

Несмотря на большое количество известных хараппских поселений, число которых достигает почти 1000 (Joshi а. о., 1984), типология их слабо разработана. Имеются два крупных центра — Хараппа и Мохенджо-даро и городки площадью от 5 до 12 га (Калибанган, Лотал, Котади и др.). Основную массу памятников составляют мелкие поселки нередко площадью до 1 га. Характерными признаками крупных поселений являются регулярная планировка и высокая степень благоустройства и организации внутреннего пространства. Именно эти черты принципиально отличают хараппские центры от раннеземледельческих поселений.

В первую очередь это касается Мохенджо-даро, огромного центра с явными признаками городского организма, остающегося уникальным для всей хараппской культуры. Его общая площадь составляет 260 га, а число жителей, по различным оценкам, определяется в 35 000 или 41 000 человек. Структурно Мохенджо-даро состоит из двух крупных частей: отдельно расположенного крупного холма, так называемой цитадели, и находящегося восточнее «нижнего города» (рис. 49). Раскопанные в широких масштабах эти составные элементы некогда единого организма в равной мере характеризуются регулярностью застройки и высоким уровнем городского благоустройства. Четкая сеть улиц делила «нижний город» на прямоугольные блоки кварталов. Центральная улица имела ширину 10 м, а менее значительные магистрали от 2.7 до 5.5 м. Имелись и проулки шириной до 1.2 м. Дома, составлявшие блоки-кварталы, все были возведены из жженого кирпича и, как правило, состояли из нескольких помещений, сгруппированных вокруг двора (Sarcina, 1979). Кирпич клался не на известковом растворе, а на илстой промазке из глины, взятой в окрестностях города. В каждом доме обычно имелась кухня и туалетная комната, нечистоты из которой выводились на улицу по специальному отводу. На каждой улице были устроены сточные каналы, которые представляют собой едва ли не древнейшую в мире отлаженную систему городской канализации.

Под мостовой уличных магистралей проходили один или два канала, тщательно выложенные жженым кирпичом и перекрытые крупноформатным жженым кирпичом или известняковыми плитами. Эти подземные галереи служили как для отвода сточных вод, так и для пропуска осадков, обрушивавшихся на город в сезон муссонных дождей. По системе водоотводов эта водная масса устремлялась к городским окраинам, где были устроены сводчатые водостоки. Подземные каналы были снабжены расположенными через определенные промежутки отстойниками, которые, судя по всему, регулярно очищались лицами, заботившимися о санитарном состоянии города. Четкая

Рис. 49. Мохенджо-даро. Планировка городских кварталов.

структура уличной сети, продуманная и крупномасштабная система городской канализации указывают на немаловажную роль планового начала в создании и функционировании этого сложного организма. На это же указывает, в частности, оформление крупных перекрестков, где углы домов сознательно округлены, чтобы меньше препятствовать движению крупных повозок и меньше разрушаться. По территории Мохенджо-даро разбросано значительное число колодцев, заботливо выложенных жженым кирпичом. Имелись также и бассейны для омовения.

Особый элемент в городской структуре образовывал участок, названный условно цитаделью (рис. 50). Это название породило ряд поспешных заключений о специфике хараппского общества, и поэтому в последние годы стало предметом критических нападок. Вместе с тем, как бы эту часть Мохенджо-даро ни именовать, ее особый, специфический характер не вызывает сомнений. Возведенные здесь строения помещались (в тех случаях, которые удалось исследовать) на платформе 6-метровой высоты, а фасад всего комплекса был укреплен мощными кладками. Какова бы ни была их первоначальная функция, вопрос о защите от разливов, поднимаемый многими исследователями, вполне обоснован; в результате всех этих строительных и планировочных приемов цитадель Мохенджо-даро представляла собой подчеркнуто обособленный комплекс, архитектурно доминирующий в городском силуэте. Показательно, что уже раскопанные строения, масштабы которых были ограничены наличием здесь более поздних сооружений, представляют собой группу значительных зданий, скорее всего носящих общественный характер (Allchin, 1982, p. 175). Таковы, в частности, крупный бассейн с прилегающими помещениями и так называемый зал собраний с несколькими рядами массивных кирпичных устоев. Было раскопано и обширное зернохранилище, представляющее собой систему стандартных помещений, скомпонованных в единый массив, и развивающее планировочную традицию зернохранилища, сложившуюся, как показали раскопки Мергара, еще в раннеземледельческую эпоху. Только теперь масштабы этого сооружения, явно рассчитанные на централизованно концентрируемые огромные запасы, во много раз превосходят складские постройки древних общин.

В принципе такая же двухчастная структура представлена и в Хараппе, где, правда, объем раскопок был менее значителен. Цитадель Хараппы имеет в плане форму параллелограмма. Мощные кладки образовывали ее платформу и обрамляли внешние контуры, подчеркивая, так же как и в Мохенджо-даро, обособленное положение и доминирование над прилегающими жилыми кварталами. Непосредственно к подножью этого мощного комплекса примыкало зернохранилище, аналогичное мохенджодарскому и занимающее общую площадь в 800 м². Иными словами, здесь налицо та же функция концентрации прибавочного продукта на определенном участке населенного центра. Поблизости от зернохранилища обнаружены следы различных производств и, как пишут исследователи, баракоподобные квартиры, состоящие из одного помещения и резко контрастирующие с благоустроенными жилыми комплексами основных кварталов (Allchin, 1982, p. 197).

В определенной мере те же черты сложной структуры и четкого планировочного начала представлены в других, менее значительных хараппских центрах. Из их числа обстоятельно изучен раскапывавшийся индийскими археологами Калибанган (Thapar, 1975; Lal, 1979). Подробный анализ структуры этого памятника был дан Б. Б. Лалом (Lal, 1984). Калибанган, как и основные центры долины Инда, состоит из двух частей, представляющих собой в плане правильные параллелограммы, обнесенные стенами, снабженными выступами-контрфорсами. По аналогии с Мохенджо-даро эти части первоначально называли соответственно цитаделью и нижним городом, но постепенно удалось выявить их конкретное своеобразие. Так называемая

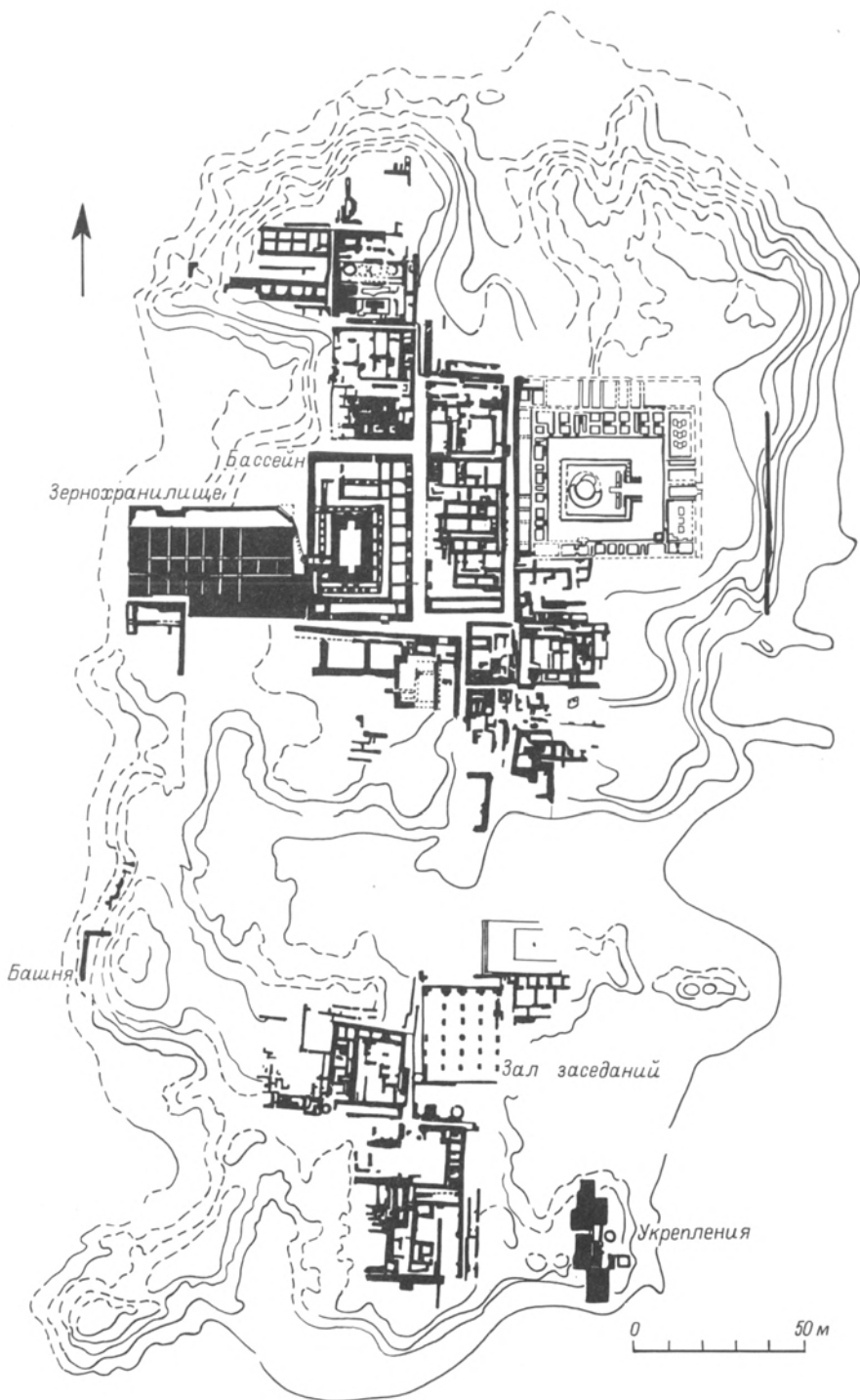

Рис. 50. Мохенджо-даро. План цитадели.

цитадель состоит из двух смыкающихся ромбов, каждый размером около 120×120 м. Ранее построенная южная часть была окружена стеной с башнями, и к ней позднее пристроен «северный ромб». В южной части отсутствуют жилые и хозяйственные постройки, но зато имеются явные свидетельства культовых церемоний. Так, «алтари огня» находились у расположенных в ряд платформ из сырцового кирпича. Кроме того, имелись прямоугольные алтари-подиумы со следами жертвоприношений крупного рогатого скота. Ворота, ведущие в этот замкнутый комплекс, были снабжены ступенями, по которым могли подниматься путники, но отнюдь не проезжать колесные экипажи. Видимо, нет основания сомневаться в правильности заключения Б. Б. Лала, что перед нами крупный культовый комплекс, функционально близкий к шумерским храмам, хотя и имеющий иное архитектурное оформление. В «северном ромбе» подобные ритуальные сооружения отсутствуют — там уже находились обычные жилые дома, являвшиеся, как полагают индийские исследователи, местом обитания жреческих семей, обслуживавших культовый центр. «Нижний город» Калибангана занимал площадь около 9 га и отличался четкой планировкой уличной сети. Крупные уличные артерии имели ширину 7.2 м, и затем эта величинакратно уменьшалась до 5.4, 3.6, 1.8 м. В отличие от значительных центров долины Инда в Калибангане помимо жженого широко употреблялся и сырцовый кирпич. Забота о нормальном функционировании этого организма также налицо — на перекрестках в углы домов вмазывались вертикально стоящие балки, амортизирующие удары повозок, маневрирующих по этим магистралям. Двухчастная планировка с четким прямоугольником обводных стен известна и по ряду других памятников (Joshi, 1973). Это позволяет заключить, что в данной структурной особенности нашли отражение устойчивые специфические черты хараппского общества.

Весьма примечательно стремление вычленить из окружающего пространства посредством обводных стен по крайней мере нуклеарную часть поселения. Специальный анализ различных видов ворот и въездов, расчленивших эти стены, показал, что они лишь в незначительной мере были рассчитаны (в отличие от многих фортификационных комплексов Передней Азии) на оборонительную функцию (Kasarwan, 1984). Так, отсутствуют предвратные лабиринты, караульные помещения если и имеются, то предназначены для одного человека, во многих въездах устроены ступенчатые подъемы. Однако было бы неправомерно считать, что хараппская фортификация вообще не выполняла военной функции. Точнее говоря, эта функция в хараппском обществе была развита слабо, особенно по сравнению с Месопотамией и прилегающими областями, рано ставшими театром ожесточенных военно-политических столкновений. Фортификация получает развитие по существу лишь на окраинах хараппской метрополии. Р. Дайсон вполне прав, когда характеризует некоторые обнесенные стенами хараппские поселения как военные аванпосты, выдвинутые в глубь вновь осваиваемых территорий (Dyson, 1982, p. 420), заселенных инокультурными племенами. Военную направленность таких древнеиндийских укрепленных центров подчеркивает и К. Ламберг-Карловский (Lamberg-Karlovsky, 1982, p. 66). Крупные хараппские центры наряду с функциями сосредоточения торгово-ремесленной деятельности, идеологического и организационно-хозяйственного лидерства выполняли в определенной мере и функцию убежища, хотя она, так же как и система вооружения, не получила столь значительного развития, как, скажем, в Малой Азии. В этом отношении хараппское общество близко к среднеазиатской цивилизации Алтын-депе, находившейся на окраине тогдашнего цивилизованного мира, в стороне от вооруженных столкновений.

Организованный быт обитателей Мохенджо-даро — по существу новый образ жизни — городской. Он явился логическим звеном в процессе развития

благоустроенного быта, начавшемся как качественно новое явление в раннеземледельческую эпоху. Четко организованные кирпичные дома с комнатами для омовения, колодезная система водоснабжения, заботы о санитарии и гигиене, предпринятые в городских масштабах, заметно отличали условия обитания жителей крупных центров хараппской цивилизации от жизни земледельцев, ютившихся в глинобитных постройках, перемежающихся с производственными участками и мусорными свалками, представляющими немаловажный интерес для сегодняшних археологов, но едва ли украшавшими быт древних обитателей. Эти города долины Инда, таким образом, отражали первую стадию урбанизации, когда значительный культурный и производственный потенциал и соответствующий ему образ жизни сконцентрировались в единичных крупных центрах. Внутреннее убранство хараппских домов было относительно скромным и ограничивалось лежанками и сидениями, известными, в частности, по изображениям на печатях. Иногда резные ножки таких сидений вытачивались в виде ног крупного рогатого скота. Уделялось значительное внимание и кулинарии. Каменные и глиняные скалки, обеспечивавшие приготовление теста для различного рода выпечных изделий, были распространены в Мохенджо-даро весьма широко. Имелись там и сосуды, внутри которых сделана улиткообразная спираль, предназначавшаяся, судя по всему, для выпечки особого сорта печенья (Маккей, 1951, с. 101).

Многие черты хараппского образа жизни носили более общий характер, проявляясь в крупных городах и мелких поселках. Это касается разного рода личных украшений и в первую очередь браслетов, которые как специфическая черта культур индостанского круга получили распространение еще в раннеземледельческую эпоху. Браслеты были весьма разнообразными, и в хараппский период изготавливались из золота, серебра, меди, раковин и терракоты. Имелись и браслеты, образованные нитками золотых бус, что указывает на происходящую дифференциацию образа жизни и выделение состоятельного слоя, украшавшего свой повседневный быт использованием престижных вещей. Терракотовые браслеты получили широкое распространение, сотни их образцов найдены, в частности, при раскопках Калибангана. Браслеты носились как на руках; так и на ногах. Уже установилась и мода на систему многоярусных украшений, почти сплошь покрывающих руки, как это видно по бронзовой статуэтке танцовщицы.

Относительно высокий уровень благосостояния, особенно ярко проявившийся в хараппских центрах, обеспечивался прогрессивным развитием технологического способа производства, в котором органически объединялись высокоэффективное земледелие и разнообразные специализированные ремесла. Еще раннеземледельческие общины освоили высокую плодородную аллювиальную долину, орошаемую системой Инда и параллельным ему руслом реки Гхаггар. Здесь были все условия для развития земледельческого хозяйства и получения устойчивого, весьма значительного продукта. Возделывались главным образом зерновые культуры — различные сорта пшеницы и ячменя, выращивались также полевой горох, кунжут и горчица (Vishnu-Mittre, Savithru, 1982). находка хлопковой ткани указывает на выращивание и этого технического растения, первые свидетельства знакомства с которым восходят к раннеземледельческой эпохе. В Гуджарате, и в частности в Лотале, значительное внимание уделялось также рисосеянию, выращиванию проса (Thapar, 1984, р. 14). Именно земледелие было основным занятием жителей десятков небольших поселений, основывавшихся хараппцами в процессе освоения новых земель к востоку и юго-востоку от своей метрополии. Система расселения ясно указывает на эту зависимость от аграрной функции (Mehta, 1982). Климатические условия, даже с учетом наступления в 3000—1800 гг. до н. э. фазы увлажнения и определенного увеличения количества осадков (Singh, 1971), не обеспечивали равномерного поступления влаги для посевов.

Судя по географической ситуации, хараппцы широко использовали паводковые воды, производя обваловку полей для их удержания. Как известно, современное землепользование Пенджаба и Харианы, областей нуклеарного распространения зрелой хараппской культуры, основано на выращивании двух урожаев — летнего и весеннего. Скорее всего, эта система уже применялась хараппскими аграриями (Lambrik, 1967), что сразу дало резкий количественный скачок в товарной массе продуктов питания, ставшей надежной основой общего прогресса. Например, считается, что переход к системе двух урожаев в Саураштре привел к резкому увеличению самого числа хараппских поселений — с 18 до 120 (Possehl, 1980; Dyson, 1982, p. 418).

Судя по всему, были достигнуты значительные успехи и в техническом оснащении земледелия, обеспечивившие заметное увеличение производительности. Речь идет о способе обработки земли под посевы. Давно высказанное предположение об использовании каменных лемехов для возделывания полей (Маккей, 1951, с. 118) технически маловероятно. Другое дело, что при обработке полей уже применялась тяговая сила животных, но самим почвообрабатывающим инструментом был примитивный деревянный плуг. После открытия полей с бороздами в предхараппском Калибангане нет сомнений в том, что хараппцы в земледелии применяли этот внеличностный источник энергии. Об использовании животных в транспортных целях свидетельствуют терракотовые и бронзовые модели двухколесных повозок, находимые при раскопках хараппских памятников, начиная с первых этапов их изучения. Легкая бронзовая двухколесная повозка, запряженная двумя быками, недавно была найдена на южной периферии древнеиндской цивилизации — в поздних хараппских наслоениях Даймабада (Sali, 1984). Этой своеобразной колесницей управляет стоящий человек. В составе этого же клада были также бронзовые изображения животных на четырех колесах — слона, носорога, водного буйвола. Предполагается, что это ритуальные объекты, воспроизводящие сцену, восходящую к вереницам животных, представленных еще на расписной керамике раннеземледельческой эпохи, а лицо, помещенное на колеснице, — жрец или антропоморфное божество с функцией «хозяина животного мира» (Dhavalikar, 1982, p. 361—366).

Вторым важнейшим компонентом технологического способа производства древнеиндской цивилизации были ремесла, высококачественная продукция которых образует своеобразный материальный костяк хараппской культуры в ее восприятии археологией. Несмотря на сохранение определенного количества орудий, оснащенных кремневыми пластинами (Kenoyer, 1984), которые, как показали их трасологический анализ, использовались в качестве серпов, мясных ножей и при обработке дерева (Коробкова, 1984, с. 39—43), металлургия и металлообработка составляли наиболее прогрессивный сектор хараппских производств. Широко использовались различные сплавы, в том числе меди с мышьяком, свинцом и оловом. Из исследованных 177 объектов около 30 % составляли предметы, сделанные из оловянистой бронзы. Обработке подвергалось также золото и в меньшем масштабе свинец и серебро. Технические приемы были достаточно разнообразными (Agrawal, 1971). Наряду с холодной и горячей ковкой налицо литье как в открытых, так и в закрытых матрицах, а также изготовление бронзовых скульптур по утраченной модели. Формы для отливки топоров и других изделий уплощенной формы найдены при раскопках Чанху-даро. Свидетельством высокого уровня развития металлообработки являются сами предметы — бронзовые статуэтки людей и животных, модели повозок, разнообразные сосуды из серебра и главным образом из бронзы. Имеется и одно блюдо из свинца. При раскопках Мохенджо-даро обнаружена выложенная кирпичом яма производственного назначения, в которой находилась медная руда. Более определенные свидетельства металлообработки отмечены в Хараппе (Gupta, 1984, p. 419).

Рис. 51. Мохенджо-даро. Печать с изображением судна (а, б). Камень.

В особую специализированную отрасль выделилось ювелирное дело, к продукции которого принадлежат разнообразные украшения. Здесь в различных сочетаниях комбинируются золото и полудрагоценные камни. Изящным образцом изделий хараппских ювелиров является ожерелье из жадеитовых бус, разделенных золотыми дисковидными бусинами с агатовыми и яшмовыми подвесками. Традиционное для многих раннеземледельческих культур Индостана изготовление бус из различных пород камней превращается в хараппское время в широкомасштабное налаженное производство. Особой популярностью не только в Индии, но и на всем Ближнем Востоке пользовались сердоликовые бусы с травленным орнаментом. Мастерские по изготовлению бус с многочисленными орудиями производства — сверлами, полировочными камнями и самими бусами, находящимися в различной стадии обработки, были обнаружены в Лотале и Чанху-даро.

Особым промыслом, в котором мастерство ремесленника сочеталось с взыскательным вкусом художника, было изготовление знаменитых хараппских печатей (рис. 51). Обычно они имели квадратную форму и ушко на тыльной стороне. Печати вытачивались из стеатита, изображения выполнялись маленьким долотом с подправкой трехгранным резцом и сверлом. Рисунки обычно воспроизводят какое-либо животное, над ним помещается надпись из нескольких пиктографических знаков. Преимущественно профильная манера изображения несомненно восходит к соответствующей традиции, выработанной при росписи глиняной посуды, но сама трактовка фигур со стремлением в плоскостном изображении рельефно передать скульптурные объемы уже иная. Частично при этом, видимо, был использован опыт, накопленный в мелкой пластике, бурно развивающейся в эпоху ранних земледельцев. Следует отметить, что уравновешенно объемный стиль устойчиво сохраняется во всех образцах хараппской глиптики, находимых на сравнительно обширной территории. Определенное развитие получили обработка слоновой кости, выделка из камня разного рода сосудов и скульптур и ряд других произ-

водств. Так, в Балакоте обнаружена мастерская по изготовлению браслетов из морских раковин.

Массовым специализированным ремеслом, выпускающим стандартную продукцию, было гончарное дело и производство жженого кирпича. Технологически они основывались на успехах теплотехники. Были созданы двухъярусные гончарные горны, позволявшие добиваться равномерного и качественного обжига производимой продукции. Такие горны были обнаружены в Мохенджо-даро и на ряде других менее значительных поселений. В Алам-гирпуре открыты печи для обжига кирпича. Стандартизация разного рода продукции и распространение сплавов требовали наряду с развитием эмпирических знаний установления системы мер и весов, о чем также имеются определенные данные.

Производственные и бытовые достижения составляли лишь одну из сторон успехов хараппской цивилизации. Едва ли не более существен рост интеллектуального потенциала, значительные достижения в сфере художественной культуры. К их числу, безусловно, в первую очередь следует относить создание местной системы письменности, оригинальность которой лишней раз подчеркивается сложностями, возникающими перед ее дешифровщиками, хотя гипотеза о протодравидском языке этих лапидарных текстов и остается наиболее вероятной. К сожалению, сохранились лишь краткие надписи на неорганических объектах, и вполне возможно, что более пространные тексты наносились на недолговечные до нас органические материалы. Вместе с тем надо сказать, что письменность получила достаточно широкое распространение. Помимо надписей на печатях известны надписи на бронзовых табличках, в довольно большом количестве найденных в Мохенджо-даро (Pande, 1973); знаки и цифры встречены на металлических орудиях, имеются короткие тексты и на керамике, позволившие, в частности, установить, что знаки письма шли справа налево (Lal, 1961). Грамотность не ограничивалась столичными центрами, и в этом отношении особенно показательны находки в провинциальном Даймабаде, где обнаружены три черепка с короткими процарапанными надписями и две терракотовые печати с нанесенными на них знаками древнеиндийской письменности. Найденные в позднехараппском комплексе (Sali, 1982, p. 181), эти объекты, возможно, представляют собой одно из позднейших свидетельств угасающей традиции.

Накопление положительных знаний и потребности производства и общественной жизни стимулировали формирование системы мер и весов. Известны многочисленные гири, сделанные из различных материалов, чаще всего каменные, кубические формы со стандартным весом. Судя по произведенным подсчетам, исходной единицей служил вес в 0.85 г с последующим удвоением и удесятирением (Маккей, 1951, с. 98—99), хотя были предложены и более усложненные реконструкции. Найденны линейки с нанесенными делениями, но их трудно свести к единой системе. Так, линейка, сделанная из раковины, обнаруженная в Мохенджо-даро, имеет базовое деление в 6.7 мм; в бронзовой линейке Хараппы эта величина уже близка к нашему сантиметру (9.34 мм); в костяной линейке из Лотала мелкие деления составляют 1.7 мм, причем шестая и двенадцатая черточки сделаны более длинными (Mainkar, 1984). Формат сырцового кирпича и строгие пропорции строений указывают, что архитектура также основывалась на определенных мерах длины; одной из них, видимо, был так называемый локоть в 51—53 см (Allchin, 1982, p. 185).

Судя по косвенным данным, определенные изменения произошли и в сфере религиозных представлений, в которых на первый план выдвигается культ верховного мужского божества. Оно изображалось сидящим на невысоком троне, в рогатом головном уборе, иногда трехликим, в окружении разного рода животных. Еще Дж. Маршалл высказал предположение, что перед нами прототип позднейшего Шивы, и исследователи в принципе поддержи-

Рис. 52. Мохенджо-даро.
Мужской торс. Камень.

Рис. 53. Мохенджо-даро.
Статуя жреца. Камень.

вают эту интерпретацию (Маккей, 1951, с. 67; Allchin, 1982, р. 213—214). Возможно, бык был одним из основных священных животных, связанных с этим божеством, во всяком случае, именно его изображение прочно занимает первое место среди прочих животных, воспроизводимых на печатях. Известны бронзовые и терракотовые статуэтки быков, нередко выполненных с большим мастерством в стиле, перекликающемся с рисунками на печатях. Изготавливались статуи быков и из известняка и помещались на подставки, что могло быть связано с их функцией культовых объектов в храмовых центрах. Как и в урукском Шумере, традиции анимализма в Хараппе весьма значительны, что видно как по изображениям на печатях, так и по фигуркам, воспроизводящим слонов, собак, обезьян, птиц и, возможно, баранов.

Труднее судить о характере верховного женского божества, священной супруги рогатого бога. Женские терракоты, видимо, продолжают традицию культа богини-матери, покровительницы плодородия, ранее почитавшейся почти в каждой земледельческой общине. Но количество этих статуэток массового употребления, за исключением, пожалуй, Мохенджо-даро, не так уж велико. На одной из немногих печатей, воспроизводящих не одиночные фигуры, а целые сцены, изображена женская фигура в рогатом головном уборе, помещенная в разветвлении дерева, перед ней коленопреклоненный персонаж, а процессия из семи персон, воспроизведенных в нижней части этой печати, подчеркивает значимость передаваемого культового обряда, возможно иллюстрирующего какой-то мифологический сюжет. Видимо, в мифологических системах был популярен и герой, побеждающий хищных зверей. Во всяком случае, на одной из печатей воспроизведена сцена схватки человека с двумя тиграми. Прикладное искусство, расцветшее пышным цветом в раннеземледельческую эпоху, сохраняет свое значение. Об этом, в частности, свидетельствует роспись, украшающая определенные типы глиняной посуды особо парадного характера. Более важно, и это составляет качественно новую черту именно хараппской культуры, появление выдающихся

произведений неприкладного искусства. Уже среди терракотовых и бронзовых статуэток быков есть образцы высокохудожественного звучания, где массивная, полная внутренней мощи фигура воспроизведена рукой выдающегося мастера. Принципиально новым явлением культурного комплекса (и эта еще одна характерная черта первых цивилизаций) являются выразительные скульптуры различных персонажей; одна из них, наиболее известная, представляет собой бюст мужчины в одежде, богато украшенной узором из трилистников, что позволяет предполагать его высокий прижизненный статус (рис. 53). Застывшее полногубое лицо замерло в отрешенном спокойствии. Превосходное знание обнаженной натуры демонстрируют две каменные мужские фигуры из Хараппы, чем-то напоминающие лучшие образцы древнеегипетской скульптуры. При этом вторая статуя, условно названная танцором, дана не в статичном спокойствии, столь типичном для мелкой пластики раннеземледельческих общин и повторившемся в статуе мохенджодарского «жреца», а в живом, динамичном повороте (рис. 52). Эти скульптуры, так же как и памятники письменности, представляли собой идеологические инновации рассматриваемой эпохи, когда создавались новые культурные эталоны и стереотипы.

Интеррегиональные связи, явственно проявляющиеся еще в раннеземледельческую эпоху, усиливаются в хараппское время. Если раньше они частично были обусловлены регулярным обменом или перемещениями племенных групп, то теперь механизм торговых взаимодействий играет решающую роль. Подобно первой цивилизации Месопотамии хараппское общество в своей нуклеарной части занимало территорию, отличающуюся плодородием почв и вместе с тем крайней бедностью иных природных богатств. По существу лишь материал для изготовления кремневых орудий (Thapar, 1982) добывался в пределах этой метрополии — у выходов горных пород в районе Рохри-Суккура. Металлические руды и поделочные камни привозились издалека. Рассмотрению вопроса об их источниках посвящен ряд специальных работ (Asthana, 1982; Gupta, 1984). Медь и золото в основном, видимо, поступали из индийских месторождений, хотя высказывались соображения в пользу транспортировки меди из Афганистана, а золота даже из Средней Азии (Asthana, 1982, p. 275). Во всяком случае, олово, бывшее важным компонентом хараппских бронз, вполне могло иметь среднеазиатское происхождение, с чем согласны многие исследователи. Не приходится сомневаться и в поступлении лазурита из Афганистана. Там, в Бадахшане, имеются три рудника по добыче этого весьма популярного на Древнем Востоке полудрагоценного камня, причем в одном из местонахождений обнаружены и древние выработки. Не исключено, что среднеазиатское или североиранское происхождение имела бирюза. Определенные виды продукции, в частности изделия искусных ремесленников, вывозились из зоны центров древнеиндской цивилизации в окружающие области, причем зачастую на значительные расстояния. В некоторых случаях хараппцы играли и роль посредников в продвижении отдельных видов товаров.

Целый ряд археологических находок позволяет наметить трассы древних торговых путей, связывающих Хараппу с окружающими странами. Сразу же с установлением наличия в месопотамских центрах объектов явно древнеиндского происхождения было высказано мнение о существовании постоянного морского пути, идущего вдоль северного побережья Персидского залива и связывающего две великие цивилизации древнего мира (Maskey, 1931a). С открытием на Бахрейне печатей так называемого типа Персидского залива, соединяющего черты месопотамской и хараппской глиптики (Bibby, 1958; Rao, 1963), это заключение получило новое убедительное подтверждение. В 60-е гг. вещи индийского круга были обнаружены при раскопках крупных центров эпохи бронзы в Южном Туркменистане, что позволило высказать

гипотезу о существовании сухопутного караванного пути, уходящего из долины Инда через Северный Белуджистан и Афганистан в оазисы, теснящиеся на южной кромке каракумской пустыни (Массон, 1967). Находки в Южном Туркменистане на Алтын-депе печатей хараппского типа (Masson, 1981a), а затем аналогичной печати на одном из древних поселений в дельте Мургаба подкрепили это заключение новыми конкретными данными. Сенсационное открытие на левом берегу Амударьи в Северном Афганистане поселения Шортугай, представляющего собой хараппскую факторию на вышеупомянутой трассе (Francfort, 1984), подобно открытиям в Бахрейне полностью подтвердило активное функционирование этой крупной торговой магистрали древности. Безусловно, Шортугай служил важным центром по доставке в долину Инда бадахшанского лазурита. Пока, правда, не вполне ясно, какого рода товары могли идти из районов Южного Туркменистана в обмен на произведения хараппских ремесленников.

Но с одним свидетельством далеких северо-восточных связей древнеиндской цивилизации пришлось столкнуться археологам. На Мохенджо-даро было обнаружено захоронение верблюда (Meadow, 1984). Кости этого животного встречены и на других хараппских памятниках. Но, как уже отмечалось, именно в Южном Туркменистане и, возможно, в примыкающих районах Ирана еще в IV тыс. до н. э. был одомашнен двугорбый верблюд, получивший широкое распространение в местной цивилизации Алтын-депе. Скорее всего, именно необходимость в подобном неприхотливом выючном животном для обслуживания протяженных сухопутных торговых трасс и привела к появлению верблюда в долине Инда именно в пору хараппской цивилизации.

Действенность южного торгового пути подтверждается целым рядом находок, а также, если принимать отождествление Хараппы с Мелуххой, свидетельствами письменных источников (Hansman, 1973; Kramer, 1964). Использование Инда и других рек как транспортных артерий, безусловно, могло способствовать организации морской каботажной торговли. В Индии ее важным центром явно был гуджаратский Лотал, где обнаружены оттиски печатей на глиняных буллах, прикреплявшихся, как полагают, к тюкам с товарами (Raо, 1973). Ряд хараппских памятников в прибрежной зоне Южного Белуджистана (Суткатендор, Соткакох, Балакот), по-видимому, должны рассматриваться как промежуточные порты на этом торговом пути (Thapar, 1984, p. 12). В частности, при раскопках Балакота в хараппских слоях найден расписной сосуд, явно привезенный с запада, из областей, прилегающих к Персидскому заливу (Dales, 1979, p. 265—266). Однако не исключено, что существовал также сухопутный маршрут, пересекавший континентальный Иран южнее Деште-лута и выходивший к границам Месопотамии в районе Диялы, о чем писал еще Меллоун (Mallowan, 1965) и что находит определенные подтверждения в находках в районе Шахдада, крупном центре художественной культуры Ирана (Asthana, 1984). Механизм месопотамохараппских взаимодействий неоднократно обсуждался в литературе. Видимо, прав К. Ламберг-Карловский, полагающий, что он мог быть весьма разнообразным — от прямой торговли, существование которой, правда, вызывает у него определенный скепсис, до многоступенчатого обмена и торговли через промежуточные центры, к числу которых он относит Бахрейн и Яхья-тепе, где найден отпечаток на глине хараппской печати (Lamberg-Karlovsky, 1982). Однако если говорить о крупных центрах Юго-Восточного Ирана, то речь в первую очередь должна идти не о Яхья-тепе, бывшем сравнительно небольшим поселением, а о упоминавшемся уже Шахдаде.

Есть основания полагать, что создатели хараппской цивилизации и жители Месопотамии вступали в прямые личные контакты. Так, в письменных источниках упоминаются приходящие из Мелуххи корабли, на одном из месопотамских цилиндров назван переводчик с языка мелуххи. Ясно, что связи

носили достаточно масштабный характер, коль скоро возникла необходимость в подобной должности. В конце III тыс. до н. э. существовало даже мелуххское поселение в Лагаше, в котором, видимо, проживали древнеиндские торговцы со своими семьями. Новый анализ соответствующих свидетельств письменных источников показал, что имена обитателей этого анклава представляют собой транслитерацию на шумерский с местного, т. е. мелуххского, языка (Parpola a. o., 1977). По свидетельству источников, из Мелуххи в Шумер привозились разные породы дерева, включая черное, золото, красный камень, отождествляемый обычно с сердоликом, различные бусы, слоновую кость, из которой изготовлялись пестро раскрашенные фигуры птиц и гребни (Oppenheim, 1943). Определенную переключку этот список имеет с археологическими материалами. Так, в Тель-Асмаре в аккадском доме помимо цилиндрической печати, изображающей индийских животных, была обнаружена керамика хараппского облика с шишечкообразными выступами, сердоликовые бусы с травленным орнаментом и вставками из слоновой кости (Francfort, 1933, p. 51—52). Возможно, в этом доме обитало лицо, поддерживавшее тесные связи с древнеиндской цивилизацией, видимо шедшие по сухопутному пути через Шахдад. При раскопках на Бахрейне, обычно отождествляемом с шумерским Дильмуном, кроме «печатей Персидского залива» обнаружены сердоликовые бусы с травленным орнаментом и каменные гири хараппского типа, что прямо указывает если не на наличие хараппских торговцев, то на следование стандартам и номиналам, установившимся в долине Инда. Недавно был поставлен вопрос о возможном наличии шумерских торговых колоний в зоне хараппской цивилизации. Автор при этом опирается на находки в Мохенджо-даро и других памятниках печатей цилиндрической формы, действительно резко отличающихся от традиций местной глиптики (During-Caspers, 1984). Правда, изображения на этих цилиндрах не носят чисто месопотамского характера и, по заключению исследователя, отражают определенный этап культурной ассимиляции.

Все эти данные — от типов поселений до развития торговых связей — убедительно свидетельствуют о том, что в лице хараппской цивилизации мы имеем сложный социальный организм. К сожалению, для его более детальной характеристики имеющиеся материалы недостаточны. В частности, затрудняет проведение соответствующего анализа лапидарность сведений о могильниках развитой Хараппы. Правда, имеются публикации с весьма обязывающими заглавиями, но они, как правило, не идут дальше рассуждений самого общего характера, слабо привязанных к конкретным материалам древнеиндской археологии (Chitalmala, 1984; Malik, 1984). Наличие иерархической системы поселений безусловно восходит к сложной системе общественной организации, когда крупные центры осуществляли функцию регионального руководства по отношению к сельской округе. Достаточно сложной была, как мы могли видеть, и внутренняя структура этих лидирующих крупных поселений, где планировочно обособлена часть, играющая роль культурного и, видимо, шире — общественного центра. Его противостояние территории, заселенной основной массой жителей, подчеркивается обводными стенами, престижный характер которых несомненен. Под контролем этих центров и, естественно, их обитателей находились значительные массы товарной продукции, сосредоточившейся в расположенных здесь же крупных зернохранилищах. О происходившем накоплении богатств свидетельствуют клады, включающие, в частности, ценные произведения ювелиров и напоминающие в этом отношении «клад Приама». Такие клады были найдены в обоих крупнейших городских центрах — и в Хараппе, и в Мохенджо-даро. В одном случае ювелирные изделия были укрыты в серебряном сосуде. Несколько расплывчато выглядит картина социальной стратификации по материалам некрополя Калабангана (Sharma, 1982). Здесь преобладают вытяну-

тые погребения, группирующиеся в комплексы по 6—10 могил, что, возможно, отражает прижизненную принадлежность усопших к одной общественной ячейке, скажем, большесемейной общине. Погребения эти, как правило, бедные, и лишь в одном из них, где был захоронен пожилой мужчина (старейшина), обнаружено свыше 70 сосудов. Особые группы составляют погребения в ямах и гробницы, являющиеся скорее всего кенотафами, где человеческие останки отсутствуют, но весьма многочисленны керамические сосуды. Б. Лал считает, что Хараппа уже не представляет собой бесклассовое общество и выделяет в нем три социальные группы — жречество, обитавшее, как показывают раскопки Калибангана, в планировочно выделенной структуре, примыкающей к культовому центру, основную массу населения, занимавшую торговлей и земледелием и обитавшую в Калибангане на территории «нижнего города», и группу, названную им «рабочим классом», жившую вне пределов укрепленных обводов, образующих нуклеарную часть этого городского центра (Lal, 1984, p. 61). Следует подчеркнуть, что в столичных центрах долины Инда, судя по находкам кладов, дифференциация состоятельности была, видимо, еще более контрастной. Это касается и образа жизни, поскольку там же стандартные благоустроенные дома резко контрастируют с лачугами бедняков, которые, разумеется, образовывали не «рабочий класс», а обширную социальную группу закабаленных бедных общинников, приближающихся по образу жизни к рабскому состоянию. Все это не позволяет сомневаться в социальной и имущественной дифференциации хараппского общества, достигшей уже полярных контрастов. Труднее судить об общеполитической системе, в которой, возможно, многое еще было от теократических элементов, характерных для ранней стадии развития государственного организма первых цивилизаций.

Как можно видеть, Хараппа как социокультурный комплекс повторяет в местном, древнеиндском варианте основные характерные черты, присущие первым цивилизациям. Тем более важно специально рассмотреть проблему формирования этого индоанского комплекса, опираясь на материалы, кратко охарактеризованные в предшествующем изложении. Высказываемые по этому поводу взгляды и соображения можно суммировать в виду двух противоположных концепций. По точке зрения, последовательно развивавшейся М. Уилером, «идея цивилизации» пришла в долину Инда из Двуречья, что и послужило основой сложения хараппской цивилизации (Wheeler, 1959, p. 104; Thapar, 1984, p. 17). В советской печати эта точка зрения подверглась критике (Массон, 1982а), и в обзоре раннеземледельческих комплексов Индостана автор этих строк писал: «Реальное рассмотрение конкретной исторической обстановки показывает, что сложение городской цивилизации в Синде и Пенджабе обусловили конкретные местные предпосылки и прежде всего бурное развитие производительных сил. Так, древнеиндийская иероглифика возникла не потому, что Синда достигла вышедшая из Шумера „идея письма“, а потому, что введение письменности обуславливалось возросшими хозяйственными и общественными запросами древнеиндийского общества» (Массон, 1964б, с. 273). Развернуто обосновал подход к хараппской цивилизации как местному явлению У. Фэрсервис, пришедший к заключению, что ее формирование было логическим завершением процессов, начавшихся в белуджистанском регионе, т. е. в среде раннеземледельческих общин (Fair-service, 1961, 1971; Dyson, 1982, p. 418).

В принципе вокруг этих двух подходов, или парадигм, вращается и современное обсуждение данной проблемы. После открытия в Юго-Восточном Иране таких памятников, как Яхья-тепе и Шахри-Сохте, К. Ламберг-Карловский допустил, что рассматриваемый регион сыграл важную роль в процессах, приведших к сложению хараппской цивилизации (Lamberg-Karlovsky, 1972, p. 136). Такой подход оказал известное воздействие на некоторых

индийских исследователей. Например, Б. Тхапар в сводной статье по итогам исследования хараппской цивилизации отмечает, что сложение «комплексных обществ» Яхья и Шахри-Сохте могло оказать формативное влияние на Хараппу, так же как и наличие протоэламских общин с пиктографией в том же регионе, могло стимулировать сложение системы письма и развитие общества в долине Инда (Thapar, 1984, p. 18).

Позднее Ламберг-Карловский постарался более комплексно подойти к этой проблеме (Lamberg-Karlovsky, 1982) с позиций культурогенеза. Так, он подчеркивает, что подобно месопотамскому и южнотуркменистанскому региону долина Инда была зоной первичной урбанизации, ее специфические культурные признаки имели ярко выраженный местный характер, налицо и свидетельства частичной аккумуляции хараппских элементов в Месопотамии, но не наоборот. В целом автор приходит к заключению, что в разных регионах повторяется процесс перехода от стадии «первичной урбанизации» через колонизацию (пример хараппской колонизации можно видеть в Гуджарате и в Шортугае) к стадии «первичной инкорпорации», когда местные элементы вовлекаются в политическую и экономическую сферу колонизирующей культуры. Подобный подход с позиций культурологической терминологии имеет явный уклон к признанию закономерного характера исторического процесса и заметно отличается от первоначальной упрощенно механистической формулировки, оказавшей воздействие на Тхапара.

В общесоциологическом плане генетическая связь древнеиндской цивилизации с раннеземледельческими общинами того же региона не вызывает особых сомнений. С освоением новых территорий для эффективного земледелия технологические традиции, прежде всего в сфере гончарства и металлургии, сформировавшиеся в среде ранних земледельцев Белуджистана и частично долины верхнего Инда (Рахман-дери, Джалилпур), получили дальнейшее прогрессивное развитие в хараппских городских центрах. Целый ряд раннеземледельческих традиций может быть прослежен и в хараппском культурном комплексе. В области архитектуры — это дальнейшее развитие такого важного момента земледельческого поселения, как зернохранилища, известные в Мергаре со времен докерамического неолита. Сравнительно мелкий формат прямоугольного сырцового кирпича, определившийся в том же докерамическом Мергаре, где он имел размеры $33-28 \times 14.5 \times 7$ см, употребляется в предхараппских комплексах Калибангана ($30 \times 20 \times 10$) и незначительно модифицируется в хараппских наслоениях того же памятника ($30 \times 15 \times 7.5$ см в жилых строениях и $40 \times 20 \times 10$ в обводной стене). Близкие пропорции могут быть отмечены и в жженом кирпиче Мохенджо-даро с его стандартом в $28 \times 13.5 \times 5.7$ см. Квадратная форма знаменитых хараппских печатей, резко отличных от цилиндрических печатей Месопотамии, является прямым продолжением квадратных терракотовых, каменных и костяных печатей раннеземледельческой эпохи. Как справедливо замечает Ф. Дуррани, анализируя уникальную костяную печать из Рахман-дери, представленная на ней идея совместного расположения животного рядом с символическими знаками прямо превосхищает хараппскую глиптику (Allchin, 1982, p. 509) и композиционно, и, возможно, семантически. В керамической росписи Хараппы, которая по ограниченным масштабам распространения явно представляет собой угасающую традицию, мотивы пипала, рыб, орнамента, названного «рыбьей чешуей», также имеют бесспорные раннеземледельческие прототипы. То же следует сказать и про терракоты со сложным головным убором, и, как убедительно показал Ф. Олчин, про культ быка, прослеживаемый по росписи на керамике предхараппской эпохи, где часто воспроизводится изображение крупной головы животного с листьями пипала между мощными рогами (Allchin, 1982, p. 163). Выше уже говорилось, что рогатый головной убор, судя по изображениям на древнеиндских печатях, был в хараппскую

эпоху своего рода символом божества, обретшего уже антропоморфный облик. Это все традиционные, сугубо индостанские элементы культурного комплекса хараппской цивилизации.

Сложнее обстоит дело с попытками определить исходный локус того специфического культурного комплекса, который дает археологическую культуру зрелой Хараппы. Исследователи отмечают, что в целом ряде памятников, например в Амри, происходит постепенное смещение местных и хараппских элементов, не формирующихся на месте, а приходящих откуда-то со стороны как бы в готовом виде. В Калибангане, где налицо прямое стратиграфическое перекрытие предхараппских наслоений хараппскими, также фиксируется определенный разрыв, когда зрелая Хараппа появляется в готовом, сложившемся виде. Автор предложил видеть в формировании зрелого хараппского комплекса процесс культурной мутации, когда в самом обществе появляются новые стандарты и эталоны, и именно эти инновации определяют специфический облик культуры в целом (Массон, 1984, с. 69). Уже в предхараппский период шел активный процесс культурной конвергенции, охвативший провинции раннеземледельческих племен с различными культурными традициями (Allchin, 1982, p. 163). Происшедший затем качественный культурный скачок, которым явилось сложение цивилизации, органически соединив традиции и инновации, и предопределил общий облик хараппской культуры. Это был сложный диалектический процесс, и любые заимствования, если они имели место на селективной основе, инкорпорировались культурной средой в тех случаях, когда они отвечали сложившимся потребностям и тенденциям развития.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Огромная территория в Азии, занятая в настоящее время Китайской Народной Республикой, отличается поразительным разнообразием ландшафтных зон и природных условий. Крупные водные артерии Хуанхэ и Янцзы, протекая в широтном направлении, пересекают различные природно-климатические пояса. Для рассматриваемой эпохи особое значение имела долина Хуанхэ, протянувшаяся в западной части через лёссовое плоскогорье. На этой территории распространены смешанные леса, для нее характерны холодная зима и теплое лето при умеренном количестве осадков — от 400 до 800 мм. Природные условия позволяют получать в год один или два урожая. Холмистые пространства Южного Китая, наоборот, отличаются обильными осадками, климат здесь уже субтропический, характерны зимние муссоны, и природно-погодные условия позволяют ежегодно получать на полях от двух до трех урожаев. Палеоклиматические исследования показывают, что в древности, как и в большинстве других раннеземледельческих центров Азии, климат отличался большей мягкостью и увлажненностью.

В долине Хуанхэ, ныне частично обезлесенной, произрастали в изобилии широколиственные леса, состоявшие из березы и дуба, встречался здесь и грецкий орех. Считается, что в IV—III тыс. до н. э. среднегодовая температура была на 2° выше современной. Водились здесь и животные, более типичные для субтропического пояса, в частности бамбуковая крыса. По художественным сосудам эпохи бронзы известны носороги и слоны, изредка при раскопках встречаются и кости последних, но трудно судить, были ли это естественные обитатели данной зоны или экзотические животные, доставляемые с юга для местных владык.

Для первобытной археологии Китая важнейшее значение имело открытие в 1921 г. Андерсоном памятников культуры расписной керамики, вошедших в мировую археологию под наименованием Яншао (Andersson, 1925). Их почти сразу же сопоставили с культурами расписной керамики Ближнего Востока и Средней Азии от Суз до Анау. Это породило разного рода миграционные гипотезы о происхождении китайского очага раннеземледельческих культур, остроту которых лишь в последние годы сглаживают новые открытия китайских учёных. Но еще в середине 70-х гг. предпринимались попытки объяснить генезис древнекитайского очага земледелия западными миграциями или на худой конец импульсами (Васильев, 1976). Археологические работы, широко развернувшиеся в КНР, открыли сотни новых памятников раннеземледельческой эпохи, среди которых следует особенно отметить важное в историческом плане и образцово изученное Баньпо (The neolithic village. . . , 1963). Сейчас в зоне яншаоского культурного ареала выделяются многочисленные локальные и хронологические подразделения археологических комплексов, рисующие сложную картину конкретного развития древних общин. Открыт своеобразный и весьма ранний земледельческий центр и в бассейне Янцзы. Ныне раннеземледельческие культуры Китая это особая, специализированная отрасль первобытной археологии Старого Света.

Одновременно археологические открытия заставили по-новому взглянуть и на происхождение и ранние этапы развития собственно древнекитайской цивилизации, сведения о которой сохранялись в исторической традиции, получившей письменное закрепление. Однако долгое время отсчет древней истории Китая велся с 841 г. до н. э., а все свидетельства о более ранних временах признавались чисто легендарными и заведомо недостоверными. Между тем в летописях повествовалось о трех древних царствах, существовав-

ших до IX в. до н. э. и последовательно сменявших друг друга — Ся, Шан и Чжоу. К еще более раннему времени относили предания «эпоху совершенно-мудрых», при которых были дарованы людям основные достижения культуры от земледелия до письменности. Но в исторической науке последней трети XIX в. безраздельно господствовал гиперкритицизм, тексты древних хроник рассматривались с пристрастием детектива, их авторы уличались в действительных и мнимых противоречиях, а порой и в прямом искажении и подтасовке. Так, одно время чтившийся как «отец истории» Геродот был демонстративно объявлен «отцом лжи». Китайские носители этой «новой волны» также стали рассматривать полулегендарные свидетельства о древнейшей истории своей страны через призму предвзятого скептицизма. Однако решающее слово осталось не за логическими эссеистами, а за конкретными фактами, полученными археологической наукой.

В конце того же XIX в. любители древностей обратили внимание на кости животных и панцири черепах, находимые в местности Сяотунь и испещренные различными знаками. Местные жители называли их «костями дракона» и использовали для медицинских целей. В 1914 г. исследователь Ван Говэй прочел в этих надписях имя правителя, упоминавшегося в хрониках в династийном списке государства Шан. Затем были обнаружены и другие имена, подтвердившие определенную достоверность традиционной историографии. В 1928 г. в Аньяне близ Сяотуня были начаты регулярные раскопки, продолжавшиеся до 1937 г., когда их прервала японская агрессия. Находки, сделанные в ходе этих работ, были и разнообразны, и поразительны. По существу была заново открыта целая цивилизация — шанская или иньская (Li Chi, 1977). Раскапываемое археологами городище, как это неопровержимо свидетельствуют найденные письменные тексты, называлось «главный (или великий) город Шан». Сейчас уже известно около 100 000 иньских надписей, достаточно всесторонне освещающих это первое цивилизованное общество Восточной Азии.

Материалы по первобытной археологии Китая неоднократно были предметом общих сводок и обзоров. Так, отметим весьма обстоятельные для своего времени труды Чен Текуна (Chang Te-K'un, 1959, 1960) и более новые сводки Чжан Гуанчжи (Chang Kwang-Chin, 1971, 1980). Ценные наблюдения сделал С. В. Киселев в результате длительной командировки в КНР (Киселев, 1960), обстоятельные сводки соответствующих материалов содержат работы М. В. Крюкова (Крюков, 1973; Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978) и С. Кучеры (Кучера, 1977; Археология Зарубежной Азии, 1986, гл. II).

Обширные материалы, полученные по первобытной археологии Китая, всесторонне характеризуют тот исходный пласт раннеземледельческих культур, который здесь, так же как и в других регионах Старого Света, лежал в основе развития цивилизации. Китайскими археологами проделана большая работа по систематизации соответствующих данных, выявлению устойчивых комплексов или культур, определения их временного положения и культурного взаимодействия. Выделяется несколько зон, характеризующихся специфическими признаками и динамикой культурного процесса (Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 90 и след.). Типичными для рассматриваемой эпохи являются материалы поселения Баньпо, относящегося к первой половине IV тыс. до н. э. (рис. 54). Тщательно проведенные исследования рисуют яркую картину устойчивой сбалансированной экономики и надежного благосостояния, свойственных раннеземледельческим общинам (The neolithic village. . . , 1963). Баньпо как археологический комплекс или даже как особая археологическая культура центральной зоны характеризуется наземными каркасными жилищами с глиняно-саманной обмазкой, глиняной посудой, преимущественно плоскостной, в том числе украшенной геометрическими орнаментами и зооморфными рисунками, а также углубленным орнаментом,

специфическими формами сосудов на трех ножках, костяными двуперыми наконечниками стрел, рыболовными крючками и шильями, каменными топорами, теслами, долотами, молотами и ножами, обычно шлифованными. Минимальна роль кремневой индустрии, что в целом является весьма показательным для древнекитайского очага раннеземледельческих культур.

Раскопки самого поселения Баньпо всесторонне характеризуют экономику и культуру нового типа в их специфическом, древнекитайском воплощении. Земледелие надежно обеспечивало обитателей поселка продуктами питания. Возделывался китайский сорт проса, носящий местное название чумиза. Свидетельства такого возделывания многочисленны и разнообразны, включая остатки каши из чумизы, сохранившиеся в одном из сосудов. Значительную роль в мясном рационе играли одомашненные животные, но их состав весьма своеобразен по сравнению со стадами раннеземледельческих общин Ближнего Востока. В долине Хуанхэ основными животными, чье мясо шло в пищу, были свиньи и собаки. Важным подспорьем и, видимо, одним из факторов, обеспечивающим стабильную оседлость, было рыболовство, с которым связана значительная часть орудий труда, в том числе костяные крючки, наконечники гарпунов, каменные грузила для сетей. Изображения рыб имеются и на расписных сосудах. Налицо и остатки диких животных, среди которых следует отметить оленя и бамбуковую крысу. Устойчивая система получения продуктов питания обеспечила высокий уровень благосостояния нового образа жизни, который утвердился здесь со становлением экономики производства пищи.

Само поселение Баньпо занимало площадь около 7000 м² и было окружено рвом 6-метровой глубины, возможно, в частности, призванным защитить поселок от паводковых разливов. За рвом располагался могильник и печи для обжига керамики. Сами дома каркасно-столбовой конструкции имели круглую или прямоугольную планировку. Не исключено, что первая являлась наследием строительных приемов, выработанных для хижин и землянок доземледельческой эпохи. Пол и стены жилищ тщательно покрывались глиняной обмазкой, смешанной с рубленой соломой-саманом. Овальные в плане дома имели диаметр около 5 м, и при их раскопках обнаружены многочисленные ямки от столбов и жердей, число которых порой достигало 60—70 штук. Мощность культурного слоя — от 4 до 5 м указывает, что это был поселок долговременного обитания. Рядом с домами располагались хозяйственные ямы. Сами размеры поселка были достаточно стабильны — на раннем этапе в нем насчитывалось 22 дома и 43 хозяйственные ямы, на позднем — 24 дома и 163 хозяйственные ямы. Средняя площадь однокомнатных домов в 20 м² показывает, что они, как и в среднеазиатском Джейтуне, служили жилищем малой семьи как основной ячейки общества. Имелось здесь и крупное здание, видимо, особого назначения. Оно находилось в центре поселения и располагалось на платформе, занимавшей площадь 20×12,5 м. Стена метровой толщины была образована столбами, имевшими 20 см в диаметре и покрытыми глиняной обмазкой. В центре обнаружены два основания крупных столбов-колонн диаметром 1,6 м. Исследователи справедливо полагают, что эта постройка имела специфические функции, была своеобразным святилищем-домом общих собраний, который столь типичен для раннеземледельческих общин и являлся своего рода материальным символом организационного и идеологического единства данного коллектива.

Уютные благоустроенные дома дополнялись другими бытовыми объектами, нередко сочетавшими утилитарную и эстетическую функции. Такова прежде всего разнообразная глиняная посуда, обжиг которой проводился в специальных горнах. Двухъярусная конструкция этих печей позволяла получать устойчивые температуры, но сами их размеры были весьма невелики, и в обжигательную камеру помещалось одновременно 5—6 сосудов

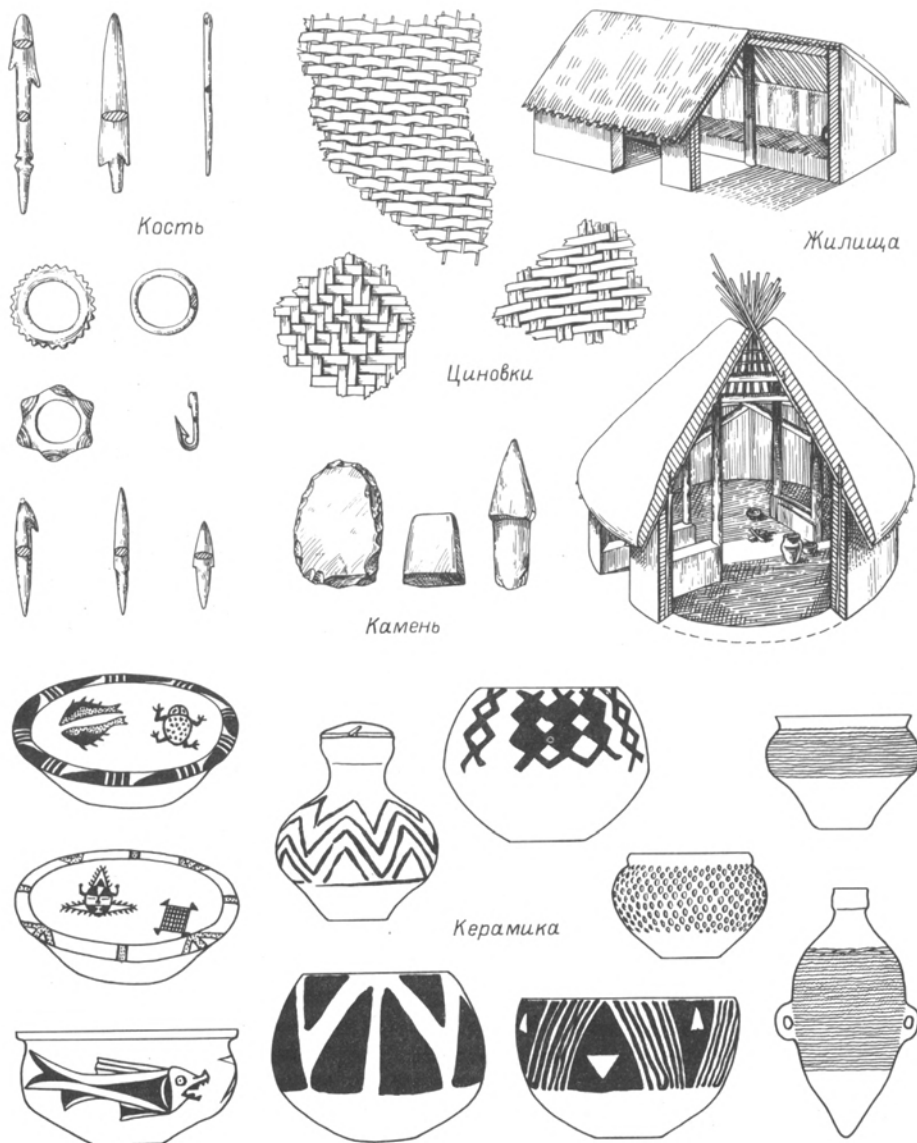

Рис. 54. Комплекс Яншао.

средней величины. Различаются несколько групп керамики — грубая красная или серая, объединяющая по преимуществу сосуды хозяйственного назначения, красная керамика и высококачественная посуда светлого цвета. Наличие расписной керамики, украшавшей яркими пятнами интерьер древнекитайских земледельцев, сразу вводит материальную культуру Баньпо в широкий круг сходных формопроявлений раннеземледельческой эпохи. Орнаментация здесь сравнительно несложная, много геометрических рисунков, но вместе с тем есть изображения птиц, копытных животных. Особенно были популярны рыбы, стилизованные под геометрическую роспись. Показательно изображение черепахи, животного, которое в дальнейшем играло заметную роль в обрядах и культах древнекитайского населения. Явно к числу образцов сложной

культовой семантики относится рисунок головы в сложном уборе и находящейся как бы в центре трех рыбьих фигур. Предположение о том, что здесь воспроизведен жрец с татуированным лицом в рыбообразном головном уборе, весьма вероятно (Chang Kwang-Chin, 1971, p. 103). Тотем подобного рода мог играть важную роль для общины оседлых земледельцев — животноводов — рыболовов.

Помимо благоустроенных домов и нарядной керамики налицо в Баньпо и заключительный элемент культурной триады раннеземледельческой эпохи — мелкая пластика. Это сравнительно редкие глиняные раскрашенные головы антропоморфных фигурок. Имеются также статуэтки птиц и зверей.

Вместе с тем сам набор орудий, при помощи которого были получены хозяйственные и культурные достижения, весьма архаичен и ограничивается изделиями из камня и кости, напоминая в этом отношении архаическую техническую базу создателей блестящей культуры Чатал-Хююка. Особенно разнообразна костяная индустрия, представленная несколькими видами проколов и шильев, а также долотами, стругами, предметами, типологически близкими к ножам и мотыгам.

Но число последних незначительно, что заставляет предполагать использование в этой функции деревянных орудий (The neolithic village. . . , 1963, p. 310). Большинство каменных орудий принадлежит к числу шлифованных изделий и представляет собой тесла, топоры, долота, молоты и однолезвийные ножи. Имеются также и наверхия булавы. Как мы отмечали, отсутствие кремневых изделий просто поразительно. Отдельные наконечники стрел делались из кварцита, обработанного грубой ретушью, но предпочтение отдавалось стрелам из кости, типы которых достаточно разнообразны. Из кремня изготавливались грубые скребки и чоперы, которые, однако, крайне редки. Специализированными производствами становятся прядение и ткачество. Отпечатки на керамике позволили установить наличие целого ряда различных видов плетеных изделий — от циновок до тканей.

Пряслица двух типов свидетельствуют, что этот вид домашнего труда практиковался в каждой семье. Недаром на Баньпо найдено поразительно большое количество костяных иглолок — около 300 штук. Не забывали древние портнихи и о своей внешности — на поселении найдено сравнительно много бус и браслетов, изготовленных из кости и раковин.

Материалы Баньпо ясно показывают, что самообеспечивающиеся общины древнекитайских земледельцев достигают устойчивого благосостояния, уровень которого пока един для всех членов общества. Так, изучено свыше ста погребений могильника, в которые обычно помещались скромные дары — расписные сосуды и немногочисленные украшения, и какой-либо разницы в этом отношении между отдельными захоронениями не прослеживается. Усопшие расположены в вытянутом положении, преобладают одиночные погребения, и лишь две могилы являются исключениями — в одной помещено два человека, а в другой четыре. Детей обычно хоронили не на кладбище, а прямо на территории поселка и помещали в крупные сосуды.

Баньпо не было единственным раннеземледельческим поселением в долине Хуанхэ. В IV — первой половине III тыс. до н. э. поселки этого типа широко распространились по среднему течению этой реки, и особенности материальной культуры дают возможность выделить ряд локальных подразделений (Кашина, 1977). Так, раскопки поселения Мяодигоу позволили охарактеризовать особый вариант культуры, или, точнее сказать, культурной общности, Яншао со специфическим типом расписной керамики. В росписи Мяодигоу в отличие от геометризма Баньпо много криволинейных композиций, хотя изображение черепахи с точечным заполнением тулова близко к аналогичной фигуре, воспроизведенной на керамике из Баньпо. Раннеземледельческие общины широко освоили в это время плодородные лёссовые почвы речных

долин и речных террас, повсеместно выращивали чумизу и разводили свиней и собак как мясных животных. Здесь сложилась эффективная система получения продуктов питания, накапливалась значительный экономический и культурный потенциал, началось развитие специализированных производств. Иными словами, мы видим здесь те же характерные черты, что и в других регионах в раннеземледельческую эпоху. Вместе с тем налицо и значительное культурное своеобразие. В пору Яншао по среднему течению Хуанхэ сложился особый региональный тип раннеземледельческой культуры, обладающий неповторимыми чертами. Это обстоятельство прямым путем подводит нас к ответственной и сложной проблеме генезиса древнекитайских культур древнеземледельческой эпохи.

Общетиологическая близость раннеземледельческих комплексов древнего Китая с другими древнеземледельческими культурами, равно как и их более поздняя датировка по сравнению с более западными очагами производящей экономики, вольно или невольно наталкивала исследователей на идею стимулирующего воздействия западных импульсов. В советской науке такая попытка была сравнительно недавно вновь предпринята Л. С. Васильевым, считавшим, что в генезисе Яншао решающую роль играла монголоидная по типу этнокультурная общность, реализовавшая в условиях гималайско-тибетских и западно-китайских предгорий «основные принципы и идеи неолитической революции ближневосточной зоны» (Васильев, 1976, с. 185). Однако обоснование этого допущения конкретным археологическим материалом не выдерживает критики, поскольку пока ни в гималайско-тибетских предгорьях, ни в западных районах КНР нет раннеземледельческих памятников, столь же древних, как и поселения по среднему течению Хуанхэ (Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 143—144). Более того, региональный тип раннеземледельческих культур, представленный Яншао, по всем основным параметрам отличен от археологических комплексов Ближнего Востока, Средней Азии и Индостана, и нам уже приходилось обращать на это внимание (Массон, 1964а).

Общетиологическое повторение раннеземледельческой триады в виде благоустроенных домов, нарядной керамики и мелкой пластики выступает в данном случае как своего рода стадияльное явление, за которым стоит принципиально иной и глубоко своеобразный набор основных составных элементов. Кардинальные различия здесь налицо, начиная с самой хозяйственной системы. В долине Хуанхэ возделывали чумизу и разводили как мясных животных собак и свиней, тогда как на Ближнем Востоке и в Средней Азии соответствующее положение занимают пшеница и ячмень в земледелии, козы и овцы в животноводстве. В китайском очаге, расцвет которого по крайней мере в IV—III вв. до н. э. не вызывает сомнений, налицо архаический, и по существу неолитический комплекс каменных и костяных орудий, единобразие которого не нарушает ни один медный предмет. В ближневосточном макрорегионе повсеместно встречаются медные орудия, и если где и сохраняется архаическая техника неолитической эпохи, то она представлена кремневыми вкладышевыми орудиями, отсутствие которых как раз и составляет характерную черту комплексов типа Яншао. Принципиально различны и строительная техника (сырцовый кирпич на западе и каркасные дома с глинобитной обмазкой на востоке), и погребальные обряды (скорченность на западе в отличие от вытянутого положения погребенных в памятниках яншаоского круга), и даже набор форм сосудов. В частности, в долине Хуанхэ с первых этапов керамического мастерства появляются как устойчивые типы разные варианты сосудов на трех ножках, образуя неотъемлемый элемент местных археологических комплексов. Иным был и облик людей, оставивших памятники одного культурно-хозяйственного типа. Уже маски жрецов на керамике Баньпо отличает скупое переданная, но тем не менее бесспорная

монголоидность. Все изученные костяки из раннеяншаоских могильников полностью подтверждают эту особенность — они относятся к числу тихоокеанских монголоидов, что принципиально отличает их от длинноголовых европеоидов, к числу которых принадлежали племена, совершившие переход к земледельческо-скотоводческой экономике на Ближнем Востоке. Это указывает на то, что формирование древнекитайского очага производящей экономики было в первую очередь результатом спонтанной культурной и хозяйственной трансформации, эксплуатации местных, восточноазиатских растительных и зоологических ресурсов. При этом сложились устойчивые культурные традиции, создавшие питательную среду для древнекитайской цивилизации. Это касается и типа каркасных строений, которые с наступлением цивилизации усложняются в планировке и увеличиваются в размерах, и типов триподов, которые в условиях бронзолитейного производства становятся подлинными шедеврами художественного производства, и даже пиктографической символики. Исследователи отмечают, что уже в Баньпо на керамике имеется 22 различных знака устойчиво повторяющихся на многих сосудах и черепках (The neolithic village. . . , 1963, p. 317). Даже яншаоское меню входит устойчивым компонентом в местные привязанности и обычаи. Так, среди гадательных надписей Аньяна о жертвоприношениях божеству имеется и такой запрос: «Зажарить для Восточной матери трех свиней и трех собак» (Хрестоматия. . . , 1963, с. 445).

Новые открытия китайских археологов в последние годы настойчиво выдвигают еще один аспект рассматриваемой проблемы. Речь идет об обнаружении самобытных очагов раннеземледельческой культуры в Южном Китае, в бассейне р. Янцзы. Примитивная глиняная посуда с примесью в тесте песка или толченых раковин появляется здесь весьма рано, едва ли не в VIII тыс. до н. э. К V тыс. до н. э. относится комплекс, содержащий не только керамику, но и бесспорные свидетельства производства продуктов питания — возделывания риса и разведения свиней, собак и, возможно, буйволов. Это культура типа Хэмуду (Археология Зарубежной Азии, 1986, с. 286). Перед нами не только отличная хозяйственная традиция — возделывание риса, а не чумизы, но и значительное культурное своеобразие — набор керамических форм, среди которых много круглодонных видов, заметно отличных от керамических типов яншаоского круга. Целый ряд раннеземледельческих культур Южного Китая продолжал развиваться в IV—III тыс. до н. э. традиции рисосеяния, вступая, видимо, в культурные контакты с яншаоским ареалом, как об этом свидетельствуют появление формы триподов и роспись на глиняной посуде. Принципиально важное значение этих открытий состоит в том, что они демонстрируют широкий территориальный охват и многообразие путей развития неолитической революции в китайском регионе. Вопрос перехода к новым формам хозяйства и становления принципиально новых культурных комплексов стоял в повестке дня, и, видимо, его реализация была столь же независимым проявлением глобальных закономерностей, как и становление земледельческой экономики в Новом Свете.

Кстати, как и в Новом Свете, раннеземледельческая эпоха в древнекитайском регионе добивается значительных успехов на базе неметаллического орудийного комплекса.

Вместе с тем нельзя не видеть, что многие из этих соображений носят общий и косвенный характер и пока у нас нет четкой генетической цепочки культурной эволюции древнекитайских раннеземледельческих комплексов на основе местного мезолита в отличие от ситуации, сложившейся в археологии, скажем, Восточного Средиземноморья или Месопотамии. Правда, и в этой сфере налицо целый ряд обнадеживающих открытий. Становятся известными стоянки мезолитических охотников в бассейне Хуанхэ, но их кремневая индустрия, микролитовидная на поздних этапах развития, практически не

имеет ничего общего с орудийным набором яншаоских общин. Несколько лучше обстоит дело с предьяншаоскими памятниками. Если раньше к их числу предположительно относились развеянные стоянки, содержащие в числе прочих находок красноглиняную керамику (Киселев, 1960, с. 245; Chang Te-K'un, 1959, p. 68 sqq.), то теперь открыты уже поселения с сохранившимся культурным слоем (Археология Зарубежной Азии, 1986, с. 290—291). Так, на поселении Дадивань обнаружен ранний слой, перекрытый типичным комплексом яншаоского круга. Для этого слоя Дадивань I характерно свиноводство, известна керамика, в том числе с красной полосой вдоль венчика, как бы предвосхищающая расписную посуду Яншао, и найдена такая специфическая форма древнекитайского культурного ареала, как триподы. Слой Дадивань I отнесен к концу V — началу IV тыс. до н. э., правда, с использованием длинной системы пересчета дат радиоуглеродного анализа. В V тыс. до н. э. уходит датировка поселений Цышань и Пэйлиган, открытых в бассейне среднего течения Хуанхэ, где налицо свидетельства развития земледелия и довольно многочисленна глиняная посуда. Так, предьяншаоский пласт получает все более реальное воплощение в надежных археологических комплексах.

Во всяком случае, начиная с этих оседлых поселков второй половины V тыс. до н. э. идет устойчивая линия спонтанной трансформации, надежно устанавливаемая на целом ряде типологических соответствий. Культурный и технический прогресс ведут к тому, что в недрах раннеземледельческих обществ формируются реальные предпосылки сложения цивилизации. Эти процессы связаны с периодом существования комплексов типа Лушань, отличающихся яркими признаками ремесленной специализации и общественного прогресса.

Для комплексов типа Лушань наиболее показательно распространение серой и в меньшей мере чернолощеной керамики, среди форм которой наряду с традиционными триподами появляются и сосуды на высокой ножке, так называемые вазы. В определенной мере диагностирующим признаком является и наличие каменных ножей-серпов полулунной формы. Эти комплексы, открытые первоначально в приморских районах Китая в провинции Шаньдун, еще 30 лет назад исследователи пытались прямым образом вывести из серой и чернолощеной керамики Северо-Восточного Ирана типа Гисар II — III, где также имелись вазы на высоких подставках. В настоящее время подобные примитивные построения являются достоянием истории науки, а сам тип лушаньских комплексов, как оказалось, получил широкое распространение на территории Китая, что позволяет говорить о культурах лушаньского типа, или о лушаноидных культурах, встречающихся вплоть до Тайваня (Chang Kwang-Chin, 1971, p. 131). Время бытования комплексов этого типа может быть определено ориентировочно второй половиной, а кое-где и последней третью III тыс. до н. э. — началом II тыс. до н. э. Подстилающие культурные горизонты оказываются различными в различных областях, что лучше всего высвечивает специфический процесс культурной интеграции, начинающийся в этот период.

В приморских районах распространен классический Лушань, названный так по приоритетному месту открытия этой культуры. Здесь исходным культурным субстратом формирования Лушаня является земледельческая культура Давэнкоу. В ней на определенном этапе развития появляется сероглиняная и черная керамика и начинает постепенно внедряться в технологию гончарный круг быстрого вращения. Континентальный, или хэнанский, Лушань, представленный культурой типа Хоуган II, территориально охватывает нуклеарные районы обитания яншаоских общин по среднему течению Хуанхэ. Здесь налицо постепенная трансформация позднеяншаоского комплекса типа Мяодигоу II в лушаноидную культуру с сероглиняной посудой специфических форм, изготовленной с помощью гончарного круга. Местная традиция

красной керамики постепенно угасает, хотя отдельные образцы расписной керамики, столь показательной для раннеземледельческой эпохи, еще сохраняются. На юге, в нижнем течении Янцзы, лушаньское воздействие накладывается на местную культуру Лянчжу, оставленную земледельцами и рыболовами, возделывавшими различные сорта риса и ряд других растений, включая кунжут и вику. И здесь на поздних этапах развития местной культуры появляется черноглиняная керамика, сделанная на гончарном круге и представленная формами, отчетливо восходящими к лушаньским прототипам. Показательно, что вне этого широкого лушаньского воздействия оказались западные области яншаоских земледельцев и прежде всего Ганьсу, где сохраняются традиции эпохи расписной керамики, представленные культурой Мацзяяо, иногда именуемой ганьсуйским Яншао и датированной серединой III — началом II тыс. до н. э. Здесь нет ни серой или черной керамики, ни гончарного круга; лепная посуда с красочными узорами настойчиво продолжает архаические традиции раннеземледельческой эпохи. Налицо своего рода культурный провинциализм и отставание в темпах развития. Вместе с тем интересен факт нахождения на памятниках типа Мацзяяо двух медных ножей, правда еще не изменивших общий неолитический облик производственного инвентаря, но являющихся важным провозвестником грядущих перемен. Возможно, учитывая полное отсутствие металла в лушаноидных комплексах и западное положение памятников Мацзяяо, в этом можно усмотреть определенное воздействие сибиро-казахстанских культур, в частности минусинского очага древней металлургии.

По существу культурные инновации лушаньского периода связаны в первую очередь со специализацией ремесленной деятельности, прежде всего гончарства. Технический прогресс, а именно распространение гончарного круга быстрого вращения, привел к массовому производству стандартных изделий, изменил эстетический подход к керамической продукции. Теперь главное внимание уделялось изяществу и совершенству формы сосудов, а не росписи, над которой трудились общинные ремесленники. Социологически близкое явление имело место в Месопотамии в урукский период. В определенной мере с лушаньскими воздействиями можно сопоставлять и влияние керамики урукского типа на соседние с Двуречьем регионы от Элама до Сирии. Для поры активного развития специализированных производств и отделения ремесла от земледелия керамика лушаньского типа в древнекитайском регионе представляла своего рода эталон эпохи, образцовую модель, широкое распространение которой способствовало процессам культурной интеграции.

Определенные изменения происходят и в сфере получения продуктов питания. Так, появляется и получает широкое распространение устойчивый тип жатвенных орудий — полулунные каменные серпы и серпы, сделанные из раковин. Предполагается, что это связано с интенсификацией жатвенных процессов (Chang Kwang-Chin, 1971, p. 128). В составе стада получают распространение новые породы — крупный и мелкий рогатый скот, разводятся и домашние куры. В южной зоне еще раньше отмечена domestикация водного буйвола, но показательно, что к числу китайско-индоевропейских лексических соответствий принадлежит термин, обозначающий корову (Pulleyblank, 1966; Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 78). Хотя лингвисты склонны относить эти соответствия к весьма ранней эпохе появления в лушаньских памятниках лошади, так же как и, возможно, крупного и мелкого рогатого скота, исторически разумнее всего сопоставлять данные явления с возможными контактами со скотоводами степной бронзы, представленными в Южной Сибири афанасьевскими и окуневскими культурами.

Налицо технологические новшества и в строительном деле — распространяется способ возведения фундаментов и стен строений путем укладки слоев

плотно утрамбованной земли, набиваемой в рамы из досок. По внешним признакам эта техника напоминает строительство из сырцового кирпича, характерное для стран ближневосточного ареала, и открывала возможности развития монументальной архитектуры. Практическое отражение это нашло в сфере фортификации. В хэнанском Лушане появляется целый ряд поселений, окруженных мощными глиняными стенами-валами. Сами поселки были еще не велики по размерам — их площадь достигала 1—4 га. Но тем более внушительными выглядят глинобитные укрепления. Так, стена, окаймлявшая поселение Дачжучжуан, имела толщину 13 м в основании и 10 м в верхних своих частях (Археология Зарубежной Азии, 1986, с. 316). Развитие фортификации является косвенным свидетельством сложных процессов, происходящих в недрах общественного организма, — усиления военной функции, связанной с накоплением богатств и с тенденцией к их насильственному перераспределению. На одном из лушаньских поселений были обнаружены следы побоища в виде беспорядочно захороненных мужчин, женщин и детей, многие из которых найдены обезглавленными. Отдельно расположенные черепа несут следы снятия скальпов (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 339). В данном случае земляные стены не спасли от гибели какую-то из групп лушаньских общинников. Рост благосостояния, разнообразие функций организации и управления стимулировали развитие социальной дифференциации, находившей отражение в дифференциации образа жизни. Археологические материалы свидетельствуют, что в лушаньский период прочно установилась практика гадания по лопаткам животных, помещаемым в огонь после нанесения на них разного рода меток, что представляет собой прямую предтечу гадательных надписей иньской цивилизации. Эти специализированные функции содействовали обособлению жреческой прослойки. Монотонное однообразие погребального инвентаря, свойственное яншаоским некрополям, сменяется резкими количественными различиями. В отдельных могилах Давэнкоу помещалось до 70—80 предметов, правда, главным образом керамических сосудов. Появляются захоронения с десятками различных предметов и в культуре Лянчжу.

Выше уже говорилось о первоначальном скептическом отношении к данным китайской исторической традиции династии Шан и блестящем подтверждении ее исторической реальности археологическими раскопками. Та же традиция говорит о более раннем царстве Ся и приводит детальную генеалогию его правителей, причем ориентировочная датировка царства приходится на 2205—1767 гг. до н. э. Исследователи уже высказывали мнение о возможном соотношении с этой традицией комплексов лушаньского типа и раннеиньского этапа Эрлитоу (Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 152—154). Считалось, что в эпоху Ся началось строительство городов, окруженных стенами, успехи в гончарном деле привели к открытию металлургии, а выборные вожди сменились правителями, передающими власть по наследству. По крайней мере одно из этих явлений, а именно укрепленные городища, надежно датируется лушаньским периодом. Вполне вероятно, что уже к позднему Лушаню восходит и тенденция институализации власти, получившая впечатляющее завершение в появлении иньских ванов с их пышными «царскими» погребальными обрядами. Технический прогресс и социальная эволюция развивались в тесном взаимодействии по принципу прямых и обратных связей.

Далеко ушли в прошлое те времена, когда иньская цивилизация Аньяна выглядела неожиданным феноменом, порождая различные домыслы об ее происхождении. Успехи археологии КНР привели к созданию довольно надежной эволюционной цепочки устойчивых археологических комплексов, связывающих раннеземледельческую эпоху и древнекитайскую цивилизацию. Эта эволюция напоминает в ряде отношений последовательность этапов куль-

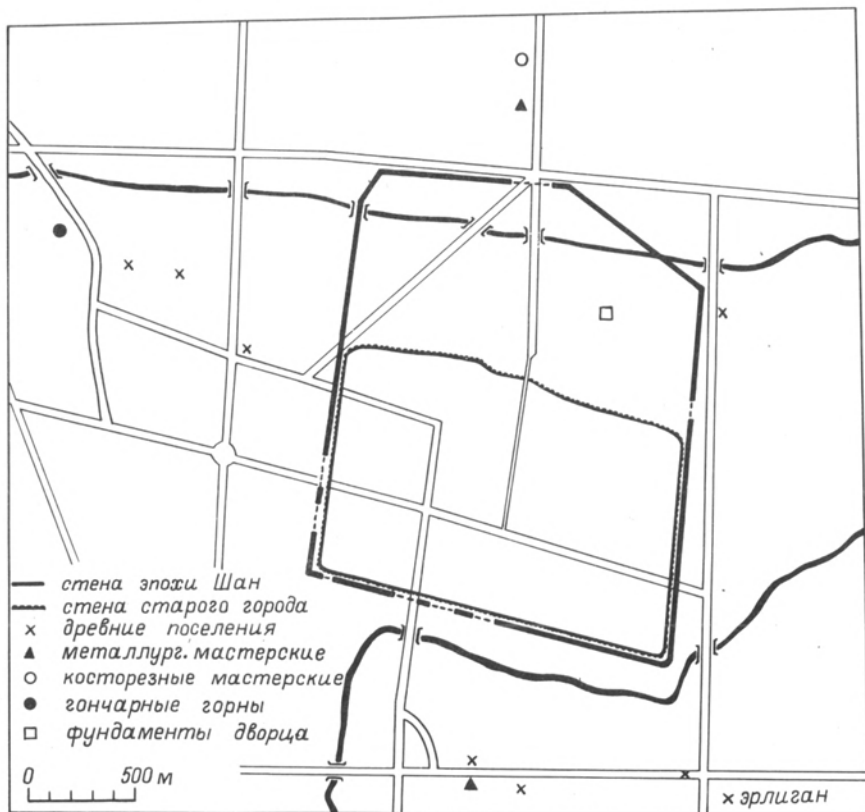

Рис. 55. Чжэнчжоу. План городища.

турного и социально-экономического развития, установленную для Месопотамии. Как важное звено в этой цепи непрерывного развития выступает комплекс типа Эрлитоу, в настоящее время представленный уже почти сотней различных памятников (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 166—200; Археология Зарубежной Азии, 1986, с. 307—310). Само городище Эрлитоу, давшее наименование всему комплексу, расположено в Хэнани неподалеку от важного современного центра Чжэнчжоу, на территории которого, кстати, находится крупнейшее городище раннеиньской эпохи (рис. 55). Здесь выявлены три слоя, относящиеся к данному периоду, тогда как четвертый, самый верхний, содержит материалы поры раннего Инь. Дата комплекса типа Эрлитоу ориентировочно определяется 1850—1650 гг. до н. э., что подкреплено рядом радиоуглеродных датировок, хотя имеются определения, выпадающие из этих пределов. Не исключено, что истоки этого комплекса уходят в конец III тыс. до н. э. Керамический комплекс Эрлитоу достаточно разнообразен и демонстрирует, с одной стороны, генетическую преемственность с керамикой хэнаньского Лушаня, с другой — совершенно новые черты, связанные с качественным состоянием общества и его культуры. Таково прежде всего увеличение типов богато орнаментированной керамики, производство которой превращается в специализированное ремесло, создающее незаурядные художественные произведения. Штампованные орнаменты, среди мотивов которых многочисленные стилизованные животные, изображения драконов, скорпионов и рыб, предвосхищают искусство иньской цивилизации и по существу являются ее первым начальным этапом. Расположение гончарных печей ука-

зывает на территориальную концентрацию керамического производства, на места расположения специализированных мастерских или даже кварталов ремесленников. Принципиально важно появление бронзолитейного производства, ранее совершенно неизвестного в древнекитайском регионе, который, таким образом, в отличие от большинства других областей Старого Света практически минует стадию энеолита. В Эрлитоу найдены бронзовые ножи, шилья, наконечники стрел, колокольчик и рыболовные крючки. Вместе с тем встречаются и рыболовные крючки, сделанные из кости, и это соседство двух технологий указывает на начальные этапы развития металлургии. Но сам уровень последней неожиданно высок. Об этом свидетельствуют бронзовые сосуды различных форм, богато орнаментированные, представляющие собой ранний этап знаменитых иньских бронз (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 266, fig. 66). Судя по описаниям, обнаружены и остатки бронзолитейных мастерских с многочисленными литейными формами. Это был важный скачок в развитии технологии, стимулировавший процесс отделения специализированных ремесел от сельскохозяйственного производства.

Раскопки городища Эрлитоу отражают и заметные изменения, происходящие в обществе, чей технологический базис развивается столь успешно. На городище обнаружена обширная земляная платформа, построенная по способу, утвердившемуся в лушаньский период при возведении фортификационных сооружений. Она имеет в плане Т-образную форму и занимает площадь почти в 1 га, т. е. практически столько же, сколько и раннеземледельческие поселки поры Яншао. Это явно основание какого-то комплекса строений особого назначения, от которого сохранились части стен и следы деревянных столбов-колонн, охватывающих периметр комплекса своеобразным портиком. Предполагается, что это были постройки дворцового типа. Иными словами, перед нами явление, по существу аналогичное монументальной архитектуре Ближнего Востока. Такое строительство требовало концентрации усилий значительного числа рабочих рук и вместе с тем отражало далеко зашедшую дифференциацию общества, находящую отражение и в различном образе жизни. На это указывают и погребальные обряды Эрлитоу. Здесь имеются гробницы, в которых усопшие лежат в вытянутом положении на спине или на боку в сопровождении разнообразного погребального инвентаря, включающего различные типы керамических сосудов, бронзовые колокольчики, украшения из сердолика, жадеита и раковин. Вместе с тем имеются и беспорядочные захоронения, среди руин домов и хозяйственных ям, где отсутствует какой-либо сопровождающий инвентарь, а костяки лежат в самых различных позах и зачастую у них отсутствуют различные части туловища или даже головы. Чжан справедливо заключает, что подобные различия в способах захоронения свидетельствуют о далеко зашедшей стратификации общества, когда представители нижних слоев могли приноситься в жертву при религиозных церемониях (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 198—199). Шел процесс разделения общества на бедных и богатых, на почитаемых вождей и жрецов и на потенциальных жертв заупокойных обрядов.

Широко было распространено гадание при помощи лопаток коров и овец, на которые при этом наносились различные знаки. Это были прямые предшественники знаменитых аньянских гадательных костей с пиктографическими текстами. В Аньяне короткие тексты наносились и на бронзовые изделия, но в Эрлитоу их пока еще заменяют эмблемы. Вместе с тем найдены три фрагмента костей, на которых как будто имеются знаки иньской письменности. Во всяком случае, один из таких фрагментов содержит не отдельные знаки, которые можно встретить и на яншаоских сосудах, а трехстрочный текст (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 268, fig. 67). Правда, есть известные сомнения в стратиграфии этой находки, и поэтому вопрос об истоках иньской письменности остается открытым.

Таким образом, в Эрлитоу налицо уже многие компоненты социокультурного комплекса цивилизации. Генетические связи Эрлитоу с хэнаньским Лущанем также не вызывают сомнений — это была отчетливая линия спонтанной трансформации в бассейне среднего течения Хуанхэ. Остается невыясненным вопрос о таком технологическом новшестве, как бронзолитейное производство, возникающее как бы сразу на стадии высокого развития. По данному вопросу было немало досужих рассуждений примитивно-миграционистского толка, но вместе с тем неправомерно (как это делается в некоторых сводных работах китайских исследователей) полностью игнорировать эту проблему. Имеются два очага металлургии, которые являются более древними по отношению к бронзам Эрлитоу, — минусинский на юге Сибири и в Юго-Восточной Азии, где недавние сенсационные открытия уводят бронзовый век чуть ли не в IV тыс. до н. э. и уже для III тыс. до н. э. наличие развитой бронзовой металлургии не вызывает сомнений. Скорее всего, в распространении бронзолитейного дела в долине Хуанхэ мы сталкиваемся со своего рода стимулированной трансформацией, происходящей в сфере технологии, где общий уровень технического развития, включая достижения теплотехники, создал благоприятную воспринимающую среду. Но конкретные пути становления металлургии в Эрлитоу пока не могут быть прослежены строгой цепочкой типологических соответствий археологических объектов.

Реабилитация китайской исторической традиции, происшедшая в результате аньянских открытий, которые подтвердили достоверность сведений о династии Шан, неоднократно побуждала исследователей искать археологические соответствия и более древнему феномену, упоминаемому в хрониках, — царству Ся, относящемуся по этой традиционной хронологии к 2205—1767 гг. до н. э. По поводу подобного отождествления высказывались различные соображения (Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 152—155). Сейчас налицо тенденция сопоставлять Ся прежде всего с комплексами типа Эрлитоу, а в самом Эрлитоу видеть столицу этого легендарного политического образования — город Чженсюнь (Chang Kwang-Chin, 1980; р. 345; Археология Зарубежной Азии, 1986, с. 310). Как бы ни решался вопрос корреляции археологических материалов и исторической традиции, совершенно ясно, что в пору Эрлитоу сложился устойчивый культурный комплекс, явно отражающий формативную стадию цивилизации, и в дальнейшем мы видим впечатляющую реализацию созданных предпосылок.

Этот последовательный прогресс налицо в следующий период, называемый то раннеиньским, то периодом Чжэнчжоу, то периодом Эрлиган. Последний термин получает в последнее время все большее практическое признание и, видимо, является наиболее удобным для специальной терминологии археологических комплексов. Ориентировочная датировка периода Эрлиган определяется в пределах 1650—1400 гг. до н. э. В это время социологические и культурные инновации нашли концентрированное выражение в крупных центрах, которые с полным правом можно именовать городами. Как в Месопотамии и Индостане, эти городские центры стали своего рода символом и репрезентативным воплощением новой эпохи. Для периода Эрлиган таким крупнейшим центром явилось городище Чжэнчжоу — бесспорно столичный центр раннеиньского государства. Расположенный практически на территории современного крупного города, он тщательно изучается китайскими археологами в условиях, непростых для широких раскопок, и результаты проведенных работ позволяют дать довольно выразительное представление о раннегородском организме.

В нем прежде всего отчетливо выражена функция убежища. Мощная крепостная стена, сделанная по уже упоминавшемуся способу наращивания слоев утрамбованной земли, окружала городской центр на самом раннем этапе его существования. Затем площадь нуклеарной части возросла почти вдвое и

гигантский прямоугольник раннеиньского Чжэнчжоу занял площадь в 3,2 км². Окружавшие его стены местами сохранились в высоту на 9 м, а их максимальная толщина в основании порой достигает 36 м. Возведение фортификационных сооружений несомненно требовало гигантского организованного и целенаправленного труда, и китайские исследователи считают, что эти стены должны были возводить 10 000 работников в течение почти 18 лет. Территория внутри крепостного обвода слабо изучена при помощи серии траншей, но весьма примечательно, что здесь открыта обширная платформа из слоев утрамбованной земли, занимающая площадь около 10×34 м. Под ее основанием найдено много человеческих черепов — несомненно следы ритуальных жертвоприношений. Совершенно ясно, что здесь располагалось значительное архитектурное сооружение светского или культового характера. В других частях городища обнаружены утрамбованные полы рядовых домов и захоронения собак в ямах также, вероятно, культового характера, поскольку в ряде случаев они располагаются правильными рядами.

К нуклеарной части города примыкали обширные пригороды. Здесь были сосредоточены многочисленные специализированные ремесла. Таков, в частности, квартал керамистов, в котором на одном из участков на площади в 1250 м² сосредоточено 14 двухъярусных горнов совершенной конструкции с серией отверстий-продухов, подававших жар из топочной камеры в обжигательную. Возле горнов найдены необожженные глиняные сосуды, штампы для нанесения орнамента и бракованные изделия, пострадавшие при неравномерном обжиге. Таким образом, ремесло обособляется от земледелия территориально, а возможно, и организационно. По крайней мере в двух местах — к северу и к югу от обвода городских стен обнаружены и бронзолитейные мастерские. Это были масштабные организмы, рассчитанные на массовую продукцию. Только в одном из домов были найдены 184 литейные формы, сделанные из глины. Возможно, в особую профессию выделилось производство крупных бронзовых сосудов, скорее всего ритуального назначения, украшенных художественными рельефами. Вес таких сосудов времени Эрлиган достигал в отдельных случаях 60—80 кг. В ряде отношений они продолжали традиции рельефной художественной керамики Эрлитоу, но их изготовление требовало высокой технической специализации. Эти изделия являются одной из характерных черт иньской цивилизации (Askerman, 1945; Barnard, 1961). Отмечена локализация производства изделий из кости. Видимо, выделяется в особую профессию и оружейное дело. Помимо боевых бронзовых топоров известны формы и их отливки. Таким образом, в городском организме был сконцентрирован мощный производственный потенциал.

Усложняется и сама структура городского поселения. Социальная и теперь тесно связанная с ней имущественная дифференциация порождают все более полярные различия в образе жизни, на территории города происходит выделение кварталов, населенных разными социальными группами. Так, в районе домов, расположенных к северу от крепостного обвода, в гробницах нередко крупные бронзовые ритуальные сосуды, встречены насильственные захоронения людей, сопровождающие основное погребение. Ничего этого нет в исследованном участке, расположенном к югу от стены, где по типам жилищ и по характеру захоронения явно обитала малосостоятельная прослойка городского населения. Огромный городской центр столичного характера явно указывает на сложную систему управления, на выделение правящей верхушки, сосредоточивающей в своих руках военное, идеологическое и организационное лидерство. Не исключено, что ее образ жизни был вершиной состоятельности раннеиньского общества и именно для ее резиденций устраивались обширные платформы внутри крепостного обвода. Вполне возможно, что имелись и сверхбогатые погребения, пока еще не обнаруженные археологами. Но как бы то ни было, формирование ранней цивилизации в ее древне-

китайском варианте завершалось, и в наиболее полной форме мы можем изучать этот феномен на материалах Аньяна — второй иньской столицы, раскопки которой обогатили археологическую науку подлинными сокровищами.

Согласно китайской исторической традиции, перенос иньской столицы в Аньян произошел в 1384 г. до н. э. На территории древнего городища в Сюнтуне имеются и более ранние материалы, в том числе комплексы типа Эрлиган, свидетельствующие, что и здесь в это время шел процесс специализации ремесел, а также социальной дифференциации, характерной для периода в целом. Но наиболее представительные комплексы Аньяна относятся к периоду позднего Инь (рис. 56). Этот период можно именовать аньянским и отнести к XIV—XII вв. до н. э. Он освещается не только многочисленными разнообразными наборами артефактов, но и сведениями, почерпнутыми из иньских гадательных надписей (Chang Kwang-Chin, 1976).

Основу получения продуктов питания составляли традиционные отрасли — скотоводство и земледелие. Первое со времени Лушаня уже включало основной набор домашних животных. На полях выращивался целый ряд сортов проса. Один раз в гадательных надписях упоминается и рис, но, видимо, эта культура в отличие от более южных районов не получила широкого распространения в долине Хуанхэ.

Муссонные ветры приносили достаточное количество осадков, и земледелие, ориентированное на менее влаголюбивые культуры, не испытывало острой нужды в искусственном орошении. Недаром в запросах иньскому оракулу много раз идет речь об осадках. Вместе с тем в низменных местах угрозу полям составляли стремительные паводки, затоплявшие огромные пространства. В иньских надписях знак для наводнения означал также общее понятие «беды», «бедствия». Дренажное излишней влаги, сооружение для этой цели дамб и каналов было важной формой коллективных работ, обеспечивавшей надежность сельскохозяйственного сектора. Остатки таких дренажных каналов обнаружены при раскопках на ряде древних поселений. Организованное направление усилий, достижимых в рамках простой кооперации, будь то работы по защите от паводков или сооружение гигантских обводных стен, становилось постепенно предметом специализированной деятельности. Не исключено, что существовали уже крупные сельскохозяйственные объединения, сосредоточивавшие, в частности, сельскохозяйственный инвентарь подобно храмовым организациям Южного Двуречья. Во всяком случае показательно, что на одном из участков Аньяна было найдено 3500 каменных серпов полулунной формы, предназначавшихся явно для массового употребления. Крупномасштабные земледелие и специализированные производства составляли основу технологического способа производства иньской цивилизации, практически сложившегося уже на стадии Эрлитоу. Анализируя пиктографические знаки Аньяна, Чжан насчитывает до 32 различных профессий, передаваемых семантически достаточно прозрачными изображениями (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 232, fig. 61). Поразительных успехов добились мастерские по изготовлению бронзовых ритуальных сосудов — отдельные экземпляры, выходявшие из их стен, достигали поистине огромных размеров и веса до 875 кг. Разделение умственного и физического труда вело к специализации и в сфере искусства, памятники которого в раннеземледельческую эпоху в основном носили прикладной характер. К позднеиньскому периоду относятся значительное количество выдающихся произведений каменной и бронзовой скульптуры, изображающей как людей, так и животных (рис. 57), хотя на тех и других в равной мере лежит отпечаток декоративной стилизации, характерной для рельефов бронзовых сосудов этого времени. Судя по всему, регулярная торговля уже привела к появлению особой единицы всеобщего эквивалента, которым стали раковины каури, сотнями находимые в богатых могилах.

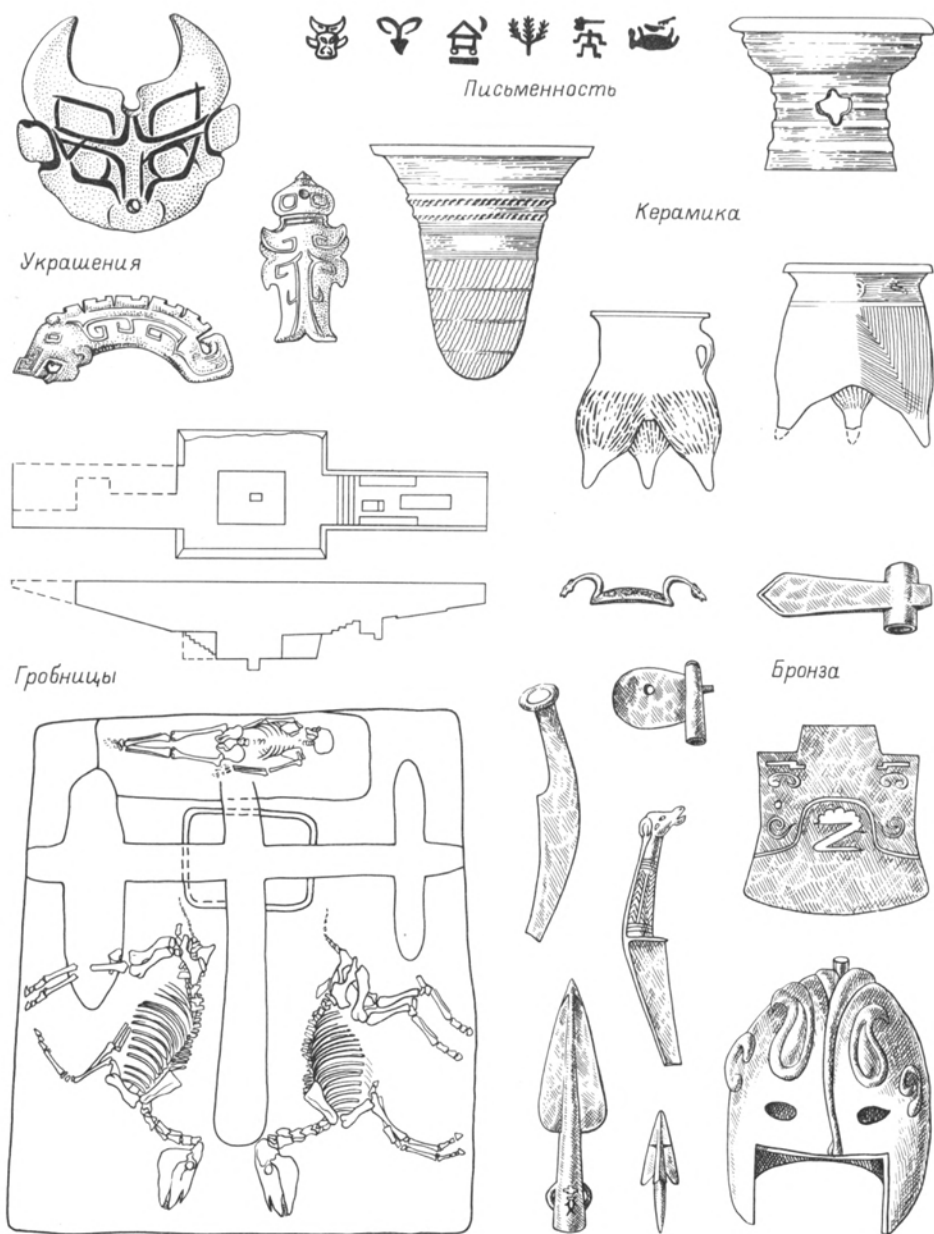
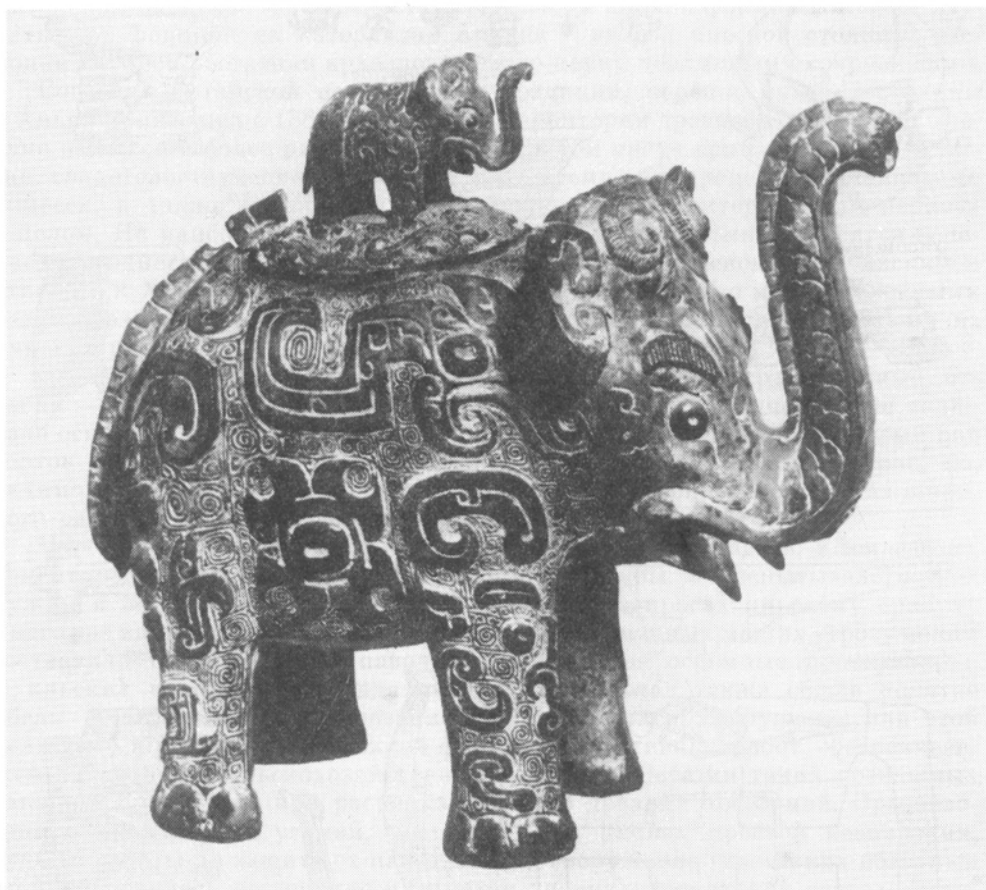

Рис. 56. Комплекс иньской цивилизации.

Ремесленная и торговая деятельность сосредоточивалась в центрах городского типа. Сам Аньян представляет собой остатки столичного города (Li Chi, 1977). Полагают, что вся позднеиньская цивилизация как политическое объединение и его политический центр обозначались термином Шан, тогда как термин Инь прилагался к культовому центру в Аньяне (Степугина, 1982, с. 151), об исключительной значимости которого мы знаем по тысячам гадательных надписей, обращенных с запросами к верховным силам.

Наряду с обычными жилищами в городе было сосредоточено множество монументальных комплексов, каждый из которых занимал значительную

Р.с. 57. Шань-Инь. Сосуд в виде слона.

площадь. Правда, каркасно-деревянная архитектура иньского времени не оставила столь величественных объемов монументальных зданий, как Шумер или Хараппа. Но о существовании достаточно масштабных строений хорошо известно по остаткам платформ. К зданиям, вознесенным на такой стилобат, вели ступени, что нашло отражение и в начертании соответствующего знака в пиктографической письменности. Площадь платформ-стилобатов, открытых в Аньяне, достигала размеров $85 \times 14,5$ м, причем на них обнаруживаются остатки деревянных столбов-колонн, иногда с каменными устоями в основании. То, что для зданий дворцового типа отдавалось предпочтение прямоугольным строениям с помещениями, вытянутыми фронтально вдоль главного фасада, хорошо видно по раскопкам подобного сооружения в Паньлуэ на Янцзы, явно следующего столичным архитектурным канонам (Кучера, 1977, с. 110—112; Chang Kwang-Chin, 1980, р. 299—300).

С постройкой зданий общественного назначения, видимо дворцов и храмов, связаны и тут же расположенные могилы, содержащие жертвоприношения, для чего использовались как животные, так и люди. В Аньяне с тремя наиболее значительными зданиями связано 187 таких культовых захоронений, в которые было помещено 852 человека, 15 лошадей, 10 быков, 17 овец и 35 собак.

Исключительно обильны памятники иньской письменности, количественно уступающие, пожалуй, лишь месопотамским архивам. Правда, инфор-

мативность этих памятников различна: в Шумере это хозяйственная документация, в Китае данные о хозяйственном и политическом функционировании общества облечены в культовую форму гаданий-запросов. Сами надписи делались на кости острым предметом, а затем для большей четкости натирались краской (рис. 58). Для гадания использовались щитки черепах, лопаточные кости крупных млекопитающих, а изредка и другие предметы, в частности фрагменты человеческих черепов. Уже в предшествующие периоды при гадании на лопатках животных в них высверливалась система отверстий, расположение которых должно было дать соответствующую информацию при гадании. Но лишь в позднеиньский период эти отверстия полностью заменяют надписи. Сами записи достаточно лаконичны и строились по принципу: вопрос — ответ-предсказание. Кроме того, обозначалась дата гадания, а также иногда информация о том, сбылось ли предсказание. В большинстве случаев это делалось при совпадении практических действий с прогнозом оракула. Таков, например, текст гадания о перспективах облавной охоты. «Гадали в третий день декады биньской завтра в день динхай вану строить засады на оленей, ловить. Да, поймали триста еще сорок восемь оленей». Много вопросов связано с внешне-политическими событиями. Например: «Гадали в день динью. Гадание: ныне вану вести пять тысяч человек в поход на племя Земля. Получите покровительство, третья луна». Иньская пиктография представлена помимо гадательных надписей также короткими текстами на бронзовых изделиях, прежде всего на ритуальных сосудах. Она является прообразом современной китайской иероглифической письменности, что, собственно говоря, и послужило ключом к ее дешифровке.

Военная функция иньского общества бесспорно стимулировала многие социально-политические процессы. В надписях упоминаются воинские контингенты, отправляющиеся в поход, насчитывающие в своем составе до 5000 человек. Предполагается, что постоянная армия иньских ванов состояла из 10 000 человек. Это были воины-профессионалы, обеспеченные превосходной бронзовой амуницией. В ее состав входили боевые топоры, секиры, луки совершенного типа, кинжалы, копья и шлемы. Ударную силу представляли колесницы, запряженные парой лошадей. Эти экипажи были как двухколесными, так и четырехколесными, причем ширина хода достигала 3 м. Система спиц, заменившая архаические цельновыделанные колеса, придавала им легкость и подвижность. Постоянная вооруженная сила требовала четкой организации. В надписях упоминается ряд должностных военных званий, хотя чтение их во многом остается предположительным. Так, упоминаются «служитель лошади», «начальник гарнизона», «начальник границ», «начальник лучников» и ряд других (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 196).

Рис. 58. Аньянь. Иероглифический текст. Черепаховый панцирь.

Военные походы носили грабительский характер. Главная их цель состояла в получении добычи, захвате зерна, скота, военнопленных для жертвоприношений. Недаром знак «фа», графически воспроизводившийся в виде секиры и обезглавленного человека, означал как «военный поход», так и «человеческое жертвоприношение». Впрочем, имеются и свидетельства использования труда подневольных членов общества в различных производствах.

Эта своего рода милитаризация общественной жизни играла заметную роль в иньской цивилизации и составляла разительный контраст с раннеземледельческой эпохой, когда в яншаоских поселках практически отсутствовали укрепления и какое-либо оружие, кроме охотничьего.

Все эти факторы способствовали усложнению социальной структуры общества, подразделяющегося на группы, все более противостоящие друг другу как по социальному статусу, так и по степени материальной обеспеченности, нашедшей отражение прежде всего в образе жизни. Так, насчитывается 26 различных видов бронзовых сосудов, термины для обозначения которых традиционно сохранились в китайской лексике. Из них 12 предназначались для еды, 12 для вина или крепленых напитков и 2 для воды (Chang Te-K'un, 1960, p. 167). Совершенно ясно, что этот богатый набор дорогостоящих предметов предназначался отнюдь не для низших прослоек городских обитателей.

Еще более заметны эти различия в погребальных обрядах, причем они проявляются как в форме и размерах погребальных сооружений, так и в наборе предметов, помещаемых вместе с усопшим. Вершину соответствующей иерархической пирамиды образуют гробницы правителей иньского объединения — ванов. Они принадлежат к типу гробниц; сложившемуся еще в пору Эрлиту, если не ранее, но доведены до гипертрофированной величины. Сами погребальные камеры имели размеры до 14×19 м при глубине 10 м. В камеру вели расположенные крестообразно длинные спуски. Усопший находился в деревянной усыпальнице, под полом которой часто помещалась собака. Деревянные стены иногда покрывались росписью. Однако жертвоприношениями собак дело не ограничивалось. Богатое бронзовое оружие, бронзовые сосуды, различные изделия из камня, в том числе круглая скульптура, буквально заполняли усыпальницы иньской элиты. Но наиболее впечатляющими были ритуальные захоронения людей, насильственно убитых и часто обезглавленных. Так, в одной из аньянских гробниц обнаружено 45 полных скелетов и 34 отдельные головы. Таков был погребальный обряд, установленный для верховных правителей, «единственных среди людей», как именует их историческая традиция.

От этой общественной вершины вниз уходил целый ряд социальных градаций, статус которых был соответственным образом закреплён установлениями погребальной церемонии. Здесь имеются и гробницы с богатыми дарами и человеческими жертвоприношениями, и гробницы с одним лишь выразительным инвентарем, и захоронения лошадей в сопровождении человека, которого китайские исследователи несколько условно именуют грумом. Пока социальная стратификация иньского общества по данным погребений слабо изучена, и приходится ограничиваться такими самыми общими характеристиками. Для усыпальниц правящего класса весьма характерна богатая гробница, открытая в Аньяне зимой 1975 г. (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 87—88). Она имела размеры 5,6×4 м, но глубина ее достигала 7 м, что как бы приближает ее к «царским» захоронениям Аньяна. В центре находился гроб с основным погребением, в углу в яме — останки собаки и человека как ритуальные жертвоприношения. В нишах, по стенам располагались различные предметы, в том числе 1600 различных объектов, включая бронзовую и каменную скульптуру, и 7000 раковин каури. Более чем на 60 вещах, найденных в гробнице, проставлено имя «правительницы Хан», упоминаемой в гадательных текстах.

Безусловно, наиболее бесправной категорией были лица, ставшие объектом кровавых обрядов жертвоприношений. Число их весьма значительно. Так, человеческие жертвоприношения упоминаются в 2000 гадательных надписей, а 81 % черепов иньской эпохи, изучаемых антропологами, принадлежит обезглавленным людям. Ясно, что в жертву приносились пленные, захваченные во время походов. Так, в одном из запросов прямо сказано: «Гадали: принести ли в жертву у алтаря Земли людей из племени Цян» (Хрестоматия. . ., 1963, с. 443). В отдельных походах одновременно захватывалось до 1656 человек. Возможно, что в число жертв погребальных и посвященных обрядов попадали и лица иных социальных групп, а не только рабы-военнопленные. Некоторые историки предполагают, что существовала сложная терминологическая система, означавшая разные категории людей рабского и подневольного состояния (Серкина, 1982). Эта социальная ситуация свидетельствует о далеко зашедшем противостоянии различных социальных групп в правовом отношении и по уровню благосостояния. Можно согласиться с исследователями, которые видят в иньском Китае раннеклассовое общество, скорее всего, проторабовладельческого или раннерабовладельческого характера.

Происхождение иньской цивилизации как культурного комплекса с точки зрения археологии сейчас достаточно определено. Недаром под руинами позднеиньского Аньяна лежат слои с материалами типа Эрлиган, а Чжэнчжоу содержит лушаньские наслоения. Развитие иньских комплексов — это закономерный итог спонтанной трансформации прежде всего хэнаньского Лушаня. Инновации, наблюдаемые в этих комплексах, включая формирование элитарной субкультуры, являются в первую очередь прямым результатом социальных изменений, происходящих на грани двух формаций. Однако это был отнюдь не изолированный феномен, отгороженный «китайской стеной» от соседних культур и народов. В первую очередь это касается бронзолитейного производства, о чем уже говорилось выше, и боевых колесниц, запряженных конями. Западное происхождение как самих колесниц, так и лошадей не может вызывать сомнений. Обстоятельный анализ деталей устройств аньянских колесных экипажей показал их полную тождественность колесницам, хорошо известным по древневосточной иконографии (Кожин, 1977).

В качестве одного из популярных объяснений этого феномена имеется точка зрения Э. Паллиблэнк о возможности вторжения в район среднего течения Хуанхэ небольшого числа воинов-колесничих, которые затем смешались с местным монголоидным населением и антропологически в нем бесследно растворились (Pulleyblank, 1966; Васильев, 1976, с. 301). Возможно, «экспорт оружия» был осуществлен и каким-то иным путем. В азиатских степях конный экипаж на колесах со спицами был известен по крайней мере с XVI в. до н. э., как свидетельствуют об этом раскопки некрополя военной знати степных скотоводов в советском Зауралье. На середину II тыс. до н. э. приходится широкое распространение в степях Казахстана, Южной Сибири и Киргизии племен с культурой андроновского типа, которым этот вид повозки был хорошо знаком, так же как и бронзовое оружие. Тип конной колесницы мог быстро распространиться и дальше по степной зоне, как об этом как будто свидетельствуют наскальные рисунки Монголии. Однако, если даже кучка воинственных степняков-скотоводов и проникла в долину Хуанхэ, этого было, разумеется, совершенно недостаточно для появления там феномена цивилизации.

Если Э. Паллиблэнк и некоторые другие сторонники западных импульсов в эволюции древнекитайского очага первых цивилизаций склонны выводить шанских правителей с запада, то недавно была высказана прямо противоположная точка зрения. Чжан, указывая на некоторые культурные параллели с традициями шаньдунского классического Лушаня, допускает приход шанской династии из восточных районов (Chang Kwang-Chin, 1980, p. 345).

Но все это не меняет основного фундаментального тезиса о том, что именно области по среднему течению Хуанхэ были исходной культурной, экономической и социальной базой иньской цивилизации как социокультурного комплекса. Эта цивилизация представляет собой региональный тип культуры, который в своем регионе послужил эталоном и образцом для целого ряда локальных формопроявлений. Сложившись как устойчивая структура в Хэнани, иньская цивилизация оказала стимулирующее воздействие на обширные ареалы, и уже раннеиньские и эрлиганские объекты или предметы, подражающие им, распространены на широкой территории от Пекина до Янцзы. Примечателен локальный центр Паньлун, недавно открытый на среднем течении Янцзы (Кучера, 1977, с. 110—112; Chang Kwang-Chin, 1980, р. 386—303). Здесь располагался небольшой укрепленный городок, занимающий площадь 290×260 м². В центре городка находилось здание резиденции правителя, построенное по хэнаньским канонам, — на платформе с деревянными столбами-колоннами по периметру. По характеру могил можно говорить по крайней мере о трех социальных группах населения, причем гробницы элиты обложены деревом со следами росписи, а основное погребение покоится в деревянном гробу. В одной из гробниц было обнаружено 63 бронзовых изделия, в другой 22 ритуальных сосуда, повторяющих иньские образцы. Эта провинциальная реплика свидетельствует о доминирующем значении иньских эталонов, имеющих в глазах окружающих народов престижно-знаковый характер.

Не менее интересен и комплекс Суфутунь, обнаруженный в Шаньдуне. Здесь открыта гробница, повторяющая по плану и устройству мавзолеи иньских ванов. Хотя гробница была ограблена, но и оставшиеся вещи, в числе которых бронзовые изделия и раковины каури, свидетельствуют о богатстве погребального инвентаря. Основное погребение сопровождаются жертвоприношения, включавшие 47 людей и 5 собак. Скорее всего, это погребальное сооружение принадлежало местному владельцу, возможно находившемуся в вассальных отношениях с иньским ваном (Кучера, 1977, с. 121—126). И Паньлун, и Суфутунь находятся, собственно говоря, за пределами шанской политической метрополии. В нуклеарной части иньского объединения также существовал ряд местных центров с престижными строениями, расположенными на платформах, как например городище Шисянгоу в Хэнани (Археология Зарубежной Азии, 1986, с. 316). Так общие закономерности формирования и структуры первых цивилизаций нашли в Восточной Азии конкретное воплощение.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРУ И МЕЗОАМЕРИКИ

Общества Нового Света, уступавшие по первому впечатлению на несколько порядков столкнувшейся с ними феодальной Европе, ко времени появления испанских каравелл уже имели за своими плечами долгий путь развития и огромный культурный потенциал. Он первоначально остался вне зоны внимания первопроходцев-конкистадоров, да и, пожалуй, державы Монтекумы и инков не были пиком культурного прогресса, претерпевшего за долгую историю древнеамериканских цивилизаций череду подъемов и замедленного развития. Подобно ахеменидской державе Древнего Востока оба государства Нового Света по существу представляли собой политический консорциум удачливых воинственных нуворишей, строивших свое культурное и художественное величие на фундаменте более древних и высокоразвитых местных культур.

Различного рода исследования и разработки и в первую очередь археологические открытия привели к тому, что сейчас американские материалы являются важным источником для изучения проблемы становления и развития первых цивилизаций как важного феномена мировой истории. За периодом открытия самих археологических комплексов эпохи формирования и развития первых цивилизаций последовало обнаружение той самой раннеземледельческой эпохи, которая послужила базовым пластом и для цивилизации Старого Света. Более того, исследование 70-х — начала 80-х гг. показали, что первые опыты окультуривания растений имеют почти такую же древность, как и древнеземледельческие комплексы традиционной «родины земледелия» — Передней Азии. Концепция независимого характера этих процессов в Новом Свете как генерального направления развития не поколеблена многочисленными попытками найти те или иные истоки для американских культур по другую сторону двух океанов (Jennings, 1983, p. 337 sqq.), что открывает огромные возможности для сравнительно-типологического анализа.

Основные центры древних цивилизаций Нового Света хорошо известны — это Перу и Мезоамерика. Новые исследования показали, что в ряде других субрегионов также формировались сложные структуры: например, на юго-западе США в бассейне Миссисипи, — с широким распространением в качестве основной продовольственной культуры кукурузы; после в XI—XII вв. сложились крупные социально-политические объединения и создавались значительные культовые центры главным образом при помощи насыпей — своего рода варварский аналог монументальной архитектуры, процветавшей в зоне урбанистических цивилизаций. Здесь, кстати, устанавливается интересная картина динамики хозяйственного уклада, основанного на искусственном возделывании растений. Истоки этого уклада уходят в IV тыс. до н. э., когда началось искусственное выращивание некоторых местных технических растений, дающих волокно для домашних промыслов, и малопитательных сортов, идущих в пищу. Однако лишь интродукция кукурузы с юга, имевшая место около 400 г. н. э., резко улучшила пищевой баланс и дала толчок росту населения. Между 800—1000 г. н. э. происходит становление полевого земледелия, основанного на выращивании культуры, что послужило экономической основой становления миссисипских объединений — чифдомов.¹ Типологически это явление напоминает ранние шаги по окультуриванию

¹ *Smith B. D. New perspectives on the origins of agriculture: A view from the Eastern Woodlands of North America* (Доклад на III советско-американском симпозиуме по археологии, 7—9 мая 1986 г.).

растений в Юго-Восточной Азии, не приводившему долгое время к существенным экономическим и культурным сдвигам.

Важные открытия были сделаны в Эквадоре и соседней Колумбии, или в североандском регионе, как его именуют некоторые американские исследователи (Jennings, 1983, p. 139 sqq.). Приблизительно после 4000 г. до н. э., когда установился современный уровень моря, началось интенсивное развитие общин в приморских речных долинах и эстуариях. Именно в этом регионе отмечено изготовление древнейшей в Новом Свете глиняной посуды. На атлантическом побережье Колумбии это комплекс типа Пуэрто Хормиге, относящийся к III тыс. до н. э. и связанный с деятельностью рыболовов и собирателей моллюсков. Изготавливавшиеся здесь в это время полусферические чаши и шарообразные кувшины украшены несложным орнаментом, наносившимся процарапыванием или оттисками при помощи раковин (Reiched-Dolmatoff, 1965). Еще большую сенсацию произвело в 60-е гг. открытие на тихоокеанском побережье Эквадора культуры Вальдивии, датируемой второй половиной III — первой половиной II тыс. до н. э. (Meggers a. o., 1965). Здесь лепная керамика сравнительно богато украшена нацарапанным орнаментом, штампами, налепами и лощением. В ряде отношений эта нарядная посуда напоминала орнаментированную керамику среднего периода японского неолита, известного под собирательным понятием Дзэмон, за которым в настоящее время, судя по всему, скрывается целый ряд отдельных культур и других локальных подразделений. Это внешнее сходство породило эффектную гипотезу о том, что обе приморские культуры находятся в генетической связи и что древнейшая керамика Нового Света обязана своим происхождением японскому неолиту. Однако новые открытия вскрыли более сложную картину реальной действительности (Lathar a. o., 1975). Прежде всего оказалось, что тезис о преимущественной ориентации общин культуры Вальдивии на продукты моря нуждается в существенной корректировке. Многие поселения не являются, строго говоря, прибрежными, в наборе артефактов много терочных камней, уточненные исследования установили даже наличие в культурном слое остатков культивируемой кукурузы, причем, как свидетельствуют отпечатки зерен в глине посуды, это были по меньшей мере два разных сорта. Таким образом, вместо однолинейной морской ориентации налицо комплексная земледельческо-рыболовческая экономика. Затем был открыт более ранний комплекс с керамикой типа Сан-Педро, не имеющей ничего общего с японским Дземоном (Bishoff, Cambor, 1972). В результате практически мало серьезных исследователей разделяют гипотезу о трансокеанской миграции выходцев с японских островов (Jennings, 1983, p. 346). Этой комплексной экономике соответствовал налаженный быт — поселения Вальдивии состояли из овальных в плане каркасных домов. На одном памятнике открыты два центральных, более значительных по размерам строения, которые играли роль общественных центров.

На основе комплексов Вальдивия — Сан-Педро идет дальнейшая эволюция экономики и культурных комплексов Эквадора, представленных целым рядом локальных и временных подразделений. В период около 500 г. до н. э. — 500 г. н. э. появляются крупные сооружения в виде террасированных пирамид, иногда облицованных камнями, распространяется обработка меди и золота, а также их сплавов, оставившая ряд выдающихся художественных произведений. Для североандского региона это в целом был безусловный прогресс, но общий уровень развития заметно уступает одновременно культурам как Перу, так и Мезоамерики. Поэтому построения отдельных исследователей, предлагающих приписывать этому региону особую роль в формировании перуанского Чавина и мезоамериканских олмеков (Lathgar, 1974), едва ли имеют прочные основания. Таким образом, Перу, или, говоря шире, центральноандский регион, и Мезоамерика остаются основными полигонами для

рассмотрения процесса формирования цивилизаций на американских материалах.

В ряде отношений область Перу была весьма благоприятна для развития древних культур (Keatinge, 1988). Прибрежные районы представляют собой серию чередующихся речных долин (Моче, Чикама и др.) и пустынных пространств. Дожди идут только в горах, и поэтому роль речных артерий особенно велика. Исключительным разнообразием отличается морская фауна — биомасса моря здесь наиболее богатая в западном полушарии. У берега в океане восходящие потоки приносят к поверхности воды с азотистыми соединениями и фосфатами, что образует исключительно благоприятную среду для развития морских организмов. При этом большинство моллюсков и мелких рыб можно добывать круглогодично, что способствовало стабильности существования древних коллективов и упрочению фактора оседлости. Высокогорье Анд характеризуется наличием больших плато, представляющих собой сухие теплые степи. Осадки обеспечивают развитие террасного земледелия. Выше зоны возможного земледелия расположены альпийские луга, где пасутся стада лам и альпаг.

Доинкские древности стали известны еще с конца XIX в., когда обширные раскопки провел немецкий исследователь М. Уле. Они рано вызвали нездоровый интерес антикваров, причем особой популярностью стали пользоваться первоклассные художественные сосуды культуры мочика. Изучению этих могильников значительное внимание уделил перуанский исследователь Р. Ларко-Ойле, периодизация которого для древностей мочика в целом сохраняет свое значение (Larko-Hoyle, 1938—1939). Большая сухость климата способствовала хорошей сохранности на побережье изделий из органических материалов, которые как бы мумифицировались. В частности, собрание древнеперуанских тканей, причем, как правило, высокохудожественных, является лучшей в мире коллекцией, характеризующей древнее ткачество. Большое значение имело комплексное исследование памятников в долине Виру, в котором принимали участие ведущие специалисты США и Перу. Общая периодизация строилась американскими исследователями, как и в Мезоамерике, по периодам или фазам — раннеземледельческой, формативной, экспериментальной и т. п. (см., напр.: Mason, 1957; Willey, 1971). С конца 60-х гг. большое внимание в исследовательских разработках стало уделяться реконструкции древних хозяйственных и в меньшей мере социальных систем (Д. Латрап, М. Мосли, И. Шимада и др.). Обращаются к древней истории Перу и советские исследователи (Башилов, 1972; Березкин, 1973). Для изучения перуанского очага земледелия решающее значение имели комплексные исследования Р. Мак-Нейша в высокогорных областях (Mac Neish а. о., 1975а). Значительное количество богатейшего иконографического материала — от каменных рельефов до керамической и стеной росписи — определило большой удельный вес таких разработок в перуанской археологии, как стилистический анализ, культово-мифологические реконструкции и т. п. Много слабее разработаны вопросы типологии массовых видов артефактов и выделения археологических комплексов как статистически устойчивых сочетаний типов, а не только различных керамических стилей.

Археологические комплексы перуанского побережья III тыс. до н. э., одно время именовавшиеся памятниками типа Уака-Приета (Bird, 1948; Mason, 1957, Willey, 1971), выделяются американскими исследователями в особый докерамический, или так называемый хлопковый, период (Березкин, 1969, 1980). Основой их существования была высокоразвитая морская экономика (Moseley, 1975). Именно море доставляло основной объем продуктов питания. Помимо рыбы добывались тюлени, морские львы, киты, производилась охота на пеликанов и пингвинов, в огромном количестве собирались моллюски. На некоторых памятниках их раковины составляют до 25 % на 1 м³ культурного

слоя. Выращивание растений, в частности тыквы и хлопка, по которому был назван период в целом, было связано в значительной мере не с пищевыми, а с техническими потребностями, в том числе с изготовлением различных сетей с грузилами и поплавками. Для плетения использовалось травянистое растение хунко, а в качестве поплавков плоды тыквы-горлянки. Возделывание нескольких видов бобов и некоторых фруктов дополняло рацион, не меняя его общей ориентации на дары моря. Каменные и костяные орудия полностью удовлетворяли потребности этой неолитической, по меркам археологии Старого Света, культуры (рис. 59).

Комплексная хозяйственная база обеспечивала высокую степень стабильности. Оседлые поселки, состоящие из разнообразных строений, буквально заполняют прибрежные части речных долин. Таково, например, поселение Асперо, занимавшее площадь около 10 га (Moseley, Willey, 1973). Свидетельством значительных производственных возможностей местного общества, так же как и уровня его организации, являются крупные платформы, самая высокая из которых в Асперо достигает 10 м. Эти террасированные платформы, нередко облицованные камнем, стоят у истоков развития монументальной архитектуры древнего Перу. На платформах располагались комнаты и дворики. Интерьер строений часто украшали ниши и фризы, выполненные из сырцового кирпича, именуемого по местной терминологии адобом. Еще большую площадь занимает поселение Эль-Параисо, находящееся в 2 км от моря в устье р. Чиллон (Engel, 1966). Здесь расположено шесть холмов, являющихся остатками монументальных платформ, и многочисленные другие строения. Холмы имеют высоту от 3 до 6 м, крупнейший достигает 250 м в длину и 50 м в ширину. Подсчитано, что для сооружения этих платформ из соседних скал доставлено почти 100 000 т камня. Возможно, Эль-Параисо было своеобразной столицей прибрежного населения подобно Чатал-Хююку в Малой Азии. Правда, сам культурный слой в Эль-Параисо весьма скуден. Прочная оседлость и относительная стабильность, обеспечиваемая ориентацией на морские ресурсы, вели к развитию благосостояния. Хлопок шел не только на утилитарные потребности в виде сетей — из него изготовлялись многочисленные ткани, в том числе и богато орнаментированные.

Условия жизни и быта становятся лучше по многим параметрам. Тростниковые хижины сменяются домами, сооружавшимися из камня на глиняном растворе или из сырцового кирпича. Нередко поселения в целях предохранения от эрозии сооружались на холмах, склоны которых укреплялись подпорными стенками. Видимо, эта традиция дала толчок к возведению искусственных платформ с террасами, столь типичных для древнеперуанских цивилизаций. Из глины изготовлялись статуэтки и небольшие конусы, возможно бывшие фишками для игры. Все больше входило в быт прикладное искусство: сосуды из тыкв украшают геометрические узоры. На тыквах имеются изображения змей, кондоров, крабов и людей. К услугам древних модниц были и зеркала, в которых роль линзы играл осколок обсидиана, вставленный в глиняную оправу. Своеобразие докерамической культуры Перу заключается в комплексном характере экономики, где земледелие было в значительной мере укладом, ориентированным частично на технические нужды, а не на производство продуктов питания. Повышение его удельного веса и преодоление морской доминанты составляло генеральное направление дальнейшего развития. Было даже предложено видеть в этом особый путь становления земледельческой экономики (Массон, 1971в, с. 135).

Вместе с тем оставался открытым вопрос о первоначальных центрах доместикации. Но, как показали работы экспедиции Р. Мак-Нейша, в Перу, как и на Ближнем Востоке, нуклеарной зоной окультуривания флоры были горные области (Mac Neish a. o., 1975a; Башилов, 1979, 1980). Экспедицией был выбран в горах район Аякучо, отличающийся обилием пещер и относительно

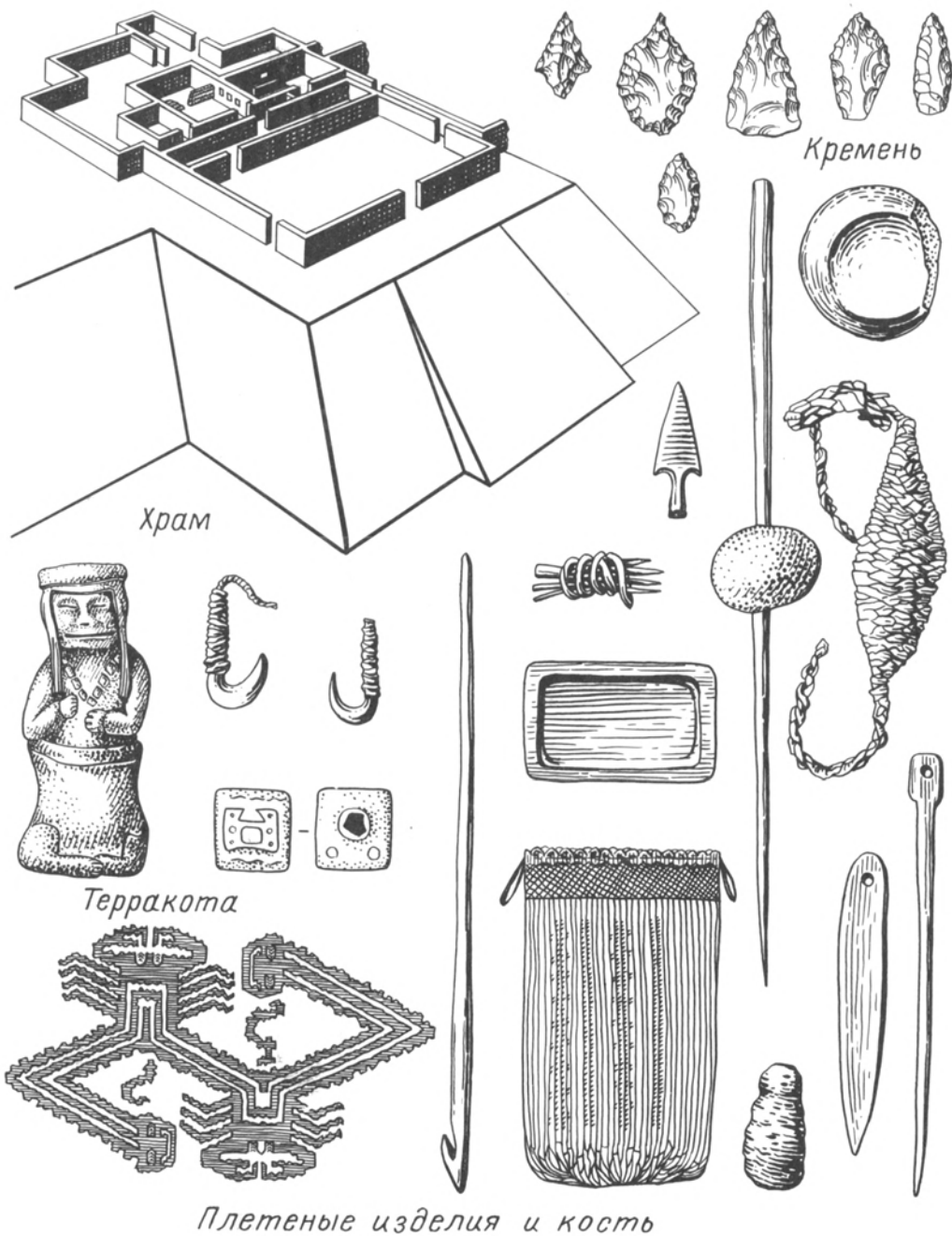

Рис. 59. Комплекс Уака-Приета.

сухим климатом. Здесь в результате раскопок в пещере Пикимачай удалось наметить археологическую периодизацию с достаточно четкой характеристикой растительных остатков для отдельных этапов. В слоях периода Хайва, ориентировочно датруемого 6600—5500 гг. до н. э., найдены остатки окультуренных перца, тыквы-горлянки и кустарника, содержащего красный пигмент, широко применявшийся аборигенами в быту, подобно тому как использовали охру ранние земледельцы Ближнего Востока. Правда, остается не ясным само происхождение ряда видов, не имеющих в горах дикорастущих предков. На стадии Пики (5500—4300 гг. до н. э.) появляются окультуренные растения, уже имеющие более существенное значение для пищевого баланса, — особый сорт лебеды и, видимо, съедобная тыква. Решающий скачок в этом отношении был сделан в период Чиуа (4300—2800 гг. до н. э.), когда обитатели пещеры начали выращивать фасоль, кукурузу и хлопок. Эти данные о раннем возделывании растений были подтверждены в результате раскопок другой пещеры — Гитарреро, где два сорта фасоли возделывались, видимо, уже в VI тыс. до н. э. В пещере Пикимачай отмечены свидетельства и другого направления становления производящей экономики — разведения морских свинок и лам. Правда, остеологические материалы диких и домашних особей ламы трудно различимы, и поэтому исследователи используют такой показатель, как резкое увеличение среди костей процента молодых особей. По этому показателю к середине IV тыс. до н. э. лама уже была приручена и доставляла человеку как продукты питания, так и превосходную пряжу. Таким образом, в горных областях Центральных Анд в VII—IV тыс. до н. э. происходил процесс становления двух китов производящей экономики — земледелия и скотоводства. Вероятно, именно ранние широтные контакты способствовали распространению некоторых видов культивируемых растений и на перуанском побережье. Однако, если истоки земледелия лежали в горных районах, отнюдь не мрачные пещеры и скальные навесы явились центрами дальнейшего прогресса, широко использующего экономический эффект наметившихся перемен. Это произошло на побережье, где устойчивая морская экономика с земледельческим укладом позволила достичь заметных успехов в культуре и благосостоянии.

Внешним археологическим признаком наступления нового периода явилось появление керамических сосудов, происшедшее около 1800 г. до н. э. До этого в качестве сосудов употреблялись изделия из камня или из органических материалов, хотя пластические свойства глины сравнительно широко использовались и ранее. Таким образом, и в местном обществе были налицо предпосылки для возникновения керамического производства и во всяком случае его заимствование из Эквадора, если оно и имело место, легло на благоприятную почву (Jennings, 1983, p. 209). Первоначальные формы сосудов были однообразны, а орнаментация ограничивалась, как и узоры на сосудах из тыкв, несложными резными рисунками геометрических очертаний и криволинейными узорами. Одновременно среди возделываемых растений появляется кукуруза, и земледелие начинает выдвигаться на первый план, заметно тесня традиционную морскую экономику. Высказывалось мнение, что в последней назревали кризисные явления, активизировавшие поиски новых источников пищи (Jennings, 1983, p. 211). Важно то, что явно прослеживается культурная преемственность.

Выделяется ряд локальных комплексов керамического производства в прибрежных районах, из числа которых наиболее известен комплекс Гуаньяпе. Поселения часто находятся на прежних местах, хотя в культурных слоях кое-где наблюдается перерыв. Наряду с этим новые поселки располагаются в речных долинах, в стороне от морского побережья, демонстрируя хозяйственную переориентацию их обитателей. Засушливый климат побережья с малым количеством осадков позволял развивать земледелие в сколько-нибудь

значительных масштабах только на основе искусственного орошения. Не исключено, что уже в докерамический период при возделывании хлопка применялся полив посевов, но теперь масштабы орошаемого земледелия, естественно, возросли, с чем, в частности, и связаны изменения в системе расселения. Захоронения лам, возможно культовые, указывают на развитие скотоводства.

Старые культурные традиции проявляются и в устройстве террасированных платформ. Более того, есть данные, что именно с середины II тыс. до н. э. начинается новый этап развития монументальной архитектуры, особенности которого в виде ступенчатых платформ-пирамид и каменной облицовки сложились еще в III тыс. до н. э. Для II тыс. до н. э. особый интерес представляет комплекс Серро-Сечин, имеющий в плане форму квадрата со стороной, равной 52 м. Высота одной из наиболее хорошо сохранившихся частей достигает 10 м. Самое интересное здесь — это облицовка каменными плитами, на которых выразительными рельефами изображены различные персонажи, в том числе и в батальных сценах. Так, мы видим воинов, пленников, отрубленные головы — тематику, позднее весьма популярную в цивилизациях Нового Света. Использование каменных рельефов было принципиально новым шагом в монументальном строительстве, вело к органическому синтезу разных форм искусства. Правда, высказывались и сомнения в столь ранней датировке этого выразительного комплекса (см. об этом: Mason, 1957, p. 45; Березкин, 1982, с. 50—52; Jennings, 1983, p. 213). Однако в принципе наличие таких богато декорированных архитектурных комплексов по крайней мере во второй половине II тыс. до н. э. едва ли может вызвать сомнения. Так, на окраине Лимы расположен огромный комплекс Гарагай с большими раскрашенными рельефами, причем его основные постройки восходят к XVIII—XVI вв. до н. э. На высокогорье ко II тыс. до н. э. относится комплекс Пако-пампа, занимающий площадь 200×400 м при высоте 35 м. На одной из его верхних террас расположено святилище с каменными колоннами, наверх ведет парадная лестница, среди архитектурного декора имеются и каменные скульптуры ягуаров (Lambregas, 1974; Березкин, 1982, с. 52—53). Все это позволяет заключить, что в это время в первую очередь на побережье была создана эффективная система получения продуктов питания, а общественные структуры позволяли осуществлять достаточно масштабную кооперацию для возведения монументальных и трудоемких культовых комплексов. Таким образом, во II тыс. до н. э. в районах побережья идет активный процесс наращивания экономического, культурного и интеллектуального потенциала, составившего базовый фундамент древнеперуанских цивилизаций. Вместе с тем территориальная обособленность групп общин, разбросанных по речным долинам, как и накапливаемые ими богатства, способствовала обострению межгрупповых конфликтов, переходивших, судя по рельефам Серро-Сечина, в прямые вооруженные столкновения. Эта сторона общественного развития стимулировала институализацию власти лидеров, являющихся не только организаторами хозяйственной деятельности и культовых церемоний, но и военными вождями.

Вместе с тем конкретная историческая ситуация сложилась таким образом, что художественный и в определенной мере идеологический архетип, определивший последующее развитие, сформировался не на побережье, а в горной зоне. Его блестящим выражением является изысканный монументальный комплекс Чавин де Унтар, расположенный на высоте 3000 м в небольшой горной долине (Tello, 1943). Возведение комплекса началось ориентировочно около 1200 г. до н. э., и с пристройками и ремонтами он просуществовал в течение не менее пяти столетий (Rowe, 1962; Lambregas, 1974).

Центральную его часть образовывала ступенчатая пирамида, тщательно облицованная каменными плитами, перемежающимися с каменными же головами людей и рельефами, изображающими змей и ягуаров. На верх пирамиды вела лестница, обрамленная колоннами, также покрытая рельефами, изобраа-

жающими фантастических монстров. Раскопки оплывших массивов около пирамиды показали, что здесь располагались два строения, названные храмами. В одном из них, видимо, находилась каменная стела с изображением божества с жезлами в руках. В длину комплекс достигает почти 250 м, а его стены местами сохранились на 15-метровую высоту.

Совершенно ясно, что данные сооружения не были возведены силами обитателей небольшой горной долины и что к этому мероприятию была привлечена значительная рабочая сила (Jennings, 1983, p. 216). В этом архитектурном памятнике принципиально новыми были по существу лишь масштабы строительства из каменных блоков, поскольку путем простой кооперации ступенчатые пирамиды давно уже возводились на побережье, да и в горных районах. Иное дело архитектурный декор. В каменных рельефах Чавина воплощен единый выдержанный стиль изощренной символики. В такой манере воспроизведены и кошачьи хищники, и клыкастые божества в многоярусных головных уборах, и монстры антропоморфного облика с атрибутами ягуаров. Фигуры покрывают орнаментальные узоры со спиралевидными элементами. Этот законченный стиль на многие столетия оказал определяющее воздействие на культуры как прибрежных районов, так и высокогорья. Прямые импульсы Чавина и чавиноидные влияния мы видим и в росписи на керамике, и в орнаментации тканей, и на других предметах прикладного искусства. Безусловно, в данном случае были найдены художественные и сюжетные решения, отвечающие нормативам мифологического мышления, что и определило их эталонный характер. Художественные инновации превратились в традиции, ставшие одним из фундаментальных достижений перуанского очага цивилизации. Неудивительно, что время от времени в различной форме воскрешается концепция об огромных масштабах чавинских воздействий, включая олмекскую культуру Мезоамерики (Lamberg-Karlovsky, Sabloff, 1979, p. 249). Само происхождение Чавина породило немало противоречивых высказываний и гипотез. Была даже высказана точка зрения, что это не культура, а отражение религиозного культа, получившего быстрое и широкое распространение (Willey, 1951). Некоторые исследователи в поисках истоков Чавина готовы простирать взоры вплоть до Амазонии. Однако что касается самих сооружений, то архитектурная традиция и строительное дело уводят нас в круг оседлых культур Перу и перуанского побережья в первую очередь, где очень рано, и видимо на утилитарной основе, сформировалось возведение террасированных платформ как архитектурная идея.

В течение I тыс. до н. э. на побережье Перу идет активный процесс развития раннеземледельческих обществ, превращающихся во все более сложные социально-культурные организмы. В археологическом воплощении они представлены рядом комплексов, возможно в ряде случаев являющихся отдельными культурами и различающихся, как правило, типами керамики теперь неизменно пышно орнаментированной. Природная ситуация — наличие ряда обособленных речных долин — усиливала мозаичность древних культурных комплексов. Из их числа значительный интерес представляет комплекс Куписнике на северном побережье и Паракас на южном.

Культура Куписнике связана с широким освоением речных долин оседлыми земледельцами, возделывавшими в первую очередь кукурузу. Второе место среди пищевых растений занимали бобовые. На поселениях известные культурные центры, располагавшиеся на платформах, куда вели многоступенчатые лестницы. Интерьер этих строений нередко украшали рельефы и даже фрески. Последние украшают стены Уака-Люсия в Батан-Гранде, где открыта также лестница длиной 16 м и глиняные колонны диаметром 1.2 м и высотой 3—4 м (Березкин, 1983б). Масштабы сооружений и выработанные архитектурные каноны позволяют рассматривать их как подлинные храмовые комплексы.

Устойчивое получение продуктов питания способствовало развитию специализированных производств. Так, по стилистическим признакам к этой культуре относят золотые украшения, отражающие воздействия Чавина. Применялась техникаковки, чеканки и спайки, но литье еще не было известно (Lothrop, 1951). В специализированное художественное производство начало превращаться и изготовление парадной керамики, обычно находимой в погребениях. Здесь широко применялся рельеф и известны превосходные сосуды в виде людей, растений, животных, моделей домов. Отдельные образцы выполнены с портретной выразительностью, предвосхищающей реализм глиняных шедевров мочика. Типологически выделялась и форма сосуда с петлеобразным носиком-ручкой, условно именуемой сливом в виде стремени (Mason, 1957, p. 50). Этот керамический тип также затем будет весьма популярен в мочикской культуре. Несмотря на успехи металлургии, связанной с производством престижных объектов, орудия и оружие изготавливались из камня и кремня.

Те же черты специализации производств мы видим и в культуре Паракас середины I тыс. до н. э., где в качестве коллективных усыпальниц использовали искусственные пещеры, получившие название каверн. Керамика с многоцветной росписью содержит мотивы, восходящие к традициям Чавина. Мумифицированные тела заворачивали в богато орнаментированные одежды, как правило, в несколько слоев, расходуя при этом многие десятки метров материи. Вместе с тем особой разницы между погребенными по характеру обряда или другим признакам еще не отмечается.

В раннем Паракасе представлены и скульптурные сосуды в виде голов монстров с клыками, имеющие сверху петлеобразную полую ручку, завершающуюся носиком («слив в виде стремени»). Изготовление различных материй, в частности тканей ажурного переплетения, явно обособляется в специализированное производство, требующее высокой профессиональной подготовки. О прогрессе металлургии свидетельствуют медные и золотые предметы. Подобный высокий экономический и технологический потенциал способствует культурному и социальному прогрессу.

Эти явления ярко выражены в культуре Наска, наследующей Паракасу. Она также известна преимущественно по материалам некрополей и сосредоточена главным образом на южном побережье Перу. Золотая фольга, найденная в памятниках этой культуры, свидетельствует о знакомстве с металлом, но широкого распространения он еще не получает. Крупнейшим центром, видимо столицей, этого общества было городище Каучачи, расположенное в долине р. Наска, давшей имя всему археологическому комплексу. Само городище недостаточно исследовано, хотя утверждается, что руины распространены на территории чуть ли в 1 км² (Jennings, 1983, p. 217). Имеется здесь и террасированная пирамида высотой около 20 м. Еще более грандиозны знаменитые фигуры, выложенные камнями на поверхности земли, изображающие рыб, птиц, обезьян. Отдельные линии иногда идут до 10 км. Вокруг этих сооружений возникло немало научной и околонушной литературы, но по существу дальше самых общих соображений о культовом и астральном характере этих фигур их интерпретация не продвинулась. Во всяком случае, огромные усилия, затраченные на их сооружение, несомненны, что, так же как и десятки метров ткани, пеленающих мумии, свидетельствует о непроизводительных с позиций нашего прагматического мира затратах, напминающих в социологическом плане огромные расходы на заупокойный культ в древнем Египте. Имеется и другая линия свидетельств, указывающих на сложную структуру общества Наска. Изображаемые в росписи на керамике и в узорах на тканях фигуры людей и фантастических существ уводят нас в сложный мир мифологии и идеологии, отражающий через причудливые преломления в конечном счете земные реалии. Как указывает Ю. Е. Березкин, здесь пред-

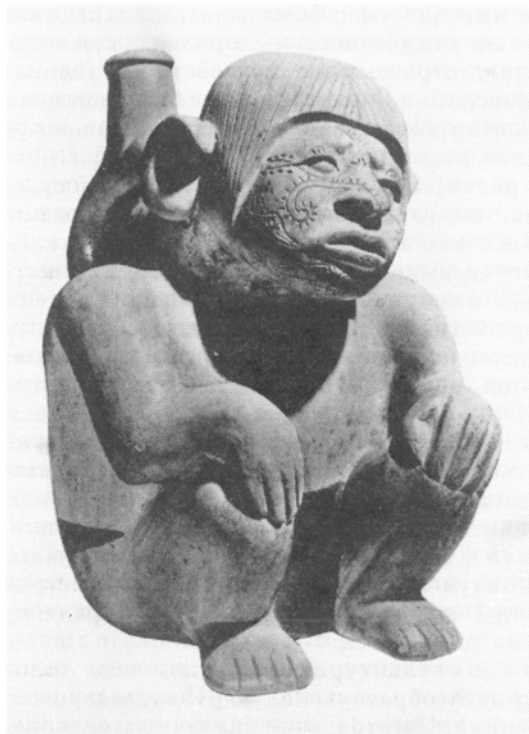

Рис. 60. Мочика. Антропоморфный сосуд. Керамика.

Рис. 61. Мочика. Голова воина. Культурный сосуд. Керамика.

ставлены три основные темы: культурные растения и плодородие полей; водные существа и рыбная ловля; человеческие жертвоприношения (Березкин, 1982, с. 27). Иногда изображены жрецы, рядом с которыми на алтарях лежат отрубленные головы. Помимо культово-ритуальных аспектов это, видимо, свидетельствует и о продолжающемся противоборстве между жителями соседних долин. Отмечается, что на поздних этапах Наска среди божеств главное место занимают богиня с растениями и потоками воды, выходящими из рта, — образ достаточно прозрачной семантики и усатый воин, возможно, ее супруг. Не исключено, что это отражает процесс институализации власти в обществе Наска и выдвигание на первый план верховного правителя, опирающегося в значительной мере на свои военные функции.

Первые этапы культуры Наска восходят к III—I вв. до н. э., но ее развитие продолжается и много столетий спустя. Однако именно в это время на северном побережье Перу уже складывается мощная культура, которая распространяет свое влияние далеко на юг и которую можно рассматривать как первую цивилизацию Южной Америки. Это культура мочика, прославившаяся своей художественной керамикой, тысячи образцов которой заполняют музеи и частные коллекции (рис. 60—63). Этой выразительной социокультурной общности посвящен целый ряд общих и специальных работ (Bankes, 1980; Venson, 1972; Donnan, 1976, 1978). В СССР последние годы ею специально занимается Ю. Е. Березкин (Березкин, 1983а). Она сформировалась во II—I вв. до н. э. на северном побережье Перу в долинах Моче и Чикама на основе местных оседлых культур, испытывавших, как и многие другие в эту эпоху, воздействие чавиноидных традиций. Как для археологического комплекса для мочика характерны керамика со сложной сюжетной росписью, скульптурные

Рис. 62. Мочика. Культурный сосуд. Керамика.

Рис. 63. Мочика. Сосуд в виде божества кукурузы. Керамика.

сосуды, изготовлявшиеся в формах, часто с полой петлеобразной ручкой на тыльной стороне, завершающейся носиком («слив в виде стремени»), медные тесла и булавки с фигурным навершием, биконические терракотовые пряслица (рис. 64).

После наступления нашей эры начинается распространение мочикской культуры в южном направлении, где, судя по симбиозным проявлениям в материальной культуре, частично ассимилируется местное население со своими локальными традициями, восходящими к раннеземледельческому пласту.

Технологический базис мочикской цивилизации создавал все предпосылки для социального и культурного прогресса. Ирригационное земледелие, возделывавшее широкий спектр продовольственных и технических культур, было основано на сложной системе каналов, максимально использующих водные ресурсы речных долин. Как правило, магистральные каналы были парными, и в головной части отходили под острым углом, что облегчало забор воды. Длина каналов порой достигала 20—30 км. В отдельных случаях переброска вод осуществлялась по акведукам, построенным из сырцового кирпича. Известны и орудия древних земледельцев-ирригаторов, как реальные рабочие инструменты, так и их престижные аналоги, помещавшиеся в гробницы элитарной верхушки. Это были лопатки двух типов — с узким лезвием, длиной около 1.5 м и более короткие, длиной в 40—60 см, видимо предназначавшиеся для обработки полей уже после первоначального взрыхления. Как отмечает Ю. Е. Березкин, инкские параллели позволяют считать первый инструмент мужским, а второй женским (Березкин, 1983, с. 32). Лопатка-землекопалка, найденная в богатом погребении, имеет медное лезвие, прикрепленное к древку медными гвоздиками, и резное навершие.

Высокой эффективности орошаемого земледелия мочика полностью соответствовал развитый сектор ремесленных производств. По уровню металлургии и металлообработки мочика занимала ведущее положение в Новом Свете (Emmerich, 1965; Patterson, 1971; Donnán, 1973; Березкин, 1983а, с. 35—37).

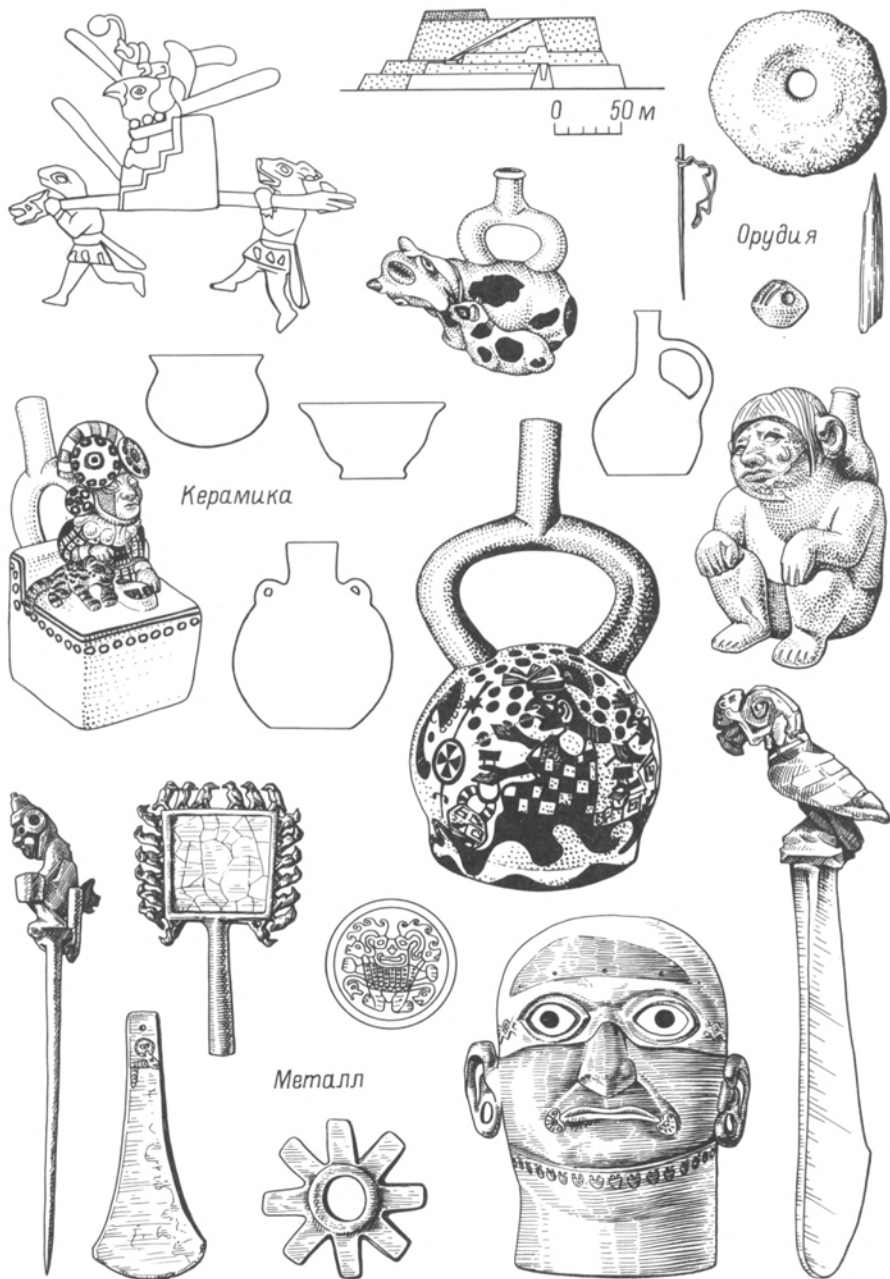

Рис. 64. Комплекс цивилизации мочика.

Здесь была широко освоена плавка металлов, установленная по отходам производства, по тиглям, горнам, слиткам металла и по изображениям производственных процессов в памятниках искусства. Художественные металлические изделия ясно показывают, что была освоена и техника литья по утраченной модели. При этом главным металлом была медь, но использовались также золото (часто в сплаве с медью), серебро и свинец. Из меди и серебра делались сосуды и разнообразные украшения. Медь шла на изготовление

тесел, булавок, зеркал, булав, наверший для шлемов. Золотые маски, находящиеся вкладах, свидетельствуют о значительных успехах мочикской торевтики. Дифференциация образа жизни отразилась и в использовании драгоценных металлов для изготовления бытовых объектов в престижном варианте, как это видно по копьёметалке, сделанной из золота.

Продукцию полей дополняли рыболовство и морской промысел, а также разведение домашних животных. Как и в докерамические времена, использовались сети с поплавками из тыквы-горлянки, но крючки удочек уже изготавливались из меди. К числу домашних животных принадлежала лама, содержащаяся иногда в загонах. Иногда, видимо, в пищу шло и мясо собак.

Керамическое производство, любимое археологами за массивность стандартной продукции, почти не испытывающей разрушающего воздействия природных факторов, в пору мочика по существу стало художественным промыслом. Во всяком случае, это касается парадной посуды, изготавливавшейся в составных формах. Посуда обжигалась с помощью специальных горнов, но гончарный круг, спорадически встречающийся в Перу, не получил там в доколумбовы времена сколько-нибудь массового распространения (Березкин, 1982, с. 41—42). Вместе с тем несомненно, что выделка парадной посуды была высокоспециализированным производством, делом рук мастеров-профессионалов, сочетавших технические навыки и дарование скульптора. Скорее всего, мастерство традиционно передавалось из поколения в поколение. На одном из крупных мочикских поселений — городище Пампа-Гранде в квартале, примыкающем к культовому монументальному центру, обнаружен целый ряд ремесленных мастерских, включая меднолитейное производство. Но число жилых помещений в этом квартале было явно ограничено. Это заставило автора раскопок И. Шимаду заключить, что здесь трудились мастера, приходившие на работу из находящихся в стороне жилых кварталов (Schimada, 1978; Березкин, 1983а, с. 125). Как бы то ни было, перед нами явная концентрация производственной деятельности, прямой аналог крупным специализированным мастерским или кварталам ремесленников Ближнего Востока. Уровень технологического развития мочикских ремесел, безусловно, нуждался в подобной общественной организации производства, в кооперации, осуществляемой не только в поливном земледелии, но и в производствах, достигших высокой степени специализации.

Этот экономический фундамент стал надежной основой цивилизации мочика. Ее основными центрами были крупные поселения с комплексами монументальной архитектуры, символизирующими экономическое могущество и идеологическое единство воздвигшего их общества. Вероятно, эти центры можно рассматривать как поселения городского типа, места концентрации специализированной деятельности, выполняющие специфические функции. Так, древний центр мочика, вероятно столица их общества, располагавшийся в низовьях р. Моче, занимал площадь около 60 га. Здесь находятся две крупные ступенчатые пирамиды — Уака-дель-Соль высотой около 40 м, имеющая в основании $159 \times 34 \text{ м}^2$, и Уака-дела-Луна высотой 20 м с основанием $85 \times 95 \text{ м}^2$. Среди многочисленных строений, расположенных на этих монументальных возвышениях, имелись помещения, украшенные неоднократно возобновлявшимися росписями. Высказывалось предположение, что Уака-дель-Соль была связана с заупокойными обрядами, поскольку там обнаружено сравнительно богатое погребение, а ряд ценных предметов, включая золотые и серебряные изделия, происходит из случайных и прямо грабительских раскопок, производившихся на этом участке (Березкин, 1983, с. 43—44). Около Уака-дела-Луна также располагался могильник, в котором отдельные погребения содержали до 75 сосудов.

Интересные наблюдения были сделаны американскими исследователями при более детальном изучении конструкций гигантских пирамид столицы

мочика (Hastings, Moseley, 1975; Moseley, 1975b). В пирамидах Солнца и Луны было установлено наличие на сырцовых кирпичах, пошедших на постройку, разнообразных знаков, число которых достигает сотни. Кирпичи эти лежали не вперемешку, а компактными группами, и к тому же различные знаки коррелировали с различным составом глины, пошедшей на их изготовление. Исследователи предположили, что знаки маркируют результаты деятельности отдельных общин, которые участвовали в возведении этой грандиозной постройки. Отдельные массивы возводились посекционно и, судя по всему, работа поручалась разным группам мастеров.

Площадь, на которой разбросаны руины другого городища — Пампа-Гранде, определяется в несколько квадратных километров. Здесь по рельефу прослеживаются улицы, места древних кварталов, концентрирующих строения. Но планировка в целом носит несколько хаотичный характер, видимо отражая процесс стихийного формирования этого центра. На замкнутом участке находится и пирамида, именуемая местным населением Уака-Форталес, имеющая 55 м высоты и 200×300 м² в основании. К ней примыкает ремесленный квартал, о котором уже говорилось выше (Schimada, 1978). Наряду с такими крупными центрами существовали и мелкие поселки и даже, видимо, отдельные усадьбы (Lanning, 1967). Как бы то ни было, это был период определенного демографического пика на перуанском побережье и массовая рабочая сила была материальной основой достижений мочикской культуры.

Уже эти данные позволяют предполагать, что общество мочика как социальная и политическая структура было достаточно сложным образованием. Судя по имеющимся данным, культовая и бытовая обособленность отдельных социальных групп в обществе мочика достигла весьма высоких ступеней. Об отражении этих процессов в погребальных обрядах можно судить по захоронению, получившему наименование погребения «воина-жреца», обнаруженному около пирамиды на поселении в долине р. Виру, одном из локальных подразделений мочикской общности. Здесь в могильной яме располагался сделанный из тростника гроб с останками мужчины преклонного возраста. Рядом в скорченном положении находились две женщины, как бы втиснутые в могилу, поверх гроба лежал скелет взрослого мужчины и у его ног мальчик. По-видимому, это были сопровождающие погребения, куда помещались лица, возможно даже насильственно умерщвленные. Уже одно это подчеркивало неординарный статус основного погребения. Это же подтверждает характер погребальных приношений и сопровождающего инвентаря. В могильной яме были обнаружены две обезглавленные ламы, 25 сосудов, ткани, изделия из меди (иногда со следами позолоты), камней и дерева. Особо эффектные резные инкрустированные жезл, палица и землекопалка, увенчанная скульптурой, изображающей антропоморфное божество с мальчиком у его ног. Естественно напрашивается аналогия между этим парным изображением и помещением в гробницу мальчика. Скорее всего, неординарный жизненный статус мужчины преклонных лет определялся в числе прочих аспектов и осуществлением каких-то обрядовых функций, возможно связанных с культом плодородия. Видимо, это был представитель социальной группы, занимавшей высокое положение в обществе. Престижные и церемониальные объекты как атрибуты соответственной социальной аранжировки хорошо известны по находкам, и среди них, как уже упоминалось, имеется даже золотая копьейка. Иконография свидетельствует, что существовала определенная регламентация и в одежде, во всяком случае в головных уборах.

Иконография оказалась бесценным источником по изучению и более общих вопросов идеологии и социальной структуры мочикского общества. Художественная форма передачи информации, сохранившаяся в обществе мочика в виде сюжетных панно на парадной росписной керамике, делает ее

богатейшим источником. При этом в отличие от орнаментации многих культур расписной керамики закодированность и символика выступает в художественно зримой форме, а не в виде условных знаков, далеко не всегда поддающихся однозначной интерпретации. По богатству информации сцены на керамике мочика в какой-то мере сравнимы с росписью древнеегипетских гробниц. Правда, в семантическом и соответственно в художественном решении здесь налицо принципиальная разница: реалистический стиль и в большинстве случаев тематика египетских фресок — явления иного порядка, чем сложные мифологические образы и сюжеты древнеперуанской вазописи. Исследователями проделана значительная работа по использованию этого ценнейшего источника для освещения разных аспектов функционирования мочикского общества, в том числе и его социальной структуры. Наиболее систематически и полно эти вопросы рассмотрены в работах Ю. Е. Березкина (Березкин, 1978, 1983а). Среди сюжетов многочисленны сцены битв, что находит прямое соответствие в широком распространении оружия. Это были главным образом палицы и дротики с копьёметалками, от действия которых старались защититься небольшими квадратными или овальными щитами. Образ одного из мифологических персонажей, так называемый Сова-воин, указывает на важность функции военного предводителя. Высокое общественное положение лидеров подчеркивалось целым рядом атрибутов — они сидят на возвышениях типа тронов, их несут на носилках, они располагаются на вершине монументальных пирамид, творя суд и отдавая распоряжения. Совершенно ясно, что существовала целая система иерархов в обществе мочика, включающая военных лидеров, верховных отправителей культа, а также организаторов производства, причем эти функции часто перекрещивались. Вместе с тем интересно наблюдение Ю. Е. Березкина о том, что во второй половине периода существования культуры мочика на первый план выдвигается божество с лучами, условно именуемое Аи-Апек. Именно оно теперь руководит церемониями, восседая на троне или стоя на вершине пирамиды (Березкин, 1983а, с. 127, 138). Вероятно, это соответствовало изменению структуры власти в самом обществе, где на первый план все более выдвигались крупные правители, так называемые цари мочика, гробницы которых предположительно располагались в комплексе пирамиды Солнца и, видимо, бесследно исчезли под лопатами грабителей. Как бы то ни было, мочика представляет собой общество сложной социальной структуры с далеко зашедшим процессом институализации и сакрализации власти, как это обычно для первых цивилизаций.

Особое внимание к художественной форме передачи информации помимо прочих факторов скорее всего было связано и с отсутствием в обществе мочика подлинной системы письменности. Уже давно было обращено внимание на изображения в вазописи мочика фасолин с нанесенными на них знаками, которые в комбинации с различным фоном дают около 300 различных вариантов. Близкие знаки имеются и на тканях культуры Паракас. Почти сразу же было высказано предположение, (Larco-Hoyle, 1938—1939), что это своего рода система письменности, нашедшее сейчас активных сторонников (Jaga, 1973). Возможно, эти символы служили для каких-то целей хозяйственного учета и передачи информации, аналогичных функциям пиктографической письменности, но это еще не было письменностью в собственном смысле (Березкин, 1983а, с. 47—48). В этом отношении мочика бесспорно уступала своим мезоамериканским современникам.

Конец мочика характерен для судеб многих высокоразвитых культур поры формирования первых цивилизаций. Постепенно, как свидетельствуют памятники культуры, территория, подвергающаяся прямому воздействию мочикских эталонов, сокращается, на многих городищах накануне полного запустения появляются следы пожарищ. Видимо, общество мочика, уделявшее

в иконографии столь значительное внимание батальным сценам, само оказалось в числе побежденных. Не исключено, что этому способствовали и природные факторы, в частности сокращение количества осадков, губительно сказавшееся на мочикском орошаемом земледелии (Березкин, 1983а, с. 28—29). Однако мочикская традиция не прерывается. Цивилизация как сложное социально-культурное образование продолжает существовать в Южной Америке, хотя уровень ее достижений и меняется во времени, так же как и этнический облик конкретных носителей. Собственно же мочикский культурный пласт органически вошел в культуру государства Чимор, бывшего одно время опасным соперником инков в борьбе за региональную гегемонию. Его столица Чан-Чан практически не уступает мезоамериканскому городскому гиганту — Теотехуакану. В Чан-Чане, кстати, располагались, видимо, и «царские» гробницы. Вещи из них давно расхищены, но сохранились сотни женских скелетов — следы безжалостного обычая человеческих жертвоприношений, сопровождающего становление единоличной власти царей от Шумера до иньского Китая.

В Мезоамерике, втором важнейшем центре Нового Света, мы наблюдаем ряд тех же закономерностей, что и в древнеперуанском очаге древних культур, но они являются общими лишь как генеральное направление развития, модифицированное экологической и этнической спецификой. Две такие общие черты сразу же обращают на себя внимание — раннее поэтапное становление продуктивного земледелия на базе эволюции, происходящей в горных районах, и выдвигание на первый план в пору формирования цивилизации общности, явившейся знаменосцем культурных эталонов новой эпохи. В Перу это был Чавин, в Мезоамерике — олмеки.

Природную ситуацию Мезоамерики определяет серия горных массивов, членящих регион на низменные равнины и высокие плоскогорья. Одной из плодородных является долина Оахака, по существу объединяющая три речные долины. Наиболее значительный горный массив — высокогорья Чианаса и Гватемалы, отмеченные весьма активной вулканической деятельностью. Депрессии, орошаемые речными потоками, отличаются полуаридным климатом. Расположенные к северу от горных систем известняковые платформы, включая полуостров Юкатан, характеризуются густой тропической растительностью, частично заболочены и слабо обеспечены речной системой, возмещаемой обильными осадками. Это были главные районы развития цивилизации равнинных майя.

Открытие путешественниками XIX в. древностей памятников майя в тропических лесах положило начало исследованию мезоамериканского центра первых цивилизаций. Постепенно любительские описания и раскопки уступили место все более целенаправленным исследованиям. Были созданы археологические периодизации, выработаны концепции, освещающие становление высокоразвитых обществ и их внутреннюю структуру, общая проблематика обсуждалась на специальных семинарах и симпозиумах (Гуляев, 1972, с. 7—16). При анализе древностей стало использоваться все большее число методов естественных и технических наук, что количественно и качественно увеличивало получаемую информацию. Особенно показателен в этом отношении блестящий успех комплексных работ в долине Техуакан, осуществленных в 60-х гг. экспедицией под руководством Р. Мак-Нейша и открывших новые горизонты в изучении истоков мезоамериканского земледелия, этого станового хребта местных цивилизаций (Mac Neish, 1964). Палеоэкологический подход с выделением микрорайонов как основных единиц палеоэкономических реконструкций с успехом был продемонстрирован исследователями нового поколения в 60-х и 70-х гг. (Flannery, 1968, 1976; Сое, Flannery, 1964). Большое внимание уделяется разработкам палеосоциологического характера, среди которых в первую очередь надо отметить исследования М. Ко, К. Флан-

нери, Дж. Маркус. Однако иногда общие формулировки, сами по себе яркие и интересные, выступают в отрыве от конкретного материала. В некоторых сводных работах такого рода формулировки доминируют в ущерб информации об археологических реалиях, комплексах и о типологии артефактов, должествующей служить базовым основанием обобщающих построений любого рода. Советским читателям мезоамериканская проблематика хорошо известна благодаря сводным работам Р. В. Кинжалова (1971), В. И. Гуляева (1972, 1979) и исследованиям Ю. В. Кнорозова по древним системам письменности (1963, 1975).

Истоки земледельческой экономики в Мезоамерике восходят, как и в Перу, к горным областям региона. Более того, так же как и в Перу, качественный скачок в разработке этой проблемы связан с именем видного американиста Р. Мак-Нейша, осуществившего целенаправленные комплексные исследования сначала на северо-востоке Мексики (Mac Neish, 1958), а затем в более масштабном выполнении и в центральной ее части, в долине Техуакан (Mac Neish, 1964; Mac Neish a. o., 1975b).

Как генеральное направление развития становление земледелия в Мезоамерике происходило на основе культурно-хозяйственных комплексов, базирующихся на собирательстве с охотничьим укладом. Климатические изменения и интенсивная охотничья деятельность привели к частичному вымиранию мегафауны, и охотники лишились привычных источников питания. Теперь основным поставщиком продуктов питания становится растительный мир. Таких высокоспециализированных собирателей мы застаем на северо-востоке Мексики в VII—VI тыс. до н. э. (фаза Инфернильо). Возможно, с растительными циклами было связано и размещение сезонных стойбищ. В пищу употреблялась агава, бобы, различные фрукты, из растительных волокон и стеблей изготовлялись корзинки, сетки и циновки. Специальные сорта тыквы шли на изготовление сосудов. По проведенным оценкам, собирательство давало 90 % пищи, тогда как охота всего лишь 10 %. Однако уже появляются и признаки грядущих перемен: бутылочная тыква, перец и скваш (вид съедобной тыквы) как будто имеют признаки начальной доместикации. На первых порах эти, потенциально весьма значительные новшества внесли сравнительно мало разнообразия в жизнь обитателей Северо-Восточной Мексики. В самом деле, бутылочная тыква шла на изготовление сосудов, перец употреблялся в качестве приправы и лишь плоды скваша непосредственно шли в пищу. Удельный вес культурных растений среди флористических остатков повышается очень медленно. В III тыс. до н. э. он все еще составляет 10—15 %, хотя и появляется примитивная, но бесспорно окультуренная кукуруза. Во II тыс. до н. э. доля земледельческих продуктов возрастает до 30 %, но это все еще была экономика земледельцев-собирателей. Крайнее положение на периферии мезоамериканского региона безусловно сыграло свою роль в таком замедленном развитии.

Несколько более интенсивно происходил процесс становления новых форм экономики в долине Техуакан. Здесь исследовательскими изысканиями было охвачено около 400 местонахождений, причем на 30 из них были произведены раскопки. В результате была воссоздана четкая картина поэтапного развития хозяйственных и культурных систем. Исходный пласт напоминал ситуацию, сложившуюся на северо-востоке Мексики в X—VII тыс. до н. э. на стадии Аджуерадо: охота переживала определенный упадок и около половины продуктов питания доставляло собирательство. Главную добычу составляли преимущественно мелкие животные — кролики, суслики, черепахи, крысы и птицы. Р. Мак-Нейш даже предлагает образно называть обитателей Техуакана этого времени не охотниками, а «собирателями растений и животных» (Mac Neish, 1964, p. 30). Доминанта собирательства становится все более отчетливой, и все новые виды растений попадают в сферу преобразующей

человеческой деятельности. Так, на стадии Эль-Риго (7200—5200 гг. до н. э.) ориентация хозяйства на интенсивное собирательство усиливается, в числе каменных орудий появляются два вида зернотерок. Возможно, съедобная тыква для этого времени уже была искусственно культивируемым растением.

Происходит дальнейшее развитие. На стадии Коксатлан (5200—3400 гг. до н. э.) помимо тыквы возделывается авокадо, перец, амарант, бобы и, что особенно важно, кукуруза. Наиболее древние початки этого растения, обнаруженные в техуаканской свите, мелкие и грубые, почти не отличаются от диких видов. Каменные изделия становятся разнообразнее — появляются каменные сосуды. Видимо, с развитием земледелия связано и усиление черт оседлости. На стадии Абеджас (3400—2300 гг. до н. э.), по мнению Р. Мак-Нейша, кукуруза уже была основным продуктом земледелия, начался процесс селекции и появились ее гибридные виды. Отмечается использование хлопка, каменные сосуды характеризуют прекрасная выделка и разнообразие форм. На речных террасах располагались поселения, состоящие из 5—10 землянок. Вместе с тем анализ показывает, что еще 70 % питания доставляло собирательство. Как полагают исследователи, лишь на стадии Пуррон (2300—1900 гг. до н. э.), когда появилась первая грубая керамика, земледелие возобладавало над собирательством. Формы первых глиняных сосудов следуют аналогичным каменным изделиям. Куски глины с отпечатками жердей и прутьев позволяют предполагать, что это остатки прочных жилищ нового типа, пришедших на смену землянкам. Потомки собирателей покинули пещеры и скальные навесы и прочно перешли к новому образу жизни. На стадии Аджалпан (1500—900 гг. до н. э.) их поселки уже вмещают от 100 до 300 обитателей. Качество керамики заметно улучшается, появляются глиняные женские статуэтки. Так в одной из горных долин Мезоамерики наступила раннеземледельческая эпоха.

Общая направленность происходящих процессов — это формирование земледелия на основе высокоспециализированных культур собирателей растений при заметном упадке охотничьего хозяйства (Массон, 1971в, с. 129). Однако как конкретно-историческое явление этот процесс осуществлялся в условиях значительного локального разнообразия. Особое значение имела конкретная природная специфика, на что обратили внимание М. Ко и К. Фланнери в специальной статье об экологических микрizonaх (Сое, Flannery, 1964). В том же Техуакане можно выделить четыре микрizonaы разного потенциала с точки зрения продовольственных потребностей древних общин. В результате на самой хозяйственной деятельности и культурном облике в целом сказывались различные факторы или их сочетание. В районах пищевого изобилия, например, оседлость, видимо, предшествовала земледелию как таковому (Jennings, 1983, p. 35).

Так, в долине Мехико наряду с эталонной техуаканской схемой представлен и несколько иной путь развития, при котором оседлость получила развитие до утверждения земледельческой экономики (Neiderberger, 1979). Здесь круглогодичное обживание поселков имело место уже на фазе Плайя (5200—3700 гг. до н. э.), когда только намечались первые шаги окультуривания растений. Сбалансированная эксплуатация трех микрizona, включая озеро, способствовала подобной стабильности. Определенную роль играла и ориентация на морскую экономику (Friedd, 1978), сыгравшую столь значительную роль в культурном прогрессе на перуанском побережье. Ту же тенденцию к прочной оседлости мы наблюдаем в III тыс. до н. э. в приатлантической зоне Белиза, где памятники расположены по эстуариям (Mac Neish a. o., 1981). На фазе Свейси (2000—1000 гг. до н. э.) здесь появляется глиняная посуда, для украшения которой использовался красный ангоб и нацарапанный орнамент. Жилища устраивались на небольших платформах, демонстрируя то же зарождение строительных традиций, какое мы наблюдали в Перу в комплек-

сах типа Уака-Приета. На круглой платформе диаметром 6 м располагалось строение, выполнявшее, видимо, какие-то общественные функции. Предохраня строения от разливов и подтоплений, эти платформы затем развились в архитектурную концепцию престижных сооружений, вознесенных над утилитарными. В погребениях встречены керамика, браслеты из раковин, бусы из жадеита. Примечателен факт находок зернотерок. Рыболовство и охота сочетались с возделыванием кукурузы.

Другим примером комплексной экономики является Ла Виктория на тихоокеанском побережье Гватемалы (Сое, 1961). Здесь же в начале II тыс. до н. э. рыболовы, собиратели крабов и черепаш начинают возделывать кукурузу. В период Окос (1500—1000 гг. до н. э.) керамика отличалась хорошей выделкой, была декорирована резным орнаментом и росписью. Как и в Белизе на побережье Атлантического океана, строения здесь возводились на небольших платформах.

Таким образом, в условиях развития различных культурно-хозяйственных комплексов в Мезоамерике в течение II тыс. до н. э. происходит уверенное становление новой экономики и нового образа жизни, выразительным археологическим индикатором которого становилась глиняная посуда. В целом керамика широко распространяется около 1500 г. до н. э. Так же как и культивация растений, ее внедрение, вероятно, происходило в нескольких центрах, что породило различные керамические традиции, среди которых исследователи предлагают выделять прибрежную и юкатанскую (Weaver, 1981, p. 58). Технологически и типологически древнейшие керамические комплексы заметно различаются. Так, в Техуакане керамика стадии Пуррон имеет большую примесь песка, плохо обожжена, формы преимущественно грубые: чаши и горшки с округлым туловом. Качество белизской посуды стадии Свейси значительно более высокое, не говоря уже о керамике Окос, отличающейся богатым декором. Это разнообразие путей развития, но уже в сфере хозяйственной деятельности, хорошо выражено концепцией микрозон. Совершенно ясно, что становление земледелия в долине Техуакан — лишь один из путей производящей экономики, причем сама долина представляла собой своего рода культурное захолустье. Богатые ресурсы побережий двух океанов способствовали раннему развитию оседлости и обеспечивали стабильное развитие культуры. М. Ко и К. Фланнери специально подчеркивают, что один из путей становления производящей экономики — это возделывание кукурузы в условиях хозяйства, основанного на рыболовстве и собирательстве, быть может, уже при начавшемся культивировании маниока (Сое, Flannery, 1964). Но все эти пути сливались в один магистральный поток экономического и культурного прогресса, знаменем которого становилось высокопродуктивное земледелие с кукурузой как ведущей продовольственной культурой. Факторы стабильности и оседлости, даже если и наметились в предыдущую эпоху, приобретают новый импульс. Складывается эффективная система получения продуктов питания, происходит рост населения, намечается тенденция к его концентрации в отдельных пунктах, становящихся локальными центрами, организационными и идеологическими лидерами групп общин.

На территории Мезоамерики в целом ряде областей выявлены памятники, характеризующие эти изменения. Например, в долине Мехико на стадии Зохапилько (2400—1800 гг. до н. э.) происходит активный процесс становления земледельческой экономики, расширяющей спектр возделываемых растений, в число которых входят перец, тыква, амарант и, видимо, кукуруза. Керамика в этом районе появляется около 1500 г. до н. э. и одновременно увеличивается число поселений, которых теперь насчитывается около 20. Могильник Толтико содержит погребения с богатым и разнообразным инвентарем. Около 650 г. до н. э. появляются сооружения монументальной архитектуры (Hammond a. o., 1979).

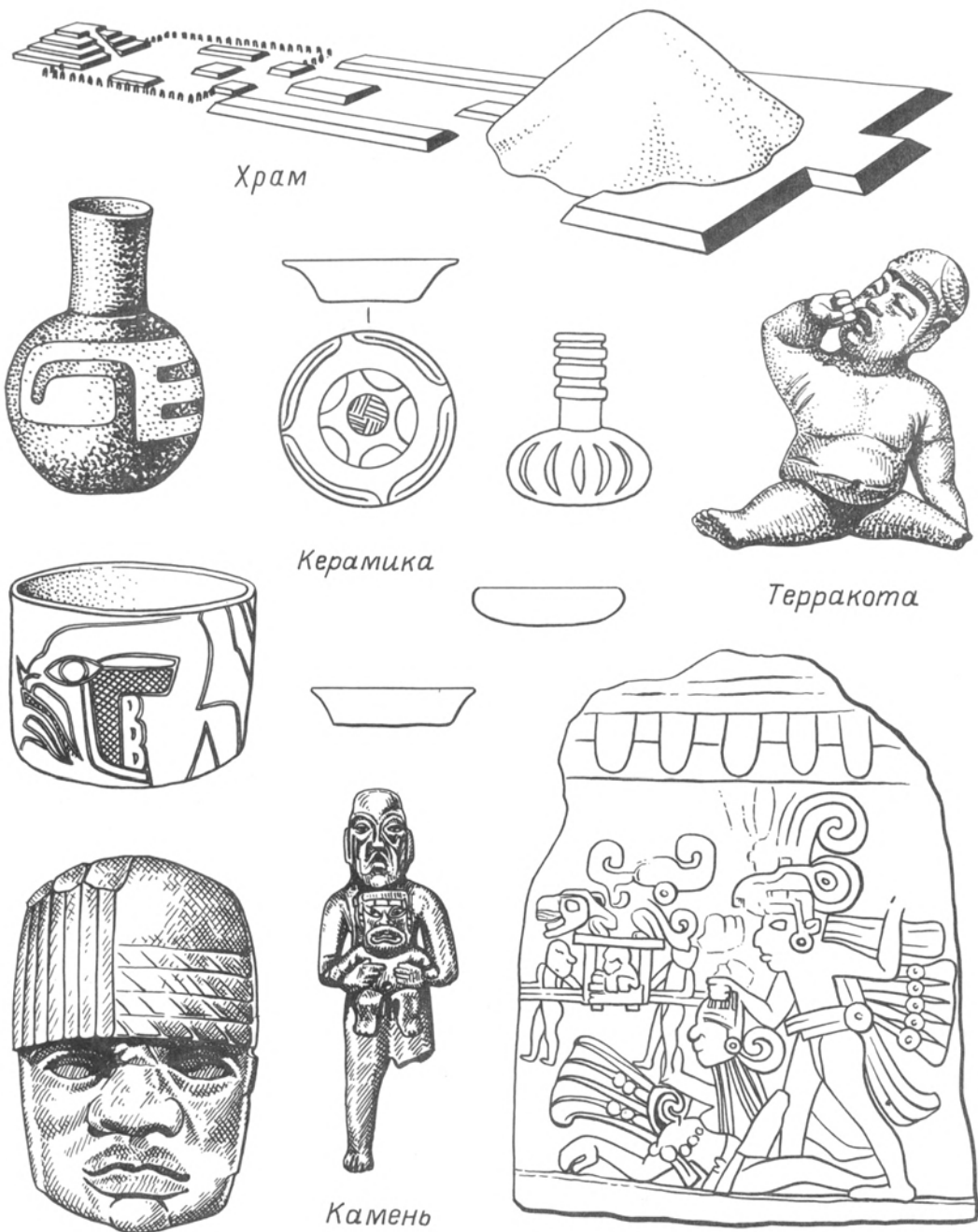

Рис. 65. Олмекский комплекс.

Еще более стремительными темпами идет развитие в плодородных долинах Оахако, где истоки земледельческой экономики столь же древни, что и в долине Техуакан (Гуляев, 1972, с. 43). Во второй половине II тыс. до н. э. поселения в Оахако располагались вдоль водных протоков предгорий в условиях, где можно было вывести воду для орошения полей (Blanton a. o., 1979). На стадии Сан-Жозе (1150—850 гг. до н. э.) среди поселков выделяются круп-

ные центры, самый значительный из которых Сан-Жозе Моготе достигает площади в 40 га. Структурно это поселение также представляет собой достаточно сложный организм, где выделяются резиденции элиты, дома рядовой застройки, центры различных производств, в частности украшений из раковин и магнетита. В целом ряде типов вещей, например в статуэтках, проявляются воздействия культурного комплекса, ставшего эталоном для эпохи становления цивилизации в мезоамериканском регионе. Он получил условное наименование олмекского, которое оказалось удачным и прочно утвердилось в литературе (Гуляев, 1972, с. 78—106; Benson, 1981; Coe, 1968b, 1972; Grove, 1973; Gay, 1972).

Термин «олмекский», впервые употребленный для обозначения объектов определенного художественного стиля (Гуляев, 1972, с. 78), теперь означает археологическую культуру, оставленную высоко развитым обществом, явно начавшим восхождение по ступеням цивилизации. Олмекские комплексы в настоящее время характеризуются в первую очередь сочетанием таких признаков из области культовых церемоний, искусства и архитектуры (Гуляев, 1972, с. 81), как колоссальные каменные головы, стилизованные маски ягуара, зеркала из полированного камня, мотив карлика с патологическими недостатками и др. В качестве массовых археологических артефактов сюда можно добавить терракотовые статуэтки, оттиснутые в формах, украшения из нефрита и жадеита и нефритовые статуэтки (рис. 65).

Основной территорией олмекской культуры были болотистые низины тихоокеанского побережья. Комплекс оседлости развивался в условиях сбалансированной экономики, опирающейся на дары моря и на прогрессирующее земледелие. Как и в других областях региона, глиняная посуда здесь прочно утверждается с середины II тыс. до н. э., но в первых керамических комплексах еще мало что предвосхищает грядущий расцвет. Лишь на стадии Чикачаррас (1250—1150 гг. до н. э.) появляется скульптура, явно принадлежащая к стилистическому кругу олмекских произведений. На стадии Сан-Лоренцо (1150—900 гг. до н. э.) олмекская культура уже выступает во всем великолепии.

Лучше всего среди олмекских памятников изучены крупные культовые центры Ла Вента (Drucker а. о., 1959) и Трес-Сапотес (Coe, 1968a, 1970). В Трес-Сапотесе на сравнительно большой территории разбросано значительное количество пирамид. Вокруг них встречаются каменные стелы и гигантские головы из камня. Достаточно четкие признаки олмекской монументальной архитектуры и скульптуры прослеживаются в Сан-Лоренцо (Coe, 1968a). Стремление к монументализму, представленному насыпными платформами, весьма рано проявляет себя в мезоамериканском регионе, так же как и в Перу. Допускается, что некоторые из этих сооружений имели и в плане заданные очертания и в одном случае изображали гигантскую летящую птицу (Coe, 1977).

Расцвет олмекской культуры связывают с Ла Вентой, датируемой временем 900—400 гг. до н. э. Весь комплекс расположен на небольшом участке суши размером около 6×4.5 км. Окруженный со всех сторон болотами и низкими речными долинами он представляет собой как бы остров. Расстояние до Мексиканского залива составляет около 30 км. Сам архитектурный комплекс — это сложное сооружение четкой и продуманной планировки, рассчитанной на восприятие как отдельных объемов, так и общего планиграфического решения. Недаром существует предположение, что в плане весь комплекс воспроизводил гигантскую маску ягуара (Weaver, 1981, p. 74). В нем есть и ступенчатая пирамида с маршевой лестницей, ведущей прямо к вершине, и двухметровые базальтовые колонны на подушках из сырцового кирпича, и три массивные вымостки, каждая из 485 блоков зеленого серпантина. Характерной чертой олмекских памятников является наличие замурован-

ных кладов, состоящих из выточенных из камня различных поделок и украшений. Так, в один из кладов входили 225 масок ягуаров, выполненных вполнину натуральной величины и около 1000 кельтов, сделанных из жадеита и серпантина. Безусловно, этот набор предметов представлял в древности значительную ценность. Культурные слои как таковые в Ла Венте незначительны. Керамика, порой украшенная резной орнаментацией, встречается в небольшом количестве. Каменные стелы, статуи, колоссальные головы в уборах, напоминающих плотно прилегающие шлемы, массивные каменные алтари, украшенные рельефами, трактуемые теперь как троны, являются частью богатейшего убранства этого комплекса, который явно можно характеризовать как храмовый.

Каменная монументальная скульптура и рельефы олмеков прежде всего обращали на себя внимание исследователей, увлекающихся к тому же яркими стилистическими особенностями и сложными семантическими ассоциациями (рис. 66). В меньшей мере уделялось внимание тому обстоятельству, что перед нами произведения профессионалов не только художественного дарования, но и высокого уровня ремесленной подготовки. Гигантские головы имели вес до 20 т, и их тщательная обработка требовала высочайшего мастерства. Металлические орудия, да и металлические изделия вообще, олмекам были совершенно неизвестны. Изготовление каменных скульптур и рельефов осуществлялось целиком каменными орудиями. Судя по самим каменным статуям, это был сложный набор инструментов для пикетажной техники, разного рода и разной формы абразивов, различных пилок. Совершенно ясно, что это направление деятельности породило целую группу мастеров-профессионалов, успешно трудившихся в основных олмекских центрах (Jennings, 1983, p. 42). Особую специализированную сферу представляло изготовление статуэток и разного рода подвесок из нефрита и жадеита.

Широко были налажены и регулярные обменные связи, чему американские исследователи, придающие особую социологическую значимость торговле в структуре первых цивилизованных обществ, уделяют большое внимание (Rathje, 1971; Lamberg-Karlovsky, Sabloff, 1979). Базальтовые блоки для изготовления гигантских голов доставлялись в храмовые центры за 100 и более километров. На такое же расстояние транспортировались блоки и других вулканических пород для рельефов и архитектурных деталей. Это же в полной мере касается цветного обсидиана, нефрита, серпантина, слюды и жадеита, шедших как на изготовление орудий, так и целого ряда художественных поделок, отвечающих повышенным запросам нового образа жизни. В частности, слегка вогнутые, прекрасно отшлифованные обсидиановые изделия, известные в условной археологической номенклатуре как зеркала, судя по небольшим отверстиям, скорее всего являлись частью своеобразных пекторалей, которые носили лица высокого социального ранга. Технические достижения цивилизации олмеков полностью покоились на огромных возможностях вкладышевых пластинчатых и пикетажных орудий, созданных как орудийный комплекс в палеолитическую эпоху и достигших своего расцвета в пору неолита. С позиции, соответствующей археологической номенклатуре, олмеков, кстати, и следует именовать неолитической цивилизацией.

Вместе с тем очевидно, что весьма архаический по формальным показателям орудийный комплекс дал столь эффективные результаты благодаря общественной организации производства, широкому и масштабному применению простой кооперации. Американские исследователи давно обратили внимание на этот аспект олмекских древностей. Р. Хейцер предложил вполне убедительные оценки, согласно которым строительство и функционирование храмового комплекса в Ла Венте должны были обеспечивать несколько тысяч человек, прокормить которых затерянный среди болот островок был не в состоянии (Heizer, 1968). По-видимому, этот центр возник и существовал как

Рис. 66. Олмеки. Каменная голова.

организованное сосредоточие усилий целой группы общин, объединенных системой социального и хозяйственного управления. По оценкам М. Ко, хотя, быть может, и несколько завышенным, для транспортировки гигантских блоков для каменных голов или самих голов требовались усилия не менее 1000 человек.

Специализация деятельности в ремесленной сфере безусловно имела под собой экономический фундамент в виде эффективной системы производства продуктов питания. К сожалению, эта сторона функционирования олмекского общества мало изучена. Скорее всего, кукуруза, проникшая в эти низменные районы из горных массивов еще в начале II тыс. до н. э., дала в новых условиях ряд генетических мутаций (Lamberg-Karlovsky, Sabloff, 1979, p. 252), составивших селекционный фонд для развития интенсивного подсечно-огневого земледелия. Наличие на ряде памятников дренажных канав допускает возможность и каких-то работ ирригационного характера.

По основным параметрам, имея в виду ремесленную специализацию и развитие монументальной архитектуры, равно как, добавим, и монументальной скульптуры, олмекское общество явно представляло собой активно развивающуюся цивилизацию. Правда, иероглифическая письменность появилась лишь в комплексах майя, и одна из стел с текстом, датированным 31 г. до н. э., найдена, кстати, на поселении Трес-Сапотес, бывшем важным центром в более раннюю, собственно олмекскую эпоху. В последнее время появились разработки, показывающие, что в олмекском искусстве, безусловно ориентированном на сложную и устойчивую систему символов, могла быть заложена иероглифическая иконография как своего рода предтеча письменности майя

(Marcus, 1976). Однако, разумеется, это были лишь провозвестники грядущих открытий. Безусловно, олмекское общество обладало сложной социальной структурой. Его социально-политическую систему обычно реконструируют как предгосударство чифдом, или теократию (Jennings, 1983, p. 42; Lamberg-Karlovsky, Babloff, 1979, p. 245). Имеются и еще более яркие характеристики, говорящие о полубожественных царях, происходящих от мифологического брака женщины и ягуара и воплощенных в колоссальных головах со шлемами (Weaver, 1981, p. 83). Реальных данных по этим вопросам не так уж и много. Совершенно ясно, что масштабная организация труда выдвигала лидеров, закреплявших свое положение культовой и бытовой обособленностью. Кто бы ни был персонифицирован в гигантских головах — небожители или земные владыки, наличие боевых шлемов весьма показательны. Недаром на олмекских рельефах, найденных на периферии олмекской метрополии, имеются триумфальные сцены, где изображены победители и поверженные пленники, которым отсекают головы. Парадные головные уборы, так называемые троны, почетные паланкины указывают на внешние признаки институализации власти. Социальная дифференциация и становление сложных политических структур, как и повсюду, сопровождали в олмекском обществе формирование цивилизации.

Происхождение олмекской культуры, естественно, было предметом различных дискуссий и построений. Попытки вынести решение этого вопроса за рамки Нового Света и, в частности, подчеркивание сходства стилиа жадеитовых изделий олмеков и иньского Китая (Jairazbhoy, 1974) в целом при внешней эффективности мало убедительны. Как отмечают исследователи, весьма странно, что были импортированы лишь определенные художественные каноны и был забыт колесный транспорт и металлургия (Jennings, 1983, p. 354), не говоря уже о том, что гипотетические иньские культуртрегеры странным образом перемахнули перешеек и обосновались на его атлантическом, а не тихоокеанском побережье. Более перспективны поиски внутренних движущих сил, в числе которых назывались и торговля, и религиозная идеология, и высокоэффективное земледелие (Lamberg-Karlovsky, Sabloff, 1979, p. 252—254). Видимо, подобные факторы должны рассматриваться не изолированно, а в сложном взаимодействии. Едва ли не существеннейшую роль играло плодородие речных почв, возобновлявшееся при периодических разливах. В условиях эффективной экономики идеологические инновации получили блистательное воплощение, были созданы архитектурные, скульптурные и художественные каноны и концепции, во многом определившие облик последующих цивилизаций мезоамериканского региона. В этом отношении вполне правы исследователи — от эмоционального М. Коваррубиса (Гуляев, 1972, с. 79) до аналитического М. Ко (Сое, 1977), видящие в олмеках базовый эталон последующей эволюции. Олмекские вещи, олмекский стиль, олмекские воздействия широко распространены в Мезоамерике.

Жадеитовые изделия как эталон престижного статуса надолго определили культурогенез от центров импульсивного развития до далекой периферии (Creager, 1984). Однако не одна только гениальность и исключительность олмеков была тому первопричиной. Олмекский культурный комплекс, созданный в условиях наибольшего экономического благоприятствования, отразил процесс, который К. Фланнери назвал кристаллизацией культурных эталонов в условиях, когда целый ряд обществ мезоамериканского региона независимыми путями шел к формированию классового общества (Flannery, 1968) и, добавим, государственных структур. В приморских низменностях Вера-Крус и Табаско была создана культурная, а быть может и социо-культурная, модель, воплотившая основные тенденции спонтанной трансформации, подобно тому как это имело место для переднеазиатского региона в Шумере и для перуанского в Чавине. Были созданы первые пирамиды цивилизации,

и общество, пройдя качественный рубеж, продолжало поступательное движение, сложный и противоречивый характер которого, пожалуй, лишь усилился с возрастанием неравномерности развития в масштабах макрорегионов и целых материков.

Просуществовав около семи веков, олмекская цивилизация пришла к упадку, главные ее центры запустели и оказались заброшенными. В Сан-Лоренцо раннеолмекские статуи и рельефы, например, были помещены в ров, подвергнуты нарочитым повреждениям и засыпаны: Следы подобных действий имеются и в Ла Венте. Возможно, вооруженные столкновения в сочетании с внутренними кризисными явлениями привели, как это, видимо, имело место в перуанском мочика, к упадку и дезинтеграции. Высказывалось, правда, мнение даже о социальной революции, будто бы сокрушившей авторитарный режим олмекских правителей, но конкретных данных в пользу такого заключения практически нет. На территории олмекской метрополии в первых веках до нашей эры, в так называемое постолмекское, или эпиолмекское, время продолжается активный процесс культурного и социально-экономического развития мезоамериканских обществ, идущих по пути цивилизации. Они не только были социологическими преемниками олмекского населения, но и прямо сохранили многие культурные модели и эталоны, созданные в эпоху колоссальных голов.

Не считая ацтеков, наследовавших подобно перуанским инкам традиции высокоразвитых предшественников, можно говорить о трех основных цивилизациях мезоамериканского региона: цивилизации майя, цивилизации Монте-Альбана, или сапотек, и цивилизации Теотехуакана. В них повсеместно мы находим монументальные комплексы, частично развивающие приемы, выработанные олмеками, но намного превосходящие их своими масштабами; высокоразвитые ремесла, спектр которых расширяется; и как новое явление иероглифическую письменность, памятники которой более обильны в областях майя, но известны практически по всей мезоамериканской ойкумене. Рассредоточенный характер расселения (Ashore, 1980) вызвал значительные дискуссии по поводу наличия поселений городского типа и породил известную концепцию, что собственно равнинные майя являются цивилизацией без городов. Этот вопрос подробно рассмотрен В. И. Гуляевым в специальной монографии (1979), и автор этих строк полностью разделяет его позицию. Коль скоро мы должны учитывать функциональные характеристики соответствующих центров, перед нами явно поселения городского типа.

Эффективная система производства продуктов питания, обеспечивающая стабильность этих обществ, судя по всему, варьировала по отдельным областям, и, пожалуй, здесь, как и в эпоху становления производящей экономики, должна приниматься во внимание система микрон. Безусловно, в тропических лесах, учитывая климатические условия и характер осадков, исключительно эффективной была система подсечно-огневого земледелия, известная как мильпа. Она, в частности, базировалась на четком аграрном календаре, обеспечиваемом астрономическими наблюдениями, и на поразительных успехах мезоамериканских селекционеров. Эта система позволяла получать значительный прибавочный продукт и обеспечивала высокие демографические параметры (Cowgill, 1962; Гуляев, 1972, с. 191 и след.). Вместе с тем оказалось, что применялись и более эффективные системы земледелия, связанные так или иначе с ирригационными работами. Давно стали известны оросительные каналы в долине Оахако, этой нуклеарной части цивилизации Монте-Альбана. Вместе с тем оказалось, что искусственное орошение в тех или иных формах применялось и у равнинных майя. Здесь были найдены устроенные на склонах каменные террасы с особой системой увлажнения почвы. На коренных землях равнинных майя проводились каналы с мелиоративными целями, столь существенными в условиях болотистых низин (Гуляев, 1982). Такие

Рис. 67. Майя. Часть каменного фриза.

мероприятия безусловно требовали налаженной системы общественного производства, объединявшей усилия ряда общин. Оросительные каналы и система оригинальных плавающих огородов, так называемый чинамп, существовали в долине Мехико, естественном центре теотехуаканской цивилизации.

При общих чертах сходства, определяемых эпохальным и региональным типами культуры, каждая социокультурная система Мезоамерики имела свои неповторимые черты (рис. 67), различными были и пути развития этих первых мезоамериканских цивилизаций.

Освоение тропических джунглей в низменных районах, бывших коренными землями равнинных майя, происходило в течение II тыс. до н. э., и к его концу земледельческие общины широко распространились по территории Юкатана. С середины I тыс. до н. э., судя по материалам погребений, среди общинников усиливается социальное неравенство, обособляется жреческий и светский нобилитет. Дифференциация образа жизни в условиях социального неравенства проявляется и в погребаль-

ных обрядах, гробницы знати, нередко с человеческими жертвоприношениями, устраиваются в основании пирамиды (Гуляев, 1972, с. 166 и след.; Rathje, 1970). Численность населения заметно возрастает, и столичный Тикаль насчитывает 10—11 000 жителей. При бесспорно большом значении религиозных институтов, представленных огромным числом культовых сооружений и объектов, нет оснований преуменьшать роль светских правителей, так же как и процесса институализации власти через военного вождя — организатора производства, постепенно стремящегося стать и идеологическим лидером. В. И. Гуляевым этот аспект структуры майяского общества был подробно рассмотрен, и в его книге (1972) сконцентрирован значительный иконографический материал, подтверждающий это положение. Здесь мы видим такие сюжеты, как правитель на троне, правитель после брани, сцены военного триумфа, видим и воспроизведения атрибутов власти (Гуляев, 1972, с. 206 и след.). Значение военного фактора в социально-политическом развитии мезоамериканских цивилизаций показано многими исследователями (Webster, 1977; Marcus, 1974).

С VIII в. н. э. отмечается упадок основных центров цивилизации майя, и к концу IX в. в низменных районах они запустевают. Как политическая структура общество равнинных майя представляло собой, по наиболее убедительной трактовке, небольшие государства со столичными поселениями, игравшими роль военно-административных и идеологических центров, какими являлись Тикаль, Копан, Пленке и др. В. И. Гуляев с полным основанием видит здесь аналогию додинастическому Шумеру (Гуляев, 1979, с. 286).

Поваленные стелы и поврежденные скульптуры в опустевающих центрах указывают на какие-то насильственные действия. В горные районы, находящиеся под культурным и политическим воздействием цивилизации майя, в VIII в., видимо, вторгаются теотехуаканцы. Последующая гибель самого

Теотехуакана послужила своего рода толчком к цепной реакции запустения древних центров (Гуляев, 1972, с. 225 и след.).

Если материалы майяской археологии еще могли быть полем разного рода дискуссий по поводу роли да и самого наличия городских центров, то для цивилизации Теотехуакана о такой постановке вопроса не могло быть и речи. Теотехуакан — гигантский урбанистический центр древнего мира. Его общая площадь определяется почти в 28 км², а культовый центр раскинулся на пространстве также нескольких квадратных километров. Высокогорная равнина, на которой он находится, рано стала одним из центров раннеземледельческой культуры Мезоамерики. Рано здесь проявилась и тенденция к концентрации населения в одном суперцентре. Уже в первых веках до нашей эры обжитая территория этого центра достигает 6—8 км² с предполагаемым населением от 30 до 40 000 человек (Jennings, 1983, p. 47). Тщательное исследование одного из главных монументальных сооружений Теотехуакана — пирамиды Солнца показало, что в ее недрах, как в платформах шумерских храмов Эреду и Урука, погребено более древнее строение меньших размеров, но той же функциональной значимости. На первые века нашей эры приходится расцвет этого замечательного центра доколумбовой Америки. Гибель его, судя по всему, произошла при довольно трагических обстоятельствах. Грандиозный слой пожара свидетельствует о катастрофических событиях конца V — начала VI в. н. э. Как это нередко бывает, создатели первой цивилизации, утратив импульсивную энергию поры расцвета и, возможно, ослабив военно-политические структуры, уступают энергичной агрессии соседей, которую они сами ранее породили военными походами и набегами. При этом культурные традиции, как правило, модифицируются, но не прерываются, тогда как в этнополитической сфере наступают значительные перемены.

В равной мере наследником другого раннеземледельческого центра мезоамериканского региона была и цивилизация Монте-Альбана (Blanton, 1978; Blanton a. o., 1979). Как мы видели, в долине Оахака интенсификация земледелия, ориентирующегося на искусственное орошение полей, благоприятствовала раннему формированию крупных населенных центров. Вместе с тем уже с начала I тыс. до н. э. олмекское воздействие определяет тип развития, приобретающего черты стимулированной трансформации. Около нашей эры на стадии Монте-Альбан II в самом Монте-Альбана, этой естественной столице Оахаки, выделяется административный район так называемого дворца. Вскоре отмечается значительное влияние со стороны культуры Теотехуакана. Правда, размеры столичного города никогда не достигали масштабов северного гиганта. Вместе с тем для III в. н. э. число обитателей самого Монте-Альбана оценивается в 11 500 человек (Jennings, 1983, p. 60). Оригинальностью отличается местная иероглифическая письменность, представленная целым рядом текстов на стелах. К VII в. относится определенный упадок Монте-Альбана и всей области, где сохраняются лишь небольшие провинциальные поселения. Эта эпоха упадка цивилизаций первого цикла была при незначительных локальных колебаниях общей для всего мезоамериканского региона. Однако уже был сделан важнейший шаг по пути прогресса — в Новом Свете на авансцену истории выдвинулись социокультурные системы качественно нового типа, положившие конец первобытной эпохе по крайней мере в двух регионах — мезоамериканском и центральноандском. Независимо от их политических судеб определенный виток спирали был пройден, и фундамент культурных достижений ощутим вплоть до эпохи Монтесумы, прославленного испанскими хрониками и современными романистами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические материалы, сама массовость и повторяемость которых свидетельствует о закономерном характере наблюдаемых явлений, убедительно показывают, что сложение первых цивилизаций было кардинальным рубежом в процессе культурогенеза как отражение глубинных социально-экономических перемен в самой структуре древних обществ. По существу это была культурная революция, происходившая в период формирования первой антагонистической формации. Социальная дифференциация, перерастающая в классовую противоположность, ярко проявилась в сфере культуры, где сложилась четко выраженная подсистема элитарной субкультуры. Скачок в соционормативной сфере культуры пока выразился в развитии бытовой кастовости, резче всего ощущаемой археологическими материалами, реагирующими на происходящие изменения появлением целого спектра новых типов артефактов, и в знаково-престижном комплексе, также давшем великолепные воплощения этих перемен в предметах материальной культуры. Несоизмеримо велики интеллектуальные завоевания эпохи первых цивилизаций, многие из которых, и письменность прежде всего, прочно вошли в золотой фонд достижений человеческого гения. Складываются новые ценностные ориентации, интеллектуальное развитие с отделением умственного труда от труда физического также переступает качественную грань эволюции. Налицо искусство как самостоятельная сфера деятельности, обособленная от материального производства, налицо и новые формы эстетического освоения мира, в частности воплощения образа личности как таковой, а не только составляющего элемента общинного микрокосма. В ряде общественных структур, и в храмовых организмах в первую очередь, идет активный процесс получения и систематизации положительных знаний, складывается своего рода преднаука.

Новые материалы также убедительно показывают, что исходным пластом всех этих успехов и достижений была раннеземледельческая эпоха, в которую человечество вступило с переходом к производству продуктов питания, с завершением неолитической революции. Именно в это время был накоплен огромный экономический, культурный и интеллектуальный потенциал и стал набирать темпы процесс культурной трансформации, достигший в пору первых цивилизаций качественного рубежа. Открытие эпохи «детства первых цивилизаций» — одно из выдающихся достижений археологической науки второй половины XX в.

Первые цивилизации представляют собой ярко выраженный эпохальный тип культуры, отражающий закономерный характер исторического процесса. С неменьшей очевидностью наблюдаем мы в эту эпоху конкретное разнообразие и многообразие реальных формопроявлений. Историко-типологические понятия позволяют говорить о типизации различных видов всемирно-исторического развития, о региональных и локальных типах культуры в рассматриваемую эпоху. Довольно популярный термин «локальная культура», или

«локальная цивилизация», часто используется как антитеза закономерному характеру исторического процесса, и гипертрофия реальных явлений выдвигает конкретную цивилизацию в некий неповторимый, надэпохальный феномен. Иерархическая типология видов культуры, широко используемая советскими культурологами, — эпохальный, региональный и локальный тип культуры — позволяет достаточно убедительно выделить общее и особенное в эпоху первых цивилизаций. Первый срез конкретного своеобразия дает культурный регион, где в концентрированном виде выступают черты стабильности. Спонтанная трансформация, когда развитие идет за счет внутренних механизмов и стимулов, определяет формирование этого типа цивилизации. Обычно для культурного региона одна из цивилизаций наиболее ярко воплощает эталоны эпохи, ее расширяющееся воздействие ведет к сочетанию в близлежащих областях спонтанной и стимулированной трансформации. Образцом таких эталонных моделей для ближневосточного региона является цивилизация Шумера, а для мезоамериканского — Олмекский комплекс. Локальная цивилизация является конкретной единицей, соответствующей древнему обществу как устойчивой социокультурной системе. В ней в неразрывном сплаве соединены эпохальные, региональные и локальные черты, и именно они в целом дают неповторимое своеобразие, выявляют конкретный вклад в сокровищницу мировой культуры. Черты своеобразия охватывают самые различные сферы: от технологического способа производства, в котором, например, значительно варьируют формы сельскохозяйственной деятельности, до надстроечных сфер, в том числе духовного производства. Специфические этнокультурные черты отдельных цивилизаций образно воплощаются в памятниках искусства. Различны интеллектуальные и культурные традиции даже в области положительных знаний. Историки науки неоднократно отмечали, что, например, в Египте традиционно сильны были медицинские знания и математические разработки, тогда как астрономия получила значительное развитие в Месопотамии. В равной мере, если в древней Индии налицо определенный примат гуманитарного знания, то в древнем Китае предпочтение отдавалось естественным наукам (Старостин, 1980, с. 85—88). Таким образом, изучение реального многообразия истории и ее общих закономерностей — стратегия советской науки как при исследовании отдаленного прошлого, так и при анализе современного мира. Вещный мир культуры, общая характеристика которой для определенного отрезка времени предложена в настоящей книге, — благодарное поле соответствующих построений.

SUMMARY

In the book the civilization is examined as the socio-cultural system related to a specific level of social development. Formation of class relations as well as the state foundation is that level with different steps for the first civilizations. They represent the epochal phenomenon that have been promoted on the proscenium of the Old and New Worlds at the end of the primitive ages. Combination of high produced and large-scale agriculture with specialized crafts were typical for the technological side of production. Both creation of the elite subculture and a great number of cultural innovations allow stating that the cultural revolution took place in the ages where the first civilizations were formed. Their type is strictly interpreted in a number of ancient cultures; each of them has its distinguished unrepeatable traits in the technological side of production, in ideology, in social psychology in aesthetical canons. A number of ancient civilizations known in a considerable extent thanks to archaeological discoveries are characterised in the book from the above mentioned positions.

Study of processes of cultural genesis according to archaeological data has become the basis for methodological analyses. Culturological reconstructions occupy the determine place in procedure of scientific analysis following the archaeological systematization (fig. 2). Typology of the ancient cultures is an important element in analyses where the epochal, regional and local cultural types are notable (fig. 1, 45). Mechanism of cultural changing is connected with the dialectical interaction of traditions and innovations (fig. 3). The latter are often emerged from combinations of traditional elements composed in a new unusual way (fig. 4). After passing through stereotypization stage the innovation itself appears as an element of traditional culture. Among aspects of cultural development one should mark out the spontaneous and the stimulated transformation (fig. 6). Culturological approach allows to study such important phenomenon as the mode of life accurately responded to both epochal and social changes. A special attention is given to the cultural progress, complication of the concrete historical development when the regress and disintegration trends as well as reverting of societies to a lower level of development are possible. Civilization rises to the early agricultural epoch. In this respect creation of a stable system of consumption products, start of development of a great number of specialized manufactures and formation of a new mode of life with the rich world of things appeared the primordial phenomena. The early agricultural site Chatal-Huük (fig. 7) reveals this and achievements in art. Although with general regularities in this period one should notice also a considerable variety both in culture and in agricultural system. Not all the early agricultural system and bound with them economical structures have been found as perspective ones in a like manner from the further progress point of view. Broad archaeological investigations throw better light on all the real difficult roads in process of historical development.

In Mesopotamia a real chain of subsequent stages is leading from the early agricultural complexes (fig. 14) to the Sumerian civilization (fig. 19) which can be treated as a standard model for a regional cultural type. Both spontaneous transformation and creation of cultural innovations through mutation are fully represented here. In the Northern Syria the progress paces are slacken (fig. 24). At a certain stage the high developed centres influenced the increasing role of stimulated transformation. In Palestine with the available cultural raising in the epoch of archaic agriculturists (Jerikho) subsequent evolution became slacken, culture changed into provincial one (fig. 25) and used Mesopotamian and Egyptian standards. In Asia Minor the early farmers cultural success was more impressionable than that in Palestine (fig. 26). Irregular character of culture resulted in developed military function as well as the role of military leaders (fig. 28) in the III mil. B. C. Mesopotamian standards also play the leading part as it was in the Northern Syria at its formation stage.

In the early farmers epoch Iran is represented with a number of brilliant complexes not yielding those in Mesopotamia (fig. 31, 32). Then one can observe the uneven rate of growth. In southern-west regions the protoelam civilization is formed. There equally with the initial local stratum Mesopotamian cultural standards were of important enough. Creation of the protourban of the early-urban culture in the rest of the territory takes place in the III mil. B. C. (fig. 34). Desintegration of those ancient civilized centres is over in the middle of the II mil. B. C., where class relations and state system were of less significance, being precipitated in the west through the military and political interaction with the states in the West Asia.

Materials of the meridional Middle Asia indicate of the spontaneous transformation according to the Sumerian standards but a little slacker for the limited natural resources (fig. 36). At times one can state the stimulated impact of the Iranian and Mesopotamian cultural standards. Discovered regional Altyn-depe civilization (fig. 38) may characterise the early-urban organism being developed in a natural way on the basis of communitive structions. Both collapsing and desintegration of the centre of impulsive development simultaneous with the same process in Iran made it transferred to the east in Margiana and in Bactria. Irregular cultural development is also typical for Hindustan. Culture of the archaic farmers (fig. 46) close to the Middleasian Jeitun evolves rather rapidly in the high developed system, that bears the strongly pronounced features of cultural peculiarity. To all appearances the spontaneous transformation type prevails here. Harappian civilization belonged to the ancient eastern regional type has rather distinctive traits in sphere of urban amenities and in that of military function that was poorly developed. Broad stable lies both in culture and in trade with Mesopotamia as well as with far northern centres including the Altyn-Depe civilization are typical for it.

As origins of ancient Chinese agriculturists stay unclear general cultural aspect of that period keeps much originality (fig. 54). Spontaneous type of transformation prevails here. Adopted metallurgy could be there only as the technological import less influenced the local cultural aspect. One should state the In dynasty standards impacted greatly the centres beyond the nuclear zone of the civilization.

With the chronological gap available between the first civilizations of the Old World and the ancient culture of Peru and that of Mesoamerica the latter are obviously appropriated to the same epochal type. Their creation and progress confirm significance of the first civilizations period as the diachronous phenomenon with the definite stages of the mankind history. The initial stratum of the early agricultural epoch is accurately revealed in the New World. Complex economy which combined agriculture and marine resources (fig. 59) indicates of the considerable cultural achievements in the littoral regions of Peru. Mochika

(fig. 64) and Olmek (fig. 65) civilizations though being retarded in the formative stage created initial cultural standards and patterns for their regions. Socio-cultural system of the Post-Olmek Mesoamerica with the common features, determined according with the epochal and regional cultural type, had much peculiarities in each civilization. Study of ancient cultures in dialectic unity of general and separate traits is the most perspective way in analysis of the historical past.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I.
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30.
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24.
Абрамян Э. Г. Инновация и стереотипизация в процессах развития этнической культуры // Методологические проблемы исследования этнических культур : Матер. симпозиума. Ереван, 1978.
Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974.
Алёшкин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.
Алёшкин В. А., Буряков Ю. Ф. Хроника // ДЦВ. Самарканд, 1986.
Артановский С. Н. Критика буржуазных теорий культуры и проблемы идеологической борьбы. Л., 1981.
Арутюнов С. А. Механизмы усвоения нововведений в этнической культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур : Матер. симпозиума. Ереван, 1978.
Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
Археология Зарубежной Азии. М., 1986.
Археология СССР : Энеолит СССР. М., 1982.
Аскаров А. А. Саппалитепа. Ташкент, 1973.
Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974) // СА. 1975. № 4.
Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
Башилов В. А. Общие закономерности и специфика «неолитической революции» в Перу // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.
Башилов В. А. Появление культурных растений в древнейших земледельческих центрах Америки // Латинская Америка. 1980. № 5.
Бердыев О. К. Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау IА // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
Бердыев О. К. Монджуклы-депе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане // КД. 1972. Вып. 4.
Березкин Ю. Е. Начало земледелия на Перуанском побережье // СА. 1969. № 1.
Березкин Ю. Е. Социальная структура общества мочика : (древнее Перу) // Возникновение раннеклассового общества : Тез. докл. конф. М., 1973.
Березкин Ю. Е. Из истории древнего Перу : Социальная структура мочика сквозь призму мифологии // ВДИ. 1978. № 3.
Березкин Ю. Е. Ранние земледельцы побережья Перу // Ранние земледельцы. Л., 1980.
Березкин Ю. Е. Древнее Перу : Новые факты — новые методы. М., 1982.
Березкин Ю. Е. Мочика : Цивилизация индейцев северного побережья Перу в I—VII вв. Л., 1983а.
Березкин Ю. Е. Раскопки памятников древних цивилизаций на севере Перу // Природа. 1983б. № 3.
Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.
Бернштам Б. М. Выражение этнической специфики в художественной культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур : Матер. симпозиума. Ереван, 1978.
Бибби Дж. В поисках Дильмуна. М., 1984.
Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.
Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

- Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 1971.
- Вавилин Е. А., Фофанов В. П.* Исторический материализм и категория культуры. М., 1983.
- Вайман А. А.* К расшифровке протошумерской письменности // Переднеазиатский сборник. М., 1966. № 2.
- Вайман А. А.* Обозначение рабов и рабынь в протошумерской письменности // ВДИ. 19746. № 2.
- Вайман А. А.* О связи протоэламской письменности с протошумерской // ВДИ. 19746. № 2.
- Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации: Формирование основ материальной культуры и эпоса. М., 1976.
- Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству — чифдом) // НАА. 1980. № 1.
- Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.
- Виц Б. Б.* Демокрит. М., 1979.
- Вишну-Миттре, Шарма К. А.* Производство продуктов питания в неолите-халколите в Восточном Уттар-Прадеше // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984.
- Волков Г. Н.* Истоки и горизонты прогресса. М., 1976.
- Воронцов Н. Н., Коробицына К. В., Надлер И. Ф. и др.* Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец // Природа. 1972. № 3.
- Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961.
- Вулли Л.* Забытое царство. М., 1986.
- Гаджиев М. Г.* Некоторые особенности культурного прогресса по материалам археологии Северного Кавказа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. совещания. Ереван, 1982.
- Гарден Ж. К.* Теоретическая археология. М., 1983.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении // СЭ. 1959. № 1.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Грязнов М. П.* Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии: Тез. метод. семинара ЛОИА. Л., 1969.
- Гуляев В. И.* К вопросу о связях городских племен с Югом в VII—IV вв. до н. э. // Историко-археол. сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1962.
- Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
- Гуляев В. И.* Проблема становления царской власти у древнейших майя // Становление классов и государство. М., 1976.
- Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979.
- Гуляев В. И.* Земледелие древних майя // Природа. 1982. № 9.
- Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979.
- Дайсон Р.* Повторное изучение Тепе Гиссар // ДЦВ. Самарканд, 1986.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.
- Джуракулов М. Д.* Археологическая деятельность А. В. Комарова в Закаспии // Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Нов. сер. Археология Узбекистана. Самарканд, 1964. Вып. 135.
- Древние города: Матер. к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья».* Л., 1977.
- Древняя Эбла: Раскопки в Сирии.* М., 1985.
- Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959.
- Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. // Древний Восток: Города и торговля. Ереван, 1973.
- Дьяконов И. М.* От редактора // Тайны древних письмен. М., 1976.
- Дьяконов И. М.* Научные представления на Древнем Востоке // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982.
- Ермолова Н. М.* Где же одомашнили двугорбого верблюда? // Природа. 1976. № 10.
- Ермолова Н. М.* Животные в культуре и в жизни древнего населения Туркменистана // Памятники Туркменистана. 1977. № 2 (24).
- Ермолова Н. М.* Скотоводство и охота в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы (по данным палеозоологии) // Археология Средней Азии и Ближнего Востока / Второй советско-американский симпозиум: Тез. докл. Ташкент, 1983.
- Ершов С. А.* Северный холм Анау // Тр. Института истории, археологии, этнографии АН Туркм. ССР. Ашхабад. 1956. Т. 2.
- Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия/Под ред. И. М. Дьяконова.* М., 1983.
- Затарук Ю. Н.* Проблемы археологической культуры // Археология. Киев, 1964. № 17.
- Злобин Н. С.* Культура и образ жизни // Советский образ жизни сегодня и завтра. М., 1967.
- Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М., 1980.
- Ильин Г. Ф., Бонгард-Левин Г. М.* Древняя Индия. М., 1969.
- Исаков А. И.* Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. 1986, № 1. История древнего мира: Ранняя древность. М., 1982.

- История Древнего Востока. М., 1983.
- История лексики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. М., 1981.
- Каменицкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2.
- Качановский Ю. А. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.
- Кашина Т. П. Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1977.
- Ким М. П. Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967.
- Кинжалов Р. В. Культура древних майя. Л., 1971.
- Кинк Х. А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М., 1970.
- Кирчо Л. Б. Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Ташкент, 1983.
- Кирчо Л. Б. Культурная эволюция в эпоху раннегородской цивилизации: По материалам раскопок Алтын-депе // ДЦВ.
- Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая: По материалам научной командировки в КНР // СА. 1960. № 4.
- Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР/Изд. Н. Б. Янковской. М., 1968.
- Кнорозов Ю. В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник // Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955.
- Кнорозов Ю. В. Письменное индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.
- Кожин П. М. Иньские колесницы // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Кон И. С. Прогресс // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4.
- Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ // УСА. 1972. Вып. 1.
- Коробкова Г. Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность // СА. 1978. № 4.
- Коробкова Г. Ф. Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трасологические исследования // Первобытная археология: Поиски и находки. Киев, 1980.
- Коробкова Г. Ф. Марксистско-ленинское учение о труде и исследование древних орудий // Изв. АН Туркм. ССР. 1981а. № 5.
- Коробкова Г. Ф. Хоаяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. Л., 1981б.
- Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трасологический анализ и изучение экономики древних обществ // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Ташкент, 1983.
- Коробкова Г. Ф. Трасологическое изучение орудий труда древней Индии // Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад, 1984.
- Коробкова Г. Ф. Каменные и костяные орудия в бронзовом веке // Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тез. докл. Баку, 1985.
- Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трасологический анализ и изучение экономики древних обществ // ДЦВ.
- Крюков М. В. Язык иньских надписей. М., 1973.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. П. Древние китайцы: Проблемы этногенеза. М., 1978.
- Куликов В. В. Способ производства // Экономическая энциклопедия. М., 1980. Т. 4.
- Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурол. исслед. (На материалах арм. сельской культуры) / Отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. Ереван, 1983.
- Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. совещания. Ереван, 1982.
- Культурный прогресс: Философские проблемы. М., 1984.
- Курбансодатов К. К. Культура раннего и развитого неолита предгорной полосы Южной Туркмении: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1983.
- Курочкин Г. И. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. 1974. № 2.
- Куфтин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культуры Анау // Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1954. № 1.
- Кучера С. Р. Китайская археология 1965—1974 гг.: Палеолит — эпоха Инь: Находки и проблемы. М., 1977.
- Ламберг-Карловский К. Х. Контуры древнейшей истории Иранского плато // ДЦВ.
- Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи неолита на юге Туркмении. М., 1965.
- Лисицына Г. Н. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. // СА. 1970. № 3.
- Лисицына Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978.
- Лисицына Г. Н. История древнего орошаемого земледелия: Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. М., 1979.
- Литвинский Б. А. Намазга-депе: (по данным раскопок 1949—1950 гг.) // СЭ. 1952. № 4.
- Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. М., 1975.
- Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977.

- Лоллекова Q.* Хозяйство неолитических племен юга Туркмении в свете экспериментально-трассологических данных : Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1979.
- Маке Ж.* Цивилизация Африки южнее Сахары. М., 1974.
- Маккей Э.* Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Макжуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов северо-восточной Индии. М., 1980.
- Маркарян Э. С.* О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962.
- Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
- Маркарян Э. С.* Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы исследования этнических культур : Матер. симпозиума. Ереван, 1978.
- Маркарян Э. С.* Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход : Системные исследования. М., 1981а.
- Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981б. № 2.
- Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983.
- Маркарян Э. С.* Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- Марков Г. Е.* Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов // Методологические проблемы исследования этнических культур : Матер. симпозиума. Ереван, 1978.
- Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983.
- Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // СА. 1979. № 1.
- Масимов И. С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА. 1981. № 2.
- Массон В. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. // Тр. ЮТАКЭ. 1955. Т. 5.
- Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Тр. ЮТАКЭ. 1956. Т. 7.
- Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
- Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // Тр. ЮТАКЭ. 1960а. Т. 10.
- Массон В. М.* Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур // Тр. ЮТАКЭ. 1960б. Т. 10.
- Массон В. М.* Рец. на кн.: Braidwood R. J. a. L. S. Excavations in the plain of Antioch: (The earlier assemblages Phases A—F). OIP. Chicago, 1960. Vol. 61 // ВИ. 1961. № 8.
- Массон В. М.* Энеолит южных областей Средней Азии: Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении // САИ. 1962. Вып. БЗ-8.
- Массон В. М.* Историческое место среднеазиатской цивилизации // СА. 1964а. № 1.
- Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964б.
- Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества : (Этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка) // VII международный конгресс доисториков и протоисториков : Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966.
- Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. 1967. № 4.
- Массон В. М.* Глиняные таблички из Тартарии // Природа. 1969. № 9.
- Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Массон В. М.* Древние земледельцы Месопотамии // ВДИ. 1971а. № 3.
- Массон В. М.* Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры // ИМКУз. 1971б. Вып. 11.
- Массон В. М.* Поселение Джейтун : Проблема становления производящей экономики // МИА. 1971в. № 180.
- Массон В. М.* Понятие культуры в археологической систематике // Каменный век Средней Азии и Казахстана : Тез. совещания. Ташкент, 1972.
- Массон В. М.* Рец. на кн.: Renfrew C. Emergence of civilization. London, 1972 // ВИ. 1974. № 7.
- Массон В. М.* Культура в понятийном аппарате археологии // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976а.
- Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976б.
- Массон В. М.* О характере древнейших обществ на Востоке // Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук. 1979а. № 5.
- Массон В. М.* Раннеземледельческое общество и формирование поселений городского типа // Ранние земледельцы. Л., 1979б.
- Массон В. М.* Изучение идеологии древних обществ // Идеологические представления древних обществ. М., 1980.
- Массон В. М.* Алтын-депе : Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. Л., 1981а.
- Массон В. М.* О культурных стандартах в древнейших земледельческо-скотоводческих обществах // Древний Восток и мировая культура. М., 1981б.

- Массон В. М.* Традиции и инновации в процессе культурогенеза // Преемственность и инновации в развитии древних культур : Матер. методологического семинара ЛОИА, Л., 1981в.
- Массон В. А.* Археологические исследования Аллахабадского университета // ВДИ. 1982а. № 1.
- Массон В. М.* Древнейший Ближний Восток : История земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света. М., 1982б.
- Массон В. М.* Культурный прогресс в эпоху палеометалла // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа : Тез. совещания. Ереван, 1982в.
- Массон В. М.* Рец. на кн.: Езеро. Раннебронзовое селище. София, 1979 // ВИ. 1982г. № 1.
- Массон В. М.* Рец. на кн.: Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff I. A. Ancient civilizations: Mesoamerika. London, 1979 // ВИ. 1982д. № 11.
- Массон В. М.* Становление цивилизации как социально-экономический и культурный процесс // МАИКЦА. Информ. бюлл. М., 1982е. Вып. 2.
- Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Археология СССР : Энеолит СССР. М., 1982ж.
- Массон В. М.* Ленинское учение о неравномерности развития и мировой исторической процесс // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983а.
- Массон В. М.* Новое об энеолите Алтын-депе // Природа. 1983б. № 5.
- Массон В. М.* Формирование цивилизации в древней Средней Азии и Индостане // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984.
- Массон В. М.* Перспективы культурологических разработок в археологии // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Всесоюзн. археол. конф.: Тез. докл. Баку, 1985.
- Массон В. М.* Взаимодействие традиций в городской культуре Бактрии и Согда // Городская среда и культура Бактрии, Тохаристана и Согда : Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1986а.
- Массон В. М.* Древние культуры Средней Азии : Динамика развития, освоение экологических ниш, культурные связи // МАИКЦА. Информ. бюлл. М., 1986б. Вып. 11.
- Массон В. М.* Значение марксистско-ленинской философии для исторических наук // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1986в.
- Массон В. М.* Вивчения культурного процессу за археологичними матеріалами // Археологія. Київ, 1987. № 57.
- Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.
- Медведская И. Н.* Иран последней четверти II тыс. до н. э. по археологическим материалам : К ранней истории иранских племен : Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1978.
- Медоу Р. Г.* Доисторические и протоисторические средства существования в Белуджистане и Восточном Иране // МАИКЦА. Информ. бюлл. М., 1982. Вып. 2.
- Межуев В. М.* Культура и история. М., 1977.
- Методологические проблемы исследования этнических культур : Матер. симпозиума. Ереван, 1978.
- Морган Л.* Древнее общество. Л., 1935.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения в северной Месопотамии : Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981.
- Мчедлов М. Л.* К вопросу о становлении коммунистической цивилизации // Коммунист. 1976. № 4.
- Мчедлов М. Л.* О методологическом значении понятия «цивилизация» // ВФ. 1978. № 8.
- Мчедлов М. Л.* Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980.
- Мыльников А. С.* Сравнительное изучение цивилизаций : Некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового культурно-исторического процесса // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979.
- Никифоров В. И.* Восток и всемирная история. М., 1975.
- Ольдерогге Д. А.* Послесловие // Ж. Маке. Цивилизация Африки Южнее Сахары. М., 1974. Очерки по историческому материализму. М., 1981.
- Павловская А. И.* По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журналов «La pensee» и «Eirene» // ВДИ. 1965. № 3.
- Першиц А. И.* Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
- Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1; № 2.
- Рыбаков Б. А.* О двух культурах древнего феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Сайко Э. В.* К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971.
- Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
- Сарияниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. 1965. Вып. БЗ-8, ч. 4.
- Сарияниди В. И.* Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен // УСА. 1972. Вып. 1.
- Сарияниди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1.
- Сарияниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Семенов С. А.* Керамический серп из древнего поселения Эреду в Ираке // СА. 1965. № 3.
- Семенов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. Л., 1983.

- Семенов Ю. Н.* Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации. М., 1978.
- Семенов Ю. Н.* Теория общественно-экономической формации. М., 1982.
- Серкина А. А.* Символы рабства в древнем Китае. М., 1982.
- Старостин Б. А.* Параметры развития науки. М., 1980.
- Степугина Т. В.* Первые государства в Китае // История древнего мира : Ранняя древность. М., 1982.
- Сузанов Н. В.* Обычаи, традиции, преемственность. М., 1979.
- Терезова Н. Н.* История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- Типы в культуре. Л., 1979.
- Тоси М.* Сеистан в бронзовом веке // СА. 1971. № 3.
- Традиции в истории культуры. М., 1978.
- Трофимова Т. А.* Расовые типы населения в эпоху энеолита и бронзы // КСИЭ. 1961. Вып. 36.
- Трофимова Т. А.* Население Южной Туркмении и его переднеазиатские и южноиндийские связи в первобытную эпоху по данным палеоантропологии // Тр. МКАЭН : Тез. докл. М., 1968.
- Трофимова Т. А., Гинзбург В. В.* Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита // Тр. ЮТАКЭ. 1960. Т. 10.
- Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956.
- Удеумурадов Б.* Раннегородское поселение Шохри-Сохте в Юго-Восточном Иране и его связи с культурами Южного Туркменистана // Археология Зарубежной Азии. Л., 1985.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. 1970. № 3.
- Халипов В. К.* К вопросу о понятии цивилизации в буржуазной и марксистской социально-политической мысли // Пробл. научного коммунизма. М., 1972. Вып. 6.
- Хлопин И. Н.* Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // САИ. 1963. Вып. БЗ-8, ч. 1.
- Хлопин И. Н.* Геокюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л., 1964.
- Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. 1969. БЗ-8, ч. 3.
- Хлопин И. Н.* Теменос на Кара-тепе (Южная Туркмения) // СА. 1971. № 3.
- Хлопин И. Н., Хлопина Л. И.* Могильник эпохи ранней бронзы Пархай III в Туркмении // СА. 1980. № 1.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.
- Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Черных Е. Н.* Некоторые результаты изучения металла анауской культуры // КСИА. 1962. Вып. 91.
- Черных Е. Н.* Металл—человек—время. М., 1972.
- Черных Е. Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа. 1976. № 2.
- Чеснов Я. В.* Доместикация риса и происхождение народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1973.
- Щетенко А. Я.* Первобытный Индостан. Л., 1979.
- Энеолит СССР / Под ред. В. М. Массона, Н. Я. Мерперта. М., 1982.
- Эсакия К. М.* Производства древних земледельческо-скотоводческих обществ Восточной Грузии : (По данным экспериментально-трасологических исследования орудий труда) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Янушевич Э. В.* О находке ячменя на поселении Алтын-депе // КД. 1977. Вып. 5.
- Abu al-Soof B.* Tell-es-Sawwan : Excavations of the fourth season // Sumer. 1968. Vol. 24.
- Ackerman Ph.* Ritual bronzes of ancient China. New York, 1945.
- Adams R. Mc.* The evolution of urban society. Chicago, 1966.
- Adams R. Mc., Nissen H. J.* The Uruk countryside : The natural setting of urban societies. Chicago; London, 1972.
- Agrawal D. P.* The copper Bronze Age in India. Delhi, 1971.
- Agrawal D. P.* Metal technology of the Harappans // FIC. 1984.
- Albright W. F.* The archaeology of Palestine. London, 1960.
- Allchin B. a. R.* The rise of civilisation in India and Pakistan. Cambridge, 1982.
- Amiet P.* La glyptique mésopotamienne. Paris, 1961.
- Amiet P.* Antiquités du Désert du Lut : 2 // RA. 1976. № 70.
- Amiet P.* La période IV de Tépé Sialk reconsidérée : De l'Indus aux Balkans // Recueil à la mémoire de Jean Deshayes. Paris, 1985.
- Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 a. J. C. Paris, 1986.
- Amiet P.* Nouvelles acquisitions des départements des Antiquités orientales // La revue du Louvre et des Musées de France. 1987. N 1.
- Anati E.* Palestine before the Hebrew. London, 1963.
- Andersson J. G.* Preliminary report on archaeological research in Konsu. Peking, 1925.
- Arik R. O.* Les fouilles d'Alaca Höyük. Ankara, 1937.
- Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe : Iran. Sino-Swedish expedition : Publ. 27 // Archaeology. Stockholm, 1945. N 5.

- Ashore W.* (ed.). Maya lowland settlement patterns. Albuquerque, 1980.
- Asthana S.* Harappan trade in metals and minerals // HC. 1982.
- Asthana S.* The place of Shahdad in Indus Iranian trade // FIC. 1984.
- Bankes G. H. A.* Moche pottery from Peru. London, 1980.
- Bar Adon P.* The treasure from the cave in Nahal Mishmar // IEJ. 1982. N 12.
- Barnard N.* Bronze casting and bronze alloys in ancient China. Tokyo, 1961.
- Belgen C. W.* Troy and trojans. London, 1963.
- Belgen C. W., Caskey J. L., Rawson M.* Troy I: The first and second settlements. Princeton, 1950.
- Belgen C. W., Caskey J. L., Rawson M.* Troy II: The third, fourth and fifth settlements. Princeton, 1951.
- Benson E. P.* Mochica: a culture of Peru. New York; Washington, 1972.
- Benson E. P.* (ed.). The Olmec and their neighbors. Dumbarton Oaks, 1981.
- Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.
- Berthoud Th., Frangaix J.* Contribution à l'étude de la métallurgie de Suse aux IV et III millénaires. Paris, 1980.
- Bibby T. G.* The «Ancient Indian Style» seals from Bahrain / Antiquity. 1958. Vol. 32.
- Bird J. B.* Pre-ceramic cultures in Chicama and Viru: Reappraisal to Peruvian archaeology // Mem. of the Soc. for American Archaeology. Wisc., 1948. N 4.
- Bischoff H., Camboa J. V.* Pre-Valdivia occupations on the south-west coast of Ecuador // AA. 1972. Vol. 34, N 4.
- Bisht R. S., Asthana S.* Banawali and some other recently excavated Harappan sites in India // SAA. 1977. Naples, 1979.
- Blanton R. E.* Monte Alban: Settlement patterns at the ancient Zapotec capital. New York, 1978.
- Blanton R. E. a. o.* Regional evolution in the valley of Oaxaca // Journ. of Field Archaeology. 1979. Vol. 6, N 4.
- Braidwood R. J.* The early village in south-western Asia // JNES. 1973. Vol. 32, N 1—2.
- Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraq Kurdistan // SAOC. 1960. N 31.
- Braidwood R. J., Howe B., Reed Ch. A.* Iranian prehistoric project. Science. 1961. Vol. 133, N 3469.
- Braidwood R. J. a. L. S.* Excavations in the plain of Antioch // OIP. 1960. Vol. 61.
- Braidwood R. J. a. o.* Beginnings of village-farming communities in south-eastern Turkey // Proc. Nat. Acad. Sci. USA. 1974. Vol. 71, N 2.
- Braidwood R. J., Reed Ch.* The achievement and early consequences of food-production // Gold Spring Harbor Simposia on Quantitative Biol. New York, 1957.
- Breton L. le.* Note sur la céramique peinte aux environs de Suse et à Suse // MDP. 1947. T. 30.
- Breton L. le.* The early periods at Susa: Mesopotamian relations // Iraq. 1957. Vol. 19, pt 2.
- Bovington C. H., Dyson R. H., Mahadavi A., Masoun R.* The radiocarbon evidence for the terminal date of the Hissar IIIC culture // Iran. 1974. Vol. 12.
- Brunswig R. H.* Radiocarbon dates and Indus civilisation // EW. 1975. Vol. 25.
- Buchanan B.* A dated seal impression connecting Babylonia and ancient India // Archaeology. 1967. Vol. 20, N 2.
- Buckle H.* A history of civilization in England. London, 1857. Vol. 1; 1861. Vol. 2.
- Bulgarelli G. M.* Lithic industry of Tepe Hissar in the light of recent excavations // SAA. 1977. Naples, 1979. Vol. 1.
- Burney Ch.* From village to empire: An introduction to Near Eastern archaeology. Oxford, 1977.
- Burney C. A., Lang L. M.* The peoples of the Hills. London, 1971.
- Caldwell J. R.* Investigations at Tali-Iblis. Springfield (Ill.), 1967.
- Calvet Y.* Le début de la période d'Obeid en Mésopotamie du Sud // De l'Indus aux Balkans. Paris, 1985.
- Cambel H., Braidwood R. J.* An early farming village in Turkey // Proc. Nat. Acad. Sci. USA. 1971. Vol. 68, N 6.
- Canal D.* La terrasse haute de l'Arcopol de Suse // Cahier de la Délégation archéologique Française en Iran. 1978. N 9.
- Casal J. M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1964. Vol. 1, 2.
- Cauvin G.* Nouvelles fouilles à Tell Mureybet (Siria). 1971—1972 // Ann. Archéologiques Arabes de Siria. 1972. Vol. 22.
- Chang Kwang-Chin.* The archaeology of ancient China. New Haven; London, 1961.
- Chang Kwang-Chin.* The archaeology of ancient China. New Haven; London, 1968.
- Chang Kwang-Chin.* The beginnings of agriculture in the Far East // Antiquity. 1970. Vol. 44.
- Chang Kwang-Chin.* Archaeology of ancient China. Yale, 1971.
- Chang Kwang-Chin.* Early Chinese civilization: Anthropological perspectives. Cambridge (Mass.), 1976.
- Chang Kwang-Chin.* The origin of Chinese civilization: A review // JAOS. 1978. Vol. 98.
- Chang Kwang-Chin.* Shang civilization. New York; London, 1980.
- Chang Te-K'un.* Archaeology in China. Vol. 1: Prehistoric China. Cambridge (Mass.), 1959.
- Chang Te-K'un.* Archaeology in China. Vol. 2: Shang China. Cambridge (Mass.), 1960.
- Childe G.* The urban revolution // Town Planning Rev. 1950. Vol. 21.
- Chitalmala V. M.* The problem of class structure in the Indus civilization // FIC. 1984.
- City invisible: A Symposium on urbanisation and cultural development in the ancient Near East.* Chicago, 1960.

- Clarke D. L. *Analytical archaeology*. London, 1968.
- Cleuziou S., Costantini L. *Premiers éléments sur l'agriculture protohistorique de l'Arabie Orientale // Paléorient*. 1980. N 6.
- Coe M. D. *La Victoria, an early site on the Pacific coast of Guatemala*. Harvard, 1961.
- Coe M. D. *San Lorenzo and the Olmec civilization // Dumbarton Oaks Conference on the Olmec*. Dumbarton Oaks, 1968a.
- Coe M. D. *America's first civilization : Discovering the Olmec*. New York, 1968b.
- Coe M. D. *The archaeological sequence at San Lorenzo, Tenochtitlan, Veracruz, Mexico // Contributions of the University of California. Archaeol. Res. Facility*. 1970. N 8.
- Coe M. D. *Olmec jaguars and Olmec kings : The cult of feline*. Washington, 1972.
- Coe M. D. *Olmec and Maya : a study in relationships // The origin of Maya civilization*. New Mexico, 1977.
- Coe M. D., Flannery V. V. *Microenvironment and Mesoamerican prehistory // Science*. 1964. Vol. 143, N 3607.
- Contenau C., Ghirshman R. *Fouilles du Tépé-Giyan, près de Néhavend*. Paris, 1935.
- Cowgill U. *An agricultural study of Southern Maya // American Anthropologist*. 1962. Vol. 64, N 2.
- Creamer W. *Costa Rican trade in Context // Inter-regionalities in Costa Rican Prehistory*. Oxford, 1984.
- Dabbagh T. *Halaf Pottery // Sumer*. 1966. Vol. 22.
- Dales G. F. *Archaeological and radiocarbon chronologies for protohistoric South Asia // SAA. Park Ridge*, 1973.
- Dales G. F. *The Balacot-project : Summary of four years excavations in Pakistan // SAA*. 1977. Naples, 1979. Vol. 1.
- Dani A. N. *Excavations in Gomal valley // Ancient Pakistan*. 1970—1971. Vol. 5.
- Daniel G. *The first civilizations*. London, 1968.
- Deshayes J. *Rapport préliminaire sur les deux premières campagnes de fouilles à Tureng Tépé // Syria*. 1963. Vol. 12.
- Deshayes J. *Les civilisations de l'Orient ancien*. Paris, 1969.
- Deshayes J. *La XI campagne de fouilles à Tureng Tépé // Paléorient*. 1974. Vol. 2.
- Deshayes J. *Les fouilles récentes de Tureng Tépé : la terrasse haute de la fin III millénaire // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Nov. déc. 1975.
- Dhavalikar M. K. *Daimabad bronzes // HC*. 1982.
- Dollfus G. *Djaffarabad, Djowi, Bendebal : Contribution à l'étude de la Susiene au V millénaire et au début du III millénaire // Paléorient*. 1978. Vol. 4.
- Donnan C. B. *A precolumbian smelter from Northern Peru // Archaeology*. 1973. Vol. 26, N 4.
- Donnan S. B. *Moche art and iconography // Latin American Studies*. Los Angeles; London, 1976. Vol. 33.
- Donnan S. B. *Moche art of Peru*. Los Angeles, 1978.
- Drower M. S., Bottero J. *Syria before 2200 B. C.* Cambridge, 1968.
- Drucker Ph., Heizer R., Squier R. *Excavations at La Venta, Tabasco // Bureau of American Ethnology*. Washington, 1959. N 170.
- Drucker P., Heizer R. F. *A study of the milpe system La Venta island and its archaeological implications // South-Western Journ. of Anthropology*. 1960. Vol. 16. N 1.
- Dunand M. *Fouilles de Byblos. 1926—1932*. Paris, 1939. Vol. 1.
- During-Caspers E. C. L. *Sumerian trading communities in Harappan society // FIC*. 1984.
- Durrani F. A. *Some early Harappan sites in Gomal and Bannu valleys // FIC*. 1982.
- Dyson R. H. *Problems in the relative chronology of Iran 6000—2000 B. C. // COWA*. 1965a.
- Dyson R. H. *Protohistoric Iran as seen from Hassanlu // JNES*. 1965b. Vol. 24.
- Dyson R. H. *A decade in Iran expedition*. 1969. Vol. 2, N 2.
- Dyson R. H. *Paradigma changes in the Study of the Indus civilization // HC*. 1982.
- Emmerich A. *Sweat of the Sun and tears of the moon : Gold and silver in pre-Columbian art*. Seattle, 1965.
- Engel F. A. *La complexe précéramique d'El Paraiso (Pérou) // Journ. de la Soc. des Americanistes*. 1966. Vol. 55.
- Fairservis W. A. *The Harappan civilization : New evidence and more theory // American Museum Novitates*. 1961. № 2055.
- Fairservis W. A. *The roofs of ancient India*. London, 1971.
- Flannery K. V. *The Olmec and the Valley of Oaxaca : A model for interregional interaction in formative times // Dumbarton Oaks Conference on the Olmec*. Dumbarton Oaks, 1968.
- Flannery K. V. *The cultural evolution of civilization // Ann. Rev. of Ecol. Systematics*. 1972. № 3.
- Flannery K. V. *The origin of the agriculture // Ann. Rev. of Anthropology*. 1973. Vol. 2.
- Flannery K. V. (ed.). *The early Mesoamerican village*. New York, 1976.
- Francfort H. *Tell Asmar, Khafaje and Khorsabad // OIP*. 1933. N 16.
- Francfort H. *Cylinder seals : A documentary essay on the art religion of the ancient East*. London, 1939.
- Francfort H. P. *The Harappan settlement of Shortugai // FIC*. 1984.
- Friedd D. A. *Marine adaptation and the rise of Maya civilization : The view Cerros, Belize // Prehistoric coastal adaptations*. New York, 1978.

- Frifell V.* Oman during the third millennium B. C. : Urban development of fishing farming communities // SAA. 1977. Naples, 1979. Vol. 1.
- Gadd C. J.* Seals of ancient Indian style found at Ur // Proc. of Brit. Acad. 1932. Vol. 18.
- Galley A.* L'archéologie demain. Paris, 1986.
- Garstang J.* Prehistoric Mersin. Oxford, 1953.
- Gay C. T.* Xochipala : The beginnings of Olmec art. Princeton, 1972.
- Ghirshman R.* Fouilles de Sialk. Paris, 1938—1939. Vol. 1—2.
- Ghirshman R.* L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951.
- Goff C.* Luristan before the Iron Age // Iran. 1971. Vol. 9.
- Groman Ch.* The Hoabinhian and after world // Archaeology. 1971. Vol. 2, N 3.
- Grove D. C.* Olmec altars and myths // Archaeology. 1973. Vol. 26, N 2.
- Guizot F.* L'histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain. Paris, 1828.
- Guizot F.* L'histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire romain. Paris, 1830.
- Gupta S. F.* Internal trade of the Harappans // FIC. 1984.
- Hakemi A.* Découvertes d'une civilisation préhistorique à Xabis «Shahdad», Kerman : Epoque chalcolithique // Catalogue de l'Exposition: Lut Shahdad Xabis. Téhéran, 1972.
- Halim M. A.* Excavations at Sarai Khola // Pakistan Archaeology. 1972. N 7; 8.
- Hammond N. a. o.* The earliest lowland Maya? Definition of the Surasey phase // AA. 1979. Vol. 44.
- Hansman J.* A periplus of Magan and Malukha // BSOAS. 1973. Vol. 36.
- Harris D. R.* Swidden system and settlement // MSU. 1972.
- Hastings C. M., Moseley M. E.* The adobes of Huaca del Sol and Huaca de la Luna // AA. 1975. Vol. 10.
- Heinrich E.* Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruk. Berlin; Leipzig, 1936.
- Heizer R. F.* New observations on La Venta // Dumbarton Oaks Conference on the Olmec. Dumbarton Oaks, 1968.
- Helbeack H.* Ecological effect of irrigation in ancient Mesopotamia // Iraq. 1960. Vol. 22.
- Herrmann G.* Lapis lazuli: The early phases of its trade // Iraq. 1968. Vol. 30.
- Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and human ecology of Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969.
- Hopf M.* Plant remains and early farming at Jericho // Ucko P., Dimbleby G. W. Domestication and exploitation of plants and animals. London, 1969.
- Jairazbhoy R. A.* Ancient Egyptians and Chinese in America. London, 1974.
- Jara V. de la.* La découverte de l'écriture péruvienne // Archéologia. 1973. N 68.
- Jarrige J. F.* Excavations at Mehrgarh, their significance for understanding of the Harappa culture // HC. 1982.
- Jarrige J. F.* Chronology of the earlier periods of the Greater Indus as seen from Mehrgarh Pakistan // SAA. 1981. Cambridge, 1984.
- Jarrige J. F.* Les relations entre l'Asie centrale méridionale, le Baluchistan et la vallée de l'Indus à la fin du 3 et du début de 2 millénaire // L'archéologie de la Bactrian ancienne. Paris, 1985.
- Jarrige J. F., Lechevallier M.* Excavations at Mehrgarh, Baluchistan and their significance in the prehistoric context of the Indo-Pakistani Borderlands // SAA. 1977. Naples. Vol. 1.
- Jasim S. A.* Excavations at Tell Abada // Iraq. 1983. Vol. 45, pt 2.
- Jennings I. D.* (ed.). Ancient South Americans. San Francisco, 1983.
- Johnson G. A.* Local exchange and early state development in South-Western Iran. Ann Arbor, 1973.
- Jordan J., Heinrich E. u. a.* Vorläufer Bericht über die von der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk—Warka unternommenen Ausgrabungen. Berlin, 1930—1963. Bd 1—19.
- Joshi J. P.* Excavations at Surkotada // RIA. 1973.
- Joshi F. A., Madhu Bala, Jassu Ram.* The Indus civilization: A reconsideration on the basis of distribution map // FIC. 1984.
- Kantor H. J.* The early relations of Egypt with Asia // JNES. 1942. Vol. 1.
- Kasarwan A.* Harappan Gateways : A functional reassessment // FIC. 1984.
- Keatinge R. W.* (ed.) Peruvian prehistory : An overview of pre-Inca and Inca society. Cambridge, 1988.
- Kenoyer J. M.* Chipped stone tools from Mohenjo-daro // FIC. 1984.
- Kenyon K. M.* Earliest Jericho // Antiquity. 1959. N 129.
- Kenyon K. M.* Archaeology in the Holy Land. London, 1960a.
- Kenyon K. M.* Excavations at Jericho, 1957—1958 // PEQ. 1960b.
- Kenyon K. M.* Palestine in the middle Bronze Age. Cambridge, 1966.
- Khan F. A.* Preliminary report on the Kot Diji Excavations. Karachi, 1959.
- Khan F. A.* Excavations at Kot Diji // Pakistan Archaeology. 1965. N 2.
- Khan F.* Preliminary report on the microlithic blade industry from Rehman Dheri // SAA. 1977. Naples, 1979.
- Khol Ph.* World economy of West Asia in the 3rd millennium B. C. // SAA. 1977. Naples, 1979. Vol. 1.
- Kirkbride D.* Beidha : Early neolithic village life south of dead Lak // Antiquity. 1968. Vol. 42.
- Kirkbride D.* Umm Debaghiach, 1971 // Iraq. 1972. Vol. 34, pt 1.
- Kirkbride D.* Umm Debaghiach, 1972 // Iraq. 1973. Vol. 34, pt 1.
- Kirkbride D.* Umm Debaghiach : A trading outpost // Iraq. 1974. Vol. 35.

- Kirkbride D.* Umm Debaghiach, 1974 // Iraq. 1975. Vol. 35.
- Koşay H. Z.* Les fouilles d'Alaca Höyük, 1937—1939. Ankara, 1951.
- Koşay H. Z.* Ausgrabungen von Alaca Höyük. Ankara, 1966.
- Kramer S. M.* Indus civilization and Dilmun // Expedition. 1964. Vol. 6, N 3.
- Lamb W.* Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936.
- Lal B. B.* Direction of writing in the Harappan script // Intern. Conference of Asian Archaeology. New Delhi, 1961.
- Lal B. B.* A picture emerges: An assesment of the carbon-14 datings of the protohistoric cultures of the Indo-Pakistan subcontinent // Indian Archaeology. 1963. N 18—19.
- Lal B. B.* Kalibangan and the Indus civilization // Essays in Indian Protohistory. 1979.
- Lal B. B.* Some reflections on the structure remains at Kalibangan // FIC. 1984.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya // Iran. 1967—1969. Cambridge (Mass.), 1970.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* Trade mechanisms in Indus-Mesopotamian interrelations // Journ. of Orient. Soc. 1972. N 2.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* Sumer, Elam and the Indus: Three urban processes equal one structure? // HC. 1982.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Jahya, Iran. 1967—1975: The Early Periods // Amer. School of Prehistoric Res. Bull. N 38. Cambridge (Mass.), 1986.
- Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A.* Ancient civilizations: The Near East and Mesoamerica. London, 1979.
- Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracts on the earliest history on the Iranian Plateau // EW. 1973. Vol. 23.
- Lambreres L. G.* The peoples and cultures of ancient Peru. Washington, 1974.
- Lambrick H. T.* The Indus flood plain and the «Indis» civilization // Geogr. Journ. 1967. Vol. 133, N 4.
- Langsdorff A., Mac Cown D. E.* Talli-i-Bakun: A season of 1932 // OIP. 1942. Vol. 59.
- Lanning E. P.* Peru before the Incas. New York, 1967.
- Larco-Hoyle R.* Los Mochicas. Lima, 1938—1939. T. 1—2.
- Lathrap D. W.* The most tropics, the arid lands and the appearance of great art styles in the New World // Art and environment in Native North America. Lubbock (Tex.), 1974.
- Lathrap D. W., Collier D., Chandra H.* Ancient Ecuador: Culture, clay and creativity 3000—300 B. C. Chicago, 1975.
- Lechevallier M., Quivron G.* Neolithic in Baruchistan: New evidences from Mehrgarh // SAA. 1979. Berlin, 1981.
- Lenzen H.* Mesopotamische Tempelanlagen von der Frühzeit bis zum zweiten Jahrtausend // ZA. 1955. Bd 17.
- Li Chi.* Anyang: A chronicle of discovery, excavation and reconstruction of ancient capital of Shang dynasty. Seattle, 1977.
- Lloyd S.* Early highland peoples of Anatolia. London, 1967.
- Lloyd S., Mellaart J.* Beycesultan I: The chalcolithic and early Bronze Age levels. London, 1962.
- Lloyd S., Safar F.* Tell Uqair // JNES. 1943. Vol. 2, pt 2.
- Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna // JNES. 1945. Vol. 3, N 4.
- Lloyd S., Safar F.* Eridu // Sumer. 1948. Vol. 4, N 2.
- Lothrop S. K.* Gold artefacts of Chavin Style // AA. 1951.
- Mac Cown D. E.* The comparative stratigraphy of early Iran // SAOC. Chicago, 1942. N 23; 2 ed. 1957.
- Mackay E. J. H.* Further link between ancient India and Elam // Antiquity. 1931a. Vol. 6.
- Mackay E. J. H.* Report on excavations at Jem-det-Nasr // Iraq. Chicago, 1931b.
- Mackay E. J. H.* Further excavations at Mohendjo-Daro. New Delhi, 1938. Vol. 1—2.
- Mac Neish R. W.* Preliminary archaeological investigations in Sierra de Tamaulipas // Transl. of Amer. Philosoph. Soc. 1958. Vol. 48, pt 6.
- Mac Neish R. W.* Ancient Mesoamerican civilization // Science. 1964. Vol. 134, N 3604.
- Mac Neish R. W. a. o.* Central Peruvian Prehistoric interaction sphere. Andover (Mass.), 1975a.
- Mac Neish R. W. a. o.* Prehistory of Technacan valley. Vol. 5: Excavations and reconnaissance. Austin, 1975b.
- Mac Neish R. W. a. o.* Belize Archaic archaeological reconnaissance. Andover (Mass.), 1981.
- Mainkar V. B.* Metrology in the Indus civilization // FIC. 1984.
- Majidzadeh Y.* Lapis lazuli and the Great Khorasan Road // Paléorient. 1982. Vol. 8, N 1.
- Malik S. C.* Harappan social and political life // FIC. 1984.
- Mallon A., Koepfel R., Neuville R.* Teleilat Ghassul I. Rome, 1934.
- Mallowan M. E.* Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. 1947. Vol. 9.
- Mallowan M. E.* The mechanism of ancient trade // Iran. 1965. Vol. 8.
- Mallowan M. E., Rose J. C.* Prehistoric Assyria: The excavations at Tell Arpachiyah. London, 1935.
- Marcus J.* The iconography of militarism at Monte Alban and neighboring sites in the valley of Oaxaco: The origins of religions art and iconography in preclassic Mesoamerica. Los Angeles, 1974.

- Marcus J.* The origins of Mesoamerican writing // *Ann. Rev. of Anthropology.* 1976. Vol. 5.
- Marshall J.* Mohenjo-Daro and the Indus civilization. London, 1931. Vol. 1—3.
- Masson J. A.* The ancient civilization of Peru. London, 1957.
- Masson V. M.* The first farmers in Turkmenia // *Antiquity.* 1961. N 139.
- Masson V. M.* Seals of Proto-Indian type from Altyn-depe // *The Bronze Age civilization of Central Asia.* New York, 1981a.
- Masson V. M.* Urban centers of Early class society // *Ibid.* 1981b.
- Masson V. M.* A new type of culture formation leading to food production economy and social progress // *Journ. of Central Asia.* 1983. Vol. 6, N 1.
- Masson V. M.* La dialectique des traditions et des innovations dans le développement culturel de la Bactriane // *L'archéologie de la Bactriane ancienne.* Paris, 1985.
- Masson V. M., Sarianidi V. I.* Central Asia: Turkmenia before Achaemenides. London, 1972.
- Mastin B. A.* Chalcolithic Ossuaries and «houses for the dead» // *PEQ.* 1965.
- Meadow R. H.* A camel skeleton from Mohenjo-Daro // *FIC.* 1984.
- Meggers B. J., Evans C., Estada E.* Early formative period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Marchalilla phases, Smithsonian contributions to anthropology. Washington, 1965. Vol. 1.
- Mehta R. N.* Some rural Harappan settlements in Gujarat // *HC.* 1982.
- Mellaart J.* The end of the early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *AJA.* 1958. N 62.
- Mellaart J.* Anatolia before c. 4000 and c. 2300—1750 B. C. Cambridge, 1964.
- Mellaart J.* Anatolia s. 4000—2300 B. C. Cambridge, 1965.
- Mellaart J.* The chalcolithic and early Bronze Age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966.
- Mellaart J.* Catal Hüyük: Neolithic town in Anatolia. London, 1967.
- Mellaart J.* Excavations at Hacilar. Edinburgh, 1970. Vol. 1—2.
- Mellaart J.* The neolithic of the Near East. London, 1975.
- Moorey P. R. S.* The plano-convex building at Kish and early Mesopotamian palaces // *Iraq.* 1964. Vol. 26.
- Morgan J. de.* Description des objets d'art // *MDP.* 1900. T. 1.
- Morgan J. de.* La délégation en Perse du ministère de l'instruction publique. 1897 à 1902. Paris, 1902.
- Morgan L.* Ancient society. London, 1877.
- Mortensen P.* Excavations at Tepe Guran, Luristan // *Acta Archaeologica.* 1964. Vol. 34.
- Mortensen P.* On Barbartemplets datering. Kuml, 1970.
- Mortensen P.* Seasonal camps and early villages in Zagros // *MSU.* 1972.
- Moseley M. E.* Maritime foundations of Andean civilization. Menlo Park (Calif.), 1975.
- Moseley M. E.* Prehistoric principles of labor organization in the Moche valley, Peru // *AA.* 1975. Vol. 40, pt 1, N 2.
- Moseley M. E., Willey G. R.* Aspero, Peru: A reexamination of the site and its implications // *AA.* 1973. Vol. 38.
- Mughal M. R.* New evidence of the early Harappan culture from Jalipur // *Archaeology.* 1974. N 2.
- Negahban E. O.* A preliminary report of Marlik excavation. Teheran, 1964.
- Niederberger V.* Early sedentary economy in the Basin of Mexico // *Science.* 1979. Vol. 203, N 4376.
- Oates J.* Choga Mami, 1967—1968: A preliminary report // *Iraq.* 1963. Vol. 31, pt 2.
- Oates J.* Prehistory in North-Eastern Arabia // *Antiquity.* 1976. Vol. 50. N 179.
- Oates D. a. J.* The rise of civilisation. Oxford, 1976.
- Oppenheim A. L.* Seafaring merchants of Ur // *JAOS.* 1954. Vol. 74.
- Oppenheim M. F.* Tell Halaf. Berlin, 1943. Bd 1.
- Osten H. H.* Alishar Hüyük // *OIP.* 1940. Vol. 28.
- Ozgüg T.* Kültepe-Kanis. Ankara, 1959.
- Pande B. M.* Inscribed copper tablets from Mohenjo-Daro // *RIA.* 1973.
- Parpola S., Parpola A., Brunswig R. H.* The Meluhha village: Evidence of acculturation of Harappan trades in late third millennium Mesopotamia // *Journ. of Economy and History of Orient.* 1977. Vol. 20, pt 2, N 126—165.
- Patterson C. C.* Native copper, silver and gold accessible to early metallurgists // *AA.* 1971. Vol. 36, N 3.
- Perkins A. L.* The comparative archaeology of early Mesopotamia // *SAOC.* 1949. N 25; 2 ed. 1957.
- Piggott S.* Prehistoric India. Baltimore, 1950.
- Piperno M.* Socio-economic implications from the gravey and at Shahr-i Sokhta // *SAA.* 1977. Naples, 1979. Vol. 1.
- Porada E.* The art of ancient Iran. New York, 1965a.
- Porada E.* The relative chronology of Mesopotamia // *COWA.* Chicago, 1965b.
- Posschl G. L.* Indus civilization in Saurashtra. Delhi, 1980.
- Potts D.* Towards an integrate history of culture change in the Arabian Gulf area: Notes on Dilmun, Bahrain and the economy of ancient Sumer // *Journ. of Oman Studies.* 1978. Vol. 4.
- Pulleyblank E. G.* Chinese and Indo-Europeans // *JRAS.* 1966. pt 1—2.
- Pumpelly R.* Excavations in Turkestan: Prehistory civilizations of Anan. Washington, 1908. Vol. 1—2.
- Ramachandran K. S.* Dating of the Indus civilization // *FIC.* 1984.

- Rao S. R.* A Persian gulf seal from Lothal // *Antiquity*. 1963. Vol. 33, N 146.
- Rao S. R.* Lothal and the Indus civilization. Bombay, 1973.
- Rathje W. L.* Socio-political implications of lowland Maya burials : Methodology and tentative hypotheses // *World Archaeology*. 1970. Vol. 1, N 3.
- Rathje W. L.* The origin and development of lowland classic Maya civilization // *AA*. 1971. Vol. 36.
- Redman Ch. L.* The rise of civilization. San Francisco, 1978.
- Reiched-Dolmatoff G.* Colombia. New York, 1965.
- Renfrew C.* Patterns of population growth in the prehistoric Aegean // *MSU*. 1970.
- Renfrew C.* The emergence of civilization : The Cyclades and the Aegean in the third millennium B. C. London, 1972.
- Renfrew C.* Approaches to social archaeology. Edinburgh, 1984.
- Rostovzeff M.* Sumerian treasure of Astrabad // *Journ. of Egyptian Archaeology*. 1919. Vol. 6, N 1.
- Rowe J. N.* Chavin art : An inquiry into its forms and meaning. New York, 1962.
- Sajaf F., Mohammed Ali M., Lloyd S.* Eridu. Baghdad, 1981.
- Sali S. A.* The Harappans of Daimabad // *HC*. 1982.
- Sali S. A.* Late Harappan settlement at Daimabad // *FIC*. 1984.
- Salonen A.* Zum Aufbau der Substrate im Sumerischen // *Studia Orientalia*. Helsinki, 1968. Vol. 37.
- Salvatori S., Vidal M.* A brief surface survey of the protohistoric site of Shahdad (Kerman, Iran) // *Rivista di Archaeologia*. 1982. Ann. 6.
- Sanders W. T., Parsons J. R., Santley R. S.* The Basin of Mexico : Ecological processes in the evolution of civilization. New York, 1979.
- Sankalia H. D.* The prehistory and protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974.
- Sarcina A.* The private house at Mohendjo-Daro // *SAA*. 1977. Naples, 1979. Vol. 1.
- Sarraf M. R.* Die Keramik von Tell-i-Iblis. Berlin, 1980.
- Schimada I.* Economy of prehistoric urban context : Commodity and labor flow at Moche V Pampa-Grande, Peru // *AA*. 1978. Vol. 43, N 4.
- Schmandt-Besserat D.* The earliest precursor of writing // *Sci. Amer*. 1978. Vol. 238, N 6.
- Shaffer J. G.* Prehistoric Baluchistan. New Delhi, 1978.
- Sharer R. J., Ashmore W.* Fundamentals of Archaeology. Menlo Park (Calif.), 1980.
- Sharma A. K.* The Harappan cemetery at Kalibangan : A study // *HC*. 1982.
- Sharma G. R.* Beginnings of agriculture : New light of transformation from hunting and food gathering to the domestication of plants and animals. India, a primary and nuclear centre // *Journ. of Central Asia*. 1983. Vol. 6, N 1.
- Singh G.* The Indus valley culture // *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1971. Vol. 6 (2).
- Schmidt E. F.* Tepe Hissar expeditions, 1931 // *Museum Journ*. 1933. Vol. 23.
- Schmidt E. F.* Excavations at tepe Hissar, Damyan. Philadelphia, 1937.
- Smith P. E. L.* Ganjdareh Tepe // *Iran*. 1968. Vol. 6.
- Smith P. E. L.* Ganjdareh Tepe // *Iran*. 1972. Vol. 10.
- Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1935. Vol. 1.
- Stronach D. B.* The development and diffusion of metal types in early Bronze Age in Anatolia // *Anatolian Studies*. 1957. Vol. 7.
- Stronach D. B.* Excavations at Ras Al'Amiya // *Iraq*. 1961. Vol. 23.
- Subbarao B.* Personality of India. Poona, 1958.
- Sumner W.* Excavations at Tell-i Malyan, 1971—1972 // *Iran*. 1974. Vol. 12.
- Sumner W.* Excavation at Tell-i Malyan (Anshan), 1974 // *Iran*. 1976. Vol. 14.
- Tello J. C.* Discovery of the Chavin culture in Peru // *AA*. 1943. Vol. 9.
- Thapar B. K.* Synthesis of the multiple data as obtained from Kalibangan // *RIA*. 1973.
- Thapar B. K.* Kalibangan : A Harappan metropolis beyond the Indus valley // *Expedition*. 1975. Vol. 17, N 2.
- Thapar B. K.* The Harappan civilization : Some reflections on its environments and resources and their exploitation // *HC*. 1982.
- Thapar B. K.* Six decades of the Indus studies // *FIC*. 1984.
- The neolithic village at Pan P'o, Sian. Peking, 1963.
- Thompson R. C., Mallowan M. E.* British Museum excavations at Nineveh, 1931—1932 // *Ann. of Archaeology and Anthropology*. Liverpool, 1933. Vol. 20.
- Thureau-Danfn F., Dunand M.* Til-Barsib. Paris, 1936.
- Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. 2.
- Tosi M.* Excavations of Shahr-i Sokhta : Preliminary report on the first campaign // *EW*. 1968. Vol. 18.
- Tosi M.* Excavations of Shahr-i Sokhta : Preliminary report on the second campaign 1968 // *EW*. 1969. Vol. 19, N 3—4.
- Tosi M.* (ed.) Prehistoric Sistan. Rome, 1983.
- Vanden Berghe L.* Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959.
- Vanden Berghe L.* La necropole de Khurvin. Leiden, 1964.
- Vaniček A.* Griechisch-latinisches etymologische Wörterbuch. Leipzig, 1877.
- Vats M. S.* Excavations at Harappa. New Delhi, 1940. Vol. 1—2.
- Vaux R. de.* Palestina in the early Bronze Age. Cambridge, 1966a.

- Vaux R. de.* Palestina during the neolithic and chalcolithic periods. Cambridge, 1966b.
- Vishnu-Mittre, Savithri R.* Food economy of the Harappans // HC. 1982.
- Voigt M.* Hajji Firuz Tepe, Iran : The neolithic settlement // Univ. Museum Monograph / Univ. of Pennsylvania. Philadelphia, 1983. Vol. 50.
- Wailly El-F., Abu al-Soof B.* The excavations at Tell-es-Sawwan : First preliminary report (1964) // Summer. 1965. Vol. 21.
- Ward W. A.* Egypt and the Eastern Mediterranean from predynastic times to the end of the Old Kingdom // Journ. of Economic and Social History of the Orient. 1963. Vol. 6, pt 1.
- Weaver M. P.* The Aztecs, Maya and their predecessors. New York; London, 1981.
- Webster D. L.* Warfare and the evolution of Maya civilization : The Origins of Maya civilization. Albuquerque, 1977.
- Weiner S.* Hypotheses regarding the development and chronology of the art of the Indus valley civilization // FIC. 1984.
- Weiss H.* Periodisation, population and early state formation in Khuzistan // Bibl. Mesopotamica. 1977. Vol. 7.
- Weiss H., Young T. C.* The merchants of Susa : Godin V and plateau-lowland relations in the late fourth millennium // Iran. 1975. Vol. 13.
- Willey G. R.* The Chavin problem : A review and critique // South-Western Journ. of Anthropology. 1951. Vol. 7, N 2.
- Willey G. R.* Introduction to American Archaeology. Vol. 2 : South America. New York, 1971.
- Willey G. R.* Towards an holistic view of ancient Maya civilization // Man. 1980. Vol. 15 (2).
- Wheeler R. E. M.* Early India and Pakistan to Asoka. London, 1959.
- Woolley L.* Ur excavations. Vol. 2 : The royal cemetery. London, 1934.
- Wulsin F. R.* Excavations at Tureng Tepe, near Asterabad // Suppl. to Bull. of Amer. Inst. for Persian Art and Archaeology. 1933. Vol. 2. March.
- Young T. C.* Comparative ceramic chronology for western Iran, 1500—500 B. C. // Iran. 1965. Vol. 3.
- Young T. C.* Early iron age Iran revisited : Preliminary suggestions for reanalysis of old constructs. De l'Indus aux Balkans // Recueil a la mémoire de Jean Deshayes. Paris, 1985.
- Ziegler C.* Die Keramik von Haggi Mohammed. Berlin, 1953.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ВФ — Вопросы философии. М.
 ДЦВ — Древние цивилизации Востока. Материалы II советско-американского симпозиума. Ташкент. 1986.
- ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
 КД — Каракумские древности. Ашхабад.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
 МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 НАА — Народы Азии и Африки.
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
 СЭ — Советская этнография. М.
- Тр. МКАЭН — Труды Международного конгресса антропологических и этнографических наук.
 Тр. ЮТАКЭ — Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
 АА — American Antiquity. Washington.
 АЖА — American Journal of Archaeology. Princeton.
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London University.
 COWA — Chronologies in Old World Archaeology. Chicago; London.
 EW — East and West. Rome.
 FIC — Frontiers of the Indus Civilization. New Delhi.
 HC — Harappan Civilization. New Delhi.
 IEJ — Israel Explorations Journal. Jerusalem.
 JAOS — Journal of American Oriental Society. New Haven.
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology. London.
 JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
 JRAS — Journal of Royal Asiatic Society. London.
 MDP — Mémoires de la Délégation en Perse. Paris.
 MSU — Man, Settlement and Urbanism. London.
 OIP — Oriental Institute Publications. Chicago.
 PEQ — Palestine Exploration Quarterly. London.
 RA — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Oriental. Paris.
 RIA — Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay.
 SAA — South Asian Archaeology.
 SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization. The Oriental Institute University of Chicago.
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Berlin.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
---------------------------	----------

Часть первая

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Глава 1. Понятие «цивилизация». Его определение и характерные признаки	5
---	----------

Представления о культурном прогрессе в античном мире. Введение термина «цивилизация» в европейскую науку XVIII—XIX вв. Цивилизация в системе Моргана—Энгельса. Понятие «цивилизация» в современной науке. Социально-экономические явления, ведущие к формированию цивилизации. Внешние признаки — письменность, города, монументальная архитектура.

Глава 2. Изучение культурного процесса по материалам археологии	13
--	-----------

Культура и культурология. Процедура анализа археологического материала и исторические реконструкции. Региональный, эпохальный и локальные типы культур. Понятие «археологическая культура». Типология и стереотипизация. Образ жизни и культуры жизнеобеспечения. Культурогенез как взаимодействие традиций и инноваций. Стимулированная и спонтанная трансформация. Культурный прогресс. Механизмы формирования инноваций.

Глава 3. Раннеземледельческая эпоха — истоки цивилизации	33
---	-----------

Предпосылки неолитической революции. Очаги раннеземледельческих культур на Ближнем Востоке. Культура Иерихона. Малоазиатский центр: Чейюню и Чатал-Хююк. Вопрос об агротаунах. Джармо и загросская культурная общность. Раннеземледельческие комплексы Северной Месопотамии. Джейтунская культура в Южном Туркменистане. Хозяйственная вариабельность в эпоху архаических земледельцев. Вопрос о раннем земледелии в долине Ганга и в Юго-Восточной Азии. Новый исторический тип культур и его культурные стандарты. Новый образ жизни и интеллектуальный прогресс.

Глава 4. Эпоха первых цивилизаций	54
--	-----------

Первые цивилизации, их дефиниции. Технологический способ производства первых цивилизаций. Демографические параметры. Организация крупномасштабного земледельческого труда. Развитие специализированных ремесел. Монументальная архитектура — трудовые затраты и идеологические функции. Социальная структура, развитие эксплуатации. Институализация власти и формирование государственного механизма. Вооруженное насилие как экономический и политический фактор. Идеологические инновации. Эпоха первых цивилизаций как начальная ступень классовой формации. Качественный сдвиг в сфере культуры и проблема первой культурной революции.

Часть вторая

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1. Древние культуры Месопотамии	68
--	-----------

Освоение территории первыми земледельцами. Поселение Али-Кош. Хассунская культура. Самаррские комплексы и Эс-Савван. Проблема дошумерского населения Месопотамии. Освоение Южного Двуречья: Эреду. Сложение халафской культуры, проблема ее происхождения. Комплексы Хаджи-Мухаммед. Технологический и культурный прогресс

в период Убейда. Развитие ирригации, формирование центров городского типа. Северный Убейд и убейдское влияние на Малую Азию и Сирию. Комплексы урукского типа и формирование основ шумерской цивилизации. Культурное и социальное развитие в пору Джемдет-Насра и в раннединастическом периоде.

Глава 2. Древние культуры Восточного Средиземноморья и Малой Азии 97

Комплексы сиро-килийского мезолита. Начало месопотамских влияний. Формирование городских поселений в Сирии и Ливане (Библ. Аллалах). Эбла — соединение местных традиций и культурных моделей Южного Двуречья. Замедленный характер развития раннеземледельческих культур Палестины. Бербеша и Гассул. Сложение укрепленных городских центров (Мегида, Лахиш). Раннеземледельческие комплексы Хаджилара. Множественность культурных традиций в эпоху развития ремесел. Троя I. Прогресс металлургии и металлообработки, развитие оружейного дела. Погребение знати в Дораке и Аладжа-Хююке. Торговая фактория Каниша.

Глава 3. Древние культуры Ирана 116

Освоение территорий раннеземледельческими общинами. Комплекс Сиалк I. Сиалк III и развитие специализированных производств. Тали-Бакун. Культурная и хозяйственная мезопотамия Хузистана, сложение основ протоэламской цивилизации. Проблема месопотамских влияний в древнем Эламе. Протоэламская цивилизация и общины Ирана. Формирование местных очагов цивилизации во внеэламской среде. Развитие оседлой культуры в Бахрейне и Омане. Гисар III и Шахри-Сохте как урбанизированные культуры. Упадок урбанизированных центров во внеэламском Иране. Новый виток развития западных районов в условиях воздействия государств Передней Азии. Распространение комплексов вооруженных всадников и некрополи знати (Марлик). Хасанлу как центр городского типа. Пульсирующий характер культурного развития внеэламского Ирана.

Глава 4. Древние культуры Средней Азии 142

Анауская культура. Освоение подгорной полосы и сложение культурных вариантов. Процесс спонтанной трансформации. Развитие производств и формирование крупных центров в период позднего энеолита (Кара-депе, Намазга-депе, Алтын-депе, Геоксюр). Ирано-месопотамские воздействия, анауские элементы в культуре оседлых общин Среднего Востока. Развитие ремесел и монументальной архитектуры и сложение цивилизации Алтын-депе. Функции раннегородского поселения и его социальная структура. Упадок традиционных центров и перемещение очагов интенсивного развития в Маргиану и Бактрию.

Глава 5. Древние культуры Индостана 177

Раннеземледельческая культура на севере Белуджистана (Мергар). Развитие производств, формирование локальных культурных комплексов (Кветта, Амри, Зхоб). Освоение долины Инда, становление протогородских комплексов (Кот-Диджи, Калибанган). Хараппская цивилизация и ее хронология. Типы поселений и их структура. Образ жизни. Земледелие и специализированные ремесла. Интеллектуальный потенциал, развитие художественной культуры и идеологических представлений. Культурные и торговые связи. Северный «торговый путь» и Шортугай. Социальная структура хараппского общества. Проблема происхождения хараппской цивилизации.

Глава 6. Древние культуры Китая 200

Проблема формирования древнекитайского очага раннеземледельческих культур. Комплексы типа Яншао и их локальные группировки. Новая экономика и новый образ жизни на примере поселения Ваньпо. Становление специализированных ремесел и комплексы типа Лушаня. Крупные центры и предпосылки формирования цивилизации. Городище Эрлитоу. Развитие металлургии и проблема внешних импульсов. Иньская цивилизация, ее характерные черты и социальная структура. Иньская культура как эталонная для урбанизированных комплексов. Ее воздействия на приморские (Суфутунь) и южные (Паньлун) области.

Глава 7. Древние культуры Перу и Мезоамерики 227

Земледельческо-рыболовецкое хозяйство в Эквадоре (Вальдивия). Культура Уака-Приета в Перу, комплексный характер экономики. Зарождение и развитие растениеводства в горных областях Анд в VII—III тыс. до н. э. Прогресс оседло-земледельческой экономики и формирование монументальной архитектуры (Гарагай, Пако-пампа). Комплексы Чавина как культурный эталон. Культурный и хозяйственный прогресс на побережье, формирование цивилизации мочика. Ее социальная структура и культурные традиции. Формирование раннеземледельческой культуры в Мезоамерике (Техуакан). Разнообразие путей становления производящей экономики. Формирование ольмекского комплекса как

базисного для мезоамериканских цивилизаций. Монументальная архитектура Ла Вента.
Происхождение и судьбы олмекской цивилизации.

Заключение	254
Общие закономерности формирования первых цивилизаций и сложность конкретно-исторического развития.	
Summary	256
Литература	259
Список сокращений	272

Вадим Михайлович Массон
ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Т. М. Гейдур,*
С. В. Добрянская и А. З. Лакомская

ИБ № 33362

Сдано в набор 15.07.88. Подписано к печати
9.03.89. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага книжно-
журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать
офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л. 22.75. Усл. кр.-
отт. 23.07. Уч.-изд. л. 26.76. Тираж 5300. Тип.
зак. 611. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

**В 1989 Г. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)
ВЫХОДЯТ КНИГИ:**

Третьяков В. П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. — 20 л.

Монография содержит анализ нового материала памятников с гребенчатой и накольчатой керамикой и материалов волосовской культуры. Рассмотрены вопросы классификации неолитических памятников, их хронологии, исследованы взаимные влияния разных групп населения междуречья Днепра и Волги того времени.

Андреев Ю. В. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. — 20 л.

В монографии исследуются основные этапы становления города в пределах островной зоны Эгеиды (III—II тыс. до н. э.). Разработана типологическая характеристика большой группы поселений этого региона. Показано своеобразие древнейших культур Эгейского мира, их отличие от более поздней греческой культуры.

История и культура ительменов : Историко-этнографические очерки. — 18 л.

Монография содержит новые данные по истории и культуре этого одного из коренных народов Северо-Востока Азии. Прослеживаются этногенез и этническая история, хозяйство, материальная культура, особенности традиционной духовной культуры ительменов; изменения в общественном строе в результате длительных исторических контактов с русским населением. Рассматривается уровень социально-экономического и культурного развития ительменов в современный период.

Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. — 20 л.

43-й выпуск сборника Музея антропологии и этнографии знакомит читателя с предметами традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа, связанными с различными аспектами жизни этих народов (род занятий, жилище, одежда, традиционные идеологические воззрения и обряды). Несколько статей посвящены истории формирования коллекций МАЭ по данным регионам. Публикуется каталог фондов музея по отделу Средней Азии и Казахстана.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — 18 л.

Сборник посвящен общетеоретическим и конкретно-научным вопросам изучения этнической специфики знаковых средств вербальной и невербальной коммуникации. Прослеживаются способы этнознаковой объективации материальных и духовных форм культурной деятельности различных этносов в разные исторические эпохи. Наряду с явлениями традиционной культуры авторы привлекают данные из сферы профессиональной культуры, в том числе и такие редко используемые в этнографии источники, как русская рукописная книга.

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117192 Москва, Мичуринский пр., 12. Магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7. Магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

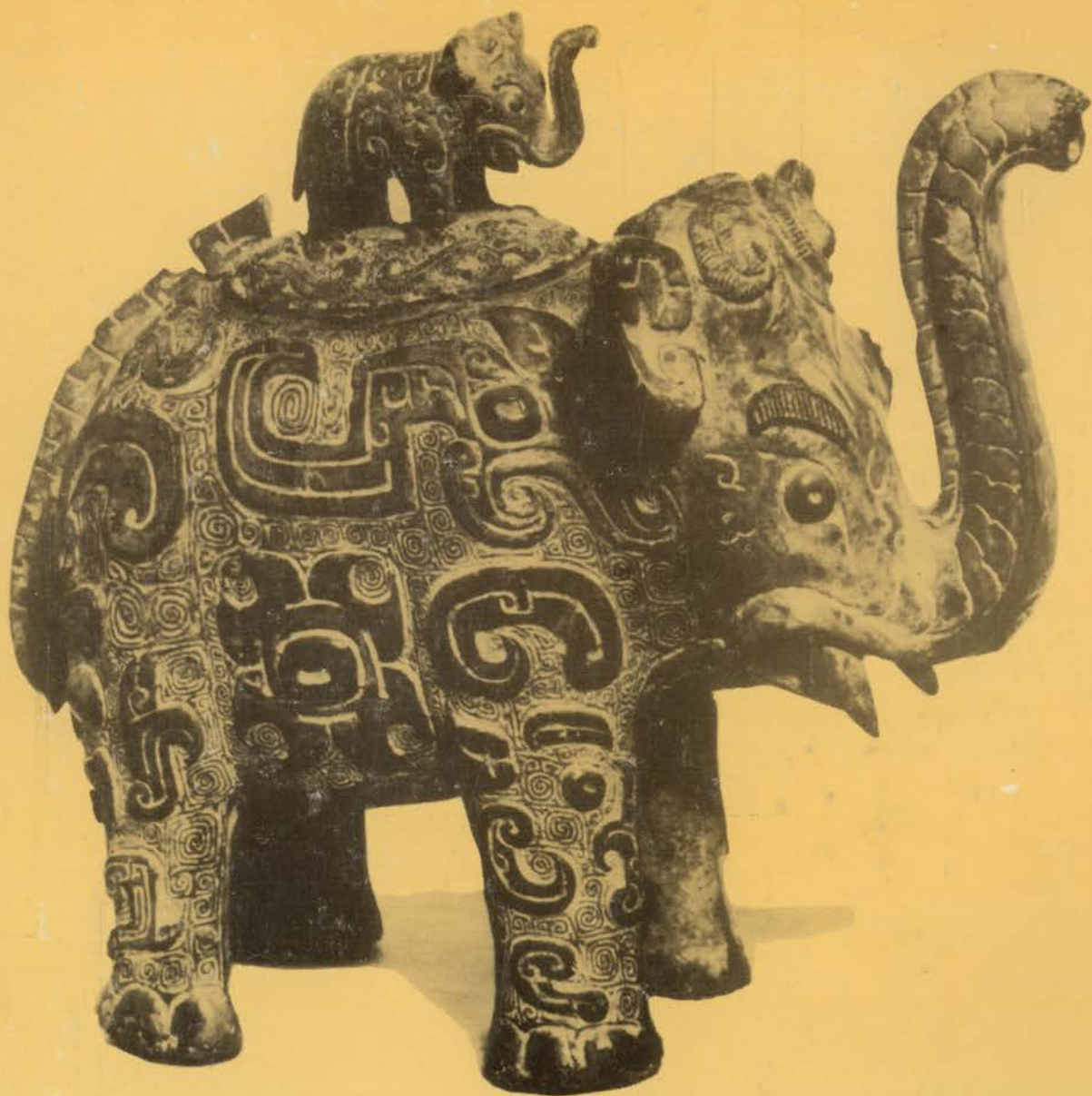
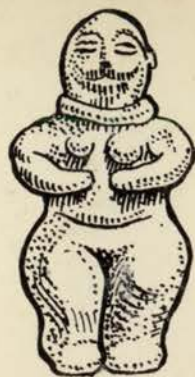
или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга—почтой»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга—почтой»);
370005 Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга—почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга—почтой»);
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга—почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга—почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга—почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга—почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга—почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга—почтой»);
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга—почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга—почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199034 Ленинград, Таможенный пер., 2;

194064 Ленинград, Тихорецкий пр., 4;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга—почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга—почтой»);
142284 Протвино, Московской обл. ул. Победы, 8;
142292 Пущино, Московской обл., МР «В», 1;
620161 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга—почтой»);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга—почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
634050 Томск, Академический пр., 5;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга—почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720000 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга—почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга—почтой»).

2 р. 40 к.

Монография посвящена древнейшим цивилизациям Старого Света и основана на результатах новых археологических исследований на Ближнем Востоке, в Средней Азии, Индии и Китае. Особое внимание уделено исходному пласту раннеземледельческих культур, на основе которого происходило развитие социокультурных комплексов цивилизаций.

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. М. Массон